ISSN 2500-0217

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 3 (53) 2018 Общественно-политический и научно-правовой журнал
Издается с 2005 года
Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Председатель:
Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)
Члены редакционного совета:
Арзамаскин Николай Николаевич – д.ю.н, профессор (ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет");
Балашенко Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);
Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);
Галиев Фарит Хатипович – д.ю.н. (директор НИИ ППГ, г. Уфа);
Еникеев Зуфар Иргалеевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);
Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (АНОВО «Международный университет в Москве», г. Москва);
Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Université de Perpignan, Франция);
Липинский Дмитрий Анатольевич – д.ю.н., профессор (Тольяттинский государственный университет);
Макарова Тамара Ивановна – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);
Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Петров Александр Васильевич – д.ю.н., профессор (ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет);
Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Сальников Виктор Петрович – д.ю.н., профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);
Саттарова Нурия Альвановна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Семитко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);
Тарасов Александр Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);
Тужилова-Орданская Елена Марковна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Эксархопуло Алексей Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор:
Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент
Члены редакционной коллегии:
Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;
Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;
Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент

УЧРЕДИТЕЛИ
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;
Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства»

*Выпускающий редактор – **А.Ф. Файзуллина***
*Редактор англоязычных текстов – **З.А. Юсупова***
*Редактор электронной версии – **З.Р. Гиниятова***

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131 – 319

№ 3 (53) 2018

ISSN 2500-0217

THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 3 (53) 2018 Socio-Political and Academic Law Journal
Since 2005

The Journal is published quarterly [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL
Chairperson:
Ilona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)
Editorial Council Members:
Nikolai N. Arzamaskin –Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);
Sergey A. Balashenko – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);
Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);
Farit Kh. Galiev – Doctor of Law (Director of the Rule-of-Law State Research Institute, Ufa);
Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);
Sergei A. Komarov – Doctor of Law, Professor (Moscow International University, Moscow);
Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);
Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor, (Togliatti State University);
Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);
Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Alexander V. Petrov – Doctor of Law, Professor (South Ural State University);
Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Victor P. Salnikov –Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal "Legal Science: History and Modernity", St. Petersburg);
Nuriya A. Sattarova – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);
Alexander A. Tarasov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);
Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Alexey A. Eksarkhopulo – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief:
Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor
Editorial Board Members:
Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;
Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor
Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

FOUNDERS
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»;
Institution «Research Institute of the Rule-of-Law State»

*Executive Editor – **A.F. Faizullina***
*Translation Reviewer – **Z.A. Yusupova***
*On-line Editor – **Z.R. Giniyatova***

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131 – 319

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Авдеев Д.А.	Демократия и выборы в Российской Федерации: некоторые итоги первой четверти постсоветского периода	7
Азнагулова Г.М.	Идея полезности как государственно-правовой идеал английского либерализма XVIII века	12
Ванюшова Я.В.	Рабство сегодня: голос прошлого или реальная угроза?	17
Галикеева И.Г.	Социально-правовой статус институтов гражданского общества	21
Елизаров М.В.	О роли пространственно-территориального фактора в жизни общества и функционировании государства	27
Еникеев Р.Н.	К проблеме возникновения легитимного государства	34
Жунусканов Т.Ж.	Об институте источников права: современное состояние или российско-казахстанская действительность	40
Исмагилов И.Р.	Кризис правовой науки XVIII в. И его разрешение в классическом немецком идеализме	49
Ларинбаева И.И. ***Тулупова Е.О.***	О праве на квалифицированную юридическую помощь в правовом государстве	58
Мустафина Л.С.	Правовое государство – важнейший институт современного общества	64
Орлова А.А. ***Рожкова И.Ю.***	К вопросу об определении круга субъектов законности	68
Полищук Н.И.	Аксиологическая сущность принципа правовой определенности	72
Прокофьев К.Г.	Дедукция норм права и морали в учениях И. Канта и И.Г. Фихте и ее значение для отечественной теоретической правовой науки	81
Сальников В.П. ***Романовская В.Б.*** ***Щепоткина-Маринина Т.В.***	Правовая концепция Юргена Хабермаса	86

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Артамонова Н.В.	Правовая культура избирателей как базовая конституционно-правовая ценность	92

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Жемалетдинов Р.М.	О некоторых проблемах реализации гражданами своих прав в суде и органах принудительного исполнения	97
Мурзабулатов У.М.	Актуальные проблемы, связанные с повышением эффективности исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской Федерации	101
Сайфутдинова В.М.	Защита объектов интеллектуальной собственности	105
Семенова Е.Ю.	Создание юридических клиник в средне профессиональных образовательных учреждениях	108

Трофимова М.С. Пути совершенствования производства по делам о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния в гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации 113

Хайрльварина Л.И. Национальный механизм защиты прав личности на жилище 119

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Александрова Е.А. Криминологическая характеристика осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет 124

Ахмадуллин А.С. Концепция уголовно-правовой политики как условие эффективной защиты прав личности, общества и государства от преступлений 128

Гришин Д.А. Проблемы и пути совершенствования деятельности сотрудников ФСИН России по установлению административного надзора за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы 133

Кузнецова А.Н. Характеристика и особенности толкования признаков объективной стороны посредничества во взяточничестве (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ) 140

Хорошко И.В. Исторический аспект эволюции морали и нравственности в качестве основания содержания норм уголовно-исполнительного права 144

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Полстовалов О.В. «Экологическая криминалистика» как прикладной проект в уголовном судопроизводстве и в различных сферах правоприменения 148

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Нагайцев К.Д. Использование технологии блокчейн и цифровых токенов при совершении преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и сборов 155

Усманова Р.М. «Особые зоны» как механизмы социально-экономического развития субъектов РФ 159

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Липинский Д.А. О конструкциях санкций эколого-правовой ответственности 165

Мустафин И.Р. Имплементация норм международного права об охране окружающей природной среды в систему российского права 172

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Алиева Г.В. Пределы полномочий международных правозащитных органов по охране нематериального культурного наследия 177

Мазитов А.И. Жизнь и труды И.К. Блюнчли 188

Ямалетдинова Н.В. Преступность в Италии: особенности, формы проявления 192

К АВТОРАМ 197

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE.
HISTORY OF THE DOCTRINES OF LAW AND STATE

Avdeev D.A.	Democracy and Elections in the Russian Federation: Some Results of the First Quarter of the Post-Soviet Period	7
Aznagulova G.M.	The Idea of Utility as a State Law Ideal of the English Liberalism of the XVIII Century	12
Vanyushova Y.V.	Slavery Today: the Voice of the Past or a Real Threat?	17
Galikeeva I.G.	On the Issue of the Status of Civil Society Institutions	21
Yelizarov M.V.	On the Role of the Spatial-Territorial Factor in the Life of Society and State Functioning	27
Enikeev R.N.	To the Problem of the Emergency of a Legitimate State	34
Zhunuskanov T.Z.	On the Institute of Sources of Law: Current Status or the Russian-Kazakh Reality	40
Ismagilov I.R.	The Crisis of the Legal Science of the XVIII century and Its Resolution in the Classical German Idealism	49
Larinbaeva I.I. ***Tulupova E.O.***	On the Right to Qualified Legal Assistance in the Rule-of- Law State	58
Mustafina L.S.	The Rule-of-Law State is the Most Important Institute of Modern Society	64
Orlova A.A. ***Rozhkova I.Y.***	To the Issue of Determining the Range of Subjects of Legality	68
Polishchuk N.I.	Axiological Essence of the Principle of Legal Certainty	72
Prokofyev K.G.	Deduction of the Norms of Law and Morality in the Teachings of I. Kant and J.G. Fichte and its Value for National Theoretical Legal Studies	81
Salnikov V.P. ***Romanovskaya V.B.*** ***Shchepotkina-Marinina T.V.***	The Legal Conception of Jurgen Habermas	86

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW. CONSTITUTIONAL PROCEDURE. ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES. INFORMATION LAW

Artamonova N.V.	Legal Culture of Voters as a Basic Constitutional Legal Value	92

CIVIL AND FAMILY LAW. BUSINESS AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW. CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

Zhemaletdinov R.M.	On Some Problems of Citizens' Exercise of their Rights in Courts and Enforcement Agencies	97
Murzabulatov U. M.	Actual Issues of Improving the Effective Implementation of Judgments in Civil Cases in the Russian Federation	101
Sayfutdinova V.M.	Protection of Intellectual Property	105
Semenova Y.Y.	The Creation of Legal Clinics in Secondary Vocational Educational Institutions	108
Trofimova M. S.	Ways to Improve Proceedings on the Cases over Introducing Corrections or Changes in Civil Registration in the Civil Procedure Code of the Russian Federation	113

Khairlvarina L.I.	National Mechanism for Protecting Individual Rights to Housing	119

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW. CRIMINAL PROCEDURE

Aleksandrova E.A.	Criminological Characteristics of Convicted Pregnant Women and Women with Children under the Age of Three	124
Akhmadullin A.S.	The Concept of Criminal Law Policy as a Condition of Effective Protection of the Rights of the Individual, Society and State against Crimes	128
Grishin D.A.	Problems and Ways of Improving Activities of Servants of the Federal Penitentiary Service of Russia on Establishing Administrative Supervision over Persons Released from Prisons	133
Kuznetsova A.N.	The Characteristic and Features of Interpreting the Signs of Actus Reus of Bribery Mediation (p.1 of Art. 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)	140
Khoroshko I.V	The Historical Aspect of the Evolution of Morality and Ethics as the content of the Norms of Penal Law	144

FORENSICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIVE SEARCH ACTIVITY

Polstovalov O.V.	"Environmental Forensics" as an Applied Project in Criminal Proceedings and in Different Spheres of Law Enforcement	148

FINANCIAL AND BUDGETARY LAW. BANKING AND MONETARY LAW. TAX LAW

Nagaitsev K.	Use of Blockchain Technology and Digital Tokens in Committing Crimes Related to Fiscal Evasion	155
Usmanova R.M.	"Special Zones" as Mechanisms of Socio-Economic Development of the Constituent Entities of the Russian Federation	159

ENVIRONMENTAL LAW

Lipinsky D.A	On the Frameworks of Environmental Law Responsibility Sanctions	165
Mustafin I.R.	Implementation of the Norms of International Environmental Law in the System of Russian Law	172

INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY. INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW

Aliyeva G.V.	Limits of Authorities of International Human Rights Bodies for the Protection of the Intangible Cultural Heritage	177
Mazitov A.I.	Life and works of J.K. Bluntschli	188
Yamaletdinova N.V.	Crime in Italy: Features, Forms of Manifestation	192

TO THE AUTHORS 197

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1+34(091)

ДЕМОКРАТИЯ И ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

АВДЕЕВ Дмитрий Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия.
E-mail: ronner@mail.ru

Опыт проведения избирательных кампаний как федерального, так и регионального уровней в Российской Федерации за последние четверть века выявил различного рода недостатки избирательного процесса и несовершенство избирательного законодательства, обусловленные поиском наиболее оптимальных вариантов решений тех или иных проблем. Одной причин стагнации избирательного законодательства, по мнению автора, является отсутствие в Конституции Российской Федерации положений, устанавливающих принципы формирования органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, основы избирательной системы и порядка их образования. Также не последнюю роль в развитии демократических институтов и самой демократии в стране играет низкий уровень конституционного правосознания граждан, который проявляется в ставшем уже обыденным абсентеизме, о чем свидетельствуют статистические данные. Необходимо провести окончательную научно-юридическую ревизию законодательства о выборах, закрепить принципы и виды избирательных систем, применяемых при избрании как федеральных, так и региональных (субъектных) органов государственной власти на конституционном уровне, если мы действительном хотим соответствовать конституционной характеристике Российской Федерации как демократического правового государства.

Ключевые слова: конституция, демократия, выборы, избиратели, органы власти, конституционное правосознание, избирательное законодательство, абсентеизм, Российская Федерация.

DEMOCRACY AND ELECTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: SOME RESULTS OF THE FIRST QUARTER OF THE POST-SOVIET PERIOD

AVDEEV Dmitry Aleksandrovich
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Institute of State and Law of the Tyumen State University, Tyumen, Russia.
E-mail: ronner@mail.ru

The experience of conducting election campaigns at both federal and regional levels in the Russian Federation during the last quarter of this century has revealed various shortcomings in the electoral process, and the imperfection of the electoral legislation, due to the search for the most optimal solutions to certain problems. According to the author, one of the main reasons for the stagnation of the electoral legislation is the fact that in the Constitution of the Russian Federation there are no provisions establishing the principles for forming public authorities of the Russian Federation and its subjects, no basis of the electoral system, no order of their formation. In addition, another important factor in developing democratic institutions and democracy itself in the country is the low level of constitutional legal consciousness of citizens, which manifests in the already common absenteeism, as evidenced by statistical data. The author concludes that it is necessary to conduct a final scientific and legal revision of the electoral legislation, to consolidate the principles and types of the electoral systems used in elections of both federal and regional (subjective) state authorities at the constitutional level if we really want to comply with the constitutional description of the Russian Federation as a democratic rule-of-law state.

Key words: constitution, democracy, elections, voters, authorities, constitutional legal consciousness, electoral legislation, absenteeism, Russian Federation.

Отечественная практика выборов, после принятия Конституции в 1993 году, по сравнению с опытом зарубежных стран, в которых сложились демократические традиции избирательного законодательства, невелика. Однако накопленный эмпирический материал стал благодатной почвой для научных изысканий и поиска решения практических задач и, считаем, что это достаточный срок для подведения итогов и аналитических выводов. С момента принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации проводились различного рода эксперименты с избирательной системой, вводились те или иные избирательные инновации, повышался с последующим снижением заградительный барьер, отменен порог явки избирателей и графы «против всех» и т.д. Подобные попытки позволяют говорить о кратковременной эффективности примененных законодательных новелл, принятие которых было обусловлено не столько необходимостью ликвидации правовых пробелов в регулировании избирательных отношений, сколько политическими мотивами.

Известно, что Конституция Российской Федерации отличается юридической скупостью норм, которые регламентируют вопросы избирательного права и процесса, закрепляя лишь права граждан избирать и быть избранным, принципы избрания Президента Российской Федерации и норму о том, что порядок формирования Совета Федерации и выборов депутатов Госдумы устанавливаются федеральными законами. Отсутствие в Конституции норм, которые, по сути, должны выступать юридическим каркасом отечественной избирательной системы сказывается на качестве и развитии законодательства о выборах. В Конституции не указывается вид избирательной системы, в соответствии с которой должна осуществляться процедура избрания депутатского корпуса, ничего не говорится о принципах формирования (образования) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. По сути, правила игры по формированию (образованию) региональных органов власти задает федеральный законодатель, что свидетельствует о его тотальном юридическом доминировании. Подобные правовые нормы позволяют говорить о степени участия народа в процессе образования органов публичной и характеризовать уровень развития демократии в Российской Федерации. Ведь, недаром в ст. 1 Конституции Российской Федерации 1993 года на первое место выводится характеристика государства как демократического.

В юридической литературе встречаются различные подходы к трактовке данного понятия, что в свою очередь, порождает определенную неясность в выявлении его сущности. Так, например, демократия стала рассматриваться как форма государственного устройства, основанная на признании таких принципов, как верховенство конституции и законов, народовластие и политический плюрализм, свобода и равенство граждан, неотчуждаемость прав человека [3]. Е.В. Ереклинцева под демократией предлагает понимать совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов, которая обеспечивает активное участие народа в решении вопросов, касающихся всех аспектов его жизни [5, с. 14]. По мнению Т.Е. Грязновой демократия как форма политического развития и реальная политико-правовая ценность, свойственная как России, так и большинству западноевропейских стран, продолжает оставаться идеалом устремлений человечества [4, с. 72]. В.В. Пылин считает, что демократия это «процесс управления, формы, механизмы, процедуры, стиль деятельности, суть и содержание которых должны быть пронизаны признанием, соблюдением и защитой прав и свобод человека и гражданина, признанием принципов социальной справедливости, подчинения меньшинства большинству, защиты прав меньшинства, эффективного соотношения публичных, общественных и частных интересов» [11, с. 16].

Демократию характеризуют также такие признаки как конкуренция элит (социально-позитивных и активных групп людей), эффективное культивирование общепринятых гуманитарных ценностей, наличие развитого и влиятельного сообщества негосударственных объединений, реализующих партикулярные интересы своих участников [9, с. 9]. Современные представления о демократии сводятся к тому, что она представляет собой политико-правовую категорию, которая интегрирует признаки правового государства и характеризует стиль публичного управления открытостью и реальной возможностью воздействия на него со стороны народа. Общим для всех подходов является то, что источником власти признается народ, осуществля-

ющий свою власть непосредственно (прямая демократия) и опосредованно (представительная демократия). В настоящее время мы переживаем период перехода к так называемому открытому обществу, к открытой политической системе, что по справедливому замечанию А.А. Ионовой, предполагает преобразования на двух уровнях – институциональном, когда происходит формирование демократических институтов и учреждение демократических процедур, и на ментальном – когда затрагивается ценностно-культурная составляющая массового политического сознания [6, с. 157-158]. Именно в этот период «особое значение приобретает правосознание, так как старые правовые институты преобразуются, меняется правовая идеология, а ценности широких социальных слоев, сформировавшиеся в условиях действий прежней правовой системы, сохраняют инертность и не подлежат быстрому изменению» [8, с. 319]. А.Н. Медушевский верно замечает, что, учитывая логику развития российской политической системы, важно отказаться от линейной концепции перехода к демократии, принять во внимание возможность срывов демократического процесса, реставрационных тенденций и консолидации власти в авторитарных реформах – номинального и мнимого конституционализма [10, с. 43]. Формальное закрепление принципов демократии в Конституции РФ должно быть подкреплено соответствующим содержанием текущего российского законодательства, отражающим ориентиры граждан на реальную возможность участия в реализации своих конституционных прав. Привлечение к ответственности как напрямую, так и опосредовано своих представителей за выполнение последними своих конституционно-правовых обязательств [5, с. 19].

Таким образом, для установления демократического стиля управления, претворения идей демократизма, в Российской Федерации с пока еще недостаточно развитой системой политической партийной борьбы, необходима как дальнейшая модернизация законодательства, так и смена общественно-ментального понимания новых изменений в организации государственного устройства. И здесь важную роль играет легитимность образования органов публичной власти и конституционность их функционирования. Безусловно, что положения законодательства теряют всякий смысл и значение, если они не подкреплены в действительности «народной волей», которая придает не только легальный характер деятельности образованных органов власти и управления, но и самое главное, имеет свойство легитимности осуществления властных полномочий. При этом образование органов публичной власти осуществляется на основе доверия большинства избирателей. Народовластие является конституирующим началом в деятельности органов публичной власти различного уровня.

Принимая конституцию, политическая элита стремится юридически закрепить сложившуюся в государстве организацию публичной власти, основываясь, прежде всего, на легитимности своей деятельности. Как показывает опыт, расхождение между юридическим провозглашением принципа народовластия и действительностью подрывает авторитет Конституции, а это, в свою очередь, может означать фиктивный характер органов народного представительства и, как следствие, утрату доверия народного большинства и самоустранение граждан от участия в делах государства, что может проявляться в абсентеизме и игнорировании (неиспользовании) каких-либо форм демократии [1, с. 106-107]. По верному замечанию А.А. Керимова, «в качестве основного индикатора делегитимизации политической власти выступает уровень политического протеста населения, который выражается в виде абсентеизма, за которым может последовать активная его фаза, направленная на свержение существующей власти с последующим распадом политического режима» [7, с. 88]. Об этом свидетельствуют результаты прошедших в 2016 году выборов в Государственную Думу. По словам Н.А. Боброва, «призрачная либерализация обернулась разгромом оппозиции, поскольку была не чем иным, как ловкой электоральной ловушкой, в которой утонуло 22 млн голосов избирателей, доставшихся в итоге "Единой России" и, в меньшей степени, партиям системной оппозиции. Как это ни парадоксально, разгром оппозиции на парламентских выборах-2016 осуществлен ею же самой: оппозиционные партии рвали голоса друг у друга» [2, с. 47].

Таким образом, образование органов публичной власти народом и, соответственно, их ответственность перед ним, является ключевым элементом в механизме непосредственной демократии. Отсюда следует, что необходимо провести окончательную научно-юридическую

ревизию законодательства о выборах. Во избежание различного рода манипуляций с процедурами избирательного процесса, считаем необходимым на конституционном уровне закрепить принципы образования как федеральных, так и региональных органов государственной власти, виды избирательных систем, применяемых при выборах того или иного органа государственной власти или же должностного лица. При этом, по нашему убеждению, способы, используемые для образования органов публичной власти различного уровня, не играют существенной роли, и уровень развития демократии уже перестал быть показателем прогрессивности общества, по сравнению с той ролью, которая ему отводилась прежде. Считаем, что в современном государстве, характеризующимся высокоразвитым и цивилизованным, акценты должны быть смещены не на способ, а на эффективность деятельности образуемого органа. Граждане в большей степени заинтересованы в продуктивной деятельности органа власти, нежели каким образом происходит его образование. Однако это не означает, что от участия избирателей в формировании тех или иных органов публичной власти следует отказаться в пользу процедуры назначения или наделения полномочиями. Хотя, безусловно, при тех или иных политико-правовых обстоятельствах и условиях, а также на определенном этапе исторического развития государства способ образования органа власти имеет свое значение.

Сочетание различных способов образования органов публичной власти будет иметь не менее желаемый эффект. В этой связи оптимальное такое их сочетание будет являться залогом успеха и общественно-государственного компромисса между представителями власти и народной воли (воли избирателей) в процессе управления делами государства. Нельзя не согласиться с Ф.М. Раяновым, полагающим, что нам «нужно больше думать о том, какое государство мы хотим формировать (демократическое или автократическое), а не о том, федеративным оно будет или унитарным. Необходимо сформировать демократическое государство, подконтрольное народной воле, институтам гражданского общества, и тогда проблема федеративного государства перестанет быть актуальной» [12, с. 118]. Соответственно, никакие принципы организации государства не будут иметь значения в случае отсутствия в государстве реальной возможности избирателей участвовать в процессе управления государством как непосредственно, так и опосредованно.

Поэтому, процесс образования органов публичной власти имеет немаловажное значение для реализации избирателями своих политических прав и свобод и выражения их политической воли посредством конституционно-правовых институтов, являющихся элементами демократической основы государственного управления, которая позволяет избирателям придавать легитимность деятельности органам публичной власти целью которых является эффективность регулирования социальных процессов. Процесс образования органов публичной власти должен быть воспринят самим обществом, соответствовать уровню его правовой культуры. Безусловно, нормы, регламентирующие этот процесс должны содержать элементы прогрессивного развития, а это будет способствовать повышению качества самого законодательства и формированию правового поведение граждан как участников в управлении делами государства. Таким образом, демократичность государства, во-первых, не может определяться лишь только через институт выборов, а, во-вторых, чтобы выборы представляли собой определенного рода ценность, они должны быть таковыми в обществе.

Библиографические ссылки

1. Авдеев Д.А. Легитимность публичной власти в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 3.
2. Боброва Н.А. Конституционное право как инструмент управления будущим, или тоги выборов-2016 // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1.
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2001.
4. Грязнова Т.Е. Концепция демократического конституционного типа государства в российской либеральной юридической науке конца XIX-начала XX вв. // Государство и право. 2011. № 2.
5. Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.

6. Ионова А.А. Проблемы формирования открытой политической системы в современной России: институциональный аспект // Право и политика. 2011. № 2. С. 157-158.
7. Керимов А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 1 (Том 137).
8. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). Москва–Новосибирск : ООО «Издательство ЮКЭА», 2001.
9. Мамут Л.С. Современная Российская государственность и культура демократии // Государство и право. 2009. № 1.
10. Медушевский, А.Н. Теория правового государства и стратегия модернизации России // Законодательство. 2010. № 6.
11. Пылин В.В. Готовы ли россияне осуществлять свою жизнедеятельность на современных принципах демократии? // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3.
12. Раянов Ф.М. Развитие современных представлений о сущности федеративного государства // Российский юридический журнал. 1999. №1. С. 110-118.

References

1. Avdeev D.A. Legitimnost' publichnoi vlasti v Rossii (Legitimacy of public authority in Russia), *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 2017, T. 3, No. 3.
2. Bobrova N.A. Konstitutsionnoe pravo kak instrument upravleniya budushchim, ili itogi vyborov-2016 (Constitutional law as a tool for managing the future, or election results-2016). *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, No. 1.
3. Bol'shoi yuridicheskii slovar'(Large legal dictionary), pod red. A.Ya. Sukhareva, V.E. Krutskikh. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, INFRA-M, 2001.
4. Gryaznova T.E. Kontseptsiya demokraticheskogo konstitutsionnogo tipa gosudarstva v rossiiskoi liberal'noi yuridicheskoi nauke kontsa XIX-nachala XX vv. (The concept of a democratic constitutional type of state in the Russian liberal legal science of the late 19th and early 20th centuries), *Gosudarstvo i pravo*, 2011, No. 2.
5. Ereklintseva E.V. Suverenitet i demokratiya kak konstitutsionnye tsennosti sovremennoi Rossii (Sovereignty and Democracy as Constitutional Values of Modern Russia), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2010.
6. Ionova A.A. Problemy formirovaniya otkrytoi politicheskoi sistemy v sovremennoi Rossii: institutsional'nyi aspekt (The problems of forming an open political system in modern Russia: institutional aspect), *Pravo i politika*, 2011, No. 2, pp. 157-158.
7. Kerimov A.A. Legitimnost' politicheskoi vlasti: problemy definitsii i osnovnye teoreticheskie modeli (Legitimacy of political power: the problems of its definition and the main theoretical models), *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 2015, No. 1 (Tom 137).
8. Kravets I.A. Formirovanie rossiiskogo konstitutsionalizma (problemy teorii i praktiki) (Formation of Russian constitutionalism (problems of theory and practice). Moscow–Novosibirsk, OOO «Izdatel'stvo YuKEA», 2001.
9. Mamut L.S. Sovremennaya Rossiiskaya gosudarstvennost' i kul'tura demokratii (Modern Russian statehood and culture of democracy), *Gosudarstvo i pravo*. 2009. No. 1.
10. Medushevskii, A.N. Teoriya pravovogo gosudarstva i strategiya modernizatsii Rossii (Theory of the rule-of-law state and the strategy of modernization of Russia), *Zakonodatel'stvo*, 2010, No. 6.
11. Pylin V.V. Gotovy li rossiyane osushchestvlyat' svoyu zhiznedeyatel'nost' na sovre-mennykh printsipakh demokratii? (Are Russians ready to carry out their vital activity on the modern principles of democracy?), *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2011, No. 3.
12. Rayanov F.M. Razvitie sovremennykh predstavlenii o sushchnosti federativnogo gos-udarstva (Development of modern ideas on the essence of a federated state), *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 1999, No. 1, pp. 110-118.

Дата поступления: 22.07.2018 *Received: 22.07.2018*

УДК 340.1+34(091)

ИДЕЯ ПОЛЕЗНОСТИ КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ АНГЛИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА XVIII ВЕКА

THE IDEA OF UTILITY AS A STATE LAW IDEAL OF THE ENGLISH LIBERALISM OF THE XVIII CENTURY

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухаметовна
доктор юридических наук, доцент, первый заместитель директора Института права, заведующая кафедрой теории государства и права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: agm09@mail.ru

AZNAGULOVA Guzel Mukhametovna
Doctor of Law, Associate Professor, Principal Deputy Director of the Institute of Law, Head of the Chair of Theory and History of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: agm09@mail.ru

Политико-правовые и нравственные идеи Ф. Бэкона, Т. Гоббса и мыслителей французского Просвещения в условиях окрепших капиталистических отношений в Англии XVIII века, подкрепленные экономическим либерализмом А. Смита, породили утилитарное учение И. Бентама во всей сфере общественных явлений, в политике и праве, трактующего тогда идею полезности в качестве государственно-правового идеала. Является несостоятельным с точки зрения моральных позиций и нравственного состояния современного общества принцип Бентама о «счастье для наибольшего числа людей», вопреки получившим уже в Просвещении гуманистических идей справедливости и равенства. В сложной системе многообразных человеческих отношений, принятый Бентамом механистический подход к общественным явлениям общего характера не может быть состоятельным. Детальное обоснование этого утверждения следует искать в методологических принципах функционирования сложных систем.

The political, legal and moral ideas of F. Bacon, T. Hobbes and the thinkers of the French Enlightenment in the conditions of resurgent capitalist relations in England of the XVIII century, supported by A. Smith's economic liberalism, generated I. Bentham's utilitarian doctrine in all sphere of social phenomena, in policy and law treating then the idea of utility as a state law ideal. The Bentham principle of "happiness for the greatest number of people" is insolvent from the point of view of moral positions and moral state of modern society, despite humanistic ideas of justice and equality recognized already in the Enlightenment. It is proved that in a complex system of diverse human relations, Bentham's mechanistic approach to social phenomena of general nature cannot be consistent. Detailed justification of this statement should be sought in methodological principles of functioning of complex systems.

Ключевые слова: юриспруденция, философия права, политико-правовая мысль, право, законодательство, государство, утилитаризм, правовой интерес, польза, счастье.

Key words: jurisprudence, philosophy of law, political and legal thought, law, legislation, state, utilitarianism, legal interest, benefit, happiness.

XVIII век в судьбах народов Европы ознаменовался как эпоха Просвещения и гуманизма и воплотил в себе французскую политическую революцию, немецкую философскую революцию и английский социальный переворот. Рационалистические идеи французских мыслителей о правах человека, гражданском обществе и преобразовании политической системы на основе принципов свободы, равенства, гуманизма и социальной справедливости оказали существенное влияние на развитие политических и правовых воззрений. Особое влияние взглядов Монтескье, Гельвеция и Гольбаха испытал Иеремия Бентам (1748-1832 гг.) – один из главных теоретиков права эпохи Просвещения. И. Бентам и последователи его утилитаристского уче-

ния, основывали свои взгляды в условиях, когда Англия уже стала ведущей капиталистической державой. Если в теории английского экономического либерализма центральное место принадлежит учению Адама Смита (1723-1799 гг.) и Давида Риккардо – основоположников английской классической политэкономии [1, с. 33][1], выдвинувших, в частности, концепцию «экономического человека», поступки которого в условиях рыночных отношений определяются его личными и корыстными интересами, то в политическом либерализме здесь – Иеремия Бентам. Они сводили интересы общества к совокупности частных интересов людей [2, с. 343][2].

Творческое наследие И. Бентама охватывает широкий круг проблем правовой науки: теории права, отраслей частного права, международного права, объединенные в целостную философско-правовую концепцию на основе так называемого «принципа пользы», изложенного, в основном, в его трудах «Введение в основание нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса». (1789 г. СПб – 1867 г.); «Деонтология, или Наука о морали» (1834 г.). Самое прямое откровенное свойство человеческой природы и общий закон этой природы, управляющий всей человеческой деятельностью, Бентам видит в стремлении человека к самосохранению, личной пользе, наслаждению и личному счастью; эта деятельность совершается под влиянием двух начал: чувства удовольствия и чувства страдания. Он пишет: «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять и указывать, что мы должны делать» [3, с. 1].

Принцип, лежащий в основании этого «верховного властителя», управляющего действиями людей и правительств, Бентам назвал принципом пользы, который впоследствии им был трансформирован в принцип величайшего возможного счастья и благоденствия или альтернативно – принцип наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Под этим принципом Бентам понимал то общее начало, которое одобряет или осуждает «какое-бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно … стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересах которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, – содействовать или препятствовать этому счастью» [3, с. 2]. Говоря «какое бы то ни было действие», он подразумевает, что этот принцип руководит как действиями индивида, так и жизнью целого общества, является основанием и критерием нравственности, права и политики, охватывает также всю совокупность общественных явлений. Термин «польза» по Бентаму есть то свойство предмета, благодаря которому он представляет благо, имеет стремление приносить удовольствие, выгоду и счастье, или предупреждать страдания и несчастье стороны, об интересах которой идет речь. Под «стороной» подразумевается как отдельный человек, так и целое общество. Счастье же не есть недостижимая цель, а благо, доступное всем тем, кто своим разумным старанием стремиться достичь того, что подсказывает ему природа.

Реальными, по Бентаму, являются лишь частные интересы, а общественные интересы сводятся к совокупности личных интересов. «Напрасно толковать об интересе общества, – писал он, – не понимая, что такое интерес отдельного лица» [3, с. 3]. Интерес общества есть «сумма интересов отдельных членов, составляющих его» [3, с. 3]. Поэтому на этой почве делается заключение о том, что счастье отдельного лица содействует счастью других, увеличивая общее счастье. Через термин «счастье» трактуются и нравственные категории. Истинная добродетель состоит, – считает он, – во-первых, в личном благоразумии – стремлении к личному счастью; во-вторых, – в деятельном благожелании – содействии счастью других. Личное благоразумие предполагает способность человека отдавать предпочтение большому, но отдаленному удовольствию перед ближайшим, но меньшим удовольствием. Деятельное благожелание – это умение жертвовать личными интересами ради более важных интересов других, реализация которых увеличивает общую сумму счастья. Поэтому в общем счастье усматривается единственный и высший критерий нравственности. Отсюда вытекает, что любое действие будь отдельного человека или правительства, можно назвать сообразным с принципом пользы «когда его стремление увеличить счастье общества больше, чем стремление уменьшить его» [3, с. 3].

Подчиняя право и политику, иные общественные явления началу пользы, Бентам указывает на необходимость, как он говорит, – *санкций*, принуждающих людей на практике поступать «правильно»; их он делит на два вида: санкцию естественную (физическую), возникающую помимо воли человека, и санкцию искусственную, которую делит на нравственную, политическую (легальную) и религиозную санкции. Постановка вопроса о регулировании отношений с помощью закона, разумеется, не нова. Все дело, – говорит Бентам, – с формальных позиций сводится к распределению, с одной стороны, прав, а с другой стороны – *обязанностей*; в этом деле законодатель должен иметь в ввиду одну цель – наибольшее счастье общества. Это счастье в той мере, в какой оно зависит от законодателя, включает частные цели – *достаток, богатство, равенство, спокойствие.* Распространяя действие этого принципа на отрасли права, прежде всего, гражданского и уголовного права, Бентам высказывает свою точку зрения на главный обсуждаемый вопрос философии права о критериях и границах права. Ответ на первую часть поставленного вопроса для Бентама логически вытекал из развитого им учения о началах нравственности и законодательства и давался конкретно: допускается в той или иной формулировке единственный критерий в смысле пользы, что по существу его содержания сводится к частным интересам людей, совокупность которых и есть интерес общества. Рассматривая сложный вопрос о пределах правовой регламентации деятельности человека – вопроса, где имели место взаимоисключающие крайние точки зрения, Бентам, проявляя осторожность, не указывает какие-либо конкретные и фиксированные границы сферы законодательства, касается только отдельных направлений этой деятельности, лишь в той мере, в какой ее требует принцип пользы.

Утилитаристские идеи Бентама вытекали из общих тенденций развития общества в Англии, присущего ей меркантилизма [4, с. 545], подкрепленного учением А. Смита. Одно из многообразных человеческих чувств – удовольствие – конституировано основанием общего счастья всех членов общества. Это положение является сомнительным, ибо «наслаждение является чисто отрицательным, поскольку оно направлено на абсолютную единичность индивидуума и тем самым на *уничтожение объективного и всеобщего*» [5, с. 280] (курсив мой. – Г.А.). Несостоятельным с точки моральных позиций и нравственного состояния современного общества предстает и принцип Бентама о «счастье для наибольшего числа людей», где не только не дан никакой ответ, но и нет постановки самого вопроса о «счастье» меньшинства людей в обществе, вопреки получившим уже тогда в Просвещении гуманистических идей равенства, справедливости и благ для всех как основ государственного политического, экономического и нравственного порядка. Иная формулировка всеобъемлющих оснований, как это выдвинул Бентам, состоит в его утилитарном принципе пользы (иногда называемого принципом полезности) – той пользы, которая у него, по сути, есть частный корыстный интерес к обогащению, – возводит частный интерес метафизическим путем искусственных построений в основу общего интереса общества. Однако, в сложной системе многообразных человеческих отношений, принятый Бентамом механистический подход к общественным явлениям общего характера не может быть состоятельным. Детальное обоснование этого утверждения следует искать в методологических основах (принципах) функционирования сложных систем [6], согласно которым в так называемых открытых системах, каковым является и система нравственности общества, имеет место сложное когерентное взаимодействие *части* и *целого*, а в нашем случае, *частного* и *общего*, ибо общее представляет собой характерную *целостность* для конкретного общества.

Практическое воплощение принципа пользы в ущерб идей свободы и справедливости, искусственно положенного в основание законодательства гражданского и уголовного права, – хотя отдельные идеи Бентама здесь не потеряли своего значения и сегодня, – служат теоретическим обоснованием проявления отрицательных качеств человека: алчности, корыстолюбия и других подобных качеств, которые ведут к человеческим трагедиям, как об этом свидетельствуют многочисленные примеры из истории, способствуют часто противозаконному накоплению богатства в частных руках. Принцип пользы, выдвинутый изначально Гельвецием и Гольбахом, и возведенный Бентамом до уровня абсолюта, стал предметом анализа в марксизме. Критике теории полезности уделено значительное внимание в «Немецкой идеологии»

К. Маркса и Ф. Энгельса. Ссылаясь на работу Гегеля «Феноменологию», они считают, что принцип полезности пройденным этапом прошлого столетия, последним результатом Просвещения. «Представляющееся совершенно нелепым, – пишут они, – сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к *единственному* отношению полезности – это по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению» [7, с. 409].

В свете этих авторитетных рассуждений напрашивается логичный вывод о том, что в системе человеческих отношений, где все подчинено корыстному интересу, особенно в капиталистической форме хозяйства, когда человек служит средством силой производства благ, материальных в первую очередь, а отношения между ними снимаются как товарно-денежные отношения, и деньги как таковые приобретают господство над человеком, нравственность человека, видоизменяемая материальной основой его бытия, не только исключает, но и предполагает возможность получения благ за счет труда других. Подобное имело место всегда в истории человечества, в том числе в уходящем перед натиском капитализма феодального строя, где за счет лишь того, что преобладал физический труд земледельцев, животноводов, мелких ремесленников, возможности частного обогащения за счет труда других людей были сильно ограничены. Но с развитием науки и знаний, созданием на их основе машин и механизмов в середине XVIII века человечество получило невиданные ранее перспективы общественного производства, а вместе с тем – новые технологии получения благ отдельными людьми, их группами за счет других; название этому явлению дала история – это *эксплуатация* человека человеком.

В целом, моральные рассуждения Бентама стали отражением позиций укрепившейся английской буржуазии. Теория полезности, ростки которой были заложены в трудах Гельвеция и Гольбаха, у Бентама приобрели черты полноты. Охватывающая сферы гражданского и уголовного законодательства и дополненная экономическим содержанием в духе А. Смита, эта теория в соотношении естественного права и закона значительно опередила позитивистское учение в праве, возникшее в середине XIX века. В этом деле немалую роль сыграл английский философ и государственный деятель Джон Стюарт Милль (1806–1873 гг.), внесший своими трудами «Принципы политической экономии» (1848 г.), «О свободе» (1859 г.), «Размышления о представительном правлении» (1861 г.) заметный вклад в развитие либерально-демократической мысли.

Будучи яростным сторонником бентамовского учения в начальный период своей деятельности, он впервые использовал понятие «утилитаризм», подверг критике и уточнению многих положений Бентама об основаниях нравственности. Милль утверждал, что нельзя основывать нравственность человека целиком на принципе полезности, поскольку, согласно ему, удовлетворение частных экономических интересов не ведет напрямую к всеобщему благу. Принцип достижения личного счастья, полагал он, должен с необходимостью базироваться на идее согласования интересов – как интересов отдельных людей, а также и общезначимых социальных интересов. На основе этих рассуждений он приходит к выводу о том, что защита собственности и интересов человека, рост благосостояния народа, воспитание положительных социальных установок в людях должны быть главными целями хорошо функционирующей государственной власти. Он понимает необходимость общепризнанных функций государства, но осуждает стремление бюрократии присвоить себе неограниченную власть. Как нам представляется, он осознает естественное свойство чиновничества к самопроизводству, непреодолимую им самим тягу к могуществу, на пути достижения чего устраняются – как во времена греческих Триумвиратов Цезаря и Антония, Трибунатов в Древнем Риме – неугодные политические группы и порабощается право, которому, прежде всего, должна подчиняться сама власть.

Выше власти во все времена стоит право, – говорил Цицерон, – и ни волей сената, ни волей народа оно не может быть отменено: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей… Сколь-нибудь ограничивать его действие не дозволено; отменить его полностью невозможно, и мы ни постановлением

сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем…» [8, с. 64]. Отсюда и идея о необходимости ограничения власти государства.

Границы властных полномочий и необходимых действий государства всегда неоднозначны и спорны, ибо власть функционирует в чрезвычайно обширном, многофакторном пространстве; выделение ее приоритетов и границ действий может выйти за пределы осознанных общезначимых интересов. Милль конкретно их не поясняет, а ограничивается замечанием: «общепризнанные функции государственной власти простираются далеко за пределы любых ограничительных барьеров, и функциям этим вряд ли можно найти некое единое обоснование и оправдание, помимо соображений практической целесообразности. Нельзя также отыскать какое-то единое правило для ограничения сферы вмешательства правительства, за исключением простого, но расплывчатого положения о том, что вмешательство это следует допускать при наличии особо веских соображений практической целесообразности» [9, с. 655]. Во второй части этого утверждения имеет место подмена субъекта предикатом, возвращающая проблему в логический круг и оставляющая вопрос открытым.

Как мы полагаем, подлинное ограничение государственной власти может быть основано на сформировавшихся и осознанных коллективных и общих интересах, глубоком научном познании самих государственных интересов и разумной самостоятельности правовой системы общества и тесного взаимодействия политики и права.

Примечания

[1] Английскую классическую политэкономию В.И. Ленин называл одним из источников и составных частей марксизма.

[2] Эта идея ранее было высказана К.А. Гельвецием.

Библиографические ссылки

1. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма: В.И. Ленин. Избр. произведения. В 3 т. Т.1. Три источника и три составных части марксизма. М. : Изд. полит. лит., 1976.
2. Гельвеций К.А. Об уме. Соч. в 2-х т. Т.1. М. : Мысль, 1974.
3. Бентам, Иеремия. Изб. соч. Том 1. Введение в основание нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса / пер. по англ. изд. Боуринга и франц. Дюмона А.Н. Цепина и А.Н. Неведомского ; предисл. Ю.Г. Жуковского. С.-Петербург. : изд. Русской книжной торговли, 1807. LXII.
4. Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии / К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Изд. второе. Т. 1. М. : Гос. изд. полит. лит., 1955.
5. Гегель Г.В.Ф. Система нравственности // В кн. Гегель Политические произведения / ред. коллег. Д.А. Керимов ; отв. ред. Л.С. Мамут, В.Ц. Нерсесянц. М. : Наука, 1978. С. 276-367.
6. Азнагулова Г.М. Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России (теоретико-методологическое исследование) : автореф. дис. … д-ра наук. М., 2015.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Изд. второе. Т. 3. М. : Гос. изд. полит. лит., 1955.
8. Цицерон О государстве // В кн. Цицерон Диалоги / пер. В.О. Горштейна ; отв. ред. С.Л. Утченко. М. : Наука, 1966. С. 7-86.
9. История политических и правовых учений / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 4-е изд. перераб. и доп. М. : Норма, 2007.

References

1. Lenin V.I. Tri istochnika i tri sostavnykh chasti marksizma: V.I. Lenin. Izbr. proizvedeniya. V 3 t. T.1 (Three sources and three components of Marxism: V.I. Lenin. Selected works. In 3 V. V1). Tri istochnika i tri sostavnykh chasti marksizma. Moscow, Izd. polit. lit., 1976.
2. Gel'vetsiy K.A. Ob ume (On the mind). Soch. v 2-kh t. T.1. Moscow, Mysl', 1974.
3. Bentam, Iyeremiya. Izb. soch. Tom 1. Vvedeniye v osnovaniye nravstvennosti i zakonoda-tel'stva. Osnovnyye nachala grazhdanskogo kodeksa. Osnovnyye nachala ugolovnogo kodeksa (Introduction to the foundation of morality and legislation. The basic principles of the civil code. The basic principles of the

criminal code), per. po angl. izd. Bouringa i frants. Dyumona A.N. Tsepina i A.N. Nevedomskogo ; predisl. YU.G. Zhukovskogo. St.Petersburg, izd. Russkoy knizhnoy torgovli, 1807. LXII.
4. Engel's F. Nabroski k kritike politicheskoy ekonomii (Sketches to the critique of political economy), K.Marks i F.Engel's Soch. Izd. vtoroye. T. 1. Moscow, Gos.izd.polit.lit., 1955.
5. Gegel' G.V.F. Sistema nravstvennosti (The system of morality). V kn. Gegel' Politicheskiye proizvedeniya, red. kolleg. D.A. Kerimov, otv. red. L.S. Mamut, V.S. Nersesyants. Moscow, Nauka, 1978, pp. 276-367.
6. Aznagulova G.M. Ponyatiyno-kategorial'nyy i strukturno-funktsional'nyy sostav pravovoy sistemy Rossii (teoretiko-metodologicheskoye issledovaniye) (Conceptual-categorical and structural-functional composition of the legal system of Russia (theoretical and methodological research), avtoref. dis. … d-ra nauk. Moscow, 2015.
7. Marks K., Engel's F. Nemetskaya ideologiya (German ideology). Soch. Izd. vtoroye. T. 3. Moscow, Gos. izd. polit. lit., 1955.
8. Tsitseron o gosudarstve (Cicero on the State). V kn. Tsitseron Dialogi, per. V.O. Gorshteyna ; otv. red. S.L. Utchenko. Moscow, Nauka, 1966, pp. 7-86.
9. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy (History of political and legal doctrines), pod obshch. red. V.S. Nersesyantsa. 4-ye izd. pe-rerab. i dop. Moscow, Norma, 2007.

Дата поступления: 15.08.2018 *Received: 15.08.2018*

УДК 340.1+34(091)

РАБСТВО СЕГОДНЯ: ГОЛОС ПРОШЛОГО ИЛИ РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА?

ВАНЮШОВА Яна Владимировна
преподаватель кафедры истории и теории государства права Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия.
E-mail: yana777@mail.ru

SLAVERY TODAY: THE VOICE OF THE PAST OR A REAL THREAT?

VANYUSHOVA Yana Vladimirovna
Instructor of the Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Ufa, Russia.
E-mail: yana777@mail.ru

Торговля людьми, подневольный (рабский) труд, – все это, казалось, уже ушло в прошлое. Но современность такова, что подобный институт не только определяет жизнь огромного количества людей на планете, но и влияет на многие экономические, социальные и политические процессы в странах, которые традиционно считались «приверженцами демократии». Повседневная жизнь живущих в этих государствах людей в той или иной степени сталкивается с этим «наследием прошлого». Не только в развивающихся странах, но и государствах, считающихся передовыми в социально-экономическом и политическом отношении, необходимость погашения человеком своих долгов приводит к зависимости или фактическому рабству, то есть порабощению. Иногда разрушение семейных связей подталкивает потерявшего себя человека к той грани, за которой он становится жертвой преступного бизнеса,

Human trafficking, bonded (slave) labor – all this seems to have already gone to the past. However, this is the present that such an institution not only determines the life of a huge number of people on the planet, but also affects many economic, social and political processes in the countries traditionally considered “adherents of democracy”. The everyday life of many people living in these states is to some extent confronted with this “legacy of the past”. Not only in developing countries, but also in the states that are among the most advanced in socio-economic and political terms, the need to repay person's debts often leads to complete dependence or actual slavery, that is, enslavement. Sometimes fragmentation of family ties pushes a burnt-out person to the point beyond which he becomes a victim of today's widespread criminal business, which has received such international legal qualifications as “hu-

получившего такую международно-правовую квалификацию как «торговля людьми». Поэтому проблема борьбы с торговлей людьми заставляет бить тревогу и призывает мировое сообщество предпринять меры для того, чтобы покончить с этим явлением, которое недостойно ни малейшего упоминания, кроме как на страницах учебников по истории.

man trafficking". Therefore, the problem of combating human trafficking makes raise alarm and calls upon all members of the world community to take measures to end this phenomenon, which is unworthy of the slightest mention, except in the pages of history textbooks.

Ключевые слова: торговля людьми, рабство, эмиграция, повседневные товары.

Key words: human trafficking, slavery, emigration, everyday goods.

В современных условиях существуют различные факторы, которые в той или иной степени способствуют распространению явления, которое, казалось бы, должно было давно стать достоянием прошлого. Исследователи отмечают, что рост численности населения, особенно в развивающихся государствах приобрел экспоненциальный характер. Значительная часть людей в этих странах оказываются экономически не задействованными, к тому же сюда следует добавить последствия природных катаклизмов, пожаров, отсутствие стабильного медицинского обслуживания. Таким образом, значительное количество людей в силу жизненных обстоятельств потенциально становятся жертвами безжалостных предпринимателей, готовых наживаться на человеческих страданиях. На второе место исследователи ставят миграционные процессы, в результате которых миллионные массы людей в поисках работы из бедных сельских регионов стран Азии и Африки переезжают в промышленно развитые центры Европы и Северной Америки. Эти люди в подавляющем большинстве случаев оказываются на чужбине, вдали от родного дома, не знают местного языка и не имеют достаточных средств для того, чтобы обратно вернуться домой. И в такой ситуации, когда у человека нет ни семьи, ни друзей, и не с кем даже посоветоваться, как правило, появляются сомнительные лица с криминальным уклоном, готовые «помочь в поисках хорошей работы».

Изучение проблемы торговли людьми в современных условиях позволяет говорить о том, что сегодняшнее рабство отличается двумя характерными чертами. Оно стало по сравнению с прошлым менее выгодным в экономическом отношении и гораздо более заменяемым. В 1850 г. стоимость темнокожего раба на Юге Соединенных Штатов Америки равнялась 40 тыс. долларов в современном исчислении. Сегодня по приблизительным подсчетам «приобретение человека» обходится в среднем в 90 долл. Причем речь идет о ценах, применимым ко всем государствам, где существует подобное явление. В этом смысле современное рабство не требует столь значительных капитальных вложений по сравнению с историческим прошлым. В XIX в. следовало предпринять значительные усилия, чтобы приобрести новую группу рабов и доставить их в США. Сегодня же, когда человек, занятый подневольным трудом, тяжело заболевает или подвергается тяжкому недугу, его просто выбрасывают или, как показывает мрачная статистика, подчас убивают. По данным международной организации «Free the slaves» для торговцев людьми этот вид преступной деятельности приносит ежегодно 150 млрд долл. 50% лиц, находящихся в столь тяжелом положении, заняты физическим трудом. 37,5% лиц, попавших в неволю, проживают в вынужденном браке. 12,5% лиц из общей массы «рабов XXI века» являются жертвами сексуального рабства. Если принимать во внимание гендерный разрез указанного явления, то следует отметить, что 71% жертв современного рабства – это женщины, девушки. 29% – мужчины и мальчики. 25% всех жертв не достигли своего 18-летия [1].

Японская газета «Джапан таймс» 22 июля 2018 г. в колонке главного редактора опубликовала сенсационную статью под общим заголовком «Рабство – также наша проблема». В статье утверждается о том, что на сегодняшний день свыше 40 миллионов людей проживают в условиях рабства. Цифра выглядит ужасающей, самое страшное, что она не отражает реального положения дел. Авторы пишут о том, что рабство представляет собой продукт деятельности репрессивных и равнодушных к простым гражданам правительств. Оно также ха-

рактерно для обществ, в которых преобладают всевозможные ограничения и стран, разрываемых различными конфликтами. При всем этом существует всеобщее убеждение, что рабство присуще только для развивающихся стран.

Согласно данным Global Slavery Index, ежегодно публикуемых австралийской некоммерческой организацией Walk Free Foundation, в 2016 г. во всем мире в условиях рабства находилось 40,3 млн человек. Из них наибольшее количество людей – 8 млн. чел. в Индии. В этой стране сегодня проживает 1.3 млрд человек. Среди государств, где также живет значительное количество людей, оказавшихся в подобных нечеловеческих условиях, можно выделить Нигерию, Пакистан, Северную Корею [2].

В уже цитированном отчете Walk Free Foundation отмечается, что максимальное количество людей, находящихся в состоянии рабства – 9 млн человек – находится в странах африканского континента. На положение дел в значительной степени влияет общая ситуация в отдельных странах. Так, например, в Эритреи «репрессивный режим принуждает своих жителей к выполнению трудовой повинности в течение десятилетий». Указанный индекс отмечает, что в стране на данный момент существует самый высокий уровень современного рабства, и ответственность за подобный принудительный труд несут власти, заинтересованные в подобной форме поддержки государства. В таких государствах, как Центральноафриканская Республика, Афганистан, Южный Судан и Пакистан внутренние конфликты в значительной степени сдерживают решения проблем рабства. В этих странах существует слабое воздействие государственной власти на процессы, происходящие в обществе, отмечается также низкий уровень роли правовых инструментов. Для них характерен минимальный порог обеспечения физической безопасности личности. В условиях, когда миллионы людей лишены своих корней и социальных связей, стало вполне обыденным явлением принижение прав и свобод человека.

К рабству также приводят последствия других социальных процессов. В качестве примера можно сослаться на многочисленные случаи, когда многие молодые женщины вступают в неравные браки. Не только в развивающихся странах, но и государствах, которые традиционно относятся к передовым в социально-экономическом и политическом отношении, необходимость погашения человеком своих долгов очень часто приводит к ситуациям, которые иначе, чем порабощением, не назовешь. В других случаях разрушение семейных связей подталкивает потерявшего себя человека к той грани, за которой он становится жертвой столь распространенного сегодня преступного бизнеса, получившего четкую международно-правовую квалификацию как «торговля людьми». В этом контексте будет ошибочным утверждение, что указанная проблема характерна для стран «третьего мира». Многие склоняются к подобной оценке, что мешает выработке общей концепции в понимании причин столь опасного явления. Потребители в богатых государствах фактически поддерживают и содействуют практике, при которой они проявляют полное равнодушие к пониманию природы происхождения товаров, которые покупают жители стран «развитого мира». По приблизительным подсчетам организации Walk Free Foundation развитые государства закупают на 350 млрд долл. продукцию, произведенную в «подозрительных условиях». Один из создателей австралийской общественной организации – Эндрю Форрест – заявил: «Современное рабство – проблема первостепенной важности для человечества. Мы все являемся потребителями товаров. Мы можем решить указанную проблему».

Для жителей самой Японии приведенные цифры также имеют значение, отмечается в редакционной статье «Джапан таймс». Согласно данным Global Slavery Index выясняется, что над традиционно высокими показателями японской внешней торговли «нависла тень» – импорт таких товаров, как электроника, одежда, рыба, какао-бобы, лес (общей стоимостью на 47 млрд долл.) – имеет высокую степень риска быть связанной с рабством. Газета также отмечает и другую сторону проблемы. Отмечается, что существует внешне благоприятный фон, на котором согласно данным австралийской организации среди государств Азиатско-Тихоокеанского региона Япония имеет самый низкий показатель среди лиц, которых можно отнести к жертвам рабства (0,3 жертвы на 1000 человек населения). Но если перевести сухие

цифры статистики в живых людей, то это будет составлять 37 тыс. чел., что, по мнению авторов публикации «является шокирующим – позорным – абсолютно неприемлемым» [2].

Можно говорить и о других моментах, связанных с позицией японских властей в решении подобных проблем. В так называемых показателях Global Slavery Index содержится также «Индекс правительственных мероприятий». Сюда входят меры по оказанию помощи жертвам, характеристика уголовного правосудия, координация деятельности различных ведомств, направленных на противодействие источникам, содействующим развитию рабства. Исходя из этих данных, в Азиатско-тихоокеанском регионе Япония находится выше лишь Ирана и Северной Кореи. В «Индексе правительственных мероприятий» особо отмечено, что в более чем половине государств, входящих в «группу 20», фактически не задействованы правовые, политические и организационные меры для того, чтобы направить усилия властей и бизнес–сообществ на поиск товаров и услуг, произведенных на основе подневольного труда. В число этих 12 государств входит и Япония [2].

Следует отметить, что исследования Walk Free вызвали неоднозначную реакцию среди представителей общественности. Одни восторженно высказываются о деятельности организации, осветившей столь ужасающее положение дел. Другие выступили с критикой в отношении того, как был определен предмет исследования и его методология, в частности само определение понятия «рабства». Появились также обвинения в том, что фактически вновь был реанимирован тезис о так называемом «культурном империализме» и «нечувствительности» применительно ко всем жителям развитых стран. Таким образом, отсутствие единственного, общепринятого определения всегда оставляет пространство и возможность для дискуссий и способствует появлению различных версий, в том числе и далеких от реальности. Авторы статьи в японской газете заявляют о том, что их уже не сбить «с пути истинного». Опубликованный «Индекс» дал всем ясно понять, что рабство – это не «проблема кого-то другого». Каждый из нас, так или иначе, принимает участие в торговых сделках, покупая продукты питания или предметы широкого потребления. По нашему мнению, при этом нам следует быть начеку и определиться в том, не способствуем и не поощряем ли мы, делая свои покупки, столь ужасную практику. На наш взгляд, всю цепочку поставки товаров необходимо сделать прозрачной.

Таким образом, даже в странах, казалось бы, столь далеких от проблем, связанных с продажей людей в фактическое рабство, бьют тревогу и призывают всех членов мирового сообщества предпринять меры для того, чтобы покончить с этим явлением, которое не достойно ни малейшего упоминания, кроме как на страницах учебников по истории.

Библиографические ссылки. References

1. www.freetheslaves.net (дата обращения: 23.07.2018) (accessed date: 23.07.2018).
2. The Japan times, July, 22-th, 2018.

Дата поступления: 20.05.2018 *Received: 20.05.2018*

УДК 340.1+34(091)

О ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ГАЛИКЕЕВА Ирина Гаязовна
кандидат юридических наук, доцент Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: galikeeva_notary@mail.ru

В соответствии с современными научными представлениями и реалиями одним из условий становления правового государства является наличие достаточно зрелого гражданского общества. Основные институты гражданского общества, без которых невозможно функционирование общества на таком высоком уровне, формируются в процессе государственно-правового развития общества и их функционирование возможно только в условиях правового государства. По мере государственно-правового развития присущие гражданскому обществу институты начинают выступать в качестве основополагающих критериев для определения социально-правового статуса государства. Для того, чтобы общество стало гражданским, необходимы соответствующие условия. Обществу нужно находиться на должном уровне политического, экономического и социального развития, чтобы соответствовать критериям гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, общественный договор, социально-правовой статус, институты гражданского общества, правовое государство.

ON THE ISSUE OF THE STATUS OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

GALIKEEVA Irina Gayazovna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Institute of Law of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: galikeeva_notary@mail.ru

In accordance with modern scientific concepts and realities of today, one of the conditions for the development of a rule-of-law state is the existence of a sufficiently mature civil society. At the same time, the main institutions of civil society, without which it is impossible to run the society at such a high level, are formed in the process of state law development of the society and their full-fledged functioning is possible only in the conditions of the rule-of-law state. As the society develops in state law sense, the institutions inherent in civil society begin to act as the basic criteria for determining the social and legal status of the state. However, appropriate political, economic and social conditions are necessary to make the society a civil one. Therefore, the society must be at the proper level of its political, economic and social development in order to meet the requirements characterizing civil society.

Key words: civil society, social contract, social and legal status, civil society institutions, rule-of- law state.

Несмотря на активное использование нашими современниками словосочетания «гражданское общество», само это понятие остается несколько туманным. Новый энциклопедический словарь объясняет гражданское общество следующим образом. 1. Сообщества свободных и равных граждан, связанных между собой определенной формой политического устройства. Термин введен Аристотелем. В 17-18 вв. гражданское общество противопоставлялось абсолютистско-феодальному государству. 2. Совокупность отношений в сфере экономики, культуры и др., развивающихся в рамках демократического общества независимо, автономно от государства и предполагающее существование широкого круга демократических прав и свобод для своих членов. Отсутствие гражданского общества при полном огосударствлении общественных отношений ведет к свертыванию демократии, установлению тоталитаризма» [1, с. 352]. Понятие «гражданское общество», в отличие от понятия « глобальное общество», предполагает общество людей, живущих в определенном государстве. В свою очередь, глобальное общество (англ. global человеческого общества, объединяющего в своем составе все

человечество, всех жителей Земли и общества всех стран мира (локальные общества). Название происходит от слова «глобальный», то есть мировой, тот, что касается земного шара. Понятие получило распространение в мировых научных кругах во второй половине XX века, когда возникла необходимость в изучении вопросов, явлений и процессов, имеющих отношение к жизнедеятельности и развитию человечества в целом [2, с. 471].

По нашему мнению, в отношении понимания и восприятия словосочетания «гражданское общество» ситуация усложняется тем, что слово «гражданин» употребляется в очень большом количестве случаев, это слово мы можем встретить и в работах Екатерины II, которая, говоря «граждане», имела в виду всех жителей тогдашней Российской империи. Например, «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» [3, с. 75]. И сегодня очень часто обращение государственно-властных органов населению начинается со слова «Граждане!» Поэтому общественное сознание, как правило, на обыденном уровне, особо не задумываясь, делает соответствующее умозаключение: если каждый из нас гражданин, то все вместе мы и представляем собой гражданское общество, те есть общество, которое состоит из множества граждан. Тем не менее, слово «гражданин» в Новом энциклопедическом словаре отсутствует, хотя при изложении содержания слова «полис» говорится, что: В Древней Греции и Древнем Риме полис – это город-государство с особой формой социально-экономической и политической организации общества. Полис составляли полноправные граждане (члены общины), каждый из которых имел право на земельную собственность и политические права, при этом часть населения города в полис не входила и не имела прав граждан [1, с. 1056].

Один из юридических энциклопедических словарей разъясняет, что «гражданин – лицо, принадлежащее на правовой основе к определенному государству. Гражданин имеет определенную правоспособность, наделен правами, свободами, обременен обязанностями. По своему правовому положению граждане конкретного государства отличаются от иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории этого государства. В частности, только гражданам принадлежат политические права и свободы. В гражданском законодательстве Российской Федерации термин гражданин, если специально не оговорено иное, подразумевает любое физическое лицо» [4, с. 77]. Толковый словарь С.И. Ожегова определяет, что гражданин: 1. Лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей. 2. Взрослый человек, а также форма обращения к нему» [5, с. 143]. Большая юридическая энциклопедия утверждает, что «гражданство – устойчивая правовая связь человека с государством, которая выражается в совокупности их взаимных прав и обязанностей. Гражданство – принадлежность лица к определенному государству. Гражданство служит предпосылкой и основой правового статуса гражданина. Государство, предоставляя человеку гражданство, в то же время берет на себя обязательство обеспечить реализацию в полном объеме его прав и свобод, защиту и покровительство, в том числе за пределами страны» [6, с. 151].

Таким образом, все эти понятия: «гражданское общество», «гражданин», «гражданство» связаны между собой и функционируют в пределах одного и того же информационного пространства. Тем не менее, понятие «гражданское общество» является понятием с более емким и глубоким содержанием, смыслом и значением. Ф.М. Раянов в своей работе «Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления» пишет, что «необходимо правильно разобраться в вопросах о том, что же собой представляет гражданское общество. В этом вопросе у нас также нет, не только единообразия, но и правильного его понимания. Понятие «гражданское общество» в обществоведческой литературе употребляется в различных значениях. В то же время это понятие вообще не употребляется в Конституции нашей страны, нет его определения и в действующем законодательстве. Все это говорит о том, что к сущности понятия «гражданское общество» мы сегодня можем добраться лишь через научно-познавательный путь» [7, с. 21-22]. К понятию «гражданское общество» Ф.М. Раянов подходит с позиции придания этому понятию обществоведческий смысл. Так, возражая введению и распространению понятия «граждановедение» он пишет: «Что значит граждановедение? Получается, что граждане – это те, кого надо куда-то вести? Ведь граждане любой страны – это понятие, употребля-

емое для обозначения лишь того, что речь идет о множестве граждан. Но любой гражданин – это, прежде всего, человек, обладающий с момента своего рождения неотчуждаемыми естественными правами и свободами. Человек с этими естественными правами и свободами как раз и является высшей ценностью. Здесь ни о каких обязанностях человека речь не идет. Напротив, естественным правам и свободам человека корреспондируют обязанности каждого государства по признанию этих естественных прав и свобод человека и по их обеспечению. Человек, становясь гражданином какого-то государства, не теряет этих естественных прав и свобод. Тем более они неотчуждаемы. О каком ведении гражданами, при таком подходе к естественным правам и свободам, вообще может идти речь? Ведомыми они просто не могут быть: они могут быть только ведущими по отношению к государству и даже обществу» [8, с. 33]. Ф.М. Раянов считает, что понятие «гражданское общество» не совсем правильно употребляет и Гегель. По Гегелю, идеи гражданского общества ведут к правам граждан формировать собственные (в основном, коммерческие) организации для защиты интересов тех, кто занимается предпринимательской деятельностью. Но эти организации формируются и функционируют в рамках законов, исходящих от государства. В соответствии со схемой Гегеля, государство – это то, что находится на самой вершине общественного устройства. Все остальные общественные (гражданские) институты появляются и функционируют под контролем государства. По Гегелю государство – первичное явление, а гражданское общество – вторичное.

В то же время, отмечает Ф.М. Раянов, в мире появилась другая концепция гражданского общества, автором которой является Джон Локк. Д. Локк еще в XVII веке (раньше Гегеля) пришел к выводу о том, что не государство, а гражданское общество является источником власти. У Д. Локка в схеме общественного устройства наверху не государство, а гражданское общество. Государство является институтом гражданского общества, учреждается гражданским обществом и полностью им контролируется. Пределы деятельности государственной власти ограничиваются общественным договором. Ф.М. Раянов подчеркивает, что начиная с Конституции США, вместо общественного договора обществом принимается конституция [7, с. 22-23]. В этой же своей работе Ф.М. Раянов делает вывод о том, что исследования, связанные с проникновением в подлинную сущность правового государства, позволяют добраться до действительно главного в праве. Он пишет, «мы пришли к выводу, что разрешение проблем юриспруденции в целом, вопроса о сущности права как предмета работы юристов органически связано с состоянием взаимосвязанности общества (гражданского общества) и государственной власти. Другими словами, проблемы юриспруденции нужно начинать осмысливать в увязке с проблемами конституционализма и правового государства. Если мы пойдем таким путем, то непременно выйдем на утверждение о том, что право – это, прежде всего, общественный договор. В современном же мире общественный договор – это конституция страны» [7, с. 24]. В другой своей работе Ф.М. Раянов пишет, что «в своей работе «Два трактата о правлении» Д. Локк 7 раз упоминает слово «конституция», имея в виду первоначальный договор граждан о создании государства или гражданского общества, что по его мнению, является одним и тем же явлением» [9, с. 11].

На наш взгляд, нужно исходить из того, что правовое государство, каковым является Россия в соответствии с Конституцией Российской Федерации, правовым становится в процессе формирования в нем гражданского общества. В связи с этим и профессор Ф.М. Раянов отмечает, что «в тех зарубежных странах, где правовое государство в значительной мере является реальностью, под правовым государством понимают государство, учреждаемое гражданским обществом и контролируемое им же или его представительным органом (парламентом)» [10, с. 13]. В свою очередь, присущие гражданскому обществу признаки и институты появляются в процессе государственно-правового развития общества в качестве основополагающих критериев для определения социально-правового статуса государства. «Гражданское общество – важнейший институт всего общества, – пишет Ф.М. Раянов в своих работах, в которых рассматривает проблемы, связанные с формированием гражданского общества и правового государства. – Именно с него и начинается современная теория всего общественного развития. Поэтому, не разобравшись с его понятием и сущностью, особенностями правового

закрепления (в том числе и Конституцией общества), трудно будет решать остальные обществоведческие проблемы, связанные с условиями формирования и функционирования правового государства» [11, с. 10; 12, с. 4-5].

Е.Е. Никитина пишет, что «взаимовлияние процессов создания гражданского общества и их осмысления на основе этатистской модели развития российского общества привело к тому, что основополагающим фактором, влиявшим на создание как в имперской, так и в советской России общественных организаций и иных общественных институтов, являлось государство. Именно эти исторические обстоятельства нельзя не учитывать при рассмотрении современных проблем формирования гражданского общества в России. Экстраполяция взаимодействия общество – государства на современный период их отношений позволяет некоторым авторам считать, что в России естественным является сильное государство, возлагающее на себя заботу о ряде функций, о которых в других странах заботится гражданское общество» [13, с. 34]. Бесспорно, для того, чтобы общество стало гражданским, необходимы соответствующие политические, экономические и социальные условия. Никто, в том числе и государство, создать гражданское общество не в состоянии, оно формируется под влиянием множества факторов на определенном этапе государственно-правового развития общества.

При всем этом, говоря о гражданском обществе нужно иметь в виду необходимость наличия достаточных условий для того, чтобы гражданское общество стало возможным. Без этого невозможно появление гражданского общества в какой-либо стране. Прежде всего, общество должно находиться на требуемом уровне своего политического, экономического и социального развития для того, чтобы соответствовать требованиям, характеризующим гражданское общество. Справедливости ради, нужно отметить, что «нельзя, с одной стороны, и игнорировать, а с другой стороны, и излишне превозносить роль государства или общества в процессе становления гражданского общества и правового государства. Главное заключается в том, что эти понятия включены в одно информационное поле и не только взаимосвязаны и взаимообусловлены, но и невозможны в одиночку» [14, с. 27]. «Возможность и пределы законодательного влияния на развитие общества являются важнейшей проблемой современной юридической науки, решение которой позволит обеспечить стабильное развитие современного государства, – пишет Е.Е. Никитина. – Необходимость поддерживать вектор движения социальных процессов в созидательном направлении приобретает особую актуальность в связи с набирающими с илу проявлениями гражданской активности, изменениями ее форм, влияниями информационно-коммуникативных технологий» [15, с. 38].

В своей книге «О государстве», известный французский социолог Пьер Бурдье пишет, что государство можно было бы определить как то, что «обосновывает логическую и моральную интеграцию социального мира» [16, с. 51]. В связи с этим, рассматривая особенности процесса становления гражданского общества, нельзя упустить из виду и то, что «формирование и функционирование правового государства представляет собой сложный процесс становления не только единого правового поля, главная регулятивная система в котором основана на норме права и требованиях действующего законодательства, но и своеобразного информационного пространства» [17, с. 670-671]. «Нельзя поставить перед государством и правом задачу сделать всех счастливыми и богатыми – все это явно не под силу этим институтам, – отмечает Ф.М. Раянов. – Люди сами должны стремиться к счастью и состоятельности. Государство и право – институты гражданского общества, и главная задача, которую они могут и должны выполнять – это служить справедливости в межчеловеческих отношениях» [18, с. 156]. В другой статье Ф.М. Раянов пишет, что «гражданское общество как единственный источник власти учреждает государство, наделяет его полномочиями и оставляет за собой право контроля над тем, насколько государство (по существу, исполнительная власть) осуществляет свои функции от имени и в интересах государствообразующего гражданского общества» [19, с. 6].

Поэтому «определение Конституцией Российской Федерации дальнейшего развития страны по пути формирования социального демократического правового государства предполагает наличие у граждан присущего представителям становящегося правового государства и гражданского общества специфического правосознания. Правосознание как комплекс

представлений, эмоций и чувств, непосредственно связанных с действующей в государстве системой права и имеющих место в реальной сегодняшней действительности, впрямую стыкуется с правовой культурой» [20, с. 35]. В своем Послании Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что «роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производные мощности, а прежде всего люди, условия для развития, самореализации, творчества каждого человека. … Чтобы идти вперед, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причем во всех сферах, укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру, новым идеям и инициативам» [21]. По нашему мнению, ответ на вопрос о том, что нужно сделать для того, чтобы наше государство на самом деле стало подлинным правовым государством, включает в себя необходимость развития и усиления социально-правового статуса тех институтов, без которых гражданское общество не может функционировать. А без гражданского общества невозможно формирование и развитие правового государства. «Подлинное правовое государство – это отнюдь не абстрактное подчинение государства праву, не связывание государства собственными законами, а, прежде всего, представляет собой учение о структуре и порядке функционирования такой власти, которая учреждается гражданским обществом и им же эффективно контролируется» [22, с. 10].

Библиографические ссылки

1. Новый энциклопедический словарь. М. : РИПОЛ классик, 2012.
2. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Социология права : учебник для магистров. М. : Прометей, 2017.
3. Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. Глава V. Ст. 34 // Екатерина II. О величии России. М. : Изд-во Эксмо, 2003.
4. Юридический энциклопедический словарь / сост. Е.А. Яных, В.А. Захаркина. М. : АСТ; Киев: НКП, 2009.
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : ООО «А ТЕМП», 2010.
6. Большая юридическая энциклопедия. М. : Изд-во Эксмо, 2007.
7. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // LexRussica. 2015. № 8. С. 14-25.
8. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение. М. : Юрлитинформ. 2018.
9. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 4 (30). С. 8-15.
10. Раянов Ф.М. Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 10-19.
11. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 6-15.
12. Раянов Ф.М. Правовое государство для постсоветской России: ценностно-технологические аспекты реализации // Право и государство: теория и практика. 2007. № 7 (31). С. 4-8.
13. Никитина Е.Е. Институциализация гражданского общества в России: историко-теоретический аспект // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 30-41.
14. Галиев Ф.Х. Правовая культура в информационном пространстве гражданского общества и правового государства // Юридическая мысль. 2011. № 3 (65). С. 25-32.
15. Никитина Е.Е. Система институтов гражданского общества в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 37-49.
16. Бурдье П. О государстве: курс лекций в Колледж де Франс (1989-1992) / пер. с фр. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

17. Галиев Ф.Х. Правовая культура как правовая самоорганизация порядка // Право и политика. 2011. № 4. С. 640-675.
18. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюккен, 2012.
19. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 4-10.
20. Галиев Ф.Х. Историческая обусловленность правовой культуры // История государства и права. 2010. № 19. С. 34-39.
21. Гарант. РУ. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1182611/#ixzz8ktwPNik.
22. Раянов Ф.М. Понимание гражданского общества и правового государства в отечественной юридической науке и современные потребности в его переосмыслении // Правовое государство: проблемы понимания и реализации / Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика». Уфа, 2015. С. 3-11.

References

1. Novyi entsiklopedicheskii slovar'(New Encyclopedic Dictionary). Moscow, RIPOL klassik, 2012.
2. Krasnov Yu.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. Sotsiologiya prava (Sociology of law), uchebnik dlya magistrov. Moscow, Prometei, 2017.
3. Ekaterina II. Nakaz Komissii o sostavlenii proekta novogo Ulozheniya. Glava V. St. 34 (Catherine II. Commission instruction on the drafting of a new Code. Chapter V. Art. 34), *Ekaterina II. O velichii Rossii*. Moscow, Izd-vo Eksmo, 2003.
4. Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar' (Legal encyclopaedic dictionary), sost. E.A. Yanykh, V.A. Zakharkina. Moscow, AST; Kiev: NKP, 2009.
5. Ozhegov S.I. i Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii (Dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions), Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dop. Moscow, OOO «A TEMP», 2010.
6. Bol'shaya yuridicheskaya entsiklopediya (The Great Encyclopedia of Law). Moscow, Izd-vo Eksmo, 2007.
7. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyanie, puti pereosmysleniya (Theory of the rule-of-law state in Russia: status, ways of rethinking), *LexRussica*, 2015, No. 8, pp. 14-25.
8. Rayanov F.M. Pravovoe obshchestvovedenie (Legal Civics). Moscow, Yurlitinform. 2018.
9. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyi podkhod (The essence of the rule-of-law state: historical and civilization approach), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4 (30), pp. 8-15.
10. Rayanov F.M. Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya pravovogo gosu-darstva v Rossii (Theoretical and practical problems of the formation of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 2 (32), pp. 10-19.
11. Rayanov F.M. Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo – sut' vsei sovremennoi teorii obshchestvennogo razvitiya (Civil society and the rule-of-law state are the essence of the whole modern theory of social development), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 1 (39), pp. 6-15.
12. Rayanov F.M. Pravovoe gosudarstvo dlya postsovetskoi Rossii: tsennostno-tekhnologicheskie aspekty realizatsii (The Rule-of-law state for Post-Soviet Russia: value and technological aspects of implementation), *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2007, No. 7 (31), pp. 4-8.
13. Nikitina E.E. Institutsializatsiya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: istoriko-teoreticheskii aspekt (The institutionalization of civil society in Russia: historical and theoretical aspect), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, No. 2, pp. 30-41.
14. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura v informatsionnom prostranstve grazhdanskogo obshche-stva i pravovogo gosudarstva (Legal culture in the information space of civil society and the rule–of-law state), *Yuridicheskaya mysl'*, 2011, No. 3 (65), pp. 25-32.

15. Nikitina E.E. Sistema institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii: konstitutsionno-pravovoi aspekt (The system of civil society institutions in Russia: constitutional and legal aspect), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, No. 6, pp. 37-49.
16. Burd'e P. O gosudarstve: kurs lektsii v Kolledzh de Frans (1989-1992) (On the state: acourse of lectures at the College de France (1989-1992), per. s fr. Moscow, Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2016.
17. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura kak pravovaya samoorganizatsiya poryadka (Legal culture as a legal self-organization of order), *Pravo i politika*, 2011, No. 4, pp. 640-675.
18. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva. Osnovnye kontseptsii pravovogo gosudarstva i ikh analiz (The essence of the rule-of-law state. The main concepts of the rule-of-law and their analysis). Saarbryukken, 2012.
19. Rayanov F.M. Aktual'nye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva (Actual problems of theory and practice of the rule-of-law state), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 4-10.
20. Galiev F.Kh. Istoricheskaya obuslovlennost' pravovoi kul'tury (Historical conditionality of legal culture), *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, No. 19, pp. 34-39.
21. Garant. RU. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1182611/#ixzz8ktwPNik.
22. Rayanov F.M. Ponimanie grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva v otechestvennoi yuridicheskoi nauke i sovremennye potrebnosti v ego pereosmyslenii (Understanding of civil society and the rule-of-law state in national legal science and modern needs for its rethinking), *Pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizatsii*, Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 10-letiyu zhurnala «Pravovoe gosudar-stvo: teoriya i praktika». Ufa, 2015, pp. 3-11.

Дата поступления: 11.06.2018 *Received: 11.06.2018*

УДК 321.01+342.1

О РОЛИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ФАКТОРА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВА

ON THE ROLE OF THE SPATIAL-TERRITORIAL FACTOR IN THE LIFE OF SOCIETY AND STATE FUNCTIONING

ЕЛИЗАРОВ Михаил Владимирович
кандидат философских наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: mikeufa@yandex.ru

YELIZAROV Mikhail Vladimirovich
Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: mikeufa@yandex.ru

Пространственно-территориальное измерение политических процессов представляется крайне важным для понимания сущности международных отношений. Люди всегда стремились осуществлять политический контроль над пространством, на котором жили, для того, чтобы добывать природные ресурсы и поддерживать свою культурную самобытность. В борьбе за обладание пространством на политической карте мира появлялись и исчезали ве-

Nowadays, the spatial-territorial dimension of political processes seems to be extremely important for understanding the essence of international relations. At all times, people were willing to exercise some political control over the space where they lived, in order to extract and exploit natural resources and maintain their cultural identity. Great empires emerged and disappeared from the political map of the world in the struggle for space. The vital state space is

ликие империи. Пространство государства – это территория, на которой оно живет. Территория для государства представляет огромный интерес по двум причинам. Во-первых, в состав территории входят недра, которые содержат в себе полезные ископаемые; при этом важен их количественный и качественный состав. Во-вторых, территория представляет интерес с точки зрения установления и подержания социальной и культурной общности проживающих на ней граждан, например, посредством паспортной политики (я – россиянин, француз, американец и т.п.). Убедительным подтверждением того, что территория выступает неотъемлемым атрибутом идентичности человека, является вопрос, который обычно задают незнакомцу: «Откуда Вы?». Ответ на этот вопрос может многое поведать нам о человеке. Государство выступает центром сосредоточения деятельности представителей разных регионов, культур, занятий, профессий и интересов. При этом каждый человек на Земле связан с определённым государством, а через него и с конкретной политической, правовой, социальной и экономической системой.

Ключевые слова: пространство, территория, среда обитания, ресурсы, социальное пространство, город, государство, народ, идентичность, правовое пространство.

the territory on which it exists. The territory for the state is of extremely important interest for two reasons. First, the territory includes subsoil resources. In this context, particular importance is given to soil chemistry. Secondly, the territory is of great interest in terms of establishing and maintaining the social and cultural community of its citizens, for example, through passport policy (I am a Russian, a Frenchman, an American, etc.). A very convincing proof that the territory is an essential attribute of a person's identity is the question that is usually asked first of all to a stranger: “Where are you from?” In addition, the answer, as a rule, can tell us a lot about a person. Nowadays, the state is the center of activity of representatives of different regions, cultures, occupations, professions and interests. At the same time, almost every person on Earth is related to a certain state and through it to a specific political, legal, social and economic system.

Key words: space, territory, habitat, resources, social space, city, state, people, identity, legal space.

Пространство и время – универсальные формы существования материи, основополагающие философские категории и вместе с тем факторы, реально влияющие на жизнь отдельного человека и на развитие цивилизации в целом. В нашем материальном мире всё, так или иначе, имеет пространственные характеристики, такие как длина, ширина, глубина и высота. Да и в своей повседневной жизни человек зачастую оперирует пространственными ориентирами: верх-низ (небо-земля), право-лево, вперёд-назад. Люди социализируются в пространстве с самого детства. Первичная социализация предполагает знакомство с объективным физическим пространством, которое начинает восприниматься индивидом сквозь призму тех общественных институтов, социальных связей и отношений, в которых он занимает определённую нишу в зависимости от своего происхождения, местожительства, социального положения, возраста, знаний, достижений и т.п. В целом отметим, что эволюция представлений о том, что представляет собой пространство прошло длительный исторический путь. Так, например, согласно одному из древнеегипетских мифов, пространство возникло тогда, когда бог воздуха Шу отделил землю от неба и привёл в движение сотворённый мир [9, с. 47]. Гесиод в «Космогонии» называет пространство хаосом – обширным образованием, стоящим в промежутке между землёй и небом. Лао-Цзы в своём знаменитом древнекитайском трактате «Дао-Дэ-Цзин» рассматривает пространство не как форму существования материи, а как «пустоту» или «небытие», основой существования неба и земли, корнем жизни всех существ.

Первое упоминание пространства как самостоятельной категории в истории философской мысли западного мира встречается в диалоге «Тимей», произведении Платона, в котором он рассматривает пространство как природу вечную, неразрушимую, дающую место для

всего рождающегося [10, с. 52 (b)]. Аристотель относится с критикой к платоновскому пониманию пространства и предлагает вместо этого теорию «места» (топоса). В иудейско-христианской традиции пространство стало связываться с идеей Бога – как священная, всеобъемлющая категория. Пространство находится в Боге, но Бог не находится в пространстве.

Г.В. Лейбниц описывал пространство в его самой универсальной форме как «*порядок сосуществования* тел». Лейбниц считал пространство «порядком сосуществований», а время – «порядком последовательностей» [11, с. 441]. По мнению Лейбница, пространство также как и время, является чем-то чисто относительным: «пространство и время представляют собой лишь порядок вещей, а не абсолютную сущность…» [11, с. 456]. Для Канта, пространство априорно. В «Критике чистого разума» Кант пишет о том, что «пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, то есть субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможны для нас внешние созерцания» [7, с. 52]. Для человека не существует нейтрального пространства. Всё пространство концептуализировано, наделено конкретным смысловым содержанием, поскольку продуцируется сознанием человеком – физически или, по крайней мере, мысленно (Земля существует в Космосе). В этом плане большой вклад в понимание пространства внесли работы учёных: В.И Вернадского, Ф. Броделя, А.М. Мостепаненко, П.П. Гайденко, Н.Н. Трубникова, которые дали классификацию пространственных форм на физическое, биологическое, социальное, историческое, географическое, экономическое.

Пространство, существующее само по себе, в отрыве от человека и его сознания, трудно себе представить. Пространственные характеристики во многом определяются социальными аспектами, и поведение человека зависит от того, в каком пространстве он находится (замкнутом или открытом, людном или безлюдном). В практическом плане пространство представляет огромный интерес для физиков, математиков, инженеров, градостроителей, архитекторов и географов, которые используют пространство для выведения формул, карт и чертежей. Населённые пункты, дома, сооружения организованны пространственно и сгруппированы по отношению друг к другу в определённом порядке. Они имеют внутреннюю структуру, обусловленную представлениями, которые меняются во времени и культуре от эпохи к эпохе. Пространство как географическая среда обитания, включая почву, климат, рельеф, ресурсы, растительный мир, является основой развития цивилизации. Универсальные закономерности отношений человеком с окружающим его пространством как средой обитания в значительной степени повлияли на ход истории, на эволюцию человеческого генотипа, на развитие всех цивилизаций. О влиянии пространства на исторический процесс очень писал ещё Ф. Бродель. Он, в частности, отмечал: «Человек – пленник своего времени, климата, растительного и животного мира, культуры, равновесия между ним и средой, создаваемого в течение столетий, равновесия, которого он не может нарушить, не рискуя многое потерять» [1, с. 124].

Стремление осваивать и покорять новые пространства в разные эпохи приводило к появлению не только отдельных храбрецов, странствовавших по свету, но и к миграции народов. Путешествуя поначалу на короткие, а затем и на более длинные расстояния, мигранты, торговцы, мастеровые распространяли идеи, материальные изделия и духовные ценности на новые земли. И так происходило взаимодействие многих культур и народов. Подобно маленьким ручейкам, бегущим из различных уголков планеты, материальные и духовные ценности сталкивались, объединялись и растворялись, образуя глобальную сокровищницу человеческого знания. Зарождение сельского хозяйства и последовавшее за этим возникновение крепостного права с элементами иерархической системы контроля над прибылью ослабили зависимость человека от природы и обеспечили ему устойчивую продовольственную основу и безопасность за счёт большей концентрации населения в одном географическом пространстве. С началом эпохи массового производства на смену феодальному поместью пришла более крупная территориальная единица политической организации – государство, наделённое монопольным правом на издание законов, взимание налогов и заточение в тюрьмы, способное аккумулировать средства, необходимые для обеспечения защиты, освоения и более эффективного использования пространства.

Сегодня активное внедрение теле- и радио- коммуникаций, транспорта и связи привело к тому, что пространственные и временные координаты многократно усложнились. Жизнь человека состоит целого спектра действий, например получения образования, создания семьи, работы, шопинга, досуга. Все эти виды деятельности требуют времени и пространства, и часто возможны только в определённое время и месте, а, как известно, индивиды по-разному располагают своим временем, средствами транспорта для перемещения в пространстве. Социальная жизнь обладает пространственными свойствами, которые хотя и не столь фундаментальны в познании научной картины мира как объективное физическое пространство, но более существенны в развитии общества. Люди могут жить в одно историческое время, но в разных социальных пространствах. Несмотря на свою близость в физическом пространстве, социальная дистанция между ними может быть огромной. Это, как правило, проявляется в разнице доходов, уровне образования, занятости, системе их ценностей. И хотя люди могут проживать совсем рядом друг с другом, контакт между ними минимален. Они занимают разные социальные пространства. В отличие от большинства физических пространственных координат, которые относительно свободны от временных измерений, поскольку они не столь подвержены изменениям во времени, во всяком случае, не так часто, социальное пространство невозможно рассматривать в отрыве от временных координат, которые предполагают движение во времени и физическом пространстве. Например, люди время от времени переходят с работы на работу, вступают в различные организации, подключаются к электронным сетям или просто путешествуют. Для большинства людей благодаря современным технологическим возможностям пространственно-социальные и физические координаты неизбежно усложняются и находятся в постоянной динамике. Пространство является одним из тех инструментов, посредством которых люди организуют свою деятельность. Оно представляет собой сферу взаимодействия разнообразных индивидов. Объекты материального мира (города, школы, магазины) являются примерами как физического, так и социального пространства. С этой точки зрения, социальное пространство предстаёт как объективная реальность, в которой люди осуществляют свою повседневную деятельность, создают социальные институты и строят материальные объекты. Так, например, нация образует государство, семья – домашний очаг, корпорация – бизнес пространство, парки, скверы, кинотеатры – пространство отдыха.

В плане изучения социального пространства особый интерес представляют работы по социальному пространству П. Бергера, П. Бурдье, В.Г. Виноградского, Э. Кассирера, М. Кастельса, А.И. Кравченко, П.А. Сорокина, А.Ф. Филиппова, П. Штомпки. В частности, как писал П. Сорокин, «эвклидово геометрическое пространство – трёхмерно. Социальное же пространство многомерно, поскольку существует более трёх вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту)» [12, с. 300]. С позиции немецкого философа Э. Кассирера, пространство можно рассматривать с точки зрения трёх аспектов – «физического», «персептивного» и «символического» [15, с. 42-43]. По мнению Кассирера, в физическом пространстве существует каждый биологический вид. Персептивное пространство доступно лишь некоторым животным видам более высокого порядка в силу наличия у них сложного спектра сенсорных возможностей. Символическое пространство в трактовке Кассирера продуцируется только человеком. По его мнению, homo sapiens, как биологический вид, благодаря разуму, интеллекту и стремлению к изменению природного бытия, поделил всё пространство на составляющие, наделив каждую неким социальным смыслом. По мнению Кассирера, в символическом пространстве заключены не только события внешнего (физического) или персептивного мира, но происходит в нём и социальное взаимодействие, складываются обычаи и традиции, правовые нормы, ритуалы и условности. По мнению В.Г. Виноградского, социальное пространство является своего рода «хранилищем», арсеналом потенций, более или менее реальных, более или менее готовых к практическому развёртыванию [2, с. 46]. Например, город объединяет множество людей в относительно небольшое пространство, тем самым экономя время и другие ресурсы, необходимые в человеческой деятельности и социальной организации.

Город – это пример того, как абстрактное пространство приобретает социальный смысл. Мы воспринимаем город не только и не столько как территорию, которая занимает определённое место в объективном физическом пространстве, но как комплекс коммерческих, и промышленных предприятий и жилых зон, соединённых транспортными коридорами и магистралями. Город является одним из примеров социального пространства. Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «город представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт – изолированность и разобщённость» [8, с. 50].

В сознании человека пространство тесно связано с понятием территории, которая всегда была важным элементом в человеческой деятельности. Во все времена люди стремились осуществлять определённый политический контроль над территорией, на которой жили, для того, чтобы иметь возможность добывать и эксплуатировать природные ресурсы и поддерживать свою культурную самобытность. Территория превращает своеобразную метафизику пространства в более универсальную и понятную категорию. Стремление устанавливать и поддерживать контроль над территорией называют территориальностью. По определению географа Р. Сака, территориальность можно определить как «…попытку индивида или социальной группы контролировать или оказать влияние на людей, явления и взаимосвязи путем делимитации и контроля над географическим ареалом» [18, с. 19]. Территориальность существуют на всех уровнях социальных отношений – начиная от отдельно взятого человека или группы людей и заканчивая государством. На уровне отдельного индивида территориальность обычно обозначают термином «личное пространство». Оно включает в себя так называемую «зону комфорта», а также место, которое необходимо нам для осуществления различных видов деятельности (жилое помещение, офис, круг общения). Это пространство можно считать нашей личной территорией, в которую мы стараемся не пускать других.

Антропология, которая базируется на учении Чарльза Дарвина, считает территорию такой же инстинктивной и естественной для человека, как и для большинства животных. Людям, как и животным, свойственно стремление охранять свою территорию. Сохранение её целостности выступает главным компонентом концепции государственного суверенитета, а также всех форм патриотических учений, которые связывают государство с понятием «родина». Как писал И.А. Ильин, «государство в его духовной сущности, есть не что иное, как Родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сложившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания» [5, с. 257]. Для государства территория представляет крайне важный интерес по двум причинам. Во-первых, в состав территории входят недра, которые содержат в себе полезные ископаемые. При этом важен их количественный и качественный состав. Во-вторых, территория представляет большой интерес с точки зрения социальной и культурной общности проживающих на ней граждан. Ассоциативная связь общества с тем пространством, которое оно занимает, формировалась в течение длительного времени некоторыми общественными науками – географией, социологией, политологией, историей, а также практическими интересами государства и политической прозорливостью. Например, государственные переписи, помимо всего прочего, направлены на поддержание идеи общности и системы социальных связей и отношений, которые создают среди людей ощущение разделённой судьбы. Территория создаёт у людей чувство единства и постоянства во времени и пространстве; благодаря территории становится возможна история государств и целых народов. Как писал русский философ И.А. Ильин, «борясь за родину, мы боремся за совершенство, и силу, и свободу духа; а для его расцвета нам нужна и территория, и быт, и государственная мощь» [6, с. 226].

Таким образом, территория является своего рода технологическим средством для управления временем и пространством. Территория – это, одновременно, и пространство, которое тесно связано с нашим сознанием, и инструмент, позволяющий управлять этим пространством. Остальные пространства, в которых протекает жизнь, например, пространство города, деревни, также включаются в то пространство, которое занимает государство, теряя тем самым свою абсолютную автономность, т.е. локальное приобретает функцию националь-

ного. Сама организация общества и жизнь человека тесно связаны с государственной территорией как пространственной системой общности, которая создаёт чувство принадлежности к своему родному краю то, что принято называть «родиной», «домом». Общность в данном случае следует понимать как последовательную и взаимосвязанную систему социальных связей и отношений, которые создают среди людей ощущение разделённой судьбы. Как писал Г.В.Ф. Гегель, «народ и общество – это общность всех единиц и над каждой из них всегда господствует общее (государство – государственный аппарат)» [3, с. 220].

Одной из его основных функций территории государства является установление правовой идентичности человека и принадлежности к своему государству, например, посредством паспортной политики (я – россиянин, француз, американец и т.п.). Контролируя и ограничивая доступ к своей территории, государство объединяет своих граждан в автономную систему культурной идентичности. Территория олицетворяет образ единства, который подразумевает тесную взаимосвязь государства и его граждан. Как писал К. Фрикер, «когда мы говорим о государственной территории, то понимаем под этим само государство в пространственном ограничении», потому, что «государство – это не что иное, как на основе права организованный в пределах определённого пространства народ» [13, с. 225]. Следовательно, и сознание современного человека определяется в терминах государства: вне государства – анархия и неопределённость, внутри государства – стабильность и безопасность. При этом анархия должна пониматься не столько как «недостаток центральной власти и силы», сколько «нехватка законов и институтов, устанавливающих порядок» [17, с. 71]. В свою очередь безопасность следует понимать как защиту территории государства против угрозы со стороны внешнего мира, что равноценно защите Родины. Когда человек в силу каких-либо причин оказывается не принадлежащим своему правовому пространству, его личный правовой статус приобретает уничижительный характер – «лицо без гражданства», что часто вызывает у человека ощущение беспочвенности и даже ненужности.

С точки зрения Б. Андерсона, все современные государства выступают «воображаемыми политическими сообществами», одновременно воображаемые как автономные и суверенные. Воображаемое сообщество отличается от реального тем, что его участники не вступают в повседневное межличностное взаимодействие между собой, вместо этого они удерживают в сознании незримый образ своей общности. И, несмотря на то, что большинство представителей «воображаемого сообщества» лично не знакомы и никогда даже не встречаются, они при этом обладают чувствами единства и сплочённости, а также общими целями, идеалами и интересами [14, с. 6]. Благодаря длительному проживанию в пределах границ государства граждане, вне зависимости от социального происхождения и места проживания (центр или провинция), обладают развитым гражданским самосознанием. Гражданское самосознание предполагает сплочённость граждан, рождает чувство постоянство во времени и пространстве. Так, например, граждане государства испытывают чувства национального единства, гордости и сплочённости, когда их страна участвует в крупных событиях, например, в Олимпийских играх. Подтверждением того, что территория выступает неотъемлемым атрибутом идентичности человека, является вопрос, который обычно задают незнакомцу: «Откуда вы?». И ответ на этот вопрос зачастую может многое сказать о человеке. Вместе с тем, необходимо осознавать и тот факт, что общество не всегда рассматривалось в терминах государства, да и само государство в современном его понимании является относительно новой политической единицей в мировой истории. Современному государству предшествовали более древние формы идентичности и политической ассоциации (вождества, города-государства, восточные деспотии, империи), на смену которым постепенно пришла идея гражданства и единства нации, основанные на месте проживания в пределах государственной территории. Как писал М. Фуко, «с появлением современного капитализма в Западной Европе несколько столетий назад территория стала главным принципом управления государством и символом власти монарха в Новое время» [16, с. 93].

Государство становится при этом центром сосредоточения деятельности представителей разных областей, регионов, культур, занятий, профессий и интересов. Государство начи-

нает рассматриваться и как «…сложившийся в пределах определённой территории и обеспечиваемый при помощи публичных регулятивно-охранительных механизмов порядок управления обществом» [4, с. 20]. Законы и указы, исходящие от суверенных властей применяются в отношении всех граждан и юридических лиц, вне зависимости от места проживания – центр или провинция. Территория в этом плане может пониматься как правовое пространство, то есть пространственная сфера распространения государственной юрисдикции.

В современном мире насчитывается около 200 независимых государств, которые взаимодействуют между собой в рамках международной системы – глобальной по своим масштабам. При этом в современном мире каждый человек на Земле связан с определённым государством, а через него и с конкретной политической, правовой и социально-экономической системой, которая влияет на жизнь индивида и общества в целом.

Библиографические ссылки

1. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории : сб. ст. / общ. ред. И.С. Кона. М. : Прогресс, 1977. С. 115-142.
2. Виноградский В. Г. Социальная организация пространства. М. : Наука, 1988.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1972.
4. Государство. Общество. Личность / под ред. Р.А. Ромашова. М. : Юрист, 2005.
5. Ильин И. А. Путь к очевидности. М. : «Республика», 1993.
6. Ильин И.А. Родина и мы. Статьи. Смоленск: Посох, 1995.
7. Кант. Критика чистого разума. М., 1994.
8. Энгельс Ф. Анти-дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. Т. 20. 2 изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961.
9. Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). М. : «Летний Сад», 1998.
10. Платон. Тимей. М. : Изд-во: Книга по Требованию, 2011.
11. Переписка с Кларком. Лейбниц Г.-В. Сочинения : в 4 т. Т. I. М. : Мысль, 1982.
12. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. А.Ю. Согомонов ; пер. с англ. М. : Политиздат, 1992.
13. Трайнин И.П. Вопросы территории в государственном праве // Известия Академии наук СССР. 1947. № 4.
14. Anderson, B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism / B. Anderson. Rev. and extended ed., 2nd ed. London : Verso, 1991.
15. Cassirer E. An Essay on Man. New Haven : Yale University Press, 1962.
16. Foucault M. The Foucault Effect: Studies in Governmentality / Ed. G Burchell, C. Gordon, & P. Miller. Chicago, University of Chicago Press, 1991.
17. Milner H. The Assumption of Anarchy in International Relations Theory: A Critique. Review of International Studies, Vol. 17, No. 1, pp. 67-85.
18. Sack R. Human territoriality: Its theory and history. Cambridge, New York : Cambridge University Press, 1986.

References

1. Brodel' F. Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' (History and Social Sciences. Historical Duration), *Filosofiya i metodologiya istorii*, sb. st., obshch. red. I.S. Kona. Moscow, Progress, 1977, pp. 115-142.
2. Vinogradskii V. G. Sotsial'naya organizatsiya prostranstva (Social Organization of Space). Moscow, Nauka, 1988.
3. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let : v 2 t.T. 1 (Works of Different Years: In 2 V. V. 1). Moscow, Mysl', 1972.
4. Gosudarstvo. Obshchestvo. Lichnost' (State. Society. Personality), pod red. R.A. Romashova. Moscow, Yurist, 2005.
5. Il'in I. A. Put' k ochevidnosti (The Way to Evidence). Moscow, «Respublika», 1993.
6. Il'in I.A. Rodina i my. Stat'I (Motherland and We. Articles). Smolensk, Posokh, 1995.
7. Kant. Kritika chistogo razuma (Critique of Pure Reason). Moscow, 1994.

8. Engel's F. Anti-Duhring. K. Marks, F.Engel's. *Sochineniya*. T. 20. 2 izd. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961.
9. Rak I.V. Mify Drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm) (Myths of Ancient and Early Middle Ages Iran (Zoroastrianism). Moscow, «Letnii Sad», 1998.
10. Platon. Timei (Timaeus). Moscow, Izd-vo: Kniga po Trebovaniyu, 2011.
11. Perepiska s Klarkom. Leibnits G.-V. Sochineniya, v 4 t. T. I (Correspondence with Clark. Leibniz G.-V. Works, in 4 V. V. I). Moscow, Mysl', 1982.
12. Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo (Human. Civilization. Society), obshch. red., sost. A.Yu. Sogomonov, per. s angl. Moscow, Politizdat, 1992.
13. Trainin I.P. Voprosy territorii v gosudarstvennom prave (Questions of Territory in State Law), *Izvestiya Akademii nauk SSSR*, 1947, No. 4.
14. Anderson, B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism, B. Anderson. Rev. and extended ed., 2nd ed. London, Verso, 1991.
15. Cassirer E. An Essay on Man. New Haven, Yale University Press, 1962.
16. Foucault M. The Foucault Effect: Studies in Governmentality, Ed. G Burchell, C. Gordon, & P. Miller. Chicago, University of Chicago Press, 1991.
17. Milner H. The Assumption of Anarchy in International Relations Theory: A Critique. *Review of International Studies*, Vol. 17, No. 1, pp. 67-85.
18. Sack R. Human territoriality: Its theory and history. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1986.

Дата поступления: 12.04.2018 *Received: 12.04.2018*

УДК 340.1+34(091)

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛЕГИТИМНОГО ГОСУДАРСТВА

ЕНИКЕЕВ Рафаэль Наилевич
кандидат юридических наук, доцент Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: rnenikeev@yandex.ru

TO THE PROBLEM OF THE EMERGENCY OF A LEGITIMATE STATE

ENIKEEV Rafael Nailevich
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor at the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: rnenikeev@yandex.ru

Вопросы о причинах и особенностях появления в человеческом обществе легитимного государства всегда вызывали интерес у представителей различных отраслей науки. Поэтому возникает необходимость всестороннего осмысления государственно-правовых институтов, основанных на ценностях Нового времени. Особо важным становится раскрытие условий того, почему некоторые страны мира в настоящее время находятся в числе развитых стран, а другие отстают в своем развитии. В сущностно-содержательной характеристике понятия «легитимность» появляются моменты, связанные с принятыми в данном обществе ценностями, конституционными нормами, демократическими выборами, референдумом или плебисцитом, которые обусловлены становлением граждан-

The issues of the causes and features of the emergency of a legitimate state have always provoked genuine interest among researchers from various science fields. In accordance with it, there is a need for a comprehensive understanding of state law institutions based on Modern Times values. At the same time, it is especially important to disclose why some countries of the world are currently among the developed countries, while others lag behind in their development. In the essential content of the concept “legitimacy”, there are moments associated with the values, traditions and customs accepted in the society, charisma, constitutional norms, democratic elections, referendum or plebiscite, which are simultaneously conditioned by the development of civil society

ского общества и правового государства. Необходимость решения проблемы легитимности государства требует занять более правильные, научно выверенные и апробированные на практике развитых стран, позиции. Без этого мы не можем сформировать в нашей стране и легитимного государства. Правовое государство является единственно легитимным государством, потому что только правовое государство учреждается гражданским обществом, которое является единственным источником государственной власти и функционирует с согласия воли этого же гражданского общества.

and the rule-of-law state. Simultaneously, the need to address the problem of the legitimacy of the state requires taking up more correct positions, which are scientifically verified and tested in practice of developed countries. Without this, we cannot develop a legitimate state in our country. Moreover, the rule-of-law state is the only legitimate state, because only a rule-of-law state is established by civil society, which is the only source of state power and functions with the consent of the will of the same civil society.

Ключевые слова: естественное состояние в развитии человечества, ценности Нового времени, выход человечества на позиции гражданского общества, современные принципы обществоведения, менталитет народа, общечеловеческие ценности.

Key words: natural state in the development of mankind, modern times values, mankind's getting into position of civil society, modern principles of social science, mentality of the people, universal human values.

Многолетняя собственная работа со студентами-юристами позволяет нам усомниться в том, что студенты юридических вузов нашей страны получают подлинные и необходимые знания о государственно-правовых институтах именно современного общества. Такое наше утверждение более или менее ярко можно проиллюстрировать на примере объяснения в дисциплине «Теория государства и права» проблем, связанных с происхождением государства и его права. Так, в нашей отечественной юридической науке до сих пор остается распространенным представление о происхождении государства и права, содержащееся в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Например, в одном из учебников по дисциплине «Теория государства и права» причины возникновения государства в полной мере раскрываются на основе только этой работы Ф. Энгельса [1, с. 48-67]. Более того, такого рода учебников, где тема происхождения государства, в основном, раскрывается в соответствии с учением марксизма-ленинизма, до сих пор все еще преобладает.

Если строго следовать учению марксизма, то мы не можем не выйти опять-таки к необходимости строительства того же социализма. То есть, получается, что откуда ушли, туда снова пытаемся вернуться. Об этом же пишет и профессор Ф.М. Раянов: «Сегодня многим стало уже ясно, что такой путь развития, то есть с опорой лишь на экономические отношения, предварительно органически не вписываясь в общие законы природы человека, на деле оказался гигантским заблуждением. Это подтверждается и тем, что многие страны так называемого социалистического лагеря, включая СССР, которые пытались развиваться по идеологии марксизма, к настоящему времени распались и трансформировались, а некоторые, включая Российскую Федерацию, пытаются трансформироваться в какие-то иные (остающиеся пока неизвестными для многих) формы общественно-политического развития» [2, с. 18].

На наш взгляд, в этом вопросе представителям российской теоретической правовой науки, действительно, необходимо значительно оторваться от привычного для отечественных представителей общественных наук марксистского подхода к объяснению происхождения общества и государства и, наконец-то, встать на естественно-правовую модель развития человечества. К тому же на международном уровне необходимость реализации естественно-правовых принципов организации жизнедеятельности общества уже была отражена в Концепции устойчивого развития, документально оформленной на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро. Как пишет Ф.М. Раянов, «в

настоящее время организация общественной жизни, как всего человечества, так и отдельных государств и регионов должна основываться на Концепции устойчивого развития» [3, с. 5].

Тем более, в настоящее время почти все обществоведческие научные источники исходят из того, что в истории развития человечества, действительно, был период, когда не было ни государства, ни его права. В принципе и отечественная теоретическая государственно-правовая наука также исходит из такого же положения. Однако различия в этом вопросе начинают проявляться тогда, когда перед представителями отечественной теоретической правовой науки появилась политическая необходимость как-то вписываться в рамки появившегося марксистского учения об обществе.

К тому же такая необходимость, в первую очередь, появилась только для представителей общественных наук нашей страны. Реализация этой необходимости, одновременно, повлияла и на раскрытие сути вопросов, касающихся сущности и социального назначения государства. Это и понятно: поскольку происхождение государства было связано с появлением частной собственности, то оно (государство) не могло и трактоваться кроме как орудие экономически господствующего класса. Исходя из этого, и основное социальное назначение государства определялось лишь в качестве института защиты интересов господствующего же класса. Все эти моменты затем перекочевали и до сих пор используются многими авторами отечественных учебников по дисциплине «Теория государства и права». При этом, несмотря даже на то, что авторами некоторых учебников не всегда упоминается само имя Ф. Энгельса, но из содержания раскрытия вопроса о происхождении государства ясно, что речь идет именно об известном марксистско-ленинском учении происхождения государства. Но, если исходить из параметров мирового масштаба, то марксистско-ленинская теория происхождения государства получила распространение далеко не во всех странах мира. В государственно-правовой практике многих стран мира и, особенно, в развитых странах, представители теории государства и права придерживались других теорий происхождения государства. В частности, во многих странах англо-саксонского мира распространилась естественно-правовая теория происхождения государства, автором которой является английский философ Дж. Локк. В связи с этим профессор Ф.М. Раянов пишет: «Дж. Локк еще в XVII в. (раньше Гегеля), разбираясь в судьбоносных волнениях, происшедших а Англии того времени, пришел к выводу о том, что не государство, а гражданское общество является источником власти. У Локка в схеме общественного устройства наверху не государство, а гражданское общества. Государство является институтом гражданского общества» [4, с. 22]. Г. Гегель, хотя и писал свои произведения намного позже Дж. Локка, но на труды последнего не обращал никакого внимания: у Гегеля, гражданское общество является производным от государства общественным явлением. Однако К. Маркс и его сторонники последовали не за учением Дж. Локка, а по различным причинам – за учением Г. Гегеля. Отсюда, если по Дж. Локку естественно-правовое развитие общества объективно выводит человечество к правовому, то есть, легитимному государству, то марксистское учение об обществе, в конечном счете, вообще должно было привести человечество к состоянию даже отмирания государства из-за его ненадобности.

Между тем, постсоветская Российская Федерация не только не намечает перехода к этапу отмирания государства, но, больше того, в своей Конституции 1993 года позиционирует себя в качестве демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления (ст. 1). Поэтому, опираясь на положения постсоветской Конституции Российской Федерации, Ф.М. Раянов отмечает, что: «в поисках природы и сущности правового государства важнейшей находкой явилось положение о признании и официальном закреплении в соответствующих учредительных документах государство образующего народа в качестве единственного источника власти и носителя суверенитета. Гражданское общество как единственный источник власти учреждает государство, наделяет его полномочиями и оставляет за собой право контроля над тем, насколько государство (по существу, исполнительная власть) осуществляет свои функции от имени и в интересах государство образующего гражданского общества» [5, с. 6]. «Исходя из преамбулы Конституции Российской Федерации, можно говорить о том, что Конституция представляет собой, как Основной закон, изложение условий до-

стижения общественного порядка в государстве на основе договоренности людей между собой, то есть общественный договор. Если на этот вопрос посмотреть с точки зрения организации государства как организации политической власти, то и государство в целом можно воспринимать именно как результат процесса становления общественного порядка путем нахождения общего языка между людьми» [6, с. 118]. Ф.М. Раянов подчеркивает, что «общественный договор – это и есть основной правовой источник формирования и, одновременно, ограничения пределов деятельности избранных, для исполнения законов, управленцев» [7, с. 147]. «Под легитимацией государственной власти в более широком смысле (в соответствии с философией Д. Локка) понимается формирование и деятельность государственной власти с согласия народа, – пишет Ф.М. Раянов. – В свою очередь, понятие «согласие народа» в сущностном смысле тесно связано с составными частями правового государства (конституционализмом, конституцией, гражданским обществом и т.д.). Поэтому лишь при реальном присутствии отмеченных институтов, составляющих основу общественно-политической системы общества, понятие «согласие народа» не превращается в некое аморфное выражение, а будет иметь реальный смысл и возможности реализации на практике» [8, с. 145-146].

В свою очередь, «Новый энциклопедический словарь» легитимацией называет признание, объявление законным, подтверждение законности политического режима, права или полномочия, от латинского слова «legitimus» – законный, правомерный; признание или подтверждение законности государственной власти, какого-либо права или полномочия, опирающееся на принятые в данном обществе ценности. И воспроизводит то, что написано в и в «Большом энциклопедическом словаре»: «основой легитимации могут быть традиции и обычаи, харизма, конституционные нормы, демократические выборы, референдум или плебисцит» [9, с. 712]. Таким образом, в сущностно-содержательной характеристике понятия «легитимность» появляются моменты, связанные с опорой на принятые в данном обществе ценности, традиции и обычаи, харизму, конституционные нормы, демократические выборы, референдум или плебисцит. Более подробно о легитимности власти как степени принятия, восприятия, согласия со стороны управляемых по отношению к управляющим, а также о социально-правовых и психологических аспектах легитимности власти пишут А.М. Дроздова и С.А. Комаров [10, с. 7]. «Все это дает основание говорить о некоей системе ценностей, мотиваций, способствующих оптимальному режиму функционирования общества, гармонизации общественных отношений, иногда несмотря даже на катаклизмы, нередко случающиеся в обществе» [11, с. 183].

Профессор С.А. Комаров пишет, что «конституционное закрепление идеи правового государства в Конституции Российской Федерации следует рассматривать как потребность не только осознания особенностей функционирования российского государственно-организованного общества, но и анализа взаимодействия личности и субъектов политической системы с точки зрения оптимизации их взаимоотношений, обеспечения правовой защищенности, равенства перед законом, а также усиления взаимной ответственности» [12, с. 25]. По мнению Ф.Х. Галиева, «в условиях формирования и дальнейшего развития правового государства правовые нормы становятся более значимыми и действенными, сводя на нет возможность существования неправовых способов решения жизненно важных проблем» [13, с. 9].

Ф.М. Раянов отмечает, что, «как показывает прогрессивная мировая практика, эффективна именно та государственная власть, которая осуществляет свою деятельность в полном согласии со своими гражданами, т.е. правовое государство» [14, с. 16]. На это обращает внимание и А.С. Шабуров: «Ни власть, ни право не могут быть реальными гарантами исполнения законов, если право не легитимировано обществом. Причем, речь идет не просто об обществе, а обществе гражданском. Оно представляет собой не совокупность индивидов, а целостное, системное образование. Гражданское общество можно охарактеризовать как высокоорганизованное на основе права, общество свободных тружеников, частных собственников, характеризующееся высоким уровнем политической и правовой культуры» [15, с. 24].

Поэтому в современных условиях «гражданское общество – единственный социальный институт легитимации современной государственной власти» [16, с. 8], и это положение подтверждается тем, что «институты гражданского общества и правового государства в со-

временном мире стали основными трендами при решении вопросов выбора перспектив человеческого развития» [17, с. 59].

Об этом пишут и другие исследователи. «Правила не всегда существуют как обязательный порядок – свод законов – или принимаются людьми сознательно, – пишут авторы книги «Правильное общество», – иногда они вдруг появляются и быстро исчезают, и правила должны быть легитимными – либо они законны, тогда мы им подчиняемся, потому что за ними стоит вся сила государственного принуждения, либо обладают некоей степенью моральности, которая не обеспечивается силой правосудия, но принадлежит сфере порядочности и самосознания, и только так правила становятся более или менее справедливыми, признаваемыми всеми нами» [18, с. 12-13].

Говоря о том, что понятия «гражданское общество» и «правовое государство» в современных условиях нуждаются в переосмыслении, Ф.М. Раянов подчеркивает, что «о народе, как о единственном источнике власти, хотя формально, но что-то еще нам известно и об этом иногда вспоминают в теоретической правовой науке. Но вот о народе же, как о единственном источнике права, отечественная юридическая наука пока еще вообще ничего даже не знает. Да, я не оговорился: именно государство – образующего народа или гражданского общества, что, по нашему мнению, одно и то же, необходимо рассмотреть в качестве не только единственного источника власти, но и единственного источника права» [19, с. 5]. Получается, что и по вопросам взаимодействия гражданского общества и правового государства нам необходимо встать на более правильные, научно выверенные и апробированные на практике развитых стран, позиции. Без этого мы не можем сформировать в нашей стране и легитимного государства: именно правовое государство как раз и является единственно легитимным государством. Потому что только правовое государство учреждается гражданским обществом, – единственным источником государственной власти – и функционирует с согласия воли этого же гражданского общества.

Библиографические ссылки

1. Любашиц В. Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права : учебник 2-е изд., доп. и перераб. Ростов /Д : Феникс, 2010.
2. Раянов Ф. М. Правовое обществоведение. М. : Юрлитинформ, 2018.
3. Раянов Ф.М. Концепция устойчивого развития и российская государственно-правовая действительность // Право и политика. 2004. № 12 (60). С. 5-10.
4. Раянов Ф. М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // Lex Russica. 2015. № 8. С. 14-25.
5. Раянов Ф. М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.
6. Галиев Ф.Х. Конституция и общественное сознание // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиоло-гия пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конферен-ции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 114-122.
7. Раянов Ф.М. Кризис понимания права в отечественной юридической науке и пути его преодоления // Методологические проблемы освоения правовой действительности : материалы III Международного научно-практического семинара (14-15 мая 2015 года). Челябинск : ЮУрГУ, 2015. С. 145-150.
8. Раянов Ф.М. Теория правового государства : монография. М. : Юрлитинформ, 2014.
9. Новый энциклопедический словарь. М. : РИПОЛ классик, 2012.
10. Дроздова А.М., Комаров С.А. Легитимация и ответственность власти во взаимоотношениях государства и личности (социально-философские и правовые аспекты) : монография. 2-е изд. СПб. : Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2011.

11. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
12. Комаров С.А. Правовое государство, личность, власть // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 25-31.
13. Галиев Ф.Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство: теория и практика. 2009. № 4 (18). С. 8-9.
14. Раянов Ф.М. Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 10-19.
15. Шабуров А.С. Правовое государство: общетеоретические и практические проблемы формирования в России // Проблемы формирования правового государства в России : материалы Международной научно-практической конференции 20-21 марта 2013 г. Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. С. 15-24.
16. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 6-14.
17. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы : монография. М. : Юрлитинформ, 2017.
18. Липатов А.А., Купрейченко А.Б., Громова А.И., Шрадер Х. Правильное общество / под. ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Питер, 2015.
19. Раянов Ф.М. Понимание гражданского общества и правового государства в отечественной юридической науке и современные потребности в его переосмыслении // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа 16-17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. С. 3-11.

References

1. Lyubashits V. Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law), uchebnik 2-e izd., dop. i pererab. Rostov-na-Donu, Feniks, 2010.
2. Rayanov F. M. Pravovoe obshchestvovedenie (Legal social studies). Moscow, Yurlitinform, 2018.
3. Rayanov F.M. Kontseptsiya ustoichivogo razvitiya i rossiiskaya gosudarstvenno-pravovaya deistvitel'nost' (The concept of sustainable development and the Russian state law reality), *Pravo i politika*, 2004, No. 12 (60), pp. 5-10.
4. Rayanov F. M. Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyanie, puti pereosmysleniya (Theory of the rule-of-law state in Russia: status, ways of rethinking), *Lex Russica*, 2015, No. 8, pp. 14-25.
5. Rayanov F. M. Aktual'nye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual problems of theory and practice of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.
6. Galiev F.Kh. Konstitutsiya i obshchestvennoe soznanie (Constitution and public consciousness), *Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitutsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proportsional'nosti*, materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po konstitutsionnomu pravu, Sankt-Peterburg, 20-22 maya 2016 g., pod obshch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, 2017, pp. 114-122.
7. Rayanov F.M. Krizis ponimaniya prava v otechestvennoi yuridicheskoi nauke i puti ego preodoleniya (Crisis of understanding of law in national legal science and ways to overcome it), *Metodologicheskie problemy osvoeniya pravovoi deistvitel'nosti*, materialy III Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara (14-15 maya 2015 goda). Chelyabinsk, YuUrGU, 2015, pp. 145-150.
8. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva (Theory of the rule-of-law state), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2014.
9. Novyi entsiklopedicheskii slovar' (New encyclopedic dictionary). Moscow, RIPOL klassik, 2012.
10. Drozdova A.M., Komarov S.A. Legitimatsiya i otvetstvennost' vlasti vo vzaimootno-sheniyakh gosudarstva i lichnosti (sotsial'no-filosofskie i pravovye aspekty) (Legitimation and responsibility of the authorities in the relations between the state and the individual (socio-philosophical and legal aspects)), monografiya. 2-e izd. St. Petersburg, Izd-vo Yuridicheskogo instituta (Sankt-Peterburg), 2011.

11. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskie problemy (Legal culture: socio-philosophical problems), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 7, pp. 182-190.
12. Komarov S.A. Pravovoe gosudarstvo, lichnost', vlast' (Rule-of-law state, personality, power), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2013. № 2 (32). pp. 25-31.
13. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura i kul'turnye traditsii: sushchnostno-soderzhatel'noe vzaimodeistvie (Legal culture and cultural traditions: essential content interaction), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2009, No. 4 (18), pp. 8-9.
14. Rayanov F.M. Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya pravovogo gosu-darstva v Rossii (Theoretical and practical problems of the formation of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 2 (32), pp. 10-19.
15. Shaburov A.S. Pravovoe gosudarstvo: obshcheteoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya v Rossii (The rule-of-law state: general theoretical and practical problems of its formation in Russia), *Problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossii*, materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 20-21 marta 2013 g. Ufa, RITs BashGU, 2013, pp. 15-24.
16. Rayanov F.M. Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo – sut' vsei sovremennoi teorii obshchestvennogo razvitiya (Civil society and the rule-of-law state are the essence of the whole modern theory of social development), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 1 (39), pp. 6-14.
17. Rayanov F.M. Filosofiya prava: diskursivnyi analiz i novye vyvody (Philosophy of law: discursive analysis and new conclusions), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2017.
18. Lipatov A.A., Kupreichenko A.B., Gromova A.I., Shrader Kh. Pravil'noe obshchestvo (Correct society), pod. red. Yu.V. Veselova. St. Petersburg, Piter, 2015.
19. Rayanov F.M. Ponimanie grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva v oteche-stvennoi yuridicheskoi nauke i sovremennye potrebnosti v ego pereosmyslenii (Understanding of civil society and the rule-of-law state in national legal science and modern needs for its rethinking), *Pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizatsii*, sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 10-letiyu zhurnala «Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika» (g. Ufa 16-17 aprelya 2015 g.), otv. red. F.Kh. Galiev. V 2-kh ch. Ch. 1. Ufa, RITs BashGU, 2015, pp. 3-11.

Дата поступления: 20.04.2018 *Received: 20.04.2018*

УДК 340.1+34(091)

ОБ ИНСТИТУТЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЛИ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ON THE INSTITUTE OF SOURCES OF LAW: CURRENT STATUS OR THE RUSSIAN-KAZAKH REALITY

ЖУНУСКАНОВ Толыбек Жунусканулы
аспирант кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический Институт» (Санкт-Петербург), адвокат Костанайской областной коллегии адвокатов, г. Костанай, Республика Казахстан.
E-mail: zhunuskanov_t@mail.ru

ZHUNUSKANOV Tolybek Zhunuskanuly
Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Administrative Law of the PEI HE "Law Institute" (Saint Petersburg), Lawyer of the Kostanay Regional Bar Association, Kostanay, Republic of Kazakhstan.
E-mail: zhunuskanov_t@mail.ru

В процессе уточнения содержания и формулирования определения понятия «институт источников конституционного права» возникают проблемы теоретико-правового характера. Они требуют обратить внимание на синони-

In the process of clarifying the content and formulating the definition of the concept "the institute of sources of constitutional law", problems of a theoretical and legal nature turn up. These problems draw attention to scientists'

мические и омонимические подходы ученых к данному институциональному явлению. Предлагаемое автором определение понятия «источники конституционного законодательства» сформулировано с учетом всех этих моментов. Главенствующим источником конституционного права современного государства являются нормативные правовые акты (только законы), содержащие конституционно-правовые нормы, основанные на нормах Конституции. Обязательным условием является принятие законов высшим законодательным органом государства без каких-либо ссылок на чрезвычайные обстоятельства и т.д., по специальной, коллегиальной процедуре или же лично народом, поэтому остальные нормативные правовые акты являются подзаконными актами. В таком же порядке должны быть формированы и источники конституционного законодательства, ибо они являются фундаментальными составляющими и основой самой Конституции, через которых реализуются ее основополагающие принципы.

Ключевые слова: конституция, конституционное законодательство, закон, источник права, форма права.

synonymous and homonymous approaches to this institutional phenomenon. The definition of the concept “sources of constitutional legislation” proposed by the author is formulated with account of all these details. Herein, the main source of constitutional law of the modern state is normative legal acts (only laws) containing constitutional law norms based on the norms of the Constitution. An obligatory condition is the adoption of laws by the highest legislative body of the state without any reference to extraordinary circumstances, etc., according to a special, collegial procedure or personally by the people, therefore other normative legal acts, whatever special they may be, are subordinate acts. Sources of constitutional legislation must also be formed in the same way, as they are fundamental components and the basis of the Constitution itself, through which its fundamental principles must be realized.

Key words: constitution, constitutional legislation, law, source of law, form of law.

Сегодня правовые ценности развиваются в тесной взаимосвязи с политикой, где право переживает глобальный кризис, вызванный традицией англо-американской правовой культуры и правосознания. Сложилась ситуация, когда право во все большей степени воспринимается с позиций политического или нравственного прагматизма. В этой обстановке особая роль в деле обновления и интеграции выпадает на долю исторического правоведения, призванного сохранить первичные смысловые значения права. Поскольку для формирования конституционного законодательства, помимо различного вида толкования и аналогии права, а также и их систематизации, значение имеет содержание самих источников.

В научно-практической литературе практически отсутствует общепринятое понятие источников права, конституционного законодательства, в частности. Поэтому в данной статье делается попытка выяснить эти вопросы на примере Российской Федерации и Республики Казахстан с учетом имеющихся понятий и терминов, взглядов ученых и юридической практики. Выбор не случаен, он обусловлен тем, что уровень научной разработки проблемы, и прежде всего общего понятия источников права, явно недостаточен, а практика его применения крайне противоречива. Они не устранены и на конституционном уровне. Имеются крайне несогласованные толкования конституционных и судебных органов, что приводит юридическую практику в правовой тупик. Хотя по этому поводу, к примеру, в Республике Казахстан действует закон «О правовых актах», где регламентированы иерархия нормативных правовых актов по юридической силе и требования к содержанию и стилю изложения текста нормативного правового акта, согласно которого «высшей юридической силой обладает Конституция Республики Казахстан. Каждый из нормативных правовых актов нижестоящего уровня не должен противоречить нормативным правовым актам вышестоящих уровней. Текст нормативного правового акта излагается с соблюдением норм литературного языка, юридической терминологии и юридической техники, его положения должны быть предельно краткими, со-

держать четкий и не подлежащий различному толкованию смысл» [1]. На него ориентировано действующее законодательство республики. Однако в законе иерархия нормативных правовых актов по их источникам отсутствует, что приводит к разному толкованию по данному крайне важному вопросу. Если, к примеру, обратить внимание на Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – ГПК РК), то, с одной стороны, в нем, в соответствии с международным правом, имеется запись о том, что судопроизводство основано на Конституции Республики Казахстан, хотя нет ни одной ссылки на ее конкретные нормы, и поэтому они не применяются ни в судопроизводстве, ни в правосудии [2]. Подобный подход разработчиков проекта ГПК РК и законодателей ставит под сомнение высшую юридическую силу Конституции Республики Казахстан. С другой стороны, на это могли повлиять омонимические и синонимические подходы ученых, а также отдельные интерпретаторы в лице уполномоченных органов государства, которые за счет ссылок на те или иные словоформы усложнили само понятие, внесли путаницу.

В Российской Федерации и Республике Казахстан данная проблема изучается с позиции формы правления и государственного устройства. В последние годы, в научной теории источником права стали называть не только внешнюю форму выражения права, но и социальные предпосылки (общественные отношения), субъект правотворчества (государство), его деятельность, организационные формы принятия нормативного правового акта. Так, на практике, в обоих государствах о Конституции как источнике права упоминается, в основном, при толковании ее норм. То есть на практике конституционные нормы и ее принципы применяются путем толкования. В частности, согласно постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 года № 3 «Об официальном толковании п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 14, подпункта 3) п. 3 ст. 77, п. 1 ст. 79 и п. 1 ст. 83 Конституции Республики Казахстан», поскольку п. 1 ст. 4 Конституции относит нормативные постановления Верховного Суда к действующему праву Республики Казахстан, а п. 2 этой же статьи закрепляет верховенство Конституции и прямое действие ее норм, то Верховный Суд вправе, руководствуясь статьями 28 и 31 Указа Президента Республики Казахстан, имеющего силу конституционного закона, «О судах и статусе судей в Республике Казахстан»***,** издавать нормативные постановления по вопросам применения норм Конституции в судебной практике [3]. В данном постановлении норма п. 1 ст. 4 Конституции Республики Казахстан толкуется в пользу правоприменителей, при этом, поскольку к действующему праву относятся нормативные постановления Верховного Суда, то из этого следует понимать, что Верховный Суд полномочен издавать нормативные постановления только по вопросам применения в судебной практике норм законодательства, в том числе и норм Конституции. Встречаются и другие подходы, которые привели к тому, что понятие «система источников права» обычно заменялось понятием «система законодательства». В результате этого, проблема роли источников права в правовой системе вытеснялась вопросом о соотношении системы права и системы законодательства. Сама терминология – «нормативный акт», «законодательство в широком смысле» – как бы стирала грань между законом и подзаконными актами. Неясность термина также обусловливалась семантико-информационной нагрузкой, вкладываемой в содержание исследуемого термина.

По нашему мнению, по своей природе термин «источники права» в повседневном функционировании также все время движется через многие «неясности», в том числе, и через процедуры известной на практике интерпретации законов. Такая ситуация способствует определению иерархического правоположения того или иного нормативного правового акта, что влияет на единообразное применение закона, на источники и содержание конституционного законодательства. Однако законность и конституционность такого правоположения нормативных правовых актов разъяснены нормативными постановлениями органов конституционного контроля, что противоречит принципам Конституции и конституционного законодательства названных стран, которые повлияли на их источники и иерархические структуры, в том числе и на конституционные законы. Для убедительности обратимся к практике. В Казахстане Верховный Суд Республики Казахстан по вопросам применения нормы Конституции Республики Казахстан и законодательства республики дает разъяснения, в процессе

которого фактически создаются совершенно новые нормы, с иными смыслами и содержанием. Хотя в соответствии с требованиями ст. 72 Конституции Республики Казахстан толкование нормы Конституции Республики Казахстан входит в компетенцию Конституционного Совета Республики. Тем не менее, 6 марта 1997 г. было принято постановление Конституционного Совета Республики Казахстан «Об официальном толковании п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 14, подпункта 3) п. 3 ст. 77, п. 1 ст. 79 и п. 1 ст. 83 Конституции Республики Казахстан».

Другим важным фактором, влияющим на содержание источников права, является форма государственного устройства. Так, Президент Республики Казахстан издает указ, имеющий силу конституционного закона. Подобного конституционного указа в Российской Федерации не имеется [4]. На наш взгляд, здесь содержание данного указа не соответствует форме и своему назначению, имеет разные выражения. Если внимательно читать текст Конституции Республики Казахстан, то Парламент Республики не может делегировать Президенту Казахстана право на издания указа, имеющего силу конституционного закона. Лишь при неисполнении Парламентом Республики Казахстан требования Президента Казахстана рассмотреть тот или иной проект закона в течение месяца со дня его внесения, Президент Казахстана вправе издать указ, имеющий силу закона, который действует до принятия Парламентом Республики нового закона в установленном Конституцией Республики Казахстан порядке [5]. То есть в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, только проект конституционного закона, рассмотренный Мажилисом Парламента, переданный в Сенат (Верхняя Палата), становится конституционным законом (п. 5-1 ст. 61). Данное положение истолковано в пользу правоприменителей, что является продуктом отрыва воли законодателя от словесной формы ее выражения. Здесь, как видим, имеет место проблема омофонии, которая существует для слушающего и не существует для говорящего [6, с. 55-56].

В то же время, с научно-теоретической точки зрения, одной из причин недостаточной теоретической разработки проблемы является многозначность и нечеткость самого понятия «источник права». О «размытости категории» говорили многие ученые (Б.Л. Железнов, С.А. Комаров, С.Л. Зивс, О.Е. Кутафин, С.Ф. Кечекьян и др.). Так, практический структурно-синтаксический ракурс рассмотрения находит отражение и в определении С.Ф. Кечекьяна: оно «принадлежит к числу наиболее неясных в теории права. Не только нет общепризнанного определения этого понятия, но даже спорным является самый смысл, в котором употребляются слова «источник права». Ведь «источник права» – это не более как образ, который скорее должен помочь пониманию, чем дать понимание того, что обозначается этим выражением» [7, с. 3]. И, больше того, нередко сам термин «источник» употребляется в разных значениях [8, с. 226], который тесно связан с его толкованием.

Большинство исследователей (С.Ф. Кечекьян, А.В. Мицкевич и др.) под юридическим источником права понимает форму, в которой выражено правило, сообщающее ему качества правовой нормы; тот единственный «резервуар», в котором пребывают юридические нормы; форму установления и выражения правовых норм и т.д. При этом последняя формула толкуется неоднозначно. Так, одни авторы здесь имеют в виду нормотворческую деятельность государства, другие – результат этой деятельности (различные нормативные акты; законы, декреты и т.д.), третьи – и то, и другое, объединяемое общим понятием «внешняя форма права» [9, с. 5]. Отдельные ученые (Н.Г. Александров, Л.Р. Сюкияйнен и др.) относят к источникам права в формальном смысле интерпретационную деятельность государства по установлению правовых норм, либо административные и судебные прецеденты. При этом, формы выражения таких норм рассматриваются как формы, а не как источники права. «Проблема источника права, – замечает в этой связи Л.Р. Сюкияйнен, – прежде всего проблема роли государства в образовании юридических норм. Поэтому формальный (юридический) источник права… является по существу формой участия государства (или других институтов) в правообразовании» [10]. В юридической литературе, в целом под источником права понимается форма, в которой выражаются правовые нормы. В этом смысле, термин «источник права» содержит в себе два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, источник права представляет собой внешнюю

форму выражения правовых норм; во-вторых, под источником права понимается форма придания правилам поведения юридически обязательного характера – характера норм права.

Даже и при такой взаимосвязи два этих аспекта не всегда совпадают. Не совпадают, поскольку государство создает и издает правовые нормы в виде законодательных и иных нормативных правовых актов либо санкционирует последние, придавая им тем самым юридическую силу (например, нормы международных договоров, нормы, содержащиеся в актах местного самоуправления, нормативные постановления и т.д.), которые без учета внутреннего содержания отнесены к источникам права. Например, содержание нормы п. 1 ст. 3 Гражданского кодекса РК [11]. Отсюда исходит еще одно определение. Суть его заключается в том, что под юридическим источником права понимается та официальная форма, в которой излагаются нормы права, так, как они восприняты законодателем, правоприменителем. Она (форма) свидетельствует об их общеобязательном значении. В данном случае, это форма выражения государственной воли, ее закрепления в письменном виде, при этом, как видим, внутренний текст не имеет значение. Здесь необходимо подчеркнуть, что понятие источника (формы права) употребляется для обозначения того акта, к которому надо обратиться, чтобы найти в нем норму права, необходимую для решения конкретного юридического дела. С этой точки зрения, юридические источники (формы) права нельзя рассматривать в отрыве от государства, так как они создаются в результате деятельности государственных органов, называемых правотворческими, и, прежде всего, отражают и защищают их интересы.

Следующий признак источника права, который придает ему юридическую силу, это, конечно, его форма. В этих целях, в научной теории под формой (источником) права принято понимать способы придания официальной юридической силы правилу поведения и ее внешнее официальное выражение. Форма показывает, каким способом государство создает, фиксирует ту или иную норму права, в каком виде эта норма доводится до сознания людей. В данном случае выделяют: а) источник права в материальном смысле; б) источник права в идеальном смысле (ранее это называлось – в «идеологическом смысле»); в) источник права в юридическом (формальном) смысле. Исходя из ошибочной юридической практики, сюда можно добавить, практикующие ныне, источник права в правоприменительном смысле. Наличие таких подходов ученых объясняется тем, что они обладают основными признаками смыслового значения языка права, выступают их выразителями, хотя все они характеризуются фразеологичностью. В данном случае также наблюдается синониминация и омониминация языка права. Источником права в материальном смысле являются развивающиеся общественные отношения, сторонами которых выступают государство, общество и его члены. Когда же говорят об источниках в юридическом смысле, то имеют в виду различные формы (способы) выражения, абсолютные объективизации правовых норм. В таком случае, под источниками права в юридическом смысле понимаются формы выражения, объективизации нормативной государственной воли. Однако, по нашему мнению, здесь не учтено то обстоятельство, что право, как и язык, является средством общения. Это и есть внешняя форма права в истинном значении термина, которая определяется как способ существования, выражения и преобразования правовых норм, где его текст (содержание) имеет первостепенное значение. Здесь внутренняя форма права – это структура и связи. В таком случае, для полноценного формирования внутренней формы права сюда нужно добавить и ее содержание. Тогда игнорирование этого при изучении источника права было бы, по крайней мере, выражением высокомерия по отношению к нормам права, оказанием пренебрежения к Конституции страны. Если все это не учесть на практике, то на деле мы можем получить не закон, а всего лишь документы нормотворчества с известными последствиями.

Это еще раз убеждает в том, что в действительности выбор той или иной формы права не случайность для государства. При такой раскладке правовой действительности самая совершенная форма лишена всякой ценности, если она является лишь формой определенного (позитивно оцениваемого) содержания и отсутствует конкретика по той или иной правовой ситуации (ее внутреннее содержание). Такие подходы к форме источников права, которые не учитывают его внутреннее содержание, заставляют вспомнить высказывание о том, что

«форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [12, с. 159]. В научной среде и на практике встречаются все больше противоречивых взглядов по поводу абсолютного определения термина «источник права». Эти проблемы по сей день являются ахиллесовой пятой правовой системы России и Казахстана. Анализ теоретических представлений об источниках права и, в частности, об иерархических взаимоотношениях в среде источников права, позволяет говорить о двойственном понимании термина «источник права»: в теоретическом смысле (с точки зрения абстрактного понятия, обобщающего наиболее типичные черты той или иной совокупности схожих по порядку принятия и оформлению правовых актов), то есть нормативный правовой акт, судебный прецедент, правовой обычай и т.д., и в отраслевом смысле, где понятие «источник права» носит более прикладной, детальный характер, обозначая все разновидности правовых актов (в первую очередь, различные виды нормативных правовых актов), содержащих нормы соответствующих отраслей права.

Имеется иной противоречивый подход к анализируемому термину. Например, О.Е. Кутафин проводит анализ источников конституционного права РФ, исходя из классификации этих источников по территориальному признаку. В частности, он отмечает, что «в условиях федеративного государства, а равно учитывая иерархию нормативных актов – источников конституционного права, классификация этих источников по их территориальному признаку, т.е. распространению действия на территории того государства, государственно-территориального образования и т.д., органами которого издан соответствующий нормативный акт, представляется наиболее удачной. С этой точки зрения все источники конституционного права России подразделяют на федеральные, федерально-региональные, региональные, регионально-местные и местные» [13, с. 32-33]. Здесь в качестве федерального конституционного источника выступает Конституция Российской Федерации. Как и все предыдущие российские Конституции, Конституция Российской Федерации 1993 г. провозглашена в качестве акта высшей юридической силы, которая, в отличие от прежних, считается актом прямого действия. Однако применение конституционных норм прямо и непосредственно не исключает применение в дополнение к ним имеющихся нормативных актов более низкого уровня, развивающих и конкретизирующих нормы Конституции. То есть согласно данной теории, к источникам конституционного законодательства можно относит и иные подзаконные акты, детализирующие либо содержащие конституционно-правовые нормы, которые обусловлены и в целом исходят из специфики государственного устройства. По мнению казахстанских ученых, Конституция Республики Казахстан имеет ряд особых черт, связанных с определением источников права, где перечислены источники права (п. 1 ст. 4), которые фиксированы в общих чертах. В частности, Г.С. Сапаргалиев считает, что не все виды правовых актов, указанные в п. 1 ст. 4 Конституции Республики Казахстан, относятся к источникам конституционного права. К основным источникам он относит не только правовые нормы Конституции Республики Казахстан, но и другие ее элементы: принципы, декларативные положения, понятия, цели, задачи. Автор видит своеобразие Конституции Республики Казахстан как источника конституционного права в том, что, как он утверждает, в ней указаны формы других ее источников: конституционные и обычные законы, нормативные указы и постановления Президента, постановления Правительства, а также степень юридической силы, порядок принятия, опубликования и отмены [14, с. 6-10]. Исходя из данной позиции, ученые Казахстана (Г.С. Сапаргалиев, А.Т. Ащеулов и др.) характеризуют правовые нормы Конституции Республики Казахстан как источников права следующим образом.

1) В Конституции закрепляются правовые нормы, являющиеся основополагающими для всего конституционного законодательства.

2) Правовые нормы Конституции относятся ко всем сферам жизни государства и общества: политической, экономической, социальной, культурной. Разумеется, они не регулируют подробно и всесторонне общественные отношения в указанных сферах. Они регулируют лишь существенные, главные стороны важнейших общественных отношений.

3) Конституция по сравнению с другими источниками конституционного права имеет высшую юридическую силу и применяется на всей территории Казахстана. Законы и другие

нормативные правовые акты, принимаемые в Республике Казахстан, должны исходить из Конституции и не должно противоречить ей.

4) Значение Конституции как основного источника не только конституционного права, но и всех других отраслей права обусловлено тем, что в ней непосредственно воплощены государственная воля народа, его стремление построить правовые демократическое государство, стать равноправным членом мирового сообщества.

5) Конституция отличается от других источников права и тем, что она является Основным законом не только государства, но и общества в целом.

6) Конституция отличается от других источников конституционного права еще и тем, что устанавливает особый порядок принятия изменений и дополнений. Такой порядок обусловлен значением Конституции как Основного закона государства и общества и необходимостью обеспечения ее стабильности.

Что можно здесь сказать? По нашему мнению, подобный научный подход «к правовым нормам Конституции Республики Казахстан как источникам права» не отражает истинное содержание источников права, конституционного законодательства в частности, которые не только призваны декларировать предназначения Конституции и ее принципов, а обязаны реализовать требования Конституции и ее принципов в режиме реального времени. К примеру, особый порядок принятия изменений и дополнений Конституции (См.: вышеперечисленный пункт 6 характеристики правовых норм Конституции как источников права) никак не отражается на ее прямом действии, а дестабилизирует конституционные нормы, открывает правовую лазейку для толкования и разъяснения. Следующее. Конституция Республики Казахстан, по большому счету, не содержит правовые нормы, а нормы носят декларативный характер. Потому институт конституционного права предназначен для тех, кто интересуется различными аспектами конституционализма. Еще одно своеобразие заключается в том, что в Конституции Республики Казахстан указаны формы других его источников: конституционные, обычные законы, нормативные указы и постановления Президента, постановления Правительства, а также степень юридической силы, порядок принятия, опубликования, отмены. В частности, в Казахстане законы, регулирующие организационно-правовую деятельность высших должностных лиц государства, депутатов Парламента, судьей и т.д. и соответствующих уполномоченных органов имеют статус конституционных законов, отсюда исходит их иерархические статусы, которые отразились и на содержания источников.

Встречаются и другие характеристики источников конституционного права Республики Казахстан. К примеру, А.Т. Ащеулов полагает, что «под источником конституционного права следует понимать юридические формы, способы выражения правовых норм (действующие нормативные акты), регулирующие основные комплексы общественных отношений, образующих предмет конституционного права» [15, с. 25-26]. Некоторые авторы источником конституционного права считают нормативные правовые акты страны, а также судебные прецеденты, правовые обычай, международные и внутригосударственные договоры [16, с. 6]. Другие определяют источники конституционного права как «нормативные акты… изданные органами государства в установленном порядке или принятые народом. Специфика источников конституционного права состоит в том, что они регулируют наиболее важные общественные отношения, то есть права и свободы человека и гражданина, основы общественного строя, организацию государственной власти» [17, с. 9-10]. Это убеждает нас в том, что виды источников конституционного права достаточно разнообразны, многие из них указаны в Конституции, которых в целом, объединяет одна цель – обеспечения комплексного правового регулирования норм Конституции, а также ее прямого действия.

Таким образом, если исходит сквозь призмы формы права (источников права), с учетом их разнообразия, многообразия и специфику, в любом случае главенствующим источником конституционного права современного государства является нормативные правовые акты (только законы), содержащие конституционно-правовые нормы, основанные на нормах Конституции. Здесь обязательным условием является принятия законов высшим законодательным органом государства, без каких-либо ссылок на чрезвычайные обстоятельства и т.д.,

по специальной, коллегиальной процедуре или же лично народом, поэтому остальные нормативные правовые акты, какими бы специальными правилами они не были облечены, являются подзаконными актами. В таком же порядке должны быть формированы и источники конституционного законодательства, ибо они являются (обязаны быть) фундаментальными составляющими и основой самой Конституции, через которых должны быть реализованы ее основополагающие принципы, без интерпретации и толковании либо разъяснении. Конституция в этом не нуждается. Наука и практика, в этой связи, обязаны быть взаимоувязанными, что по сей день не наблюдается в правовых системах России и Казахстана, хотя они имеют модельные схожества. Обобщая вышесказанное, можно сделать следующий вывод: под источниками конституционного законодательства современного государства понимаются нормативные правовые акты, содержащие конституционно-правовые нормы, принятые уполномоченным органом государства, по специальной процедуре либо лично народом, через всенародное голосование, обусловленные внутренней взаимосвязью и целостностью, устойчивыми отношениями и связями между ее составными элементами, отличающиеся общеобязательностью и множественностью иерархией.

Примечание

*****Утратил силу. Ныне действует конституционный закон РК от 25 декабря 2000 года № 132 «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан».

Библиографические ссылки

1. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах», в ред. от 1 января 2017 года // Ведомости Парламента РК. 2016. № 7-I. Ст. 46.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК, в ред. от 18 апреля 2017 года // Казахстанская правда. 2015. № 210.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 года № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции РФ» [Электронный ресурс]. URL: http//www.base.garant.ru (дата обращения: 27.04.2017) и т.д. Постановление Конституционного Совета РК от 6 марта 1997 года № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3) пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции РК» в ред. от 8 ноября 2007 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.adilet.zan.kz/rus (дата обращения: 27.04.2017).
4. Пункт 1 ст. 90 Конституции Российской Федерации [официальный текст]: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.]: по состоянию на 21 июля 2014 года // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 152.
5. Нормы пункта 2 ст. 61 Конституции Республики Казахстан [официальный текст]: [принята на республиканском референдуме 25 декабря 1995 г.] : по состоянию на 10 марта 2017 года // Ведомости Парламента РК. 1996. № 4. Ст. 217.
6. Ручимская Е.М. Синонимия и омонимия в языке и речи // Русская речь. 2014. № 5. С. 55-56.
7. Кечекьян С.Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. Кн. 2. М., 1946. С. 3.
8. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. 8-е изд. СПб.: Изд-во Юридический институт, 2012.
9. Чиркин В.Е. Закон как источник права в развивающихся странах // Источники права. М., 1985. С. 5.
10. Муромцев Г.И. Источники права: Теоретические аспекты проблемы // Правоведение. 1992. № 2. С. 23-30.
11. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года, в ред. от 27 февраля 2017 года // Ведомости Верховного Совета РК. 1994. Ст. 23-24.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты по поводу закона о краже леса // Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955.
13. Кутафин О.Е. Источники конституционного права в Российской Федерации. М. : Изд-во Юристь, 2002.

14. Сапаргалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан : учебник. Алматы, 2002.
15. Конституционное право Республики Казахстан : учебник / сост. А.Т. Ащеулов. Алматы: Изд-во Каз ГЮА, 2001.
16. Абельдинов А.К., Копабаев О.К. Конституционное право зарубежных стран : учебник. Алматы, 1997.
17. Баишев Ж. Конституционное право Республики Казахстан : учебник. Алматы, 2001.

References

1. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 6 aprelya 2016 goda № 480-V «O pravovykh aktakh», v red. ot 1 yanvarya 2017 goda (Law of the Republic of Kazakhstan of April 6, 2016 No. 480-V "On Legal Acts", in red. from January 1, 2017), *Vedomosti Parlamenta RK*, 2016, No. 7-I, St. 46.
2. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 31 oktyabrya 2015 goda No. 377-V ZRK, v red. ot 18 aprelya 2017 goda (Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of October 31, 2015 No. 377-V ZRK, ed. from April 18, 2017), *Kazakhstanskaya pravda*, 2015, No. 210.
3. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 yanvarya 1999 goda No. 2-P «Po delu o tolkovanii statey 71 (punkt «g»), 76 (chast' 1) i 112 (chast' 1) Konstitutsii RF» (Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 27, 1999 No. 2-P "On the case of the interpretation of articles 71 (paragraph "g "), 76 (part 1) and 112 (part 1) of the Constitution of the Russian Federation"). URL: httr//www.base.garant.ru (accessed date: 27.04.2017) i t.d. Postanovleniye Konstitutsionnogo Soveta RK ot 6 marta 1997 goda No. 3 «Ob ofitsial'nom tolkovanii punkta 1 stat'i 4, punkta 1 stat'i 14, podpunkta 3) punkta 3 stat'i 77, punkta 1 stat'i 79 i punkta 1 stat'i 83 Konstitutsii RK» v red. ot 8 noyabrya 2007 goda (The decision of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan of 6 March 1997 No. 3 "On the official interpretation of clause 1 of Article 4, clause 1 of Article 14, subparagraph 3) of paragraph 3 of Article 77, clause 1 of Article 79 and clause 1 of Article 83 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan" Ed. dated November 8, 2007). URL: httr://www.adilet.zan.kz/rus (accessed date: 27.04.2017).
4. Punkt 1 st. 90 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [ofitsial'nyy tekst]: [prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 g.]: po sostoyaniyu na 21 iyulya 2014 goda (Clause 1 of Article 90 of the Constitution of the Russian Federation (official text), (adopted by popular vote on December 12, 1993) as of July 21, 2014), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 1996, No. 3, St. 152.
5. Normy punkta 2 st. 61 Konstitutsii Respubliki Kazakhstan [ofitsial'nyy tekst]: [prinyata na respublikanskom referendume 25 dekabrya 1995 g.]: po sostoyaniyu na 10 marta 2017 goda (The norms of clause 2 of Article 61 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan (official text), (adopted at the republican referendum on December 25, 1995) as of March 10, 2017), *Vedomosti Parlamenta RK*, 1996, No. 4, St. 217.
6. Ruchimskaya Ye.M. Sinonimiya i omonimiya v yazyke i rechi (Synonymy and homonymy in language and speech), *Russkaya rech'*, 2014, No. 5, pp. 55-56.
7. Kechek'yan S.F. O ponyatii istochnika prava (On the concept of the source of law), *Uchenyye zapiski MGU*, Vyp. 116, Kn. 2, Moscow, 1946, p. 3.
8. Komarov S.A. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava (General theory of state and law), Uchebnik. 8-ye izd. St. Petersburg, Izd-vo Yuridicheskiy institut, 2012.
9. Chirkin V.Ye. Zakon kak istochnik prava v razvivayushchikhsya stranakh (Law act as a source of law in developing countries), *Istochniki prava*. Moscow, 1985, p. 5.
10. Muromtsev G.I. Istochniki prava: Teoreticheskiye aspekty problemy (Sources of law: Theoretical aspects of the problem), *Pravovedeniye*, 1992, No. 2, pp. 23-30.
11. Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan (Obshchaya chast') ot 27 dekabrya 1994 goda, v red. ot 27 fevralya 2017 goda (Civil Code of the Republic of Kazakhstan (General part) of December 27, 1994, in red. from February 27, 2017), *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RK*, 1994, St. 23-24.
12. Marks K., Engel's F. Debaty po povodu zakona o krazhe lesa (Debate on the law on forest theft). Sochineniya. 2-ye izd. T. 1. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955.
13. Kutafin O.Ye. Istochniki konstitutsionnogo prava v Rossiyskoy Federatsii (Sources of constitutional law in the Russian Federation). Moscow, Izd-vo Yurist', 2002.
14. Sapargaliyev G.S. Konstitutsionnoye pravo Respubliki Kazakhstan (Constitutional law of the Republic of Kazakhstan), uchebnik. Almaty, 2002.

15. Konstitutsionnoye pravo Respubliki Kazakhstan (Constitutional law of the Republic of Kazakhstan), uchebnik, sost. A.T. Ashcheulov. Almaty, Izd-vo Kaz GYUA, 2001.
16. Abel'dinov A.K., Kopabayev O.K. Konstitutsionnoye pravo zarubezhnykh stran (The Constitutional Law of Foreign Countries), uchebnik. Almaty, 1997.
17. Baishev Zh. Konstitutsionnoye pravo Respubliki Kazakhstan (Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan), uchebnik. Almaty, 2001.

Дата поступления: 21.04.2018 *Received: 21.04.2018*

УДК 340.1+34(091)

КРИЗИС ПРАВОВОЙ НАУКИ XVIII В. И ЕГО РАЗРЕШЕНИЕ В КЛАССИЧЕСКОМ НЕМЕЦКОМ ИДЕАЛИЗМЕ

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович
юрист по корпоративному праву компании Eurasian Resources Group (Люксембург).
E-mail: ismagilovir@gmail.com

Немецкая классическая философия права не отрицала традиции гуманизма и просвещения в правовой науке, сложившиеся в XVIII в, однако развивала свое учение о праве и государстве на основе совершенно новой методологической парадигмы. Эта парадигма опиралась на идею единства познаваемого и познающего, субъекта и объекта, основания и результата познания. Переход к новой парадигме правовой мысли позволил преодолеть кризис рационалистической и эмпирической методологии в праве. Учение о неотчуждаемых правах личности, о монархическом правлении, основанном на власти закона, о нравственных основаниях права, складывалось уже в эпоху античности и достигло уровня систематического истолкования в классических трудах XVII века, ставших теоретической основной учений крупнейших представителей Просвещения. Принцип историзма в XVIII в. еще не получил достаточной конкретности ни в работах Монтескье, ни в трудах апеллировавших к идее историзма Джамбаттисто Вико и Густава Гуго. Новая социальная реальность, заявившая о себе в практике Великой французской революции, в идеях гуманизма, просвещения, республиканизма и прав человека, положенных в основу эпохальных правовых документов (американской Декларации прав человека 1776 г. и

THE CRISIS OF THE LEGAL SCIENCE OF THE XVIII CENTURY AND ITS RESOLUTION IN THE CLASSICAL GERMAN IDEALISM

ISMAGILOV Igor Rashidovich
Corporate lawyer of Eurasian Resources Group (Luxembourg).
E-mail: ismagilovir@gmail.com

The German classical philosophy of law did not deny the tradition of humanism and enlightenment formed in the legal science in the 18th century, but developed its own doctrine of law and state on the basis of a completely new methodological paradigm. This paradigm relied on the idea of the unity of the cognizable and cognizing, the subject and object, the basis and result of cognition. The transition to a new paradigm of legal thought allowed overcoming the crisis of rationalistic and empirical methodology in law. The doctrine of human inalienable rights, of monarchical rule based on the rule of law, as well as moral foundations of law, had already developed in the era of antiquity and reached a level of systematic interpretation in the classical works of the 17th century, which became the theoretical ground of teachings of the greatest representatives of the Enlightenment. The principle of historicism in the XVIII century had not yet received sufficient concreteness either in the works of Montesquieu, or in the writings of Giambattista Vico and Gustav Hugo appealing to the idea of historicism. The new social reality, which manifested itself in the practice of the Great French Revolution, in the ideas of humanism, enlightenment, republicanism and human rights laid the foundation for the epoch-making legal documents (the American Declaration of

французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.), требовала своего осмысления на принципиально новой теоретической и методологической базе. Ее основой стало трансцендентальное истолкование сущности свободы как основы права.

Ключевые слова: естественное право, закон, справедливость, государство, Спиноза, Кант, Гегель, Т. Гоббс, Дж. Локк.

Human Rights of 1776 and the French Declaration of Human Rights and Citizen of 1789), demanded its reflection on a fundamentally new theoretical and methodological basis. Its ground was the transcendental interpretation of the essence of freedom as the basis of law.

Key words: natural law, law, justice, state, Spinoza, Kant, Hegel, T. Hobbes, J. Locke.

Политико-правовая концепция Г.В.Ф. Гегеля складывалась под непосредственным влиянием творчества его предшественников в немецкой классической философии: И. Канта и И.Г. Фихте [1; 22], идей французского и немецкого Просвещения XVIII в., особенно Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо [8, с. 17-18], в несколько меньшей степени – И.Г. Гердера, а также под прямым влиянием античного наследия, прежде всего, конечно, Платона и Аристотеля [3; 10; 27]. Труды Т. Гоббса и Дж. Локка [12, с. 36-50], продолжавшие оставаться востребованными и во времена Гегеля, были объектом постоянной критики немецкого классика, порвавшего с традициями эмпиризма Нового времени [2; 13; 14; 15, с. 237-259].

Учение о неотчуждаемых правах личности, о монархическом правлении, основанном на власти закона, о нравственных основаниях права, складывалось уже в эпоху античности и достигло уровня систематического истолкования в классических трудах XVII века, ставших теоретической основной учений крупнейших представителей Просвещения, которые акцентировали в них, прежде всего, гуманистическую направленность и установку на гармоничное взаимодействие гражданского общества и просвещенного государства. Учение Платона и Аристотеля о всеобщем начале законов и принципов справедливости стало теоретической основой для развития учения о естественном праве. Как известно, это учение восходит еще к софистам, но без авторитета великих сократиков оно вряд ли закрепило бы за собой доминирующее место в европейской правовой культуре последующих двух тысячелетий. Именно теория естественного права стала основной парадигмой правовой мысли вплоть до эпохи Нового времени [25, с. 40-41]. В средние века идея естественного права входит в редакции Ульпиана и других римских юристов (Гай, Пипиниан, Павел, Модестин). Нормы естественного права выводятся римскими юристами из природы человека, из природы вещей и из отношений человека к людям и вещам. Естественное право, согласно правопониманию римских юристов, воплощало требования справедливости и в целом выражало ту основополагающую идею, что право вообще справедливо [18, с. 115].

Естественное право получает свое классическое оформление в работах Фомы Аквинского, прежде всего, в его «Сумме теологии» и в книге «О правлении властителей». Фома Аквинский трактовал естественное право как особого рода субстанцию. Таким образом, можно говорить об окончательном оформлении субстанционалистской модели естественного право как основной исторической парадигме правовой мысли: «У Аквината естественное право мыслится только в единстве с познающим разумом, с субъектом. Но это единство (в отличие от позднейшей, кантовской) трактовки не касается самой сущности естественного права, которое, таким образом, понимается как всего лишь некоторая вечная субстанция» [25, с. 42]. Гегелю было близко установленное Фомой обязательное соотнесение естественного права с разумом, что предвосхищало будущий рефлексивный подход, ставший основной доминантой методологии классического немецкого идеализма. Вместе с тем чисто объективный субстанционализм теории естественного права в его томистской редакции не устраивал философа, учившего, что всеобщее нужно понимать не только как субстанцию, но и как субъект [5, с. 431]. Для Гегеля ограниченность теории естественного права состояла именно в том, что тема субъекта не играла в ней достаточно значимой роли. Однако чтобы достичь этого уровня, правовая мысль должна была пройти путь, намеченный философией Нового времени (XVII – XVIII вв.), кото-

рая, начиная с Р. Декарта и Дж. Локка, делает проблему отношения субъекта и объекта центральной проблемой познания [29]. Ориентируясь, соответственно, на эмпирическую или рационалистическую методологическую модель соотношения субъекта и объекта познания, правовая теория в эту эпоху также развивалась как рационалистическая или эмпирическая теория.

Последняя была представлена концепцией общественного договора, выводившей основы государства, права и морали из эмпирически фиксируемых фактов общественного состояния человека. Здесь его эгоистическая и вместе с тем свободная воля вводилась в правовой контекст как аналог атома натуралистического механицизма, имеющего плотность и массу и обладающего импульсом спонтанного движения. Такого рода механистическая предпосылка определяет механистической же характер всей политико-правовой конструкции эмпиризма. В рамках общественного договора, согласно Т. Гоббсу, права каждого отчуждаются в пользу общего суверена – государства, а также устанавливается система первоначальных естественных законов, объединяющих в себе начала как права, так и нравственности [11].

Договор также устанавливает и неизменный далее естественный закон, который представляет собой «предписание, или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни» [6, с. 97]. Не естественное право, имеющее божественное происхождение, порождает естественный закон, как это было у Аквината [9; 16], а наоборот: изначально установленный произволом человеческой воли естественный закон формирует дискурсивное пространство естественного права, фиксируемое Гоббсом в так называемых естественных законах. Сами формулировки естественные законы в «Левиафане» Гоббса введены произвольно и никак не обоснованы. Гегель последовательно критиковал доминировавшую в его время теорию общественного договора за ее эмпирические предпосылки [30, с. 75-78]. Он считал, что такого рода трактовка не может быть ни чисто теоретической моделью, поскольку не раскрывает сущностных характеристик права и государства, и не может претендовать на историческую адекватность [31, с. 257]. Выдвинутое эмпиризмом в качестве предпосылки правового состояния «естественное состояние» человека и общества является, по мысли Гегеля, не более чем теоретической фикцией [30, с. 72-75].

Джон Локк развивает теорию Гоббса, утверждая, что личность передает часть своих прав и исконно присущих ей властных полномочий не непосредственно государству, а гражданскому обществу: «...когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует политическое, или гражданское, общество. И это происходит, когда какое-либо число людей, находящихся в естественном состоянии, вступает в общество, чтобы оставить один народ, одно политическое тело под властью одного верховного правительства, или когда кто-либо присоединяется к ним и принимает в какое-либо существующее государство» [23, с. 312]. У Джона Локка в процесс образования государства и права помимо личности включается новый субъект – общество. Государственный суверенитет ограничивается общественным благом и правами личности и это ограничение в практической плоскости трансформируется в принцип разделения государственных властей. С учетом фактора этого ограничения Локк логически последовательно формулирует идею народного суверенитета, который заключается в праве народа контролировать деятельность законодательного органа, изменять его структуру и состав [17, с. 197]. И именно Локк впервые столь четко проводит различие между гражданским обществом и государством. Это различие стало одной из базовых, системообразующих, идей в политико-правовой концепции Гегеля. По мнению М. Зимека, никто не обосновал различия гражданского общества и государства настолько «остро и последовательно» как Гегель [32, с. 41].

В противоположность установкам эмпиризма, рационалистическая линия в праве формировалась на основе понимания естественного права как «врожденной идеи разума». Такого рода идею нельзя ни эмпирически обнаружить в чувственном мире, ни произвольно обосновать. Она обладает авторитетом божественной мудрости, будучи чисто рациональной

и, по сути своей, секулярной мыслью. Первый образец рационалистического мышления в праве был представлен в труде Гуго Гроция «О праве войны и мира». Гроций вводит различие права естественного и права волеустановленного [19; 28]. Первое он трактует как «предписание здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым; а следовательно, такое действие или воспрещено, или же предписано самим Богом, создателем природы» [15, с. 89]. Не очень высоко ставя содержание учения, Гегель прежде всего выделял методологическое значение работы голландского ученого, указывая, что «выдвинутые им всеобщие рассудительные и разумные основоположения и особенно их доказательства, дедукции, оказали большое влияние на процесс становления современной правовой мысли» [4, с. 391].

Из числа мыслителей рационалистического направления значительное влияние на формирование политико-правовой концепции Гегеля оказал Б. Спиноза, чей «Богословско-политический трактат» был одной из наиболее популярных книг по этой проблематике вплоть до XIX в. Данный вопрос специально рассматривается в монографии Б. Гюнгёрена «Значение Спинозы для Гегеля – Чтения по его теории государства и права» [30]. В ней подчеркивается исключительное значение, которое имеет понятие природы человека в учении о государстве того и другого мыслителя. Для Спинозы определяющим началом практической деятельности человека в политико-правовой сфере является его «непосредственный порыв». Для Гегеля – понятие свободной воли. Между этими понятиями существует жесткая корреляция, обусловленная не только изначальным влиянием голландского философа на Гегеля, но и внутренней взаимосвязью этих понятий [30, с. 38-44]. «Непосредственный порыв» направлен на самоопределение человека, природа которого требует от него достижения необходимого на основе требований разума. Разум же определяет необходимость «объединения сил», понятие которого Спиноза рассмотрел еще в своем главном произведении – в «Этике». Это «объединение сил» в конечном итоге получает свое разрешение в утверждении государства [30, с. 14-15].

Не менее важным было для Гегеля установленное Спинозой соотношение между свободой и необходимостью. Субстанция как всеобщее единство, согласно Спинозе, исключает свободу, основанную на случайности. Подлинная свобода, т.е. свобода, открываемая разуму, имеет своей сущностью необходимость. Она сама есть не более, чем «сознанная необходимость». В этом смысле право, определяющее действие человека как внешняя необходимость, эксплицирующая свое разумное содержание, является истинной свободой, постигнутой разумом. Важно, что Гегель не просто критикует Спинозу за его «субстанционализм», а за то, что он раскрывает заключающийся в этом субстанционализме потенциал субъективности, которую голландский мыслитель стремился реализовать также и в учении о праве и государстве. Центральное значение в учении Спинозы о субстанции как основе единства свободы и необходимости имело для Гегеля понимание субстанции как «причины самой себя», causa sui. Если бы автор «Этики» раскрыл содержание этого понятия, он пришел бы к конкретной диалектике свободы и необходимости. Но для этого требовалось то движение мысли, второе придал ей трансцендентализм философии права Канта. В любом случае, был важен и продуктивен потенциал, заключающийся в том векторе развития политико-правовой мысли, который был задан ей Спинозой.

В конце XVII в. одним из наиболее известных теоретиков права рационалистического направления считался немецкий юрист Самуэль Пуфендорф. Его труд «Об обязанности человека и гражданина» издавался на многих европейских языках и по приказу Петра I был также переведен на русский язык. Пуфендорф стремился соединить учение о естественном законе Томаса Гоббса и учение о социальной природе права и его рациональном обосновании Гуго Гроция. От первого Пуфендорф берет механистическую интерпретацию права: как физические атомы движутся в трехмерном пространстве и образуют в нем различные комбинации, складываясь в вещи, так и личности взаимодействуют в специфическом моральном пространстве, образуя социальные сущности, включая и государство. Из учения Гроция Пуфендорф берет понимание естественного закона как проявления воли Бога, вложившего в человека стремление к

общению [20; 21]. Окончательное оформление рационалистическая модель естественного права получает в идеях Г.В. Лейбница и в трудах систематизатора его учения Х. Вольфа, прежде всего в 8-томном труде последнего, который так и назывался «Естественное право». Правопонимание в трактовке Лейбница основано на идее гармонии человека и Бога, который в силу своего совершенства создает самый совершенный из всех возможных миров. Именно эта гармония лежит в основе естественного права. В работах Вольфа получил свое систематическое изложение метод познания, который вошел в историю под именем «вольфианской метафизики». Вольфианская метафизика покоилась на некритическом оперировании понятиями как внутренними характеристиками самих по себе вещей. Ей было присуще отрицание идеи развития права, поскольку все законы можно было дедуцировать из неизменной же природы человеческого разума. Как писал сам Вольф: «Я нашел источник всех законов в человеческой природе, которая одними уже давно была выявлена, другими вновь повторена и никем не доказан; я же переубедил себя не мнением, нов большей степени убедился в истине. Таким образом, мне стал известен… весь объем естественных прав, который охватывает все человеческие поступки, какими бы они не были; и я, наконец, понял, каким образом позитивные права должны возникнуть из естественного права, чтобы они, свободные от любого порицания перед судом разума, не должны были опасаться за то, что их захотел бы кто-то отрицать» [7, с. 330].

Именно с критики метафизической методологии начинается развитие трансцендентального подхода в философии, провозглашенного Кантом, которое имело результатом становление совершенно новой парадигмы правовой науки, отмеченной именами Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Это была парадигма, имевшая своей основой идею свободы. Теория познания, как в ее рационалистическом варианте (Декарт, Спиноза, Лейбниц), так и в эмпирическом (Гоббс, Локк), исходила из постулата принципиального различия субъекта и объекта познания. Немецкая классика, напротив, имела в качестве базовой идеи идею единства мышления и бытия, субъекта и объекта. Эту идею Кант и Фихте обосновывали, исходя из приоритета субъекта в познании, Шеллинг – объекта, Гегель исходил из самого единства субъекта и объекта, акцентируя абсолютное начало этого единства. Кант и Фихте обосновывали принцип активности субъекта как в сфере познания, так и в социально-политических отношениях, указывая на идею свободы, абсолютной автономии человеческой личности. Гегель предельно расширил рамки этой свободы, увидев ее корень в духовной целостности исторического развития человечества. В рамках такого подхода и развивалась новая парадигма познания сущности политико-правовых явлений, в качестве конечного основания которой понимался принцип свободы. Немецкие классики вполне четко осознавали исчерпанность прежних парадигм науки об обществе и государстве, как осознавали они и более общий кризис методологии научного познания. «Классическая немецкая философия права ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы» [24, с. 171].

Рационалистическая методология XVII – XVIII вв. была направлена на анализ общих понятий, которые при этом воспринимались некритически, когда с определениями мышления, по выражению Фихте, обращались как с определениями вещей самих по себе. В итоге науки, ориентированные на рационалистические парадигмы (как науки о природе, так и науки об обществе), все более углублялись в утонченные дифференциации понятий и их классификацию и все более отрывались от реальных проблем опыта. Примером может служить уже упоминавшийся труд Х. Вольфа, заключавший в себе тщательно выверенные дедуктивные определения, которые, зачастую, имели весьма отдаленное отношение к реальной юридической практике. Исходным пуантом такой дедукции рационалисты полагали метафизически неизменную, «вечную», природу человека. Но их правовые определения в итоге не шли дальше абстракции действительных правовых отношений. В свою очередь ученые-эмпирики, вслед за Гоббсом и Локком, все более отказывались от каких-либо масштабных обобщений и все более углублялись в чисто внешнее описание и классификацию явлений природы и общественной жизни. Правовая действительность в таком случае оставалась без

надлежащего теоретического обоснования, а потому выводы правоведов-эмпириков производили впечатление произвольных суждений.

Нужно отметить, что в XVIII веке формировалась и альтернативная парадигма правовой мысли, отрицавшая и произвольность правовых установлений, апологетами которой выступали правоведы-эмпирики, и произвольность правовых суждений, чем выделялись правоведы-рационалисты. Речь идет об исторической парадигме правовой мысли, связанной в эту эпоху прежде всего с именем Ш-.Л. Монтескье и его работой «О духе законов». Принцип историзма Монтескье был направлен в первую очередь против рассудочной теории общественного договора, пытавшейся выделить универсальные нормы права, в равной мере пригодные на все времена и для всех народов. Такой же реакцией французского Просвещения на универсализм модели Гоббса и Локка стал и натурализм Ж.-Ж. Руссо, противопоставившего формально-логической «счетной машине» новоевропейского ratio стихию жизни доцивилизационного человека. При всем внешнем различии политико-правовых учений Монтескье и Руссо их объединяет именно это: скептическое отношение к универсалистским метафизическим конструкциям и противопоставление им естественного начала. Для Руссо таким началом стала природа, для Монтескье – «вторая природа», т.е. общество, рассматриваемое в его историческом развитии. Согласно Монтескье общество управляется не произвольно, а в соответствии с законами естественного развития [26, с. 167]. «Я начал с изучения людей, – писал французский просветитель, – и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии. Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона» [26, с. 159]. Эти законы во взаимодействии друг с другом формируют «общий дух» нации. Законодатель должен стремиться понять сам «дух законов», учитывая такие факторы как климат, правила правления в обществе, нравы, обычаи, религия. При этом «нельзя упускать из виду и постоянно различать право и закон и приводить в соответствии с духом законов положительные законы государства» [26, с. 168]. Выделенное Монтескье различие права и закона, а также сам принцип историзма, развитый им применительно к сфере права, стал одним из краеугольных камней философии права Гегеля.

Гегель высоко оценивал роль Монтескье в становлении исторического подхода при обосновании сущности права. Он, вслед за Монтескье, всегда обращал внимание на значение в законодательстве национального характера, уровня исторического развития народа, меру осознания им своей свободы. Но это не мешало Гегелю критиковать чисто исторический подход за отсутствие теоретического обобщающего начала. Сам по себе чисто исторический подход, указывал Гегель, не позволит различить неправовое и правовое начало в законодательстве рассматриваемой эпохи. В качестве примера Гегель ссылается на некоторые исторически сложившиеся нормы римского права, которые никак не могли быть названы правовыми с точки зрения логики научной теории. Аналогичный подход он демонстрирует и в ходе критики работ Г. Гуго, основоположника так называемой исторической школы юристов. Для Гегеля исторический метод познания социально-правовых явлений становился действенным лишь тогда, когда он сопрягался с логическим методом познания, разработка которого стала заслугой немецкого идеализма, начиная с Канта и Фихте. Нужно иметь в виду также и то, что принцип историзма в XVIII в. еще не получил достаточной конкретности ни в работах Монтескье, ни в трудах апеллировавших к идее историзма Джамбаттисто Вико и Густава Гуго. Его систематическое обоснование и концептуализация в теории права связывается именно с научной деятельностью Гегеля. Поэтому для немецкого классического идеализма, начавшего свое развитие с «коперниканского переворота», совершенного Кантом, основным объектом критики стали господствовавшие в то время и наиболее развитии теории естественного права и общественного договора.

Новая социальная реальность, заявившая о себе в практике Великой французской революции, в идеях гуманизма, просвещения, республиканизма и прав человека, положенных в основу эпохальных правовых документов (американской Декларации прав человека 1776 г. и французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.), требовала своего осмысления

на принципиально новой теоретической и методологической базе. Ее основой стало трансцендентальное истолкование сущности свободы как основы права, осуществленное Кантом и переосмысленное Гегелем в соответствии с принципами системности и историзма.

Библиографические ссылки

1. Абубакаров А.А., Исмагилов И.Р., Клименко О.А. Государственный суверенитет как конституционная ценность (сравнительный анализ трактовки понятия суверенитета Кантом и Гегелем) // Ученые записки юридического факультета. 2017. № 44-45(54-55). С. 116-122.
2. Абубакаров А.А., Исмагилов И.Р., Лежнева О.Ю. Понятие суда как элемента гражданского общества и государства в «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4(50). С. 121-126.
3. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 201-208.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Т. 3. СПб, 1994.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 1959.
6. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1991.
7. Зенн М. История права – Культурно-исторический очерк. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), 2016.
8. Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 10. С. 176-184.
10. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19-26.
11. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. 2016. № 10. С. 38-44.
12. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»).
13. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 155-164.
14. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 138-144.
15. История философии права : монография / А.П. Альбов, В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, А.И. Пешков, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Н.Н. Сотникова, Л.А. Чеговадзе; отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
16. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 17-23.
17. Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История правовых и политических учений. СПб, 2007.
18. Коркунов Н. М. История философии права. СПб, 1915.
19. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12 (79). С. 120-122.

20. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 36 (46). С. 111-114.
21. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. 2015. № 4 (90). С. 42-47.
22. Лежнева О.Ю., Пономарев А.А., Пылева О.В. Учение И. Канта о конституционных правах и свободах личности и традиция Просвещения // Ученые записки юридического факультета. 2017. № 44-45 (54-55).
23. Локк Дж. Сочинения в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1989.
24. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167-172.
25. Масленников Д.В., Пономарев А.В. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // Юридическая мысль. 2016. № 42. С. 40-46.
26. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.
27. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 97-108.
28. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. 2014. № 10. С. 11-19.
29. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 173-179.
30. Gungoren B. Die Bedeutung von Hegels Spinosa – Lekture fur seine Staats- und Rechtstheorie. Berlin: Logos Verlag, 2011
31. Przylebski A. Hegel und die Idee des internationalen Rechts // Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Herausgegeben von Wischke M., Przylebski. Wurzburg: Konigshausen – Neumann, 2010.
32. Siemek M. Hegel als Philosoph des modernen Rechtsstaates // Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Herausgegeben von Wischke M., Przylebski. Wurzburg: Konigshausen – Neumann, 2010.

References

1. Abubakarov A.A., Ismagilov I.R., Klimenko O.A. Gosudarstvennyi suverenitet kak konstitutsionnaya tsennost' (sravnitel'nyi analiz traktovki ponyatiya suvereniteta Kantom i Gegelem) (State sovereignty as a constitutional value (comparative analysis of interpreting the concept of sovereignty by Kant and Hegel)), *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2017, No. 44-45(54-55), pp. 116-122.
2. Abubakarov A.A., Ismagilov I.R., Lezhneva O.Yu. Ponyatie suda kak elementa grazhdan-skogo obshchestva i gosudarstva v «Filosofii prava» G.V.F. Gegelya (The concept of the court as an element of civil society and state in the “Philosophy of Law” by G.W.F. Hegel), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, No. 4(50), pp. 121-126.
3. Verkhovodov E.V., Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. «Estestvennoe pravo» i «dobrodetel'» v trudakh Aristotelya (“Natural law” and “virtue” in the writings of Aristotle), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 8, pp. 201-208.
4. Gegel' G.V.F. Lektsii po istorii filosofii. T. 3 (Lectures on history of philosophy.V.3). St. Petersburg, 1994.
5. Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha (Phenomenology of the spirit). Moscow, 1959.
6. Gobbs T. Izbrannye proizvedeniya. V 2 t. T. 2 (Selected works. In 2 vols. V. 2). Moscow, 1991.
7. Zenn M. Istoriya prava – Kul'turno-istoricheskii ocherk (History of Law – Cultural and historical essay). St. Petersburg, Yuridicheskii institut (Sankt-Peterburg), 2016.
8. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoi filosofii prava (The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law). R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov, S.I. Zakhartsev, M.V. Sal'nikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyaeva; pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2012.
9. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Konvergentsiya v filosofii i bogoslovii v tvorchestve Fomy Akvinskogo kak obespechenie ustoichivosti kontseptsii estestvennogo prava (Convergence in philoso-

phy and theology in the work of Thomas Aquinas as ensuring the sustainability of the concept of natural law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 10. pp. 176-184.
10. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Platon, Aristotel', Foma Akvinskii i ideya spravedlivosti v estestvenno-pravovoi traditsii (Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural law tradition), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 9, pp. 19-26.
11. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Poisk empiricheskikh osnovanii spravedlivosti i prava v tvorchestve Tomasa Gobbsa, Dzhona Lokka, Sharlya Montesk'e i Zhana-Zhaka Russo (The search for empirical grounds for justice and law in the works of Thomas Hobbes, John Locke, Charles Montesquieu and Jean-Jacques Rousseau), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 10, pp. 38-44.
12. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskie traditsii i sovremennye modeli (Istoriko-pravovoi analiz teoreticheskikh issledovanii aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: Historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of actual issues of the relationship of the idea of law and the idea of justice in the Twentieth and Twenty-First Centuries)), monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017. (Seriya: «Nauka i obshchestvo»).
13. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Filosofiya I. Kanta i G.V.F. Gegelya: refleksiya nachal spravedlivosti i prava (Philosophy of I. Kant and G.W.F. Hegel: the reflection of the principles of justice and law), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2016, No. 5, pp. 155-164.
14. Ismagilov I.R., Klimenko O.A., Mirzoev A.K. Gegel' o suverenitete kak konstitutsionnoi tsennosti (Hegel on sovereignty as a constitutional value), *Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitutsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proportsional'nosti*, materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po konstitutsionnomu pravu, Sankt-Peterburg, 20-22 maya 2016 g., pod obshch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, 2017, pp. 138-144.
15. Istoriya filosofii prava (History of Philosophy of Law), monografiya. A.P. Al'bov, V.M. Baranov, Z.Sh. Idrisov, D.V. Maslennikov, A.I. Peshkov, M.B. Revnova, V.P. Sal'nikov, M.V. Sal'nikov, N.N. Sotnikova, L.A. Chegovadze, otv. red.: A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov. St. Petersburg, Yuridicheskii institut (Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburgskii un-t MVD Rossii, 1998.
16. Kalinina E.V., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V. Spetsifika gosudarstvennoi kontseptsii Fomy Akvinskogo (Specificity of the state concept of Thomas Aquinas), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 4, pp. 17-23.
17. Kozlikhin I.Yu., Polyakov A.V., Timoshina E.V. Istoriya pravovykh i politicheskikh uchenii (History of legal and political doctrines). St. Petersburg, 2007.
18. Korkunov N. M. Istoriya filosofii prava (History of Philosophy of Law). St. Petersburg, 1915.
19. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P. Idei estestvennogo prava v trudakh Gugo Grotsiya (Ideas of natural law in the works of Hugo Grotius), *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, No. 12 (79), pp. 120-122.
20. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. Osobennosti metodologii nauchnogo tvorchestva Samuelya Pufendorfa (Peculiarities of Samuel Pufendorf's methodology of scientific creativity), *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2015, No. 36 (46), pp. 111-114.
21. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P., Fomichev M.N. Printsip «sotsiabil'nosti» v tvorchestve Samuila Pufendorfa (The principle of “sociability” in creative work of Samuel Pufendorf), *Yuridicheskaya mysl'*, 2015, No. 4 (90), pp. 42-47.
22. Lezhneva O.Yu., Ponomarev A.A., Pyleva O.V. Uchenie I. Kanta o konstitutsionnykh pravakh i svobodakh lichnosti i traditsiya Prosveshcheniya (Teaching of I. Kant on constitutional rights and freedoms of the individual and the tradition of the Enlightenment), *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*. 2017. No. 44-45 (54-55).
23. Lokk Dzh. Sochineniya v 3 t. T. 3 (Compositions in 3 volumes. V. 3). Moscow, Mysl', 1989.
24. Maslennikov D.V. Bogochelovek i ideya prava (God-man and the idea of law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 12, pp. 167-172.
25. Maslennikov D.V., Ponomarev A.V. Kantovskaya filosofiya prava v sisteme paradigm pravovoi mysli (Kant's philosophy of law in the system of paradigms of legal thought), *Yuridicheskaya mysl'*, 2016, No. 42, pp. 40-46.
26. Montesk'e Sh. O dukhe zakonov (On the spirit of the laws), *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, 1955.

27. Musaev M.A. Epokha antichnosti i nachalo stanovleniya idei o pravakh cheloveka: rol' pravovogo gumanizma (The epoch of antiquity and the beginning of the formation of the idea of human rights: the role of legal humanism), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, No. 10, pp. 97-108.
28. Sal'nikov V.P., Kurzenin E.B., Sal'nikov M.V. Razvitie politiko-pravovoi mysli ot Gugo Grotsiya k predstavitelyam germanskoi gosudarstvenno-pravovoi nauki (Development of political and legal thought from Hugo Grotius to the representatives of the German state law science), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2014, No. 10, pp. 11-19.
29. Sal'nikov S.P., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tret'yakov I.L. Zhan-Zhak Russo i Dzhon Lokk: nekotorye idei o suverenitete i estestvennom prave (Jean-Jacques Rousseau and John Locke: Some ideas of sovereignty and natural law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 5, pp. 173-179.
30. Gungoren B. Die Bedeutung von Hegels Spinosa – Lekture fur seine Staats- und Rechtstheorie. Berlin: Logos Verlag, 2011
31. Przylebski A. Hegel und die Idee des internationalen Rechts. Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaatepp. Herausgegeben von Wischke Moscow, Przylebski. Wurzburg: Konigshausen – Neumann, 2010.
33. Siemek M. Hegel als Philosoph des modernen Rechtsstaates. Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaatepp. Herausgegeben von Wischke Moscow, Przylebski. Wurzburg: Konigshausen – Neumann, 2010.

Дата поступления: 25.04.2018 *Received: 25.04.2018*

УДК 340.1+34(091)

О ПРАВЕ НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

ЛАРИНБАЕВА Ильмира Ишмурзовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: lar-ilmira@mail.ru

ТУЛУПОВА Елена Олеговна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail:lena118@yandex.ru

Конституция РФ гарантирует гражданам Российской Федерации право на получение квалифицированной юридической помощи. В то же время вопрос о содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь», сущности, правовой природе, общей системе реализации и гарантиях ее обеспечения остается открытым. Этим обусловлен сравнительный анализ тех определений данного понятия, которые предлагаются различными авторами. При этом предпочтительной оказывается рас-

ON THE RIGHT TO QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN THE RULE-OF- LAW STATE

LARINBAEVA Ilmira Ishmurzovna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: lar-ilmira@mail.ru

TULUPOVA Elena Olegovna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail:lena118@yandex.ru

The Constitution of the Russian Federation guarantees the citizens of the Russian Federation the right to receive qualified legal assistance. At the same time, the issue of the content of the concept "qualified legal assistance", essence, legal nature, subjects, general system of implementation and guarantees for its provision remains open. This is the reason for the necessity of a comparative analysis of those definitions of this concept that are proposed by different authors. It is preferable to disclose the content

крытие содержания данного понятия с точки зрения форм, в которых осуществляется квалифицированная юридическая помощь. Исследовательского внимания требует и вопрос о субъектном составе, т.е. о тех, кто предоставляет квалифицированную юридическую помощь. Данная проблематика не так однозначна, как кажется на первый взгляд, и имеет прямое отношение не только к теории права, но и к законодательной и правоприменительной практике. Поэтому очевидна необходимость внимательного подхода к решению отмеченных проблем для устранения споров и разногласий в понимании столь актуальной для правового государства конституционной нормы, что впрямую отразится на особенностях ее реализации в современных условиях.

Ключевые слова: правовое государство, обязанности государства, квалифицированная юридическая помощь, адвокат, нотариус, юрист, механизм государства.

of this concept in terms of forms in which qualified legal assistance is provided. The issue of the subject composition also requires special attention, i.e. the issue of those who are associated with providing qualified legal assistance. This problem is not as definitive as it seems to be at first glance, and has a direct relationship not only to theory of law, but, more importantly, to legislative and law enforcement practice. Therefore, there is an obvious need for a more careful approach to resolving the problems noted in order to eliminate disputes and disagreements in understanding the constitutional norm, so urgent for the rule-of-law state, which will directly affect the specifics of its implementation in modern conditions.

Key words: Rule-of-law state, state duties, qualified legal assistance, lawyer, notary, jurist, state mechanism.

Актуальность проблемы заключается в осознании того, что признание, соблюдение и защита прав человека – юридически закрепленная обязанность правового государства, согласно ст. 2 Конституции РФ. Глава 2 Основного закона, где закрепляется право на квалифицированную юридическую помощь, конкретизирует данный императив. Признание подразумевает нормативное закрепление прав и свобод человека и гражданина и создание гарантий в рамках законодательной ветви власти. Соблюдение предполагает ежедневное неукоснительное следование нормам права и создание гарантий всеми федеральными органами исполнительной власти, органами власти субъектов РФ, муниципальными органами. Защита предполагает наличие в государстве объективного и беспристрастного судебного механизма. [1, с. 94].

Деятельность последнего невозможно представить без существования четких и конкретных институтов, к которым, безусловно, относится квалифицированная юридическая помощь. Данный особый благородный вид деятельности до сих пор сложен в понимании, поскольку, это единственный вид услуг, гарантированных в Конституции РФ, но выведенных для выполнения за рамки государственных. Складывается та редкая, и скорее всего единственная ситуация, когда обеспечение права лежит и на государстве в части правового регулирования, и, в отличие от остального перечня прав, закрепленных во второй главе Конституции РФ и обеспечиваемых государством, возложено на институты гражданского общества в части правоприменительной деятельности. Таким образом, государство признает за собой обязанность обеспечить каждому квалифицированную юридическую помощь, но с привлечением иных субъектов права. Кроме того, возникает вопрос, на кого возлагается ответственность в случае отсутствия возможности или недостаточного получения гражданами данного вида права. Подобная конструкция составляет сложность понимания правовой природы права на юридическую помощь и в особенности ее определения как квалифицированной. Тем не менее, до настоящего времени в действующем российском законодательстве отсутствует определение самого понятия «юридическая помощь», а также не закреплено нормативно и то, в каком случае оказываемая юридическая помощь будет являться квалифицированной. Также нет понимания того, какие конкретные обязанности государства корреспондируют данному праву граждан. Поскольку отсутствует легальное толкование, обратимся к доктринальному. Подходы к понятию юридической помощи различаются по целям, субъектному составу, содержанию юридической помощи как деятельности в сфере права.

Анализ последних исследований и публикаций показывает, что существуют различные точки зрения относительно определения понятия квалифицированной юридической помощи. У одних авторов, юридическая помощь понимается как право граждан на обращение к адвокату, нотариусу, юристу, государственному, муниципальному или иному органу за защитой нарушенных прав, юридическим закреплением субъективных прав; получением юридической консультации, других видов юридической помощи. Определяющими признаками здесь являются, во-первых, расширенный субъектный состав, куда помимо адвокатуры и нотариата включается весь государственный механизм и, во-вторых, наличие целей. В качестве последних определены не только защита нарушенных прав, но и закрепление субъективных прав, и получение юридической консультации. Другие авторы, если и не настаивают на необходимости выделения целей, но твердо уверены, что к субъектам оказания квалифицированной юридической помощи нельзя относить государственные органы власти и органы местного самоуправления, поскольку в их полномочия и компетенцию данный вид деятельности не входит. Государственные и муниципальные служащие при взаимодействии с гражданами, фактически хотя и оказывают им помощь, но делают это субъективно, бесплатно, в рамках выполнения своих основных должностных обязанностей. Обобщенно можно сказать, что квалифицированная юридическая помощь – это самостоятельная деятельность по предоставлению юридических услуг на профессиональной основе. Чаще всего в качестве субъектов указываются адвокаты и их сообщества, нотариусы, патентные поверенные, т.е. лица напрямую не состоящие в трудовой или иной связи с государственными и муниципальными органами. Однако, вследствие гарантированности указанного права Конституцией, их смело можно отнести к механизму государства, поскольку их отсутствие (гипотетически) сделает осуществление целого ряда функций государства невозможным. Другими словами, государство гарантирует реализацию права на квалифицированную юридическую помощь, но в рамках негосударственного механизма. В этом уникальность подобного правого регулирования. Представления же о содержании юридической помощи, как о деятельности только по защите прав, значительно обедняют это понятие, исключая из его составляющих профессиональное правовое содействие в ситуациях, когда права и законные интересы не нарушены и, следовательно, нет необходимости в защите. Приведем некоторые примеры.

Юридическая помощь как защита прав, Н.Н. Миняйленко рассматривает юридическую помощь как самостоятельный, обособленный вид юридической деятельности, позволяющий субъектам права с наибольшей эффективностью защищать свои субъективные права и спорные интересы [2, с. 12]. По мнению В.Л. Кудрявцева, квалифицированная юридическая помощь – это деятельность по защите прав и законных интересов лица адвокатом или иным лицом [3, с. 23].

Юридическая помощь как осуществление прав. Главное содержание понятия «оказание юридической помощи», по мнению В.И. Ефименко, составляет «содействие осуществлению прав и интересов граждан или организаций в самых разнообразных его формах» [4, с. 44]. Также в литературе предлагается определять юридическую помощь как синтез помощи-защиты и помощи-осуществления. Так, по мнению Е.С. Любовенко, «право на получение квалифицированной юридической помощи – это конституционно гарантированная каждому возможность получать правовое содействие в оптимальном осуществлении и эффективной защите его прав, свобод и законных интересов [5, с. 11].

Юридическая помощь как обеспечение прав. В.И. Качалов и О.В. Качалова под юридической помощью понимают «систему мероприятий, направленных на обеспечение и защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц [6, с. 5]. С данным определением трудно согласиться, оно требует дополнительной авторской аргументации, поскольку обеспечение любого права есть длительный, многогранный процесс, осуществляемый, прежде всего, государством.

Юридическая помощь как услуга. Р.Г. Мельниченко под правом на получение юридической помощи понимает «закреплённое в Конституции в соответствии с международно-правовыми стандартами право каждого на получение услуг юридического характера» [7, с. 15].

Таким образом, сравнительный анализ дефиниций права на юридическую помощь свидетельствует о том, что в ряде таких понятий указывается на предназначение и целенаправленность юридической помощи, раскрывается содержание ее целей, выделяются признаки, делается попытка установления определенного перечня видов юридической деятельности. Вместе с тем в ряде определений, сужается понятие юридической помощи. Подходы, выделяющие субъектный состав, как было упомянуто выше, можно условно обозначить как «ограничительный», «расширительный» и «предельно широкий».

Ограничительный подход распространен в основном в работах, посвященных организации и деятельности адвокатуры. А.И. Бугаренко называет юридическую помощь «естественной адвокатской монополией» [8, с. 19]. Г.А. Смагин отмечает, что в качестве юридической помощи «в конечном счете, следует рассматривать лишь адвокатскую деятельность» [9, с. 8].

Сторонник расширительного подхода И.В. Краснов пишет, что право на получение юридической помощи следует понимать как право личности на обращение к адвокату, нотариусу, прокурору, государственному или муниципальному органу, общественной организации [10, с. 9, 27]. Квалифицированная юридическая помощь, по мнению И.В. Краснова, в Российской Федерации оказывается государственными органами, которые входят в систему исполнительной власти как федерального, так и регионального уровней. Но будет ли она квалифицированная, ведь не каждый госслужащий, или иное лицо, к которому обращаются за помощью, обладает юридическими знаниями, подтвержденными документально?

Предельно широкий подход демонстрирует Н.Л. Полуяктова, которая считает, что «право на квалифицированную юридическую помощь – установленная законом возможность получить в установленном порядке профессиональную помощь по вопросам правового характера» [11, с. 19]. На первом месте среди органов, обеспечивающих право граждан на получение квалифицированной юридической помощи, по мнению автора, стоят суды. Этот вывод представляется необоснованным. Суды не оказывают помощь.

Встречаются определения юридической помощи, которые носят характер описания, поскольку представляют собой перечисления её видов. Так, А.В. Закомолдин отмечает, что «квалифицированная юридическая помощь» – та, которая представляет собой деятельность определённых нормами международного и внутригосударственного права субъектов – профессиональных юристов, заключающаяся в разъяснении смысла нормативно – правовых установлений и совершении юридических и фактических действий, направленных на защиту или восстановление прав, свобод и законных интересов каждого [12, с. 85]. Подобное понимание, по сути, верно раскрывает правовую природу квалифицированной юридической помощи. Определяя понятие квалифицированности оказываемой помощи, зачастую приводятся тезисы о том, что не всегда для этого необходимы документы, удостоверяющие наличие профессионального образования в юридической сфере и соответствующей квалификации, а определяющим фактором является конечный результат консультирования, защиты, представительства, проведения юридически значимых процедур [13, с. 65]. Подобные доводы представляются несостоятельными, поскольку в таком случае вообще теряется смысл ст. 48 Конституции РФ, где каждому гарантируется право на получение именно квалифицированной юридической помощи. Понятие квалифицированности характеризует субъекта предоставления данного вида помощи, а не ее эффективность. Квалифицированная помощь может оказываться только при наличии у субъекта соответствующего профессионального образования, если данный вид деятельности является прямой целью его создания [14, с. 117]

Выводы и предложения можно свести к нескольким тезисам. До настоящего времени в действующем российском законодательстве отсутствует определение самого понятия «юридическая помощь», а также не закреплено нормативно и то, в каком случае оказываемая юридическая помощь будет являться квалифицированной. Нет четких представлений о ее содержании и формах, в которых она оказывается. В связи с этим, необходимо скорейшее принятие Закона «О квалифицированной юридической помощи», законопроект которого уже долгое время обсуждается, но рассмотренные проблемы составляют трудность в его принятии. Таким образом, квалифицированная юридическая помощь представляет собой диалектиче-

ское единство. Ее получение – это право, гарантированное Конституцией Российской Федерации, реализация которого в большой степени зависит от выполнения обязанности государства по признанию, соблюдению и защите прав человека, путем создания эффективного государственного механизма и ответственного гражданского общества.

Библиографические ссылки

1. Ларинбаева И.И., Тулупова Е.О. Особенности конституционного процесса в субъекте Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 1 (51). С. 93-98.
2. Миняйленко Н.Н. Право на юридическую помощь и механизм его обеспечения в современной России (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.
3. Кудрявцев В.Л. Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвоката (защитника) в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы и проблемы обеспечения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
4. Ефименко В.И. Юридическая помощь гражданам и организациям: понятие и место в системе правоохраны // Актуальные проблемы законодательства и правоприменительной практики : сб. статей. М., 1988. Деп. в ИНИОН АН СССР № 37457. С. 43-45.
5. Любовенко Е.С. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и механизм его гарантирования: российский и зарубежный опыт : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008.
6. Качалов В.И., Качалова О.В. Юридическая помощь в Российской Федерации. Схемы и комментарии. М. : ЭКСМО, 2002.
7. Мельниченко Р.Г. Конституционное право на юридическую помощь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.
8. Бугаренко А.И. Теория, правовые аспекты и практика оказания гражданам бесплатной юридической помощи адвокатами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
9. Смагин Г.А. Конституционно-правовые вопросы оказания юридической помощи в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
10. Краснов И.В. Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь и его обеспечение в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Пенза, 2003.
11. Полуяктова Н.Л. Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь как основное содержание деятельности нотариата Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
12. Панченко В.Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории). М. : Директ – Медиа, 2014.
13. Ларинбаева И. И. Принцип равноправия в правовом государстве // Международный академический вестник. 2015. № 3 (9). С. 63-65.
14. Тулупова Е.О., Александров В.А. Применение норм международного права в вопросах защиты прав человека и гражданина // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты : материалы международной научно-практической конференции, г. Вологда, 28 декабря 2016 г. В 2 ч. Ч 1. Вологда : ООО «Маркер», 2017. С. 116-117.

References

1. Larinbayeva I.I., Tulupova Ye.O. Osobennosti konstitutsionnogo protsessa v sub"yekte Federatsii (Features of the constitutional process in a Federation Unity), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2018, No. 1 (51). pp. 93-98.
2. Minyaylenko N.N. Pravo na yuridicheskuyu pomoshch' i mekhanizm yego obespecheniya v sovremennoy Rossii (teoretiko-pravovoy aspekt) (The right to legal assistance and the mechanism of its provision in modern Russia (theoretical and legal aspect), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. St. Petersburg, 2000.

3. Kudryavtsev V.L. Realizatsiya konstitutsionno-pravovogo instituta kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi v deyatel'nosti advokata (zashchitnika) v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskiye osnovy i problemy obespecheniya (Realization of the constitutional legal institution of qualified legal assistance in the activities of a lawyer (advocate) in Russian criminal proceedings: theoretical bases and problems of ensuring), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 2008.
4. Yefimenko V.I. Yuridicheskaya pomoshch' grazhdanam i organizatsiyam: ponyatiye i mesto v sisteme pravookhrany (Legal assistance to citizens and organizations: the concept and place in the law enforcement system), *Aktual'nyye problemy zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noy praktiki*, sb. stat'i. Moscow, 1988. Dep. v INION AN SSSR No. 37457, pp. 43-45.
5. Lyubovenko Ye.S. Konstitutsionnoye pravo na polucheniye kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi i yego garantirovaniya: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt (The constitutional right to receive qualified legal assistance and the mechanism for its guarantee: Russian and foreign experience), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2008.
6. Kachalov V.I., Kachalova O.V. Yuridicheskaya pomoshch' v Rossiyskoy Federatsii. Skhemy i kommentarii (Legal assistance in the Russian Federation. Schemes and comments). Moscow, EKSMO, 2002.
7. Mel'nichenko R.G. Konstitutsionnoye pravo na yuridicheskuyu pomoshch'(Constitutional right to legal assistance), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2001.
8. Bugarenko A.I. Teoriya, pravovyye aspekty i praktika dostupa grazhdanam besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi advokaty (Theory, legal aspects and practice of providing citizens with free legal aid by lawyers), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2010.
9. Smagin G.A. Konstitutsionno-pravovyye voprosy okazaniya yuridicheskoy pomoshchi v Rossiiskoy Federatsii (Constitutional law questions of providing legal help in the Russian Federation), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2003.
10. Krasnov I.V. Konstitutsionnoye pravo na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' i yego obespecheniye v Rossiyskoy Federatsii (The constitutional right to qualified legal assistance and its provision in the Russian Federation), dis. ... kand. yurid. nauk. Penza, 2003.
11. Poluyaktova N.L. Realizatsiya konstitutsionnogo prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' kak osnovnoye soderzhaniye deyatel'nosti notariata Rossiyskoy Federatsii (Realization of the constitutional right to qualified legal aid as the main content of the activities of the notary of the Russian Federation), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2004.
12. Panchenko V.YU. Yuridicheskaya pomoshch' (voprosy obshchey teorii) Legal assistance (issues of general theory). Moscow, Direkt – Media, 2014.
13. Larinbayeva I. I. Printsip ravnopraviya v pravovom gosudarstve (The Principle of equality in a rule-of-law tate), *Mezhdunarodniy akademiyamicheskiy vestnik*, 2015, No. 3 (9), pp. 63-65.
14. Tulupova Ye.O., Aleksandrov V.A. Primeneniye norm mezhdunarodnogo prava v voprosakh zashchity prav cheloveka i grazhdanina (Application of the norms of international law in the protection of human and civil rights), *Nauka segodnya: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty*, materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Vologda, 28 dekabrya 2016 g. V 2 ch. Ch. 1. Vologda, OOO «Marker», 2017, pp. 116-117.

Дата поступления: 20.05.2018 *Received: 20.05.2018*

УДК 340.1+34(091)

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО – ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

МУСТАФИНА Лилия Салаватовна
аспирант Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: to02-mustafina@fas.gov.ru

В соответствии с Конституцией РФ, наша страна является правовым государством. Тем не менее, споры о том, является ли Российская Федерация правовым государством, не утихают, что говорит о необходимости научного исследования проблем, связанных не только с определением понятия «правовое государство», но и решением вопроса о сущностно-содержательной характеристике правового государства. Большинство заинтересованных в оптимальной организации своей жизнедеятельности людей волнует вопрос о путях формирования государства, которое обеспечивает достойное развитие человеческого общества в соответствии с представлениями людей о государстве. Такое государство получило название «правовое государство». Правовое государство как организация политической власти представляет собой особый институт гражданского общества, функционирующий в соответствии с установками Конституции, принятой всенародным голосованием, и поэтому являющейся общественным договором.

Ключевые слова: общество, гражданское общество, общественный договор, государство, право, правовое государство.

THE RULE-OF-LAW STATE IS THE MOST IMPORTANT INSTITUTE OF MODERN SOCIETY

MUSTAFINA Liliya Salavatovna
Postgraduate Student of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: to02-mustafina@fas.gov.ru

In accordance with the Constitution of the Russian Federation, our country is the rule-of-law state. Nevertheless, the debates over whether the Russian Federation is really a rule-of-law state do not subside, which justifies the need to study scientifically the problems related not only to the definition of the concept "rule-of-law state", but also to the intrinsic content of the rule-of-law state. At the same time, the majority of those who are interested in the optimal organization of their life activities are concerned with the ways of forming such a state that ensures the decent development of human society in accordance with people's common ideas on the state. Precisely this state in the modern world has been called "rule-of-law state". In modern conditions, the rule-of-law state as an organization of political power is a special institution of civil society that functions in accordance with the provisions of the Constitution adopted by popular vote, and therefore is a social contract.

Key words: society, civil society, social contract, state, law, rule-of-law state.

Государство как особое явление в жизни людей, вообще, и как одно из основных понятий теории государства и права, в частности, с древнейших времен привлекало внимание не только юристов, но и представителей различных гуманитарных наук. При этом в каждой из этих наук разрабатывалось множество своих подходов к объяснению вопросов, связанных с понятием «государство». Сегодня и в науке теория государства и права существует множество подходов к определению понятия «государство», к уяснению и разъяснению как содержания понятия «государство», так сущности государства как организации политической власти и его назначения в современном обществе. Например, Г.В. Мальцев в своей книге «Понятие права. Подходы и проблемы» писал, что «исторически сложилось так, что государство за многие тысячелетия своего существования в упорной борьбе с другими властными организациями «отво-

евало» несколько очень важных монопольных прерогатив, которые сегодня нередко оспариваются современными властными структурами, в основном экономическими. Напомним, что государство – организация политической власти, осуществляемой в гражданском обществе сформированными надлежащим образом органами, выборными и назначенными должностными лицами, которые действуют в рамках официально установленных полномочий. Назначение государства – «вести общие дела» гражданского общества, представлять и организовывать его политически, обеспечивать мир и безопасность граждан, руководить социальными процессами, управлять отдельными сферами жизни с учетом реального потенциала общественного самоуправления» [1, с. 328]. Однако, большинство людей, заинтересованных в организации оптимальной своей общественной жизнедеятельности, волнуют пути формирования такого государства, которое наиболее лучше обеспечивает успешное развитие человеческого общества. Именно такое государство в современном мире получило название «правовое государство». Но, к настоящему времени и в сфере понимания правового государства, особенно это касается отечественной теоретической правовой науки, сложились различные представления.

Здесь следует отметить, что в нашей стране в советское время, о правовом государстве вовсе не было принято говорить: правовое государство считалось изобретением профессоров буржуазных обществ, а поэтому оно просто не может быть признано при социалистическом обществе. В постсоветское же время вопросы правового государства стали общепринято – обсуждаемыми не только в общественных науках, но и, особенно, в науке «Теория государства и права». Более того, постсоветская Конституция Российской Федерации прямо и однозначно закрепила, что Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством (ст. 1). Поэтому на сегодня в любом учебнике по теории государства и права можно прочитать о том, что собой представляет это правовое государство. Так, например, профессор В.Н. Хропанюк в своем учебнике под названием «Теория государства и права» пишет, что «правовое государство многомерное развивающееся явление. В ходе общественного прогресса оно приобретает новые свойства, наполняется новым содержанием, соответствующим конкретным условиям существования общества и уровня его развития. Непреходящим общим началом любого правового государства является его связанность правом» [2, с. 80]. Как представляется нам, В.Н. Хропанюк здесь, видимо, прав лишь в одном: действительно, связанность государства правом является непреходящим началом для правового государства. Поэтому этот момент специально отмечается и всеми другими представителями отечественной теоретической правовой науки. В частности, мы проанализировали множества учебников по теории государства и права постсоветского периода и везде в них, при характеристике правового государства, подчеркивается связанность правового государства правом в качестве основного признака. Однако, как нам представляется, и здесь возникает одна, но очень важная проблема. Она заключается в том, что само понятие права, в той же отечественной теоретической правовой науке, у нас сводится к явлению, полностью производному от государства. Если иметь в виду и это положение, то в результате получается, что правовое государство – это такое государство, которое само себя связывает правом? Вот тут-то как раз и возникает естественный вопрос: насколько такая правовая связь может быть надежной и приемлемой для объявления государства правовым? Отсюда и убедительность такой характеристики правового государства вызывает немало вопросов.

С.С. Алексеев в одной из своих работ в начале 90-х годов прошлого века писал, что «существующая в России правовая система остается еще в целом огосударствленной, построенной во всех своих подразделениях на началах публичного права, т.е. такой, когда она соответствует не демократическому, не правовому, а авторитарному строю жизни общества» [3, с. 260]. Видимо, об этом же задумались и представители Уфимской научной школы проблем правового государства. Так, один из них, профессор Ф.М. Раянов пишет: «В поисках природы и сущности правового государства важнейшей находкой явилось положение о признании и официальном закреплении в соответствующих учредительных документах государство организующего народа в качестве единственного источника власти и носителя суверенитета. Гражданское общество как единственный источник власти учреждает государство, наделяет его полно-

мочиями и оставляет за собой право контроля над тем, насколько государство (по существу, исполнительная власть) осуществляет свои функции от имени и в интересах государство образующего гражданского общества. Правовое государство – это не самовольно сформировавшаяся власть, а институт гражданского общества» [4, с. 6]. В другой своей работе, посвященной проблемам правового государства, профессор Ф.М. Раянов прямо пишет о том, что он при этом понимает под понятием права. В частности, он пишет, что «проблемы юриспруденции нужно начинать осмысливать в увязке с проблемами конституционализма и правового государства. Если мы пойдем таким путем, то непременно выйдем на утверждение о том, что право – это, прежде всего, общественный договор. В современном же мире общественный договор – это конституция страны. Как она составлена, чьи интересы она представляет, какие блага обещает и гарантирует своим гражданам, насколько соответствует принципам правового государства – от этого в значительной степени зависит природа и сущность юриспруденции» [5, с. 24].

Конечно, мы понимаем, что подход к конституции страны как к общественному договору также является не совсем привычным в отечественной юридической науке. Более того, представители отечественной юридической науки сплошь и рядом пишут о том, что конституция – это основной закон государства. Так, например, даже профессор С.М. Шахрай, один из активных разработчиков постсоветской Конституции Российской Федерации, пишет: «Конституция (от лат. constitution – установление) – особый юридический документ, основной закон государства, обладающей высшей юридической силой» [6, с. 23]. Об общественном договоре, как о содержательной части конституции, в отечественной юридической науке тоже ничего не говорится. Более того, об общественном договоре в учебниках по теории государства и права, в основном, пишут только в критическом аспекте лишь в теме о происхождении государства. Обращая на это внимание, профессор Ф.М. Раянов в своей новой монографии «Правовое обществоведение» отмечает: «Конституция Российской Федерации 1993 года впервые за всю длительную историю России закрепила многонациональный российский народ в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти, но в то же время не признала этот же народ в качестве единственного источника права. Да и не только в Конституции Российской Федерации, но и вообще нигде официально не сказано о том, что выраженная воля конституционно признанного единственного источника власти одновременно является и единственным верховным источником права. Об этом до сих пор трудно встретить и суждения ученых-юристов или представителей каких-то других общественных наук нашей страны» [7, с. 58].

Другой представитель Уфимской научной школы проблем правового государства Ф.Х. Галиев также считает, что «в современных развитых цивилизованных государствах политико-правовая характеристика общественного порядка отражается в Конституции. Несомненно, при этом Конституция выражает специфику устройства государства, функциональные параметры государственных органов и пределы их полномочий. Исходя из преамбулы Конституции Российской Федерации, можно говорить о том, что Конституция представляет собой, как Основной закон, изложение условий достижения общественного порядка в государстве на основе договоренности людей между собой, то есть общественный договор. Если на этот вопрос посмотреть с точки зрения организации государства как организации политической власти, то и государство в целом можно воспринимать именно как результат процесса становления общественного порядка путем нахождения общего языка между людьми [8, с. 117-118].

Таким образом, подход к характеристике правового государства через общественный договор, как это делают представители Уфимской научной школы проблем правового государства, выводит нас на новую концепцию природы и сущности правового государства. Как подчеркивает Ф.М. Раянов, «общественный договор – это и есть основной правовой источник формирования и, одновременно, ограничения пределов деятельности избранных, для исполнения законов, управленцев» [9, с. 147]. Поэтому, как нам представляется, необходимо и дальше развивать научные исследования по характеристике правового государства в качестве важнейшего института современного общества.

Библиографические ссылки

1. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999.
2. Храпонюк В.Н. Теория государства и права : учеб. пособие для высш. учеб. завед. / под ред. проф. В.Г. Стрекозова. М., 2001.
3. Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М. : Юристъ, 1997.
4. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.
5. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // LexRussica. 2015. № 8. С. 14-25.
6. Шахрай С.М. О Конституции. Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М. : Наука, 2013.
7. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение. М. : Юрлитинформ, 2018.
8. Галиев Ф.Х. Конституция и общественное сознание // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 114-122.
9. Раянов Ф.М. Кризис понимания права в отечественной юридической науке и пути его преодоления // Методологические проблемы освоения правовой действительности : материалы III Международного научно-практического семинара (14-16 мая 2015 года). Челябинск : ЮУрГУ, 2015. С. 145-150.

References

1. Mal'tsev G.V. Ponimaniye prava. Podkhody i problemy (Understanding the law. Approaches and problems). Moscow, Prometey, 1999.
2. Khraponyuk V.N. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law), ucheb. posobiye dlya vyssh. ucheb. zaved., pod red. prof. V.G. Strekozova. Moscow, 2001.
3. Alekseyev S.S. Uroki. Tyazhkiy put' Rossii k pravu (Lessons. Russia's hard way to the law). Moscow, Yurist", 1997.
4. Rayanov F.M. Aktual'nyye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual problems of theory and practice of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.
5. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyaniye, puti pereosmysleniya (Theory of the rule-of-law state in Russia: status, ways of rethinking), *LexRussica*, 2015, No. 8, pp. 14-25.
6. Shakhray S.M. O Konstitutsii. Osnovnoy zakon kak instrument pravovykh i sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniy (On the Constitution. The basic law as an instrument of legal and socio-political transformations). Moscow, Nauka, 2013
7. Rayanov F.M. Pravovoye obshchestvovedeniye (Legal social studies). Moscow, Yurlitinform, 2018.
8. Galiyev F.Kh. Konstitutsiya i obshchestvennoye soznaniye (Constitution and public consciousness), *Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitutsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proportsional'nosti*, materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po konstitutsionnomu pravu, Sankt-Peterburg, 20-22 maya 2016 g., pod obshch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet, 2017, pp. 114-122.
9. Rayanov F.M. Krizis ponimaniya prava v otechestvennoy yuridicheskoy nauke i puti yego preodoleniya (Crisis of understanding of law in the national legal science and ways to overcome it), *Metodologicheskiye problemy osvoyeniya pravovoy deystvitel'nosti*, materialy III Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara (14-16 maya 2015 goda). Chelyabinsk, YUUrGU, 2015, pp. 145-150.

Дата поступления: 20.05.2018 *Received: 20.05.2018*

УДК 340.1+34(091)

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КРУГА СУБЪЕКТОВ ЗАКОННОСТИ

ОРЛОВА Александра Андреевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия.
E-mail: Orlova4685@ya.ru

РОЖКОВА Ирина Юрьевна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия.
E-mail: Orlova4685@ya.ru

Согласно традиционному пониманию законности в качестве ее субъектов рассматриваются все субъекты права: государство и его органы, должностные лица, общественные организации, граждане. Рассматривая вопрос о принадлежности граждан к субъектам законности, следует разделить последних на две категории: граждане, не наделенные какими-либо властными полномочиями, и граждане, наделенные определенными властными полномочиями. Можно выделить группу граждан, которые не являются государственными служащими, но в соответствии с законодательством Российской Федерации временно наделяются различного рода властными полномочиями. Следующая группа – это граждане, которые могут не являться государственными служащими, но в соответствии с законодательством Российской Федерации временно наделяются различного рода властными полномочиями – это члены избирательных комиссий. Необходимо отметить еще одну группу граждан, которые могут не являться государственными служащими, но в соответствии с законодательством временно наделяются властными полномочиями – это члены общественных наблюдательных комиссий, создаваемых на основе ч. 2 ст. 9 ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Ключевые слова: законность, правопорядок, субъекты законности, властные полномочия, граждане.

TO THE ISSUE OF DETERMINING THE RANGE OF SUBJECTS OF LEGALITY

ORLOVA Alexandra Andreevna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia.
E-mail: Orlova4685@ya.ru

ROZHKOVA Irina Yurievna
Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia. E-mail: Orlova4685@ya.ru

According to the traditional understanding of legality, all subjects of law are considered as its subjects: the state and its bodies, officials, public organizations, citizens. When considering the question of citizens' belonging to the subjects of legality, it is necessary to divide the latter into two categories: citizens who are not endowed with any powers, and citizens who are endowed with certain powers. At the same time, it is possible to single out a group of citizens who are not state employees, but in accordance with the legislation of the Russian Federation, they are temporarily endowed with various types of power. The following group includes citizens who may not be civil servants, but, in accordance with the legislation of the Russian Federation, are temporarily vested with various kinds of power - these are members of election commissions. It is necessary to note one more group of citizens who may not be civil servants, but, in accordance with the legislation of the Russian Federation, are temporarily vested with various kinds of power - these are members of public supervisory commissions created on the basis of Part 2 of Art. 9 of the Federal Law “On the Basics of Public Control in the Russian Federation”.

Key words: legality, law and order, subjects of legality, power authorities, citizens.

Согласно традиционному пониманию законности в качестве ее субъектов рассматриваются все субъекты права: государство и его органы, должностные лица, общественные организации, граждане. Под это подводится тезис о том, что в государстве и обществе все субъекты права одинаково подчинены законам. М.С. Строгович писал: «Законность едина, и она одинаково обязательна для всех – и для органов власти, и для граждан» [3, с. 111]. Для подкрепления такой позиции обратимся к ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, в которой указывается: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы», то есть данная конституционная норма обращена ко всем субъектам права, из чего делается вывод, что указанные субъекты автоматически становятся и субъектами законности. Однако такая позиция неоднозначна, в юридической литературе встречаются и иные достаточно аргументированные взгляды. Еще Н.Г. Александров предлагал рассматривать законность в широком и узком смысле. В широком смысле речь идет о требовании соблюдения законов всеми субъектами права, а в узком – только должностными лицами, что означает практическое распространение законности только на деятельность государственного аппарата [1, с. 105-106].

На наш взгляд, можно лишь отчасти согласиться с мнением Н.В. Витрука о том, что нарушения законов, совершаемые гражданами и другими лицами, не выступают в качестве нарушений законности, они суть нарушения правопорядка в обществе и поэтому влекут за собой юридическую ответственность [2, с. 160]. Очевидно, все граждане объективно не могут быть субъектами законности, они могут лишь «участвовать в выявлении нарушений должностными лицами закона и, следовательно, законности, способствовать ее обеспечению и упрочнению» [2, с. 168]. К этому близка и позиция А.Ф. Черданцева, который пишет: «Состояние законности определяющим образом зависит от того, насколько пропитан духом законности государственный аппарат, насколько прочна законность именно здесь. От состояния законности в сфере деятельности должностных лиц зависит состояние прав и свобод граждан, их законопослушность» [9, с. 381]. По нашему мнению, рассматривая вопрос о принадлежности граждан к субъектам законности, следует разделить последних на две категории:

– граждане, не наделенные какими-либо властными полномочиями;

– граждане, наделенные определенными властными полномочиями.

Проанализировав все перечисленные точки зрения, мы пришли к выводу, что проводить различие между субъектами права и субъектами законности необходимо, но, как говорилось ранее, к последним целесообразно относить не всех граждан, а только тех из них, которые наделены властными полномочиями. Законность находится на переднем крае обеспечения, защиты, охраны законных прав и интересов человека и гражданина. Гражданин, не имеющий властных полномочий, обычно апеллирует к соответствующим органам государства и к должностным лицам, когда имеет место посягательство на его права, свободы, интересы, но не имеет законных полномочий отдавать приказы или распоряжения. В связи с этим он не может быть равнозначным субъектом законности, его нельзя ставить в один ряд с должностными лицами. Однако гражданин, наделенный какими-либо властными полномочиями, имеет право в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством Российской Федерации отдавать распоряжения, приказы и т.д. и тем самым являться непосредственным субъектом законности в государстве.

Рассмотрим некоторые категории граждан, которые могут не являться государственными служащими, но в соответствии с законодательством Российской Федерации временно наделяются различного рода властными полномочиями.

Согласно положениям ч. 1 ст. 2 Федерального закона "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации" граждане Российской Федерации имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел с участием присяжных заседателей. В ст. 3 установлено, что присяжными заседателями могут быть граждане, включенные в списки кандидатов в присяжные заседатели и призванные в уста-

новленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядке к участию в рассмотрении судом уголовного дела. При этом кандидатом в присяжные заседатели может быть лицо, достигшее 25 летнего возраста, не имеющее непогашенную или неснятую судимость, непризнанное судом недееспособными или ограниченное судом в дееспособности, не состоящее на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств, а также не являющееся подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений, владеющие языком, на котором ведется судопроизводство и не имеющие физических или психических недостатков, препятствующих полноценному участию в рассмотрении судом уголовного дела [7]. Положения ст. 334 и ч. 1, 2, 4 ст. 299 Уголовно-процессуального Кодекса РФ предусматривают властные полномочия присяжных заседателей, среди которых решение следующих вопросов: о доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления и пр. [4].

Следующей категорией граждан, которые могут не являться государственными служащими, нов соответствии с законодательством Российской Федерации временно наделяются различного рода властными полномочиями являются члены избирательных комиссий. Закон предъявляет к членам избирательных комиссий следующие требования: они должны быть гражданами Российской Федерации, дееспособными и совершеннолетними. Кроме того, члены ЦИК РФ и председатели избирательных комиссий субъектов РФ должны иметь высшее профессиональное образование. В положениях ст. 23 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" приведен перечень полномочий избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, среди которых: осуществление на территории субъекта Российской Федерации контроля за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации; обеспечение на территории субъекта Российской Федерации реализации мероприятий, связанных с подготовкой и проведением выборов, референдумов; рассмотрение жалоб (заявлений) на решения и действия (бездействие) нижестоящих комиссий и принятие по указанным жалобам (заявлениям) мотивированных решений и пр. [6].

Необходимо отметить еще одну группу граждан, которые могут не являться государственными служащими, но в соответствии с законодательством Российской Федерации временно наделяются различного рода властными полномочиями – это члены общественных наблюдательных комиссий, создаваемые на основе ч. 2 ст. 9 Федерального закона "Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [8]. Так, согласно положениям ст. 16 Федерального закона "Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания", члены общественных наблюдательных комиссий наделяются следующими полномочиями: в составе не менее двух членов общественной наблюдательной комиссии без специального разрешения в установленном соответствующим федеральным органом исполнительной власти, в ведении которого находятся места принудительного содержания, порядке посещать места принудительного содержания при соблюдении установленных в них правил внутреннего распорядка; в соответствии с законодательством Российской Федерации принимать и рассматривать предложения, заявления и жалобы лиц, находящихся в местах принудительного содержания, иных лиц, которым стало известно о нарушении прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания; в установленном законодательством Российской Федерации порядке запрашивать у администраций мест принудительного содержания и получать от них сведения и документы, необходимые для проведения общественного контроля и подготовки заключений, предложений или обращений общественной наблюдательной комиссии и пр.[5].

Безусловно, приведенный перечень субъектов не является исчерпывающим, но в силу разнообразия и важности для осуществления правопорядка в государстве тех полномочий, которыми указанные субъекты наделяются на срок осуществления своих полномочий, очевидно, что совершения правонарушений гражданами, которые могут не являться государ-

ственными служащими, но в соответствии с законодательством Российской Федерации временно наделены различного рода властными полномочиями напрямую оказывают влияние на состояние законности в государстве. Тем не менее, каждый гражданин адекватно уровню своего правосознания, правовой культуры, правового мышления в состоянии оказывать содействие в деле укрепления законности в важнейших сферах общественной жизни путем личного исполнения предписаний законов и правовых норм, соответствующего реагирования на правонарушения, совершаемые другими людьми, обращения в компетентные органы государства и к определенным должностным лицам по фактам нарушения законности и т.д.

Библиографические ссылки

1. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961.
2. Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение. Конституционная законность и конституционное правосудие // Общая теория государства и права. В 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М., 1998.
3. Строгович М.С. Проблемы общей теории права // Избр. тр. М., 1990.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // Российская газета. 2001. 22 дек.
5. Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ "Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания"(с изм. и доп., вступ. в силу с 07.06.2017) // Российская газета. 2008. 18 июня.
6. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 18.04.2018) "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.05.2018) // Российская газета. 2002. 15 июня.
7. Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 01.07.2017) "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации" // Российская газета. 2004. 25 авг.
8. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2017) // Российская газета. 2014. 23 июля.
9. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2001.

References

1. Aleksandrov N.G. Pravo i zakonnost' v period razvernutogo stroitel'stva kommunizma (Law and legality in the period of the extensive construction of communism). Moscow, 1961.
2. Vitruk N.V. Zakonnost': ponyatiye, zashchita i obespecheniye. Konstitutsionnaya zakonnost' i konstitutsionnoye pravosudiye (Legality: concept, protection and security. Constitutional legality and constitutional justice), *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava*. V 2 t., pod red. M.N. Marchenko. Moscow, 1998.
3. Strogovich M.S. Problemy obshchey teorii prava (Problems of general theory of law). *Izbr. tr*. Moscow, 1990.
4. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 23.04.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.06.2018), *Rossiyskaya gazeta*, 2001, 22 dek.
5. Federal'nyy zakon ot 10 iyunya 2008 g. № 76-FZ "Ob obshchestvennom kontrole za obespecheniyem prav cheloveka v mestakh prinuditel'nogo soderzhaniya i o sodeystvii litsam, nakhodyashchimsya v mestakh prinuditel'nogo soderzhaniya" (Federal Law No. 76-FZ of June 10, 2008 “On Public Control of the Protection of Human Rights in Constrained Places and on Assistance to Persons in Constrained Places") (s izm. i dop., vstup. v silu s 07.06.2017), *Rossiyskaya gazeta*, 2008, 18 iyunya.

6. Federal'nyy zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ (red. ot 18.04.2018) "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastiye v referendume grazhdan Rossiyskoy Federatsii" (Federal Law No. 67-FZ of 12.06.2002 (as amended on 18.04.2018) “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation”) (s izm. i dop., vstup. v silu s 06.05.2018), *Rossiyskaya gazeta*, 2002, 15 iyunya.
7. Federal'nyy zakon ot 20.08.2004 № 113-FZ (red. ot 01.07.2017) "O prisyazhnykh zaseda-telyakh federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii v Rossiyskoy Federatsii" (Federal Law No. 113-FZ of August 20, 2004 (as amended on July 1, 2017) “On jury members of federal courts of general jurisdiction in the Russian Federation”). *Rossiyskaya gazeta*, 2004, 25 avg.
8. Federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 212-FZ "Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii" (Federal Law of July 21, 2014 No. 212-FZ "On the Basics of Public Control in the Russian Federation") (s izm. i dop., vstup. v silu s 29.12.2017), *Rossiyskaya gazeta*, 2014, 23 iyulya.
9. Cherdantsev A.F. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law). Moscow, 2001.

Дата поступления: 29.05.2018 *Received: 29.05.2018*

УДК 340.1+34(091)

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

AXIOLOGICAL ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY

ПОЛИЩУК Николай Иванович
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия.
E-mail:nik-polishchuk@yandex.ru

POLISHCHUK Nikolay Ivanovich
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia.
E-mail: nik-polishchuk@yandex.ruъ

Вопрос о функциональной ценности принципа правовой определенности в современной правотворческой и правоприменительной политике государства на сегодняшний день остается в числе актуальных. Это обусловлено тем, что всякая правовая регламентация должна быть сформулирована достаточно определенно, исключая возможность двусмысленного понимания и толкования. Под правовой определенностью следует понимать юридически качественное единообразное изложение, понимание, толкование и реализацию нормативных правовых актов, способствующую субъектам правовых отношений заранее прогнозировать результат правовых последствий. Принцип правовой определенности – это базовый, системообразующий, общеправовой принцип, который диалектически дополняет и развивает иные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принци-

The issue of the functional value of the principle of legal certainty in modern state lawmaking and law-enforcement policies remains today topical. This is due to the fact that any legal regulatory activity should be formulated quite definitely, excluding the possibility of ambiguous understanding and interpreting. Legal certainty should be understood as a legally qualitative uniform presentation, understanding, interpretation and implementation of normative legal acts, which promotes subjects of legal relations to predict the result of legal consequences in advance. The principle of legal certainty is a basic, system-forming, general legal principle that dialectically complements and develops other general legal, intersectoral and sectoral principles. The essence of other principles cannot be fully disclosed in isolation from it, since the implementation of any of

пы. Сущность иных принципов не может быть в полной мере раскрыта в отрыве от него, поскольку реализация любого из них всегда соизмеряется с принципом правовой определенности. Недостатки в сфере правовой определенности причиняют неудобства или вред не только конкретному человеку, группе лиц, коллективу или обществу, но и самому государству, поскольку низкая результативность принятых им правовых норм не способствует достижению поставленных целей и задач, компрометирует государственную власть, является экономически ущербной, а также порождает нигилистическое отношение к праву.

them is always commensurate with the principle of legal certainty. Deficiencies in the field of legal certainty cause inconveniences or harm not only to a particular person, a group of persons, a collective or a society, but also to the state itself, since the low effectiveness of the legal norms it has adopted does not contribute to the achievement of the set goals and objectives, but compromises state power, is economically flawed, and also generates a nihilistic attitude to the law.

Ключевые слова: правовая определенность, согласованность правовых норм, коллизии, правовое регулирование, правотворчество, юридический текст, принципа правовой определенности.

Key words: legal certainty, consistency of legal norms, collisions, legal regulation, lawmaking, legal text, principle of legal certainty.

На современном этапе развития Российского государства право является мощным средством закрепления, регулирования и охраны общественных отношений, складывающихся в результате жизнедеятельности людей. Именно оно, реализуясь через создаваемые на его основе правовые отношения, воздействует на поведение граждан, коллективов, общественных организаций, государственных органов и должностных лиц, обеспечивает решение глобальных и повседневных задач по формированию позитивных процессов развития государства, определяет изначальный базис и последующую динамику жизнедеятельности общества. Российское государство демократизируется, стремясь обеспечить верховенство закона, незыблемость основных прав и свобод человека, охрану законных интересов личности, закрепляет взаимную ответственность между собой и гражданами. Для того, чтобы сложилось объективное понимание и уважительное отношение к праву, прежде всего, необходимо наделить его качеством определенности, то есть точности и ясности изложенного в нем юридического предписания, поскольку, являясь реальной формой воплощения основополагающих правовых принципов и идей в межличностных и общественных отношениях, оно создает ту желаемую модель поведения людей, на которую направлен весь механизм правового регулирования.

В последние годы на страницах юридической печати ведутся активные дискуссии о необходимости более эффективной реализации принципа правовой определенности. В них на общетеоретическом и отраслевом уровнях анализируются глубинные процессы его бытия, обосновывается юридическая и социальная значимость, высказываются различные мнения о степени научного познания, практике реального применения и т.д. Данный подход вполне оправдан, так как на основе принципа правовой определенности реализуются остальные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы. По своей сущности это базисный принцип, который диалектически дополняет и развивает иные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы, обосновывает функциональную необходимость их существования, определяет пределы действия, формирует ценностно-правовые ориентиры и в итоге способствует торжеству принципа законности во всех сферах общественных отношений. Сущность иных принципов не может быть в полной мере раскрыта в отрыве от принципа правовой определенности, поскольку реализация любого из них всегда зависит от точности, ясности правового регулирования. «Два великих начала рождают, сопровождают и совершенствуют право и его механизм в обществе – разумность и определенность. Они выполняют уникальную роль, являясь началом права, его целью, принципом и свойством» [3, с. 11]. Принципы

как основополагающие идеи, исходные положения какой-нибудь теории, учения, мировоззрения в каждой науке имеют свою собственную специфику и соответствуют той области, из которой данный принцип абстрагирован. В нашем случае речь идет о правовых принципах, а это значит, что все они должны быть четко определены именно с правовых позиций, поскольку отсутствие таковых приведет к многочисленным коллизиям правовых норм и разнообразию в правоприменительной деятельности. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, режим правовой определенности достижим только в условиях согласованности правовых норм. Противоречащие друг другу нормы порождают противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод личности [4]. Следовательно, всякая правовая регламентация должна быть сформулирована достаточно определенно, исключая возможность двусмысленного понимания и толкования. Такой подход позволит избежать ошибок и злоупотреблений со стороны правоиспользователей и правоприменителей.

Исторически сложилось так, что феномен правовой определенности всегда становился актуальным в судьбоносные, переходные моменты в истории государства, которые, как правило, сопровождались кризисом понимания многих социально значимых явлений, переоценкой большинства сложившихся устоев общественной жизни и т. д. Неожиданные перемены, произошедшие в государственно-правовом устройстве нашей страны в 90-е годы прошлого столетия, негативно отразились на национальной правовой системе. Правовая политика в сфере правотворчества того периода характеризовалась спонтанностью, бессистемностью, непоследовательностью органов власти по формированию эффективного механизма юридического регулирования новых общественных отношений. Главенствующим признаком данного недостатка было отсутствие определенной системы целей, призванных реально отражать перспективу правовой, социальной, экономической, духовной, нравственной и иной жизни общества. Принимаемые в спешке на различных уровнях власти нормативные правовые акты были слабо проработаны, страдали внешней и внутренней несогласованностью, содержали множество правовых пробелов и коллизий.

Учитывая уроки прошлого, в современном правотворчестве достаточно большое внимание уделяется вопросам реального воплощения в жизнь принципа правовой определенности, поскольку точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания [5]. Интегрируя в правовое поле мировой цивилизации, Российская Федерация стремится строить свою национальную правовую систему таким образом, чтобы оптимально взаимодействовать с другими государствами и международным сообществом в целом, о чем свидетельствует конституционное признание ею общепризнанных принципов норм международного права, а также международных договоров России частью правовой системы (ст. 15 Конституции РФ).

Принцип правовой определенности, выполняя прогностическую функцию, с одной стороны, позволяет участникам правовых отношений более точно прогнозировать результаты своих юридических действий, с другой – гарантирует предсказуемость и стабильность будущих правовых действий. Следовательно, эффективная реализация данного принципа обеспечит постоянство механизма правового регулирования, который не будет меняться от усмотрения правоприменителя, региона, а также иных объективных и субъективных факторов. Более того, стабильность и предсказуемость правового регулирования делает национальную правовую систему устойчивой, то есть жизнеспособной, которая на протяжении длительного периода сохраняет законодательство способным создавать для граждан необходимые условия для нормальной жизнедеятельности. При этом изменения, происходящие в политической, экономической, культурной, духовной, нравственной и иных сферах общества, должны находить свое отражение в правотворческой деятельности государства. Стабильность правовой регламентации возможна лишь при сохранении базовых основ национальной системы права, в число которых входит и правовая определенность.

В отечественной юриспруденции в понимании правовой определенности доминируют точки зрения, высказанные учеными-процессуалистами [1,2,8,9], суть которых соотносится с позицией Европейского суда по правам человека, считающего, что сущность принципа правовой определенности заключается в том, что принятые судом окончательные судебные постановления не подлежат пересмотру; недопустимо повторное рассмотрение однажды разрешенного судом дела; ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного судебного решения только в целях проведения повторного слушания и получения нового решения; пересмотр окончательного судебного решения не является отступлением от принципа правовой определенности, если он осуществляется в целях исправления судебной ошибки, неправильного отправления правосудия; пересмотр не может быть скрытой формой обжалования, а наличие противоположных взглядов сторон на дела само по себе не может служить основанием для пересмотра окончательного судебного решения; пересмотр ставшего обязательным для сторон решения суда вышестоящим судом недопустим по заявлению государственного должностного лица; пересмотр окончательных решений, когда он допустим, должен быть ограничен определенным сроком [8, с. 70].

Мы полагаем, что данный подход к пониманию правовой определенности слишком заужен, так как кроме судов правоприменительной деятельностью занимаются и иные уполномоченные на то государством учреждения, органы, должностные лица и т.д. Более того, реализация правовых норм может быть осуществлена в непосредственных формах: соблюдения, исполнения и использования. Следовательно, правовая определенность должна четко указывать субъекту, какие правовые запреты он должен соблюдать, какие предписания исполнять и какие правомочия использовать, в противном случае вести речь о желаемых и одобряемых юридических действиях будет весьма проблематично. Кроме того, не следует забывать о том, что процессуально-правовые нормы призваны обслуживать нормы материальные, главное предназначение которых состоит в регулировании общественных отношений с точки зрения их содержания, а процессуальные – обеспечивать реализацию материально-правового содержания в наиболее рациональной форме. Факт существования и взаимодействия в системе права двух видов нормативных предписаний (материальных и процессуальных) отражает диалектическое соотношение между содержанием и формой. Таким образом, наличие и регулятивное проявление процессуальных норм обусловлено только существованием материальных норм. Сущность процессуальных норм заключается в том, что они несут на себе основную нагрузку нормативного способа упорядочения правоприменительной деятельности. Следовательно, основа правовой определенности должна быть четко закреплена, прежде всего, в нормах материальных отраслей права, а четкая процедура, способствующая эффективному и справедливому достижению правового результата – в процессуальных.

Думается, что данная ситуация возникла в силу того, что на общетеоретическом уровне понятие, сущность, юридическая значимость и иные качества принципа правовой определенности пока разработаны достаточно слабо. Теория государства и права не обеспечила отраслевые юридические науки методологической составляющей, в результате чего отсутствует единство подходов в определении базовых исследовательских начал данного феномена. Следует отметить, что данный недочет негативно сказывается на правотворческой деятельности, порождая нежелательные коллизии между правовыми нормами, содержащимися как в Основном Законе сраны, так и в отраслевом законодательстве. Например, ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации, признавая естественный характер прав человека, устанавливает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Следовательно, до наступления момента живорождения эмбрион (плод) не может обладать комплексом общегражданских прав, так как для их реализации необходим сам юридический факт его рождения, на который непосредственно указывает основной закон страны и с которым связывает возникновение, изменение и прекращение правовых отношений. Вместе с тем, сравнивая данное конституционное установление с действующими нормами иных отраслей отечественного права, можно обнаружить совершенно обратную ситуацию. Налицо классическая правовая коллизия, характеризующаяся расхождениями и противоречиями от-

дельных нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же, либо смежные общественные отношения. Более того, игнорирование отраслевыми нормами конституционного императива привело к частичному рассогласованию отечественной правовой системы.

Например, в ст. 1116 ГК РФ закреплено, что «к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в день открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства». Как видим, данная правовая норма, в отличие от Конституции Российской Федерации, защищает наследственные права еще не родившегося человека. Согласно п. 2 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» правом на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного в результате наступления страхового случая обладает ребенок умершего, родившийся после его смерти. Следовательно, в данном нормативном правовом акте также закрепляется право еще не родившегося ребенка на обеспечение по страхованию.

Однако особое обилие коллизионных норм, защищающих основные права еще не рожденного человека, наблюдается в отечественном трудовом праве. Формируя гарантии беременным женщинам, Трудовой кодекс Российской Федерации запрещает работодателю: отказывать в заключении трудового договора по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей (ст. 64 ТК РФ); устанавливать испытание при приеме на работу беременных женщин (ст. 70 ТК РФ); привлекать к работе в ночное время (с 22 до 6 часов) (ст. 96 ТК РФ); привлекать к сверхурочной работе (ст. 99 ТК РФ); отзывать беременную женщину из отпуска при любых обстоятельствах (ст. 125 ТК РФ); заменять отпуск беременным женщинам денежной компенсацией (ст. 126 ТК РФ); расторгать трудовой договор по инициативе работодателя, за исключением случаев ликвидации организации (ст. 261 ТК РФ); привлекать к работам, выполняемым вахтовым методом, беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет (ст. 298 ТК РФ). Кроме того, государство гарантирует сохранение беременной женщине среднего заработка при прохождении обязательного диспансерного обследования (ст. 254 ТК РФ), предоставляет ей возможность работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю с оплатой пропорционально отработанному времени или в зависимости от выполненного объема работ (ст. 93 ТК РФ). Подобные правовые гарантии содержатся в ст. 123, 253, 254, 255, 260 и др. Трудового кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что аналогичные коллизионные нормы присутствуют и в Уголовном кодексе РФ. Например, ч. 1 ст. 82 УК РФ предусматривает возможность отсрочки отбывания наказания осужденным беременным женщинам. Срок беременности значения не имеет. Согласно ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание, считается совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. В ст. 105 УК РФ закрепляется повышенная общественная опасность убийства женщины, находящейся в состоянии беременности, так как это обусловлено более высокой социальной сущностью объекта посягательства.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) также характеризуется изобилием правовых норм, направленных на защиту прав еще не рожденного человека. Так, в ст. 20 УИК РФ говорится, что суд контролирует исполнение наказаний при решении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного, об отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, а также об изменении вида исправительного учреждения (ст. 177 УИК РФ). Осужденные беременные женщины, осужденные женщины, имеющие при себе детей, могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за счет средств, имеющихся на их лицевых счетах, без ограничения (ст. 88 УИК РФ). В ст. 99 УИК РФ, регулирующей материально-бытовое обеспечение осужденных к лишению свободы, закреплено, что осужденным беременным женщинам и осужденным кормящим матерям на период освобождения от работы питание предоставляется бесплатно. Им создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания. Осужденные беременные женщины и осужденные кормящие матери

могут получать дополнительно продовольственные посылки и передачи в количестве и ассортименте, определяемых медицинским заключением. Осужденным беременным женщинам, осужденным женщинам во время родов и в послеродовой период оказывается специализированная медицинская помощь (ст. 100 УИК РФ). Подобные коллизионные нормы, защищающие права еще не родившегося человека, встречаются в других нормативных правовых актах Российской Федерации [6, с. 10-17].

Таким образом, налицо противоречие между Основным Законом государства и нижестоящими нормативными правовыми актами, так как в трудовом, уголовном, уголовно-исполнительном, гражданском и других отраслях отечественного права будущая жизнь человека выступает в качестве охраняемого объекта. Исследуя практическую составляющую правовой определенности, можно привести и ряд иных примеров, которые наглядно демонстрируют прорехи, наступающие в результате ее игнорирования. Часто в национальной правовой системе возникают парадоксальные ситуации, когда субъекты, издающие подзаконные нормативные правовые акты или осуществляющие их толкование, не учитывают правовые предписания как Конституции РФ, так иных федеральных законов имеющими высшую юридическую силу. В частности, это прослеживается на примере пресловутого моратория на смертную казнь, наличие которого периодически довольно бурно обсуждается в нашем обществе. Как известно, при вступлении в Совет Европы Российская Федерация приняла на себя обязательства привести национальное законодательство в соответствие с общепринятыми международными нормами и стандартами. Наряду с другими требованиями необходимо было подписать и ратифицировать Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека от 4 ноября 1950 г, предусматривающий, что государства – члены Совета Европы отменяют смертную казнь, сохраняя возможность ее применения в законе только в военное время. Исполняя принятые обязательства 16 мая 1996 г. Президент РФ подписал Указ № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» и издал распоряжение от 27 февраля 1997 г. № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав и основных свобод человека от 4 ноября 1950 г.».

Конституция РФ устанавливает, что ратификация международных договоров осуществляется в форме федерального закона, который подлежит обязательному рассмотрению в Совете Федерального Собрания. Особо следует отметить, что Федеральное Собрание РФ до сих пор так и не ратифицировало Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека. Примечательно, что в этой ситуации Россия продолжает придерживаться моратория на исполнение смертных приговоров. В настоящее время суды Российской Федерации используют в качестве альтернативы исключительной меры наказания пожизненное лишение свободы или лишение свободы на срок 25 лет. Основанием, препятствующим применению высшей меры наказания, являются Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях"».

Таким образом, в России действуют два моратория на применение смертной казни, введенные Президентом РФ и Конституционным Судом Российской Федерации. Именно они жестко не рекомендуют судам приговаривать преступников к высшей мере наказания. Недостатком указанных документов является и то, что они не дают нам четкого представления о правовой сущности моратория на смертную казнь, не раскрывают его понятие, содержание, функции, цели, задачи и другие аспекты данного правового института. Для нас совершенно

неясно, что это такое: отсрочка исполнения наказания, акт амнистии, помилование или что-то среднее между ними, до конца не сформулированное и юридически не оформленное. К сожалению, ни Президент, ни Конституционный Суд Российской Федерации не дают четкого ответа на данный вопрос. Более того, как уже отмечалось выше, согласно иерархии нормативных правовых актов, Указ Президента имеет меньшую юридическую силу, а Постановление Конституционного Суда вообще является актом толкования права. Настораживает и тот факт, что в п. 5 своего Определения от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р Конституционный Суд РФ, превышая свои полномочия, вторгается в независимое правосудие и настойчиво навязывает свое не единогласное мнение, судам общей юрисдикции, всенародно заявляя, что «решения Конституционного Суда Российской Федерации – учитывая неоднозначное понимание в судебной практике юридической силы подписанного, но не ратифицированного Протокола № 6 – предотвращали возможность назначения судами смертной казни».

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в решении данного вопроса Конституционный Суд РФ стремится придать своим решениям (постановлениям и определениям) юридическую силу, превосходящую как саму Конституцию, слугой которой он является, так и федеральные законы [7, с. 68-74]. Например, в п. 7 Определения сказано, что «в результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя РФ, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания». В связи с этим возникают вполне закономерные вопросы: о каком моратории идет речь? Каким нормативным правовым актом Российской Федерации он установлен? Кто и когда его принимал? Где он опубликован? В данных случаях принцип правовой определенности не только не соблюдается, но и цинично попирается, следовательно, все остальные базовые принципы не могут быть реализованы в полном объеме, а некоторые вообще лишены здравого смысла. Например, для эффективной реализации принципа гуманизма необходимо на законодательном уровне сформировать его основополагающую идею, определить цели и задачи, установить пределы человечности (действия), обозначить круг весь субъектов, на которых законодатель желает распространять его действие, и т.д.

К сожалению, из-за несовершенства правовой определенности в современном отечественном законодательстве прослеживается пагубная тенденция, согласно которой действие принципа гуманизма обращено в сторону лица, преступившего закон. Под влиянием свободных средств массовой информации, различного рода отечественных и зарубежных правозащитных организаций и находящихся рядом с ними сателлитов, а также других аналогичных субъектов на законодательном и правоприменительном уровнях происходит заигрывание и искажение гуманистических ценностей. В результате этого лица, совершившие различного рода правонарушения, в том числе и преступления, избегают заслуженного наказания. Судебно-следственная статистика содержит множество фактов, когда пробелы в правовой определенности позволяют правоприменителям различного уровня, прикрываясь принципом гуманизма, ссылаясь на мнение отдельной группы лиц или свое личное убеждение, назначать наказание, не соразмерное правонарушению (условно, ниже низшего предела), а то и вообще освобождать от юридической ответственности. Примером тому могут служить многочисленные нарушения правил дорожного движения золотой молодежью Москвы и других городов нашей страны, которая, имея десятки, а иногда и сотни неоплаченных штрафов, продолжает гонять на дорогих иномарках по Рублевскому шоссе, ступенькам МГУ, пешеходным дорожкам, газонам парков, нагло игнорируя интересы общественности и требования сотрудников правоохранительных органов. Резюмируя изложенное, следует отметить, что исходя из философско-правового понимания определенность – это свойство правильного мышления, которое находит свое выражение в точности и ясности мысли, отсутствии сбивчивости и путаницы в элементах мысли и самих мыслях.

Следовательно, сущность правовой определенности заключается в правильности формулирования, восприятия и реализации правовых норм с целью наделения их ясностью, точ-

ностью, согласованностью и устойчивостью. К обязательным признакам принципа правовой определенности можно отнести следующие элементы:

- разумность в формировании целей и задач механизма правового регулирования общественных отношений;
- точность, ясность и понятность юридических предписаний, устанавливающих верховенство права;
- системность и согласованность правовых норм;
- осведомленность гражданина относительно действующих нормативных правовых актов;
- единообразное применение нормативных правовых актов в пространстве, во времени и по кругу лиц;
- предсказуемость, стабильность и ясность правовых последствий;
- понятность механизма реализации права;
- стабильное функционирование национальной правовой системы.

Под правовой определенностью следует понимать юридически качественное единообразное изложение, понимание, толкование и реализацию нормативных правовых актов, способствующую субъектам правовых отношений заранее прогнозировать результат правовых последствий. Принцип правовой определенности – это базовый, системообразующий, общеправовой принцип, который диалектически дополняет и развивает иные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы, обосновывает их функциональную необходимость, устанавливает точность, ясность и понятность юридических предписаний, определяет порядок и пределы их действия. Сущность иных принципов не может быть в полной мере раскрыта в отрыве от него, поскольку реализация любого из них всегда соизмеряется с феноменом принципа правовой определенности.

Проведенное исследование позволяет нам говорить о том, что недостатки в сфере правовой определенности причиняют неудобства или вред не только конкретному человеку, группе лиц, коллективу или обществу, но и самому государству, поскольку низкая результативность принятых им правовых норм не способствует достижению поставленных целей и задач, компрометирует государственную власть, является экономически ущербной, а также порождает нигилистическое отношение к праву – эффективному регулятору общественных отношений, призванному защищать тех, кто его соблюдает.

Библиографические ссылки

1. Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2. С. 40-47.
2. Аширбекова М.Т., Омарова А.С. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 61-63.
3. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2015.
4. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П. Ст. 2804 // СПС «Консультант Плюс».
5. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.
6. Полищук Н.И. Дуализм подходов в вопросах определения момента обретения основных прав человека в Российской Федерации // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». Выпуск № 10:

науч.-практ. журн. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. С. 10-17.
7. Полищук Н.И. Мораторий на смертную казнь и его легитимность // Государство и право. 2015. № 2 С. 68-74.
8. Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестн. Том. Гос. ун-та. Право. 2014. № 3 (13).
9. Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестн. Том. Гос. ун-та. Право. 2014. № 3 (13) С. 70.
10. Султанов А.Р. Правовая определенность – часть должной правовой процедуры или как в закон об экстремизме правовую определенность вводили // Адвокат. 2015. № 1. С. 5-17.

References

1. Anishina V.I., Nazarenko T.N. Realizatsiya printsipa pravovoy opredelennosti v rossiyskoy sudebnoy sisteme (Realization of the principle of legal certainty in the Russian judicial system), *Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye*, 2013, No. 2, pp. 40-47.
2. Ashirbekova M.T., Omarova A.S. Novaya kassatsiya v prizme deystviya printsipa pravovoy opredelennosti (New cassation in the prism of the principle of legal certainty), *Rossiyskaya yustitsiya*, 2012, No. 6, pp. 61-63.
3. Vlasenko N.A. Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii (Reasonability and certainty in legal regulation). Moscow, 2015.
4. Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy statey 7, 15, 107, 234 i 450 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy: Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 29 iyunya 2004 g. No. 13-P. St. 2804 (In the case on the verification of the constitutionality of certain provisions of articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of June 29, 2004. Art. 2804), *SPS «Konsul'tant Plyus»*.
5. Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya chasti pervoy stat'i 188 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki M.A. Aslamazyan: Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 maya 2008 g. No. 8-P (In the case on the verification of the constitutionality of the provision of part one of Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen M.A. Aslamazyan: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2008 No. 8-P), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 2008. No. 24. St. 2892.
6. Polishchuk N.I. Dualizm podkhodov v voprosakh opredeleniya momenta obreteniya osnovnykh prav cheloveka v Rossiyskoy Federatsii (The dualism of approaches in questions of determining the moment of obtaining fundamental human rights in the Russian Federation), *Vestnik obshchestvennoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii «Vzaimodeystviye ugolovno-ispolnitel'noy sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovyye i teoretiko-metodologicheskiye aspekty»*. Vypusk No. 10, nauch.-prakt. zhurn. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2017, pp. 10-17.
7. Polishchuk N.I. Moratoriy na smertnuyu kazn' i yego legitimnost' (Moratorium on the death penalty and its legitimacy), *Gosudarstvo i pravo*, 2015, No. 2, pp. 68-74.
8. Rukavishnikova (Plashevskaya) A.A. Genezis kategorii «pravovaya opredelennost'» v sovremennoy yuridicheskoy nauke (Genesis of the category “legal certainty” in modern legal science), *Vestn. Tom. Gos. un-ta. Pravo*, 2014, No. 3 (13).
9. Rukavishnikova (Plashevskaya) A.A. Genezis kategorii «pravovaya opredelennost'» v sovremennoy yuridicheskoy nauke (Genesis of the category “legal certainty” in modern legal science), *Vestn. Tom. Gos. un-ta. Pravo*, 2014, No. 3 (13), p. 70.
10. Sultanov A. R. Pravovaya opredelennost' – chast' dolzhnoy pravovoy protsedury ili kak v zakon ob ekstremizme pravovuyu opredelennost' vvodili (Legal certainty is a part of due legal procedure or how legal certainty was introduced in the law of extremism), *Advokat*, 2015, No. 1, pp. 5-17.

Дата поступления: 20.06.2018 *Received: 20.06.2018*

УДК 340.1+34(091)

ДЕДУКЦИЯ НОРМ ПРАВА И МОРАЛИ В УЧЕНИЯХ И. КАНТА И И.Г. ФИХТЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ

DEDUCTION OF THE NORMS OF LAW AND MORALITY IN THE TEACHINGS OF I. KANT AND J.G. FICHTE AND ITS VALUE FOR NATIONAL THEORETICAL LEGAL STUDIES

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич
кандидат юридических наук, и.о. ректора Курганского государственного университета, г. Курган, Россия. E-mail: 775777@bk.ru

PROKOFYEV Konstantin Georgiyevich
Candidate of Sciences (Law), Acting Rector of the Kurgan State University, Kurgan, Russia. E-mail: 775777@bk.ru

Трансцендентализм И. Канта и И.Г. Фихте, предполагавший включение деятельности субъекта познания в объект его рефлексии, определил необходимость дедукции права из деятельности субъекта на основании идеи его свободы. Эту задачу оба классика решают поразному: для Канта переход от свободы субъекта к нормам права опосредован высшим нравственным законом, для Фихте – он непосредственен, поэтому право он отделяет от морали, а этику от юриспруденции. Несмотря на разницу во взглядах, работы этих двух мыслителей прошлого – И. Канта и И.Г. Фихте – о праве и морали остаются актуальными и сегодня. Этим и обуславливается необходимость исследования и анализа проблем, связанных с соотношением права и морали, с учетом достижений современной отечественной историко-правовой науки.

Ключевые слова: философия права, трансцендентализм, свобода, право, мораль, учение Канта, учение Фихте.

Transcendentalism of I. Kant and J.G. Fichte supposing to include the activity of the subject of cognition in the object of his reflection, determined the necessity of deducing law from the subject's activity on the basis of the idea of his freedom. Both classics solve this task in different ways: for Kant, a higher moral law mediates the transition from the subject's freedom to the norms of law, for Fichte this transition is direct, therefore he separates the law from morality and ethics from jurisprudence. Despite the difference in views, the works of these two thinkers of the past - I. Kant and J.G. Fichte - on the law and morals remain relevant today. This is the reason to study and analyze problems related to the relationship between law and morality, taking into account the achievements of modern national historical and legal studies.

Key words: philosophy of law, transcendentalism, freedom, law, morality, Kant's doctrine, Fichte's doctrine.

Дедукция основных положений теории права является той задачей, решения которой юриспруденция в первую очередь ждет от философии права. Как отмечают петербургские ученые В.П. Сальников и Д.В. Масленников, «философия права является элементом философии постольку, поскольку ее предмет входит в предмет философской науки, которым является всеобщее единство мышления и бытия… Философия права, если он хочет быть философией, должна показать, как всеобщее единство раскрывает в себе определенность права и правового сознания. Она должна суметь спроецировать заключенные во всеобщей гармонии бытия начала права в исторические формы развития человека, общества и государства. Таким образом, философия права – это лишь дискурс перехода от philosophia prima, изучающей всеобщие начала, к позитивной теории права. Поэтому оставаясь строго в рамках своего предмета, философия права имеет предельно ограниченное содержание» [1, с. 72; 2]. В зависимости от того, как философия права, разрабатываемая тем или иным мыслителем, делает свои самые первые шаги от учения о всеобщем тождестве мышления и бытия к учению об основоположениях права, зависит все ее дальнейшее содержание. Исторически сложилось так, что

вопрос о дедукции права оказался тесно переплетен с вопросом о дедукции норм морали. Однако логическое обоснование их взаимосвязи до сих пор остается в дискуссионном поле теории права, этики и философии.

Выдающийся философ И. Кант вошел в историю философии как автор специального метода познания, «где анализ субъекта является необходимым элементом синтеза наших знаний об объекте» [3, с. 61-64]. Сам Кант свой этот метод, в работе Основы метафизики нравственности. Критика практического разума [4], называет трансцендентальным методом. Согласно этому методу, познание исходит из идеи свободы субъекта, поскольку субъект, имеющий объектом только себя, не зависит ни от чего вне себя. Поэтому и он, и его объект, могут мыслиться только как абсолютная, себя определяющая, независимость, т.е. как свобода [4, с. 171]. Развивая идею свободы в ее субъективном измерении, Кант создал предпосылки для ее предельно широкого понимания, включающего в себя субъект, объект и абсолют, что мы и находим в учении классиков немецкой философии. Отсюда, «… классическая немецкая философия права ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы» [5, с. 171].

Однако, в силу субъективистских установок своей философии, Кант полагает, что идея свободы не может быть постигнута, поскольку не может быть дана в опыте. Притом что только опыт Кант считает единственно возможной формой познания. В таком случае, настаивает Кант, мы должны признать свободу в качестве не просто одного из условий цепочки практических поступков, а в качестве их конечного и обуславливающего условия. Свобода, являющаяся одновременно основанием и целью ряда условий практических поступков, составляет содержание кантовского понятия моральности. Согласно закону свободы, моральность – это «причинность, которая не есть явление, хотя результат ее находится тем не менее в явлении» [4, с. 83]. В том же контексте Кант подчеркивает исключительно духовный (в его формулировке – «интеллектуальный») характер свободы: «Идея свободы имеет место единственно в отношении интеллектуального как причины к явлению как действию. Поэтому мы не можем признать за материей свободу в отношении ее непрерывного действия...» [4, с. 166]. Исходя из этого, Кант утверждал, что следование человеком за своими природными наклонностями исключает моральный характер мотивов его поступков.

Согласно такой логике, Кант жестко отделяет сферу природного, естественного, от сферы морального и, далее, от сферы правового. В природе действует причинность, согласно закону необходимости, в сфере морали и права – причинность согласно закону свободы [4, с. 211]. Именно поэтому автор «Критики практического разума» хотя и использует понятие естественного права, но, фактически, отводит его на второй план, чтобы избежать возможного соотнесения с понятием природности. Место высшего естественного закона, который ранее трактовался как врожденная идея разума (рационалистический вариант философии права) или как продукт общественного договора (эмпирический вариант философии права), в учении Канта занимает высший нравственный закон. Последний является законом свободы, поскольку субъект сам ограничивает им себя, следуя указаниям собственного разума, общего, по мнению Канта, для всех людей. И здесь проходит водораздел между трактовкой источника права и морали и их взаимоотношения в предшествующих этико-правовых теориях и в учении Канта. Согласно Канту, поступок человека является моральным только в том случае, если мы рассматриваем его с содержательной стороны, т.е. с учетом его мотива, и усматриваем в этом мотиве исключительно чистое стремление к следованию высшем нравственному закону. Если же мы рассматриваем поступок только с точки зрения формального соответствия высшему нравственному закону, оставляя за рамками нашего рассмотрения мотив действия, то поступок можно будет определить как легальный. Право развивается из принципа легальности, поэтому его требования носят, в отличие от морали, формальный характер.

Для обоснования дедукции права из принципа легальности Кант вынужден сначала решить вопрос о том, как возможно внешнее (т.е. правовое) принуждение воли свободной

личности при сохранении принципа автономии воли. Благодаря свойству автономии свободная воля сама устанавливает ограничивающий ее закон, который не зависит от характера того предмета, на который направлен акт воли. Воля, имеющая объектом абсолютное благо, определяется Кантом как «безусловно, добрая воля». Безусловно, добрая воля является первой ступенью на пути дедукции понятия права, так как ее содержанием является исключительно форма самого воления, а ее основным законом является стремление сделать свой принцип (максиму) всеобщим законом. Право не является произвольной установкой разума или договором группы лиц только в том случае, если возможно применение чистого практического разума, в критике которого Кант выясняет, как возможно такое синтетическое суждение.

Итак, по Канту, для морали и права в качестве высшего закона существует только нравственный закон как закон автономной воли. Основу обязательности закона надо искать не в природе человека и не в тех обстоятельствах в мире, в которые он поставлен, но в априорных понятиях чистого разума. Естественному праву Кант противопоставляет положительное, или статуарное, право, которое является результатом реализации воли законодателя. Отсюда, по Канту, следуют правомочия, которые он разделяет на прирожденные правомочия и правомочия приобретенные [4, с. 291]. Для И. Канта свобода является «вещью-в-себе». По Канту, мы не знаем, что есть свобода с содержательной стороны, но мы знаем, что ее идея необходима для разума и из этой необходимости, а также на основании принципа всеобщности разума, мы дедуцируем систему права и систему морали. Различие права и морали и их понятийное взаимодействие, поэтому, также могут трактоваться лишь как субъективные условия регулирования деятельности теоретического и практического разума. Причем право и мораль у Канта глубоко взаимосвязаны: сначала Кант дедуцирует высший закон нравственности, а уже из него выводит необходимость права и понятие об его форме. Право, таким образом, морально обусловлено и получает свою санкцию в области морали.

Иначе обстояло дело в учении И.Г. Фихте. Автор «Наукоучения» исходил из кантовского принципа трансцендентализма, но при этом полагал, что Кант, ограничив познание высших принципов – идеи самосознания и идеи свободы – не понял сам себя. Согласно Фихте, абсолютное самосознание как источник дедукции всякого знания является практическим действием, а свобода – первичным условием осуществления этого действия. Самосознание и ее свобода являются не каким-то внешним объектом, а способом самореализации самого субъекта. Поэтому, считал Фихте, спрашивать о познании свободы бессмысленно, т.к. его идея сама является первичным условием всякого познания. Фактом сознания эту свободу делает акт рефлексии, который ученый не сводит, подобно Канту, к форме опыта: «Разуму принадлежит здесь только наблюдение за движением Я, обращение же на самого себя составляет деятельность самого Я, которое поэтому объективно по отношению к рефлексии» [6, с. 484].

Из этого высшего начала, который он обозначает термином «Я», автор «Наукоучения» и стремится дедуцировать идею права в соответствии с разработанным им методом науки о праве [6, с. 165–168]. Исходным пунктом дедукции этико-правовых норм в системе Фихте является рефлексия свободы «Я», которая становится объектом созерцания самой себя и тем самым полагает себя. В самой деятельности самосознания Фихте находит в качестве предпосылки идею признания существования иных самосознаний. В области философии права он видит своей задачей дедукцию права из самосознания Я.

Эта дедукция осуществляется в три этапа. Прежде всего, Фихте доказывает, что «всякое конечное разумное существо не может полагать себя, не приписывая себе свободной деятельности» [6, с. 20-23]. Далее, необходимость свободной деятельности Я полагает чувственный мир, не относящийся к сфере Я [6, с. 26-30]. Другими словами, мое самосознание, по Фихте, не может быть содержательным и свободным, если я не допускаю бытия других столь же свободных самосознаний. Таким образом, у Фихте право непосредственно дедуцируется из самосознания. «… вследствие проведенной дедукции мы утверждаем, что понятие права заложено в сущности разума и что невозможно никакое конечное разумное существо, в котором не находилось бы это понятие – отнюдь не вследствие опыта, научения, произвольных распоряжений, действующих среди людей и т.п., но вследствие его разумной природы» [6,

с. 51]. Это понятие права лишь устанавливается философом как факт, а конкретным содержанием, доступным для обыденного рассудка, его наполняет уже позитивная правовая наука.

Поэтому подлинно первичным, по Фихте, оказывается не отдельное самосознание (как у Канта) и не множество эмпирически данных индивидов, а их изначальное единство, которое является как субстанцией, так и субъектом морально-правовых отношений. Это единство немецкий ученый как раз и обозначает посредством понятия свободы. Согласно Фихте, самосознания, входящие в сферу свободы, утверждают пределы своей деятельности, тем самым внося в сферу свободы внутренние границы. Вместе с тем они не выходят за общие границы сферы свободы, иначе последняя была бы «упразднена» [6, с. 13]. На этой основе Фихте формулирует свое понятие права, в рамках которого «мысленно представляют всякого члена общества ограничивающим своей внутренней свободой, свою внешнюю свободу так, чтобы все другие рядом с ним также могли быть во внешнем отношении свободны» [6, с. 13].

Соответственно, решает автор «Наукоучения», и вопрос об отношении права и морали: поскольку право можно с математической точностью вывести непосредственно из разума, то нет и необходимости введения морального звена в цепь дедуктивных рассуждений, ведущих к идее права. Он пишет: «Дедуцированное понятие права не имеет ничего общего с нравственным законом, дедуцировано без него, и уже в этом заключается, поскольку для одного и того же понятия возможно не более одной дедукции, фактическое доказательство того, что его не следует дедуцировать из нравственного закона» [6, с. 52]. Значит, науки о праве и морали также не связаны друг с другом: «Обе эти науки уже изначально и без нашего содействия разделены разумом и совершенно противоположны друг другу» [6, с. 53]. Такой подход, конечно, был прямо противоположен кантовскому учению. Однако и учение Фихте вызвало серьезное сопротивление со стороны некоторых представителей немецкой философии права. Поэтому и отмеченная нами заочная дискуссия между Кантом и Фихте по вопросу об отношении права и морали, этики и юриспруденции еще не получила своего окончательного разрешения (как и многие другие вопросы, поставленные германской государственно-правовой наукой) [7, с. 11-19].

Да и в отечественной теоретической правовой науке, особенно в свете обсуждения проблем природы, нового для России, правового государства, появилась потребность в новом углублении к проблемам взаимоотношения права и морали, а также к истокам естественного права. К тому же, ко всему этому нас обязывает и появившиеся в постсоветской Конституции Российской Федерации совершенно новые положения, имеющие непосредственное отношение к соотношению права и морали. Имея в виду эти новые положения Конституции Российской Федерации, профессор Ф.М. Раянов пишет: «В естественном своем происхождении любое сообщество людей начинается с выработки строго определенных правил поведения, обязательных участникам этого сообщества. Речь идет о естественных законах природы человека, которые рождаются в естественно – исторических условиях и называются естественными правами и свободами человека, являющимися прирожденными и неотчуждаемыми. Именно о них и говорится в различных актах международного права. О них идет речь и в ст. 18 Конституции РФ 1993 г., причем впервые за всю длительную историю России» [8, с. 6]. Представляется, что эти положения, вряд ли, согласуются с утверждениями И. Канта о вторичности естественного права в дедукции права вообще.

В другой своей работе, посвященной проблемам правового государства, профессор Ф.М. Раянов сетует на то, что плодотворные дореволюционные исследования российских мыслителей о правовом государстве, к сожалению, не продолжались не только в советское, но и в постсоветское время. В частности, он пишет: «Если сравнить изыскания в этой области наших современных ученых и ученых досоветского периода, то в трудах таких ученых как В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, Н.М. Коркунов, Н.И. Палиенко, и некоторых других, вопросы правового государства раскрывались более глубоко и всесторонне» [9, с. 4]. Хотелось бы отметить и то, что Ф.М. Раянов и общественный договор характеризует в совершенно новом звучании для сегодняшней нашей страны. В частности, он считает, что «проблемы юриспруденции нужно начинать осмысливать в увязке с проблемами конститу-

ционализма и правового государства. Если мы пойдем таким путем, то непременно выйдем на утверждение о том, что право – это, прежде всего, общественный договор. В современном же мире общественный договор – это конституция страны. Как она составлена, чьи интересы она представляет, какие блага обещает и гарантирует своим гражданам, насколько соответствует принципам правового государства – от этого в значительной степени и зависит природа и сущность юриспруденции» [10, с. 24]. Конечно, и эти утверждения автора нацеливают на более глубокое изучение проблем соотношения права и других социальных норм.

В целом, мы понимаем, что даже самые новые положения Конституции Российской Федерации, полностью соответствующие современным мировым стандартам, могут быть полноценно осмыслены лишь с опорой на многовековые естественно-правовые основы развития человеческого общества и с обязательным учетом действия на них всех социальных норм.

Библиографические ссылки

1. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 72-79.
2. История философии права / отв. ред. В.П. Сальников, Д.В. Масленников. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
3. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). СПб. : НОИР, 2011.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 1995.
5. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167-173.
6. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т. 1. СПб., 1993.
7. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. 2014. № 10. С. 11-19.
8. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение. М. : Юрлитинформ, 2018.
9. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.
10. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // Lex Russika. 2015. № 8. С. 14-25.

References

1. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Filosofiya prava F.M. Dostoyevskogo kak istochnik razvitiya teorii rossiyskogo gosudarstva i prava (Philosophy of Law of F.M. Dostoevsky as a source of development of theory of Russian state and law), *Problemy statusa sovremennoy Rossii: istoriko-pravovoy aspekt*, Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 5–6 aprelya 2018 g.), otv. red. F.Kh. Galiyev. V 2-kh ch. CH. 1. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 72-79.
2. Istoriya filosofii prava (History of Philosophy of Law), otv. red. V.P. Sal'nikov, D.V. Maslennikov. St. Petersburg, Yuridicheskiy institut (Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 1998.
3. Maslennikov D.V. Priroda logicheskogo v filosofii absolyutnogo idealizma (Gegel' i Fikhte) (The nature of the logical in the philosophy of absolute idealism (Hegel and Fichte). St. Petersburg, NOIR, 2011.
4. Kant I. Osnovy metafiziki nravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika nravov (Fundamentals of metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of morals). St. Petersburg, 1995.
5. Maslennikov D.V. Bogochelovek i ideya prava (God-man and the idea of law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 12, pp. 167-173.

6. Fikhte I.G. Sochineniya v dvukh tomakh (Works in two volumes). T. 1. St. Petersburg, 1993.
7. Sal'nikov V.P., Kurzenin E.B., Sal'nikov M.V. Razvitiye politiko-pravovoy mysli ot Gugo Grotsiya k predstavitelyam germanskoy gosudarstvenno-pravovoy nauki (Development of political and legal thought from Hugo Grotius to the representatives of the German state law science), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2014, No. 10, pp. 11-19.
8. Rayanov F.M. Pravovoye obshchestvovedeniye (Legal social studies). Moscow, Yurlitinform, 2018.
9. Rayanov F.M. Aktual'nyye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual problems of theory and practice of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.
10. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyaniye, puti pereosmysleniya (Theory of the rule-of-law state in Russia: status, ways of rethinking), *Lex Russika*, 2015, No. 8, pp. 14-25.

Дата поступления: 11.06.2018 *Received: 11.06.2018*

УДК 340.1+34(091)

ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович
доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: Fonduniver@bk.ru

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: vera_borisovna@mail.ru

ЩЕПОТКИНА-МАРИНИНА Татьяна Владимировна
магистрант 2 курса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: shhepotkinat@mail.ru

Среди правовых концепций особое внимание привлекает концепция выдающегося немецкого ученого XX века, философа и социолога, Юргена Хабермаса, автора теории коммуникативного действия. По мнению Юргена Хабермаса, право базируется на принципе дискурса, значит, должно быть сферой коммуникативного разума. В его представлении правовые средства являются условием возмож-

THE LEGAL CONCEPTION OF JURGEN HABERMAS

SALNIKOV Viktor Petrovich
Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal "Legal Science: History and Modernity", St. Petersburg, Russia. E-mail: Fonduniver@bk.ru

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: vera_borisovna@mail.ru

SHCHEPOTKINA-MARININA Tatiana Vladimirovna
Second-year Master Student of the Faculty of Law of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: shhepotkinat@mail.ru

Among legal conceptions, special attention is drawn to the conception of the outstanding German scientist of the twentieth century, philosopher and sociologist, Jurgen Habermas, author of the theory of communicative action. According to Jurgen Habermas, the law is based on the principle of discourse, which means that it should be the sphere of communicative reason.

ности социальной интеграции, а право выступает как структура опосредования коммуникативного действия. Являясь одним из самых влиятельных мыслителей современной Германии, Юрген Хабермас пользуется большой популярностью в других странах западного мира, и особенно в США, где его теории изучают во многих университетах.

In his opinion, legal means are a condition for the possibility of social integration, and the law acts as a structure for mediating a communicative action. Being one of the most influential thinkers of modern Germany, Jurgen Habermas enjoys great popularity in other countries of the Western world, and especially in the United States, where his theories are studied in many universities.

Ключевые слова: право, коммуникация, дискурс, мораль, концепция, разум, рефлексия, закон, принуждение, свобода.

Key words: law, communication, discourse, morality, concept, reason, reflection, law, coercion, freedom.

Среди современных западноевропейских мыслителей особое место принадлежит немецкому ученому, философу и социологу Ю. Хабермасу. Его ставят в один ряд с выдающимися немецкими мыслителями как Гегель, Кант, Вебер, Фрейд. Его труды пользуются большим авторитетом на американском континенте, где их изучают не только узкие специалисты в области социологии, но и все студенты, изучающие философию, социологию, право. Его творчество изучают, ему посвящаются диссертационные исследования, в том числе и в России [14; 15; 18; 22; 23; 24]. Интересно, что, не будучи юристом, не имея специального образования в этой сфере, Ю. Хабермас проявлял большой интерес к правовым проблемам бытия, к идеям справедливости, нравственности, связывая эти понятия с идеями права [11, с. 26-27, 106; 12, с. 135-138]. Приступая к исследованию правовой концепции, предлагаемой Ю. Хабермасом, прежде всего, необходимо обозначить, что есть право в понимании немецкого ученого. Он пишет, что это «механизм, который разгружает коммуникативную деятельность членов общества, решая задачу социальной интеграции, но, не ограничивая пространств коммуникативной социализации. С одной стороны, согласно самой идее права, мотивы следования правовой норме не принимаются во внимание. Но хотя адресат права и не может ставить под сомнение его значимость, тем не менее, вынужденное санкциями признание (социальной) значимости нормы строго отличается от признания оснований, аргументов, легитимирующих утверждение этой нормы в ходе законодательного процесса. Эти аргументы всегда открыты критике. Современное право полностью позитивно, оно лишено сакральных, метасоциальных гарантий, его источник – случайность фактической деятельности законодателя. Но как раз эта абсолютная позитивность требует легитимации, которая может иметь своим источником только неограниченное коммуникативное взаимодействие членов правового сообщества, где критической поверке могут быть подвергнуты все существующие нормы и ценности. Таким образом, напряжение между фактичностью и значимостью на уровне права проявляет себя в напряжении между позитивностью и легитимностью, то есть обоснованностью правовых норм» [20, с. 202].

Нормативный правовой акт должен содержать в себе следующие аспекты: взаимодействие лиц, объединенных общими интересами (в данном случае норма права выполняет сдерживающую от произвола роль); благодаря индивидам буква закона становится обязательным, обоснованным, защищенным со стороны государства правилом поведения. Первая составляющая – наличие заинтересованности, вторая – действия в рамках закона выражают уважение. Следовательно, эффективный правопорядок должен преследовать такие цели, как: обеспечение действительного взаимоуважения индивидами законных прав по отношению друг к другу; обеспечение легитимности норм права. Важно отметить, что правовая норма считается легитимной тогда, когда участники правового общества свободно выражают ей признание. Данная концепция имеет моральное составляющее и имеет возможность на реализацию при демократическом режиме. Из когнитивных отношений права и коммуникации следует, что правовая норма не может восприниматься в качестве просто юридического фак-

та, поскольку ее основа – рефлексия (то есть норма наличествует в виде уходящего момента в ходе дискурсивной аргументации).

По мнению Ю. Хабермаса, право базируется на «принципе дискурса», значит, должно быть сферой коммуникативного разума. Правовые средства – есть условия возможности социальной интеграции на основе коммуникативного воздействия, право есть структура опосредования коммуникативного действия» [20, с. 202]. Представляется, что норма закона представляет собой результат правообразования. В процессе осуществления коммуникации при законотворчестве, лица, участвующие в этом, используют правильные и рациональные инструменты, тем самым реализуется коммуникационная польза объединения лиц при помощи «рабочих» нормативных правовых актов. Придя к пониманию вышеизложенного, Ю. Хабермас разработал концепцию «правовой парадигмы», которая является помощником в достижении эффективности и признания людьми законов. Идейное начало дискурса заключается в том, что законными являются такие законы, которые были одобрены тем кругом лиц, прочувствовавшим результат данных норм на себе. Нельзя не согласиться с его точкой зрения относительно многогранного действия закона: закон, как таковой, не имеет конкуренции с остальными сферами общественности, будь это искусство или наука, право вкрапляется в имеющуюся структуру, усиливая ее значимость и необходимость, несмотря на имеющуюся тенденцию смены моральных устоев. Ю. Хабермас не является сторонником концепции «цель оправдывает средства», поскольку функционирование права нельзя представлять лишь с рациональностью – закон, прежде всего, это совокупность таких составляющих, как ценность и разумность. По мнению социолога, нынешняя юриспруденция представляет собой образец послетрадиционных систем, сформированных в сознании впоследствии распада разума на отдельные ценностные сферы.

Ю. Хабермас представил следующую характеристику современному праву:

- законность – определяется существованием определенных легальных правил, которые придают нормам права признак законности, а также обязательным наличием договорного согласия;
- утвердительность – устанавливается законотворцем, помимо этого, утвердительность как признак права признает не только разработку и утверждение закона, но и его отмену;
- официальность – основана не на ритуальном исполнении предписанных законом правил в целях достичь необходимого результата, а на дифференциации процессуального права и материального.

Можно согласиться с представленной Ю. Хабермасом концепцией. Вышеуказанные характеристики определяют систему координат, в пределах которой заинтересованное лицо выбирает стратегию для дальнейших правовых действий. Таким образом, индивид следует букве закона при достижении им определенных законных результатов (не ощущая при этом моральных сомнений), избирает наиболее эффективный и рациональный путь в пределах имеющихся нормативных правовых актов. Данные признаки права говорят о его ценности, основу которой составляют не только моральные аспекты, но и определенное подтверждение, которое осуществимо лишь на высоком уровне морального становления права – когда допускаются критические замечания буквы закона, а также целевое обоснование их принятия. Постконвенциональная стадия, о которой идет речь, отличается тем, что законодатель определяет тонкости действия тех или иных норм права, имеет намерение разработать «работающий» правовой акт, эффективно достигается договоренность в отношении необходимых правил поведения. Важным аспектом в исследовании данной концепции предстает разграничение понятий «свобода» и «принуждение»: имеется взаимосвязь принудительности права и общественная свобода. Правовая норма всегда сопряжена с принуждением, которое обеспечивается санкцией за несоблюдение, однако, в противовес этому, буква закона предстает в качестве воплощения представлений индивидов о свободе. Представленное понимание закона характерно для политического строя стран Запада (не является отражением лишь философских взглядов). Одновременное существование двух составляющих – принуждения и свободы – реализуемо только посредством демократического влияния на понимание закона.

Исследуя вопрос соотношения морального аспекта и закона, Ю. Хабермас приходит к пониманию того, что между ними наличествует характер факультативности, не субординации.

Морали не свойственны пространственные или исторические ограничения, поэтому ее действие направлено на неограниченный круг лиц; право, в свою очередь, действует в определенное время и в определенном пространстве. Не имея прямой зависимости, закон, так или иначе, в своей основе опирается на моральные ориентиры, выступает дополнительным функционалом. Помимо этого, имеется круг общественных отношений, который одномоментно объемный и ограниченный по сравнению с моральным регулированием; право решает также проблемы, связанные с этическими вопросами, достижением консенсуса между контрагентами. Такая ситуация возможна лишь при единении права с другими социальными регуляторами. Применительно к современному российскому обществу на данную ситуацию обратил внимание Ф.Х. Галиев, назвав ее синкретизмом современной правовой культуры [2; 3; 4; 5; 7]. По его справедливому замечанию, в условиях интеграционных процессов право невозможно представить себе без взаимодействия с моралью, этикой, религиозными нормами, корпоративными правилами, обычаями и традициями. Правовые нормы совместно с другими социальными регуляторами определяют поведение людей, комплексно влияя на их сознание. В этом и проявляется, по его мнению, синкретизм современной правовой культуры. Говоря о синкретизме современной правовой культуры, Ф.Х. Галиев пишет, что под ним понимается естественным образом формируемая в ходе жизнедеятельности общества объективная «взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости» [6, с. 12]. По мнению исследователя, «ни одна из социальных норм в современном обществе не функционирует изолированно от других… Сущность синкретизма правовой культуры заключается в том, что правовая культура формируется, функционирует и проявляет основные тенденции своего дальнейшего развития, будучи составляющим элементом целостного процесса социального регулирования и воздействия права на общественные отношения, сознание и поведение людей в тесном единстве с другими социальными регуляторами» [7, с. 85].

Поэтому не случайно мы видим такое широкое исследовательское достояние авторитетного немецкого ученого, демонстрирующее широкий круг научных интересов Ю. Хабермаса: право, политика, коммуникация, мораль и, конечно, социология, ибо право невозможно анализировать в отрыве от политики, морали, справедливости и т.д., в конечном счете, от добра и зла [9; 10]. К научному наследию относятся его разработки «о вечном мире», концепция делиберативной демократии. Говоря о достоинствах его теорий нельзя не упомянуть так же и глубину и основательность, которые присущи всем научным трудам Ю. Хабермаса, вместе с тем они не теряют научной актуальности и практической эффективности.

Библиографические ссылки

1. Архипов С.И. Дискурсивная теория права и демократия Ю. Хабермаса // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 5-14.
2. Галиев Ф.Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство: теория и практика. 2009. № 4 (18). С. 8-9.
3. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 36-73.
4. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
5. Галиев Ф.Х. Историческая обусловленность правовой культуры // История государства и права. 2010. № 19. С. 34-39.
6. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014.
7. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры : монография. Уфа : БашГУ, 2011.
8. Еремеева Н.В. Проблемы современного общества в концепции Ю. Хабермаса. Тезисы докладов. Минск : БГУ, 2004. С. 105-124.

9. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. 2013. № 12. С. 186-191.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 2. С. 185-196.
11. Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
12. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»).
13. Кленнер Г. От права природы к природе права / пер. с нем. М. : Прогресс, 1988.
14. Клименко О.А. Проблема соотношения суверенитета государств, народов и личности в концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 39 (49). С. 172-178.
15. Корнилов Н.С. Государство и общественность в контексте правовых идей Юргена Хабермаса // Юридическая мысль. 2016. № 1 (93). С. 21-27.
16. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М. : Наука, 1986.
17. Рядинская М.В. Ю. Хабермас и коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 2. С. 164-187.
18. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Ю. Хабермаса. М., 1999.
19. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001. С. 118-412.
20. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : лекции и интервью. М., 1995. С. 88-204.
21. Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М. : Весь мир, 2013.
22. Шульц В.Л. Метод познания социальных явлений Ю. Хабермаса // Современная западная социология : межвузовский сборник. Л. :ЛГУ, 1979.
23. Шульц В.Л. От диалектики к диалогу: социально-философская концепция Ю. Хабермаса // Диалог в философии: Традиции и современность. СПб., 1995.
24. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. М. : Наука, 2005.
25. Языкова В.М. Идея народного суверенитета в контексте философско-правовых воззрений Ю. Хабермаса // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 3. С. 219-257.
26. Habermas J. Erkenntniss und Interesse. Frankfurt, 1968.
27. Habermas J. Theorie und Praxis. Frankfurt, 1982.
28. Habermas J. Vorstudien und Ergaenzungen zur Theorie des kommunikativen Handlung. Francfort s/M., 1984.

References

1. Arkhipov S.I. Diskursivnaya teoriya prava i demokratiya YU. Khabermasa (Discursive theory of law and democracy of J. Habermas), *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurn*al, 2016, No. 3, pp. 5-14.
2. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura i kul'turnyye traditsii: sushchnostno-soderzhatel'noye vzaimodeystviye (Legal Culture and Cultural Traditions: Essential Content Interaction), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2009, No. 4 (18), pp. 8-9.
3. Galiyev F.Kh. O sinkretizme pravovoy kul'tury (On syncretism of legal culture), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 4 (34), pp. 36-73.
4. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskiye problemy (Legal Culture: Socio-Philosophical Problems), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 7, pp. 182-190.
5. Galiyev F.Kh. Istoricheskaya obuslovlennost' pravovoy kul'tury (Historical conditionality of legal culture), *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, No. 19, pp. 34-39.

6. Galiyev F.Kh. Sinkretizm pravovoy kul'tury sovremennoy Rossii: teoretiko-metodologicheskoye i istoriko-prikladnoye issledovaniye (Syncretism of legal culture of modern Russia: theoretical and methodological and historic-applied research), avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Mos, Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Pre-zidente Rossiyskoy Federatsii, 2014.
7. Galiyev F.Kh. Sinkretizm sovremennoy pravovoy kul'tury (Syncretism of modern legal culture: monograph), monografiya. Ufa, BashGU, 2011.
8. Yeremeyeva N.V. Problemy sovremennogo obshchestva v kontseptsii Yu. Khabermasa (Problems of modern society in the concept of Yu. Habermas). Tezisy dokladov. Minsk, BGU, 2004, pp. 105-124.
9. Zhdanov P.S., Romanovskaya V.B., Sal'nikov V.P. Dobro kak dolzhnoye i zlo kak real'nost' (o kategorii «zla» v russkoy filosofii prava) (Good as due and evil as reality (on the category of “evil” in Russian philosophy of law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2013, No. 12, pp. 186-191.
10. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P., Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Filosofiya prava, dobra, zla i prestupnosti. Retsenziya na knigu A.I. Aleksandrova «Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti (voprosy filosofii prava, ugolovnoy politiki i ugolovnogo protsessa)», Vstupitel'noye slovo Chlen-korrespondenta rossiyskoy akademii nauk, doktora yuridicheskikh nauk, professora D.A. Kerimova. – SPb.: SPbGU, 2013. – 598 s. (Philosophy of law, good, evil and crime. Review of the book by A.I. Alexandrov “Philosophy of Evil and Crime Philosophy (Issues of Philosophy of Law, Criminal Policy and Criminal Procedure)”, Opening Remarks by Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor D.A. Kerimov. - St. Petersburg: SPbGU, 2013. - 598 p.), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 2, pp. 185-196.
11. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoy filosofii prava (The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law), R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov, S.I. Zakhartsev, M.V. Sal'nikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyayeva; pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2012.
12. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the twentieth and twenty-first centuries), monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017. (Seriya: «Nauka i obshchestvo»).
13. Klenner G. Ot prava prirody k prirode prava (From the law of nature to the nature of law), per. s nem. Moscow, Progress, 1988.
14. Klimenko O.A. Problema sootnosheniya suvereniteta gosudarstv, narodov i lichnosti v kontseptsii deliberativnoy demokratii Yu. Khabermasa (The problem of the correlation of the sovereignty of states, peoples and individuals in the concept of deliberal democracy of J. Habermas), *Uchenyye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2015, No. 39 (49), pp. 172-178.
15. Kornilov N.S. Gosudarstvo i obshchestvennost' v kontekste pravovykh idey Yurgena Khabermasa (State and the public in the context of Jurgen Haebermas' legal ideas), *Yuridicheskaya mysl'*, 2016, No. 1 (93), pp. 21-27.
16. Lukasheva Ye.A. Pravo, moral', lichnost' (Law, morality, personality). Moscow, Nauka, 1986.
17. Ryadinskaya M.V. Yu. Khabermas i kommunikativnyy podkhod kak novaya metodologiya istoricheskogo poznaniya (J. Habermas and the communicative approach as a new methodology for historical cognition), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 2, pp. 164-187.
18. Farman I.P. Sotsial'no-kul'turnyye proyekty Yu. Khabermasa (Social and cultural projects of J. Habermas). Moscow, 1999.
19. Khabermas Yu. Vovlecheniye drugogo. Ocherki politicheskoy teorii (Involvement of another. Essays on political theory). St. Petersburg, Nauka, 2001, pp. 118-412.
20. Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost' (Democracy. Mind. Morality), lektsii i interv'yu. Moscow, 1995, pp. 88-204.
21. Khabermas Yu. Esse k konstitutsii Yevropy (Essays to the Constitution of Europe). Moscow, Ves' mir, 2013.
22. Shul'ts V.L. Metod poznaniya sotsial'nykh yavleniy Yu. Khabermasa. Sovremennaya za-padnaya sotsiologiya (Method of knowledge of social phenomena of J. Habermas. Modern Western sociology), mezhvuzovskiy sbornik. Leningrad, LGU, 1979.

23. Shul'ts V.L. Ot dialektiki k dialogu: sotsial'no-filosofskaya kontseptsiya Yu. Khabermasa (From dialectics to dialogue: the socio-philosophical concept of J. Habermas), *Dialog v filosofii: Traditsii i sovremennost'*. St. Petersburg, 1995.
24. Shul'ts V.L. Filosofiya Yu. Khabermasa (Philosophy of J. Habermas). Moscow, Nauka, 2005.
25. Yazykova V.M. Ideya narodnogo suvereniteta v kontekste filosofsko-pravovykh vozzreniy Yu. Khabermasa (The idea of people's sovereignty in the context of philosophical and legal views of J. Habermas), *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2014, No. 3, pp. 219-257.
26. Habermas J. Erkenntniss und Interesse. Frankfurt, 1968.
27. Habermas J. Theorie und Praxis. Frankfurt, 1982.
28. Habermas J. Vorstudien und Ergaenzungen zur Theorie des kommunikativen Handlung. Francfort s/M., 1984.

Дата поступления: 20.05.2018 *Received: 20.05.2018*

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342+342.55

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ИЗБИРАТЕЛЕЙ КАК БАЗОВАЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ

АРТАМОНОВА Наталья Вячеславна
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Брянский филиал), г. Брянск, Россия. E-mail: nartam@yandex.ru

LEGAL CULTURE OF VOTERS AS A BASIC CONSTITUTIONAL LEGAL VALUE

ARTAMONOVA Natalya Vyacheslavna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Bryansk Branch), Bryansk, Russia. E-mail: nartam@yandex.ru

Одной из важнейших задач правового государства является формирование высокого уровня правовой культуры граждан. В последнее время существенное внимание в теории юридической науки уделяется правовой культуре избирателей (электорально-правовой культуре). Существуют различные точки зрения на проблему правовой культуры избирателей. Необходимо отметить два подхода к пониманию правовой культуры избирателей: узкий и широкий. В узком понимании электорально-правовая культура – это культура избирателей – граждан. В широком понимании – это культура избирательной кампании или даже избирательного процесса. Право и культура с точки зрения соотношения социальных ценностей тесно взаимосвязаны. Само

One of the most important tasks of the modern rule-of-law state is developing a high-level legal culture of Russian citizens. In this context, currently, in theory and practice of legal science, significant attention has been paid to the phenomenon of legal culture of voters (electoral and legal culture). There are different points of view on the problem of legal culture of voters in modern science. It is necessary to note two approaches to understanding legal culture of voters: narrow one and broad one. In a narrow sense, electoral legal culture is the culture of citizen voters. Broadly defined, electoral and legal culture is the culture of an election campaign or even an election process. It should be highlighted that there is a close relation between law and culture in context of the correla-

право – это значимая культурная ценность, а правовая культура – правовая ценность. Правовая культура избирателей выступает базовой конституционно-правовой и социальной ценностью, а также основой функционирования урегулированной конституционным правом избирательной системы.

tion of social values. Law itself is a significant cultural value, and legal culture is a legal value. Legal culture of voters is a basic constitutional, legal and social value, and also the ground for functioning of the electoral system, regulated by the constitutional law.

Ключевые слова: электорально-правовая, правовая, культура, избиратели, избирательное право, процесс, конституционно-правовые ценности.

Key words: electoral legal, legal, culture, voters, electoral law, process, constitutional and legal values.

Исследование такой категории, как правовая культура, породило обилие самых противоречивых толкований и интерпретаций.

Многогранность понятия «правовая культура» подчеркивает и тот факт, что на сегодняшний день теорией права выделяется достаточно большое количество ее разновидностей: правовая культура личности, общества, должностных лиц и т.д.

В последнее время определенное внимание уделяется изучению правовой культуры в избирательном процессе [12, с. 5]. В этой связи в науке выделяется не менее значимая разновидность правовой культуры – электорально-правовая культура.

В исследованиях советского периода вопросам электорально-правовой культуры не уделялось должного внимания. Ситуация стала меняться с 1989 года, когда институт свободных выборов стал наиболее востребован общественной практикой. Именно в этот период мы столкнулись с одной из значительных проблем – проблемой дефицита культуры выборов, главным действующим лицом в которых является избиратель. Именно поэтому мы исследуем правовую культуру избирателя, понимая, что электорально-правовая культура в широком понимании включает правовую культуру общества и личности.

В последнее десятилетие существенное внимание стали уделять электорально-правовой культуре. Так, Гомеров И.Н. дает определение понятия «электоральная культура» как системы знаний, оценок, норм политических выборов, включенных в избирательный процесс, деятельность и взаимоотношения электоральных субъектов [4, с. 38]. Ю.А. Веденеев и В.И. Лысенко отмечают, что электорально-правовая культура – весьма емкая по своему содержанию социальная категория. В узком смысле – это культура поведения граждан в избирательном процессе, а в широком – культура политического и государственного строительства, законотворческой деятельности и правоприменения избирательного законодательства. Кроме того, данные авторы акцентируют внимание на том, что в электорально-правовой культуре отражаются все элементы реальной избирательной системы и практики – законодательство и правоприменительная деятельность, избирательные споры и конфликты [3, с. 5]. Современное избирательное право эффективно лишь в той мере, в какой оно является отражением демократической правовой культуры, ориентированной на мотивированное и ответственное участие граждан в формировании выборных институтов власти.

Электорально-правовая культура или культура политического выбора, по мнению Ю. Федорова, – это относительно устойчивая система знаний, оценок, норм электорального поведения, электоральных отношений избирательного процесса в целом, коллективная память людей о выборных процессах [11, с. 12]. А по мнению С.В. Навального, электорально-правовая культура – это совокупность правовых норм, ценностей, юридических институтов, методов и форм, функционирующих в рамках избирательного процесса [10, с. 6]. Говоря о базовых характеристиках электорально-правовой культуры, Ю.А. Веденеев называет в их числе плюрализм возможных позиций в политическом процессе, свободу выбора (участие или неучастие в общих и местных выборах), право на оппозицию официальной политике при обязательном признании полученного решения по итогам выборов всеми его участниками [2, с. 36]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что она включает в себя знание и понимание избирательных норм и проце-

дур, полномочий и деятельности участников избирательного процесса, интерес и отношение к выборам, к избирательным правам и возможностям участников избирательного процесса, оценки избирательного законодательства и практики его применения, всех этапов избирательной кампании, целесообразности и действенности своего участия в них, усвоенные образцы и нормы поведения избирателей и других участников избирательного процесса [9, с. 55].

Однако все вышесказанное скорее раскрывает содержание правовой культуры всех участников избирательного процесса, к которым в частности, по мнению С.Д. Князева, можно отнести политических субъектов, избирателей, кандидатов, зарегистрированных кандидатов, избирательные объединения, общественные объединения (прежде всего, политические партии), уполномоченные представители, доверенные лица, члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса. Административные субъекты представлены избирательными комиссиями, органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными должностными лицами [6, с. 249].

Таким образом, анализируя представленные точки зрения относительно трактовки понятия электорально-правовая культура, можно сделать вывод о широком и узком подходах к нему. В узком понимании электорально-правовая культура – это культура избирателей-граждан, (в переводе с а английского electorate – контингент избирателей, избирательный корпус) [7, с. 659]. В широком понимании наряду с термином электорально-правовая культура употребляется термин правовая культура избирательной кампании или даже избирательного процесса. Как представляется, под электорально-правовой культурой следует понимать узкое значение данного термина и разграничить понятия «электорально-правовая культура» и «правовая культура избирательной кампании». Культура избирательной кампании более широкая категория, включающая не только электоральную культуру, т.е. культуру избирателей-граждан, приходящих на избирательные участки, чтобы реализовать свое право избирать, но и культуру всех участников избирательного процесса. В этой связи согласимся с Н.М. Кейзеровым и Н.Г. Смолиной, что правовая культура избирательной кампании является частью общей правовой культуры и включает в себя ряд основных элементов, и в том числе правовую культуру избирателей, правовую культуру организаторов выборов, степень их профессиональной подготовленности, информационные избирательные технологии, процедуры демократического общественного контроля, процедуры обжалования прав и обязанностей участников избирательного процесса, культуру связей по всей цепочке «центр-регионы» [5, с. 9].

В русле зримо наметившейся в российском обществе и российской науке позитивной тенденции отказа от неоправданных заимствований слов из иностранных языков в русский язык представляется целесообразным использование понятия «правовая культура избирателей», а не «электорально-правовая культура». Следует учитывать, что такие слова как «электорат», «электоральный» понятны не всем гражданам России. Более того, данные заимствованные слова ассоциируются у граждан с худшими проявлениями избирательных кампаний, так называемыми «грязными» избирательными технологиями, «черным пиаром». Соответствующие ассоциации на фоне общего раздражения, возникающего у человека от слов, смысл которых не вполне понятен, вызывают у граждан отрицательное отношение к самому институту выборов, мешают развитию правовой культуры избирателей и тем самым, негативно влияют на правовую культуру общества, усугубляют явления правового нигилизма и массового уклонения избирателей от участия в выборах.

Прежде чем попытаться сформулировать определение правовой культуры избирателей, представляется необходимым остановиться на преломлении ценностного подхода к данному явлению. Здесь важно подчеркнуть тесную взаимосвязь права и культуры с точки зрения соотношения социальных ценностей. Само право выступает значимой культурной ценностью, а правовая культура – правовой ценностью. Конституция государства, принятая по установленной процедуре, является нормативным правовым актом высшей юридической силы. Принятие и вступление в силу конституции означает, что конституция состоялась в качестве нормативного правового акта высшей юридической силы. Однако, с точки зрения социологии права, общество должно воспринимать конституцию в качестве акта высшей юридической силы, следовать

ее нормам, соблюдать и исполнять их. Следовательно, конституция должна стать одной из ключевых социальных ценностей (и фактически становится таковой) [1, с. 17]. Как отмечает В.В. Лазарев, среди правовых текстов наиболее важное значение для оценки электорально-правовой культуры имеет система юридических актов, начиная от Основного Закона (Конституции) государства и федеральных законов в сфере регулирования избирательных отношений, ведущая роль среди которых принадлежит Федеральному закону от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и заканчивая актами органов местного самоуправления [8, с. 487].

Право и «правовые законы» являются основополагающей культурной ценностью. Закон как инструмент организации общественных отношений выступает в качестве средства социального регулирования и контроля. Способность создавать законы и есть зрелый элемент культуры общества, которая в последующем формирует законодательство. При этом необходимо подчеркнуть, что совершенные законы формируют право, как одно из проявлений культуры. Ценность закона в его относительной самостоятельности, которая проявляется в его способности воздействовать на проявления электорально-правовой культуры. Закон, во-первых, являясь отражением правовой идеологии, способствует появлению прогрессивных подходов к решению проблем правового регулирования. Во-вторых, на основе положений законов издаются подзаконные нормативные акты, утверждается система правоотношений, отвечающих ее стандартам. В-третьих, законом создаются государственные учреждения, органы или учреждения, которые способны нести юридическую культуру в широкие массы [8, с. 488]. В свою очередь выборы, как институт народовластия, также должны стать одной из значимых социальных ценностей. В противном случае реализация форм непосредственной и представительной демократии не будет объективной и эффективной, не отразит подлинной воли народа, коль скоро сами граждане не считают их выражением таковой. В этой связи правовая культура избирателей выступает базовой конституционно-правовой и социальной ценностью, а также основой функционирования урегулированной конституционным правом избирательной системы.

В заключении на основании проведенного анализа подходов к определению категории «культура», «правовая культура» и «правовая культура в избирательном процессе» представляется возможным дать авторское определение правовой культуре избирателей. Правовая культура избирателей представляет собой часть правовой культуры личности, формируемую и реализуемую в сфере избирательного процесса, которая выражается в достигнутом личностью уровне правосознания, в степени свободы и ответственности ее поведения, положительно влияющих на развитие государства, общества и самой личности по трем основным компонентам. Первый компонент – интеллектуальный, включает знание избирательного права, избирательной системы, умение принять эти знания при участии в избирательном процессе и т.д. Второй компонент – эмоциональный, включает осознанное отношение к выборам и выборным органам, реализации своих прав и обязанностей в ходе участия в избирательном процессе, оценка собственных действий и деятельности иных субъектов избирательного процесса и т.д. Третий компонент – поведенческий, включает активное правомерное поведение в ходе избирательного процесса.

Библиографические ссылки

1. Артамонова Н.В. Развитие правовой культуры избирателей в России: конституционно-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.
2. Веденеев Ю.А. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан // Государство и право. 1997. № 2. С. 36.
3. Веденеев Ю.А., Лысенко В.И. Избирательный процесс в Российской Федерации: политико-правовые и технологические аспекты // Государство и право. 1997. № 8. С. 5.
4. Гомеров И.Н. Электоральная культура: политологический анализ : автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 1995.
5. Кейзеров Н.М., Смолина И.Г. Правовая культура избирательной кампании: в помощь избирателям и организаторам выборов. Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета, 1995.

6. Князев С.Д. Очерки российского избирательного права. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1999.
7. Конституционное право: энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2000.
8. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М. : ЮРИСТ, 2001.
9. Майтекович М.С. Проблемы правового регулирования выборов в законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации // Государство и право. 1998. № 7. С. 55.
10. Навальный С.В. Электорально-правовая культура: вопросы теории и практики : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999.
11. Федоров Ю. Особенности политической борьбы в России // Обозреватель. 1992. № 3. С. 12.
12. Чучелина Н.Н. Правовая культура в сфере избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации (вопросы теории) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005.

References

1. Artamonova N.V. Razvitie pravovoi kul'tury izbiratelei v Rossii: konstitutsionno-pravovoi aspekt (Development of legal culture of voters in Russia: constitutional and legal aspect), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, 2008.
2. Vedeneev Yu.A. Politicheskaya demokratiya i elektoral'no-pravovaya kul'tura grazhdan (Political democracy and electoral legal culture of citizens), *Gosudarstvo i pravo*, 1997, No. 2, p. 36.
3. Vedeneev Yu.A., Lysenko V.I. Izbiratel'nyi protsess v Rossiiskoi Federatsii: politiko-pravovye i tekhnologicheskie aspekty (Election process in the Russian Federation: political, legal and technological aspects), *Gosudarstvo i pravo*, 1997, No. 8, p. 5.
4. Gomerov I.N. Elektoral'naya kul'tura: politologicheskii analiz (Electoral culture: political analysis), avtoref. dis. … d-ra polit. nauk. Moscow, 1995.
5. Keizerov N.M., Smolina I.G. Pravovaya kul'tura izbiratel'noi kampanii: v pomoshch' izbiratelyam i organizatoram vyborov (Legal culture of the election campaign: to help voters and election organizers). Abakan, Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta, 1995.
6. Knyazev S.D. Ocherki rossiiskogo izbiratel'nogo prava (Essays on Russian electoral law). Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 1999.
7. Konstitutsionnoe pravo: entsiklopedicheskii slovar' (Constitutional law: encyclopedic dictionary), otv. red. S.A. Avak'yan. M., 2000.
8. Lazarev V.V. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva (General theory of law and state). Moscow, YuRIST, 2001.
9. Maitekovich M.S. Problemy pravovogo regulirovaniya vyborov v zakonodatel'nye i ispolnitel'nye organy gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii (Problems of legal regulation of elections to legislative and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation), *Gosudarstvo i pravo*, 1998, No. 7, p. 55.
10. Naval'nyi S.V. Elektoral'no-pravovaya kul'tura: voprosy teorii i praktiki (Electoral legal culture: theory and practice), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Nizhnii Novgorod, 1999.
11. Fedorov Yu. Osobennosti politicheskoi bor'by v Rossii (Features of political struggle in Russia). *Obozrevatel'*, 1992, No. 3, p. 12.
12. Chuchelina N.N. Pravovaya kul'tura v sfere izbiratel'nogo prava i izbiratel'nogo protsessa v Rossiiskoi Federatsii (voprosy teorii) (Legal culture in the sphere of electoral law and electoral process in the Russian Federation (theory issues), dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, 2005.

Дата поступления: 29.05.2018 *Received: 29.05.2018*

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНАМИ СВОИХ ПРАВ В СУДЕ И ОРГАНАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

ЖЕМАЛЕТДИНОВ Рустэм Маратович
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: jurisconsult80@mail.ru

Основная цель гражданского судопроизводства – защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан. Вне зависимости от наличия юридического образования и других обстоятельств все равны перед законом и судом. Между тем, несоблюдение гражданами отдельных формальностей вследствие незнания тонкостей юридической процедуры делает невозможным исполнение судебных решений и осуществление правосудия. В данной ситуации ответственность и последствия возлагаются на участников процесса, которые относятся к незащищенным слоям населения. Необходимо упростить взаимодействие граждан с органами, осуществляющими правосудие и принудительное исполнение, уточнить законоположения об ответственности государства и его органов за правонарушения, допущенные в данной сфере, в ряде случаев переместить акценты с принципов состязательности и диспозитивности гражданского судопроизводства в сторону принципа законности.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, правосудие, судебные решения, защита прав, граждан, доступность, законность.

ON SOME PROBLEMS OF CITIZENS' EXERCISE OF THEIR RIGHTS IN COURTS AND ENFORCEMENT AGENCIES

ZHEMALETDINOV Rustem Maratovich
Candidate of Sciences (law), Assistant Professor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: jurisconsult80@mail.ru

The main purpose of civil proceedings is the protection of violated or contested rights, freedoms and legitimate interests of citizens. Regardless of the presence or absence of legal education and other circumstances, everyone is equal before the law and the court. Meanwhile, non-compliance by citizens with individual formalities due to lack of knowledge of the subtleties of legal proceedings in some cases makes it impossible to enforce judgments and administer justice. In this situation, responsibility and consequences rest with the participants of the process, who often belong to vulnerable segments of the population. Therefore, it is proposed to simplify the interaction of citizens and the bodies carrying out justice and enforcement, clarify the laws on the state responsibility and its bodies for violations committed in this sphere, in some cases shift the emphasis from the principles of adversariality and disposition of civil proceedings to the principle of legality.

Key words: civil legal proceedings, justice, judicial decisions, protection of rights, citizens, accessibility, legality.

Конституция Российской Федерации [1] гарантирует каждому право на государственную и судебную защиту (ст.ст. 45 и 46). Решения и действия (или бездействие) органов публично-правовых образований, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Вне всякого сомнения, в правовом государстве, к которым относится Россия согласно положению ч. 1 ст. 1 Основного Закона, необходимо обеспечить возможность восстановления и защиты в судебном порядке нарушенных или оспариваемых прав, свобод и

законных интересов, установленных в материальном праве. При этом как неоднократно справедливо отмечается в трудах ученых и констатируется в судебных актах, в том числе Европейского Суда по правам человека, говорить о свершившемся правосудии можно только в том случае, когда вынесенное по делу законное и обоснованное решение в точности исполняется в установленные законом сроки.* Исходя из изложенного, недостаточно закрепить в законодательстве декларации прав граждан и организаций, требуется обеспечить их беспрепятственную поэтапную реализацию, в том числе в правоприменительном процессе различных юрисдикционных органов. И даже если с определением и установлением обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела, с правильной юридической квалификацией отношений и вынесением законного и обоснованного решения у суда проблем не возникает, то на завершающей стадии исполнения судебного постановления неискушенный в вопросах юриспруденции взыскатель нередко оказывается в тупике. Как показывает практика, происходит это по целому ряду причин, в частности, вследствие наличия пробелов в законодательстве о гражданском судопроизводстве, размытия обязанностей и ответственности суда и остальных его участников.

Например, еще до вынесения судебного решения или вступления его в законную силу истец просит принять меры по обеспечению иска (ст. 140 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГПК РФ)) или обеспечению исполнения решения суда (ст. 213 ГПК РФ). В гражданском процессе суд рассматривает такое заявление немедленно в день обращения и выносит определение о наложении ареста на имущество, принадлежащее ответчику. Согласно статье 142 ГПК РФ, этот судебный акт приводится в исполнение немедленно в порядке, установленном для исполнения судебных постановлений. На основании определения истцу выдается судьей или судом исполнительный лист, а ответчику направляется его копия. При этом о принятых мерах по обеспечению иска судья незамедлительно сообщает в соответствующие государственные органы или органы местного самоуправления, регистрирующие имущество или права на него, их ограничения (обременения), переход и прекращение (ч. 4 ст. 140 ГПК РФ). Но при рассмотрении конкретного гражданского дела о взыскании суммы займа и процентов в одном из районных судов г. Уфы Республики Башкортостан произошло следующее. Вынесенное судом определение об обеспечении иска (наложении ареста на все имущество ответчика) истец и его представитель получили, но за исполнительным листом никто не обратился. Ответчик суд проиграл. Сообщения из суда о принятых обеспечительных мерах в Управление Росреестра по Республике Башкортостан не последовало. В итоге должник успел совершить договор дарения квартиры в пользу своего несовершеннолетнего ребенка. В судебном заседании по гражданскому делу по последовавшему иску о признании сделки дарения недействительной он заявил, что не знал и не мог знать о наложении ареста, поскольку копия определения из суда к нему не поступала. Информация о вынесенном определении якобы стала ему известна только после государственной регистрации сделки, из содержания нового иска. Истец в судебном заседании, ссылаясь на определение суда о принятии обеспечительных мер, утверждал, что на спорную квартиру наложен арест, поэтому сделка была совершена с нарушением закона. Он не знал о том, что необходимо получить исполнительный лист, в максимально короткие сроки обратиться с ним к приставам-исполнителям, и также возможно самостоятельно обратиться в регистрирующий орган для внесения сведений в реестр. В суде ему не разъяснили процессуальные последствия дальнейшего бездействия, и, получив определение о наложении ареста, он посчитал дело сделанным. Его поверенный, если рассчитывать на квалифицированную юридическую помощь с его стороны, обязан был указать доверителю на этот нюанс.

Согласно п. 95 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3], по смыслу п. 2 ст. 174.1 ГК РФ в случае если должник распорядится арестованным имуществом, права кредитора могут быть реализованы при условии, если доказано что приобретатель имущества знал или должен был знать о запрете на распоряжение имуществом должника, в том числе не принял все разумные меры для выяснения правомочий

должника на отчуждение имущества. С момента внесения в соответствующий государственный реестр прав сведений об аресте имущества признается, что приобретатель должен был знать о наложенном запрете (ст. 8.1 ГК РФ). При этом, осведомленность должника об аресте отчужденного имущества не является обстоятельством, которое имеет значение для решения вопроса об истребовании имущества у приобретателя. В итоге фактически уже из толкования разъяснений Пленума следует вывод, что арест является состоявшимся и в этой ситуации дает суду основания для принятия решения об удовлетворении иска кредитора, например, об истребовании имущества, о признании сделки недействительной только в случае внесения сведений об обеспечительных мерах в реестр. В итоге суд отказал признавать сделку недействительной, ссылаясь, в том числе, на то, что арест квартиры не был произведен. На первый взгляд, все законно и справедливо. Суд не нашел оснований для удовлетворения исковых требований и вынес законное и обоснованное решение. Конечно, как известно, незнание гражданами закона не освобождает их от ответственности, и, как выясняется, сказывается на возможности реализации ими своих прав. Однако в результате гражданин – взыскатель, не смог восстановить свои нарушенные права. Поэтому стоит проанализировать причины этого, возникшие ранее при рассмотрении заявления о принятии обеспечительных мер, вынесении определения. Ни суд, ни истец действия, предусмотренные законом, не выполнили. В пользу истца ранее уже было вынесено судебное решение от имени государства о взыскании денежных средств, и он хотел удовлетворить свои материальные притязания к ответчику путем обращения взыскания на принадлежащее ему недвижимое имущество, что в итоге оказалось невозможным, поскольку в результате неналожения ареста имущество выбыло из обладания должника в результате сделки по его отчуждению. И подобные случаи не редкость! Необходимо обратить внимание на то, что ГПК РФ ответственности за ущерб или убытки, причиненные в данном случае бездействием суда, не устанавливает. В ст. 140 ГПК РФ нет соответствующей части. Остается ориентироваться на общие положения ГК РФ, и бланкетную норму ст. 32 Федерального закона о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. В итоге законопослушный гражданин, налогоплательщик, в пользу которого было вынесено решение суда о взыскании с ответчика крупного долга, не смог реализовать свои права и решение осталось исполненным лишь в части. Возникает вопрос, кто понесет ответственность в результате? Должен ли гражданин быть специалистом во всех процессуальных вопросах и по любому поводу обращаться к квалифицированной и зачастую отнюдь не бесплатной помощи представителя (адвоката)? Обязан ли гражданин при попытке взыскать с государства неполученного от ответчика знать все тонкости гражданского законодательства?

На наш взгляд, на пути реализации прав граждан (лиц, участвующих в деле, взыскателей) встает избыточное количество условий. Не выполнив одно из них, гражданин не может восстановить справедливость и законность! При этом пробелы процессуального законодательства и его несогласованность не позволяют без долгих судебных разбирательств привлечь к ответственности государство, поскольку судебный орган не сообщил о мерах по обеспечению иска в Росреестр. Как правильно утверждает У.М. Мурзабулатов, должник оказывается в более выгодных условиях, нежели взыскатель [4], поскольку, пока взыскатель предпринимает активные действия, тратит силы, время, денежные средства, должник спокойно живет, надежно защищенный законом. Считаем справедливым указание автора на отсутствие в законодательстве об исполнительном производстве принципов, направленных непосредственно на защиту взыскателя и установление приоритета его интересов [5]. В числе последних изменений в Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде [6], внесенных Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09 января 2018 г. № 2, присутствует норма, согласно которой теперь копия определения суда о наложении ареста на недвижимое имущество или установлении запрета на совершение определенных действий с недвижимым имуществом, о снятии ареста или запрета, заверенная надлежащим образом, направляется уполномоченным работником аппарата суда в срок не более чем три рабочих дня в орган регистрации прав (третий абзац пункта 9.3.1 Инструкции). Между тем, назрела необходимость изменить и законодательство, установив, во-первых, абсолютно определенную норму об ответственности судебного

органа и государства за нарушение данного правила, во-вторых, обязав должника, который обычно знает о своем долге из решения суда, доказывать, что он намеревался и сейчас способен полностью рассчитаться с кредитором денежными средствами или иным имуществом, кроме того, на которое был наложен арест (в случае его реализации). Приобретатель имущества же может считаться добросовестным только убедившись в том, что в государственном реестре прав отсутствуют не только сведения о наложении ареста, но и информация о том, что в настоящее время имущество не является объектом спора. В-третьих, следует предусмотреть в процессуальном законе положение, согласно которому обязанности гражданина, желающего наложить арест и т.д., в данной ситуации считаются выполненными полностью при вынесении судом определения об обеспечении иска. Далее распространяется сфера ответственности суда, регистрирующих органов и судебных приставов, если гражданин прямо в письменной форме не изъявил желание получить на руки исполнительный лист и самостоятельно обратиться в службу судебных приставов.

При условии осуществления этих изменений и дополнений в законы, как мы думаем, возможно корректное соотношение реализации принципов гражданского процессуального права и исполнительного производства. В настоящее время толкование законодателем и высшими судебными органами принципов диспозитивности и состязательности происходит в ущерб действия принципа законности, против взыскателей, которые обладают правами, установленными законом и подтвержденными судом. Переложение ответственности за собственные действия (бездействие) целиком на лиц, участвующих в деле или в исполнительном производстве, в условиях правового и социального государства считаем неоправданным и приводящим к фактической безнаказанности должностных лиц и органов государственной власти, и в то же время, к лишению граждан возможности реализовать свои процессуальные права, восстановить и защитить нарушенные или оспариваемые субъективные материальные права. В итоге не достигаются цели гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ), а судебная защита, гарантируемая Конституцией РФ (ст. 46), оказывается фикцией.

Примечание

*****Судебное решение от 19 марта 1997 г. по делу «Хорнсби против Греции» и другие.

Библиографические ссылки

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
4. Мурзабулатов У.М. Проблема обеспечения законных прав и интересов взыскателя в современном исполнительном производстве // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Уфимский юридический институт МВД РФ. 2017. № 1-1. С. 114-117.
5. Мурзабулатов У.М. Концептуальные пробелы в законодательстве об исполнительном производстве // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 1 (35). С. 44-47.
6. Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде. Утверждена Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 года № 36 (ред. от 09.01.2018) //СПС «Консультант Плюс».

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g.) (The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993), *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* http://www.pravo.gov.ru.

2. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14 noyabrya 2002 goda № 138-FZ (red. ot 03.04.2018) (The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on 03/04/2018), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2002, No. 46, St. 4532.
3. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23 iyunya 2015 goda № 25 «O primenenii sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» (Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"), *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, 2015, No. 8.
4. Murzabulatov U.M. Problema obespecheniya zakonnykh prav i interesov vzyskatelya v sovremennom ispolnitel'nom proizvodstve (The problem of securing the lawful rights and interests of the recoverer in the current enforcement proceedings), *Aktual'nyye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. Ufimskiy yuridicheskiy institut MVD RF*, 2017, No. 1-1, pp. 114-117.
5. Murzabulatov U.M. Kontseptual'nyye probely v zakonodatel'stve ob ispolnitel'nom proizvodstve (Conceptual gaps in the law on enforcement proceedings), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2014, No. 1 (35), pp. 44-47.
6. Instruktsiya po sudebnomu deloproizvodstvu v rayonnom sude. Utverzhdena Prikazom Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF ot 29 aprelya 2003 goda № 36 (red. ot 09.01.2018) (Instruction on judicial record keeping in the district court. Approved by the Order of the Department of the Supreme Court of the Russian Federation of April 29, 2003 No. 36 (Edited on 09.01.2018), *SPS «Konsul'tant Plyus»*.

Дата поступления: 11.05.2018 *Received: 11.05.2018*

УДК 347.91/95

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОВЫШЕНИЕМ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ACTUAL ISSUES OF IMPROVING THE EFFECTIVE IMPLEMENTATION OF JUDGMENTS IN CIVIL CASES IN THE RUSSIAN FEDERATION

МУРЗАБУЛАТОВ Урал Муллахметович
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственного университет», г. Уфа, Россия. E-mail: ural.murzabulatov.59@mail.ru

MURZABULATOV Ural Mullakhmetovich
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: ural.murzabulatov.59@mail.ru

Отношение к должнику во все времена носило особый характер. Это было обусловлено тем, что каждый, кто берет в долг, обязан исполнить свои обязательства перед кредитором исходя из внутренней правовой культуры. В то же время, если в отношении неисполненного обязательства должника уже имеется решение суда, и должник их не исполняет, то мы должны говорить о должнике другого уровня, т.е. о должнике по решению

Attitude to the debtor at all times was of a special character. This was due to the fact that anyone who borrowed, was obliged to timely fulfill his obligations to the creditor in terms of internal legal culture. At the same time, if there is a judgment regarding the debtor's outstanding obligations and the debtor does not carry out them, we should talk about a debtor of a different level, that is, a judgment debtor, which does not respect the law and does not execute the

суда, который не только не уважает закон, но и не исполняет решение суда, вынесенное от имени государства. В данном случае, государство, как гарант соблюдения законов, обязано направить всю силу государственного принуждения в отношении такого должника. Все это говорит о том, что ситуация в сфере исполнительного производства России требует проведения реформ как в законодательстве об исполнительном производстве, так и в структуре службы судебных приставов.

judgment awarded on behalf of the state. In this case, the state, as a guarantor of law enforcement, is obliged to direct the entire force of state coercion towards this debtor. All this suggests that the situation in the sphere of Russia's enforcement proceedings requires the implementation of offensive reforms both in the legislation on enforcement proceedings and in the structure of the bailiff's service.

Ключевые слова: исполнительное производство, эффективность исполнения судебных решений, кредитор, должник, система принудительного исполнения, судебные приставы.

Key words: enforcement proceeding, effectiveness of enforcement of judgments, creditor, debtor, enforcement system, bailiffs.

Исторически сложилось так, что во всех государствах отношение к должнику носило отрицательный характер. С точки зрения философии, долг есть нравственная обязанность человека перед обществом. Ф. Ницше, известный немецкий философ, писал, «в долговом праве таится рассадник мира моральных понятий «вина», «совесть», «долг», «священность долга». Оставаясь, как и все обязательства, добровольными, они выступают в качестве подлежащих безусловному осуществлению (в рамках имущественных отношений, в частности, таковыми являются обязательства, связанные с займом, кредитом). Однако требуемая безусловность их исполнения не может быть надежно гарантирована внешним образом. Для этого требуется еще внутреннее принуждение, налагающее обязанность в отношении самой обязанности, что и составляет смысл морального долга [1]. По мнению другого, не менее известного немецкого философа, И. Канта, «долг есть необходимость поступка из уважения к закону». В этих словах И. Канта заложена глубокая мысль о том, что каждый, кто берет в долг, обязан своевременно исполнить свои обязательства перед кредитором, исходя из внутренней правовой культуры, потому что должник, уважая закон, одновременно должен уважать и самого кредитора! Однако, если по неисполненному обязательству в отношении должника уже имеется решение суда и он их не исполняет, то мы должны говорить о должнике другого уровня, т.е. о должнике по решению суда, который не только не уважает закон, но и не исполняет решение суда, вынесенное от имени государства! В данной ситуации, государство, как гарант соблюдения законов, обязано направить всю силу государственного принуждения в отношении такого должника, во имя:

- восстановления нарушенных прав кредитора;
- достижения надлежащего исполнения решения суда вынесенного от имени государства;
- укрепления экономических основ государства и гражданского оборота;
- укрепления судебной власти;
- укрепления государственности в целом;
- утверждения правового государства.

Однако действующая в настоящее время в России система принудительного исполнения судебных актов, по нашему мнению, является неэффективной. Так, по утверждению Генерального прокурора России, за последние годы волокита в территориальных органах федеральной службы судебных приставов «стала нормой и приобрела угрожающие масштабы, ущемляя интересы граждан на восстановление нарушенных прав» [2]. Причин этому достаточно, в том числе и объективных. Во-первых, это связано с проблемой несовершенства законодательства РФ, регулирующего вопросы принудительного исполнения и наличия в нем многочисленных пробелов. Во-вторых, система принудительного исполнения в лице Федеральной службы су-

дебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП РФ) нуждается в соответствующей реформе. На наш взгляд эти проблемы необходимо решать в 2-х направлениях:

1. Реформирование ФССП России;
2. Совершенствование законодательства об исполнительном производстве.

В настоящее время в России действует централизованная система исполнения судебных актов – практически все действия по реализации судебных актов осуществляются должностными лицами службы судебных приставов (за некоторыми исключениями: например, согласно ст. 8 ФЗ «Об исполнительном производстве» некоторые полномочия делегированы кредитным организациям). Чрезмерная загруженность судебных приставов-исполнителей большим количеством дел негативно влияет на качество работы по исполнительному производству. Из-за большого объема работы судебные приставы-исполнители используют только стандартные схемы ведения дел. Кроме того, из-за текучести кадров, в рамках одного исполнительного производства может несколько раз смениться пристав-исполнитель, что негативно влияет на качество работы приставов. Отсутствие профессиональной мотивации в работе судебных приставов-исполнителей, вызванной низкой заработной платой, приводит к тому, что судебные приставы-исполнители ограничивают свою работу «передвижением» документов. Процесс ради процесса, который не нацелен на получение результата. Сегодня должник по исполнительному производству находится в более выгодном, по отношению к взыскателю, положении [3]. Чрезвычайная загруженность судебных приставов, отсутствие заинтересованности в исходе дела удлиняют процедуру исполнительного производства [4].

В европейских государствах успешно функционируют как негосударственная система принудительного исполнения (например, во Франции, Нидерландах, Польше), так и государственная (например, в Австрии, Германии, Швеции). Это показывает, что и государственная система принудительного исполнения может быть эффективной. Однако в условиях сложившихся в нашей стране, проблематично будет быстро добиться эффективности государственной системы исполнения. Невозможно в ближайшее время создать модернизированную систему государственного исполнения, поскольку в первую очередь, для этого необходимо увеличить количественный состав ФССП РФ и повысить квалификацию ее сотрудников, на что требуется длительное время. Поэтому для решения проблем в сфере исполнительного производства невозможно избежать привлечения частных лиц. Существуют такие модели исполнительного производства, при которых почти всеми вопросами, касающимися процесса исполнения, занимается сам взыскатель или его представитель, а деятельность судебного пристава-исполнителя или суда сводится к тому, что они в некоторых случаях санкционируют какие-либо действия взыскателя (например, такая система действует в Республике Казахстан). Делегирование части или всех полномочий по исполнению судебных актов осуществлено также в ряде других стран (в прибалтийских республиках, Франции, США, Канаде). Эта система, как показывает опыт зарубежных стран, является более эффективной, она позволит обеспечить более высокую мотивацию деятельности лиц, занимающихся исполнением, снизить бюджетные расходы, гарантировать своевременное и более качественное исполнение судебных и иных юрисдикционных актов должниками. В качестве примера хочу привести положительный опыт в организации работы судебных исполнителей в Республике Молдова, где в июне 2010 г. был принят Закон о частных судебных исполнителях. Наиболее прогрессивными в работе частных судебных исполнителей Республики Мордова являются процессуальные полномочия судебных исполнителей в вопросах проведения примирительных процедур между должником и взыскателем, которые прямо предусмотрены в законе! Так, например, при возбуждении исполнительного производства судебный исполнитель обязывает должника и взыскателя в назначенное время явиться к нему для «попытки примирения». В случае качественного проведения процедуры примирения между сторонами и подписания ими мирового соглашения, судебный исполнитель получает гонорар.

Для того, чтобы обеспечить защиту интересов взыскателя, законодатель установил, что мировое соглашение, утвержденное судебным исполнителем, обретает силу исполнительного документа. То есть те условия, которые выражены в мировом соглашении, подлежат принуди-

тельному исполнению, если одна из сторон недобросовестно их исполняет. Эти меры позволили освободить стороны, а также судебные инстанции от дополнительных судебных разбирательств, связанных с мировыми соглашениями. Кроме того, законодательно закреплены возможности должника и взыскателя договориться об изменении способа исполнения, о рассрочке оплаты задолженности без обращения в суд. Так же, подавая документ на исполнение, взыскатель вправе выбрать любого судебного исполнителя, и в случае недобросовестного отношения исполнителя, взыскатель вправе отозвать лист или просить о передаче дела другому судебному исполнителю. Такой подход создает конкурентные условия труда среди судебных исполнителей, позволяет уменьшить жалобы со стороны взыскателей на бездействие судебного исполнителя и а также взыскатель становится хозяином исполнительного производства. Благодаря всему этому, судебные исполнители Республики Молдова за истекший период добились того, что:

- уменьшились сроки исполнения исполнительных документов в 2 раза (от 12 до 6 мес.);
- уменьшилось количество жалоб от взыскателей, но увеличилось от должников недовольных активностью судебных исполнителей;
- немало исполнительных дел по взысканию алиментов прекращаются вследствие примирения сторон [5].

В действующем в настоящее время ФЗ «Об исполнительном производстве» имеется немало пробелов, устранение которых способствовало бы ускорению процесса исполнения решений судов общей юрисдикции. А именно, пробелы, связанные со сроками исполнения требований исполнительного документа, нормами регулирующими процедуру реализации арестованного имущества, пробелы, связанные с принципами исполнительного производства, вопросы, связанные с взысканием алиментных обязательств, нормы регулирующие окончание исполнительного производства по ст. 46 Закона об исполнительном производстве, а также перевод отдельных норм исполнительного производства из императивного начала в диспозитивное начало, а именно нормы регулирующие процедуру примирения должника и взыскателя, отсрочки, рассрочки и т.д. Все это говорит о том, что ситуация в сфере исполнительного производства России требует проведения наступательных реформ как в законодательстве об исполнительном производстве, так и в структуре службы судебных приставов.

Эффективная система принудительного исполнения важна не только для повышения авторитета судебной власти, но и для экономики в целом, поскольку сильная система принудительного исполнения способна превентивно воздействовать на поведение участников гражданского оборота и делать правомерное поведение более выгодным [6].

Библиографические ссылки

1. Садовский П.В. Оспаривание оценки, производимой в рамках исполнительного производства // Арбитражные споры. 2006. № 3. С. 95-100.
2. Генпрокуратура требует наказать руководителей ФССП // РБК Экономика. 2013. 16 сент.
3. Данилова Д., Емельяненко В., Романычева А., Тимофеева О., Дворцова С. Долговой окоп. Как остановить массовое насилие вокруг просроченных кредитов // Русский Репортер. № 6 (408).
4. Чмырев С.Н. Лица, участвующие в исполнительном производстве // Вестник СКГИ. 2015. № 1. С. 255-260.
5. Гальперин М.Л. О самостоятельной ответственности в исполнительном производстве // Право. Журнал высшей школы экономики. 2015. № 2.
6. Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18-21 сентября 2012 г., Москва, Россия : сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина М. : Статут, 2012.

References

1. Sadovskiy P.V. Osparivaniye otsenki, proizvodimoy v ramkakh ispolnitel'nogo proizvodstva (Challenging the assess performed within the framework of enforcement proceedings), *Arbitrazhnyye spory*, 2006, No. 3, pp. 95-100.

2. Genprokuratura trebuyet nakazat' rukovoditeley FSSP (The Prosecutor General's Office demands punishing the leaders of the FBS), *RBK Ekonomika*, 2013, 16 sent.
3. Danilova D., Yemel'yanenko V., Romanycheva A., Timofeyeva O., Dvortsova S. Dolgovoy okop. Kak ostanovit' massovoye nasiliye vokrug prosrochennykh kreditov (Debt trench. How to stop mass violence over overdue loans), *Russkiy Reporter*, No. 6 (408).
4. Chmyrev S.N. Litsa, uchastvuyushchiye v ispolnitel'nom proizvodstve (Persons participating in enforcement proceedings), *Vestnik SKGI*, 2015, No. 1, pp. 255-260.
5. Gal'perin M.L. O samostoyatel'noy otvetstvennosti v ispolnitel'nom proizvodstve (On independent responsibility in enforcement proceedings), *Pravo. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki*, 2015, No. 2.
6. Grazhdanskiy protsess v mezhkul'turnom dialoge: yevraziyskiy kontekst (Civil Process in Intercultural Dialogue: Eurasian Context), Vsemirnaya konferentsiya Mezhdunarodnoy assotsiatsii protsessual'nogo prava, 18-21 sentyabrya 2012 g., Moskva, Rossiya, sbornik dokladov, pod red. D.Ya. Maleshina. Moscow, Statut, 2012.

Дата поступления: 20.07.2018 *Received: 20.07.2018*

УДК 347

ЗАЩИТА ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY

САЙФУТДИНОВА Венера Максутовна
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан», г. Уфа, Россия.
E-mail: venera-svm@mail.ru

SAYFUTDINOVA Venera Maksutovna
Senior Instructor of the Chair of Civil Law and Procedure of the Bashkir Academy of State Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.
E-mail: venera-svm@mail.ru

В настоящее время особую актуальность приобретают вопросы, связанные с правовым регулированием объектов интеллектуальной собственности. В силу своей правовой природы эта категория объектов гражданских прав входит в число наиболее уязвимых с позиции нарушения прав правообладателей. Правовое регулирование объектов интеллектуальной собственности на национальном и наднациональном уровнях довольно обширно и позволяет принимать действенные меры защиты объектов интеллектуальной собственности. Особая роль при практическом воплощении соответствующих мер защиты принадлежит таможенным органам государства.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, Гражданский кодекс, таможенное регулирование, механизм защиты, национальный режим.

Currently, the issues related to legal regulation of intellectual property objects are becoming particularly relevant. Due to the existing legal nature, this category of objects of civil rights is among the most vulnerable from the perspective of violation of the rights of right holders. Meanwhile, legal regulation of intellectual property at national and supranational levels is quite extensive and, according to the author, allows taking effective measures to protect intellectual property. State customs authorities play a special role in practical implementation of the relevant protection measures.

Key words: intellectual property objects, Civil code, customs regulation, protection mechanism, national treatment.

В настоящее время вопросы защиты интеллектуальной собственности регулируются и на уровне международных механизмов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе при перемещении товаров между странами. Так, ст. 1 Приложения № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (ТК ЕАЭС) устанавливает правила таможенного регулирования для участников Евразийского экономического союза: «в Евразийском экономическом союзе осуществляется единое таможенное регулирование, включающее в себя установление порядка и условий перемещения товаров через таможенную границу Союза, их нахождения и использования на таможенной территории Союза или за ее пределами, порядка совершения таможенных операций, связанных с прибытием товаров на таможенную территорию Союза, их убытием с таможенной территории Союза, временным хранением товаров, их таможенным декларированием и выпуском, иных таможенных операций, порядка уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин и проведения таможенного контроля, а также регламентацию властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и (или) распоряжения товарами на таможенной территории Союза или за ее пределами» [5].

В Российской Федерации Федеральным законом от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», в ст. 12 установлены функций (обязанности) таможенных органов, к которым относятся: «обеспечение в пределах своей компетенции защиты прав на объекты интеллектуальной собственности» [6]. Гл. 42 данного Федерального закона устанавливает меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности [4, с.102], к числу которых относятся товары, содержащие объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товара, включенные по заявлению правообладателя в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, который ведется Таможенной службой РФ. Федеральная Таможенная служба ведет таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности и обеспечивает опубликование данных реестра в своих официальных изданиях, а также их размещение на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в установленном им порядке.

Безусловно, в основе таких мер лежат нормы как национального, так и международного законодательства, определяющих правовую природу объектов интеллектуальной собственности. В Российской Федерации наиважнейшую роль играет Часть Четвертая Гражданского кодекса РФ, где в ст. 1225 перечислены охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [1]. На международном уровне существует целый массив конвенций, договоров, соглашений в сфере охраны и защиты различных объектов интеллектуальной собственности. В данном аспекте можно говорить, например, о Конвенции по охране промышленной собственности (Париж, 20 марта 1883 г.), Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (9 сентября 1886 г.), Парижской конвенции по охране промышленной собственности (20 марта 1883 года); Конвенции, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (Стокгольм, 14 июля 1967 г.) и др. Ст. 89 Раздела XXIII Договора о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) «Интеллектуальная собственность» определяет: «государства-члены осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и обеспечивают на своей территории охрану и защиту прав на них в соответствии с нормами международного права, международными договорами и актами, составляющими право ЕАЭС, и законодательством государств-членов» [2]. Ст. 90 этого же нормативного правового акта в п. 1 обозначает соответствующий правовой режим для объектов интеллектуальной собственности: «лицам одного государства-члена на территории другого государства-члена предоставляется национальный режим в том, что касается правового режима объектов интеллектуальной собственности. Законодательством государства-члена могут быть предусмотрены исключения из национального режима в отношении судебных и административных процедур, включая указание адреса для переписки и назначение представителя» [2]. П. 2 дан-

ной статьи конкретизирует, что: «государства-члены могут предусматривать в своем законодательстве нормы, которые обеспечивают больший уровень охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, чем это предусматривается в международных правовых актах, применимых к государствам-членам, а также в международных договорах и актах, составляющих право Союза». Государства-члены, не являющиеся участниками указанных международных договоров, принимают на себя обязательство по присоединению к ним. Кроме того, правовые нормы, регулирующие отношения в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, включая определение особенностей правового режима применительно к отдельным видам объектов интеллектуальной собственности, содержатся и в Приложении № 26 к данному Договору.

Таким образом, правовое регулирование защиты объектов интеллектуальной собственности и на международном и на уровне Евразийского экономического союза, и на уровне Российской Федерации является достаточным. Однако даже такой массив имеющейся правовой базы не останавливает правонарушителей. Ведь специфика объектов интеллектуальной собственности позволяет легко совершать те или иные правонарушения. В данном вопросе значительна роль таможенных органов, ответственных за выявление, приостановление и изъятие товаров, обладающих признаками контрафактных. Главным инструментом защиты прав в Российской Федерации является Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС), находящийся в ведении ФТС России, в который вносятся ОИС по заявлению правообладателя. Таможенные органы вправе приостанавливать выпуск даже тех товаров, которые не включены в вышеуказанные реестры, в соответствии со ст. 308 федерального закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации».

На наднациональном уровне имеется Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (Единый реестр), в который должны вноситься объекты, подлежащие правовой охране в каждом из государств – членов ЕАЭС, но пока в нем не зарегистрировано ни одного ОИС. На уровне же национального законодательства механизм защиты прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами является эффективным действующим инструментом. Доказательством этому служит судебная практика, а также динамика внесения в реестр ТРОИС. Например, в 2017 г. таможенные органы предотвратили ущерб правообладателям на сумму 4,6 млрд руб., (в 2016 г – 4,295 млрд руб.); за нарушения прав интеллектуальной собственности возбудили 1072 дела об административных правонарушениях [3]. Значительная часть данных правонарушений (1058 дел) связана с незаконным использованием зарегистрированных товарных знаков, а в 14 возбужденных делах наблюдается нарушение авторских и смежных прав. Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности расширился на 7,5%: на 1 января 2018 г. в нем зарегистрировано 4617 объектов интеллектуальной собственности, а по состоянию на 1 января 2017 было 4295.

Таким образом, и на уровне национального российского законодательства, и на уровне наднационального существуют реальные механизмы и соответствующая правовая база для защиты объектов интеллектуальной собственности.

Библиографические ссылки

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. 22 дек.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован на официальном сайте Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 05.06.2014).
3. Официальный сайт Федеральной Таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26299:-2017-46-&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835 (дата обращения: 05.06.2014).
4. Сайфутдинова В.М. К вопросу о соотношении понятий «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права» // Актуальные проблемы государства и общества в области

обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ. 2015. № 18-4. С. 102-107.
5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 12.04.2017).
6. Федеральный закон от 27.11.2010 N 311-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 29 нояб.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' chetvertaya ot 18 dek. 2006 g. № 230-FZ (The Civil Code of the Russian Federation. Part Four of 18 December. 2006 No. 230-FZ), *Rossiyskaya gazeta*, 2006, 22 dek.
2. Dogovor o Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze (Treaty on the Eurasian Economic Union), (podpisan v g. Astane 29.05.2014 g.) V dannom vide dokument opublikovan ne byl. Pervonachal'nyy tekst dokumenta opublikovan na ofitsial'nom sayte Yevraziyskoy ekonomicheskoy komissii. URL: http://www.eurasiancommission.org/ (accessed date: 05.06.2014).
3. Ofitsial'nyy sayt Federal'noy Tamozhennoy sluzhby (Official website of the Federal Cusom Service). URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id= 26299:-2017-46-&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835 (accessed date: 05.06.2014).
4. Sayfutdinova V.M. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «intellektual'naya sobstvennost'» i «intellektual'nyye prava» (On the question of the correlation between the concepts “intellectual property” and “intellectual rights’), *Aktual'nyye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina*. Ufa, Ufimskiy yuridicheskiy institut MVD RF, 2015, No. 18-4, pp. 102-107.
5. Tamozhennyy kodeks Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (The Customs Code of the Eurasian Economic Union) (prilozheniye № 1 k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza). URL: http://www.eaeunion.org/ (accessed date: 12.04.2017).
6. Federal'nyy zakon ot 27.11.2010 N 311-FZ (red. ot 29.12.2017) «O tamozhennom regu-lirovanii v Rossiyskoy Federatsii» (Federal Law of 27.11.2010 No. 311-FZ (Edited on December 29, 2017) “On Customs Regulation in the Russian Federation”), *Rossiyskaya gazeta*, 2010, 29 noyab.

Дата поступления: 27.05.2018 *Received: 27.05.2018*

УДК 347

СОЗДАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В СРЕДНЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

СЕМЕНОВА Елена Юрьевна
старший преподаватель кафедры гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: elena-127@mail.ru

THE CREATION OF LEGAL CLINICS IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

SEMENOVA Yelena Yuryevna
Senior Instructor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bashkir State University”, Ufa, Russia. E-mail: elena-127@mail.ru

Юридические клиники учебных заведений, выпускающих юристов, давно доказали свою необходимость. Согласно действующему законодательству Российской Федерации, юридические клиники создаются в образовательных

Legal clinics that function in educational institutions graduating lawyers have long proved their necessity. Nevertheless, according to the current legislation of the Russian Federation, legal clinics are established in educational insti-

учреждениях высшего профессионального образования. Из этого следует, что обучающиеся в средне профессиональных учебных заведениях, в которых имеется направление подготовки по специальности юриспруденция, обделены данными положениями. Общеизвестно, что оказание образовательных услуг и в средне профессиональных учебных заведениях нашей страны на данный момент находится на достаточно высоком уровне. Однако, несмотря на качественную подготовку студентов профессиональными образовательными организациями, осуществляющими подготовку специалистов среднего звена, которая направлена на освоение теоретических знаний, в указанных учреждениях отсутствует практическая подготовка будущих специалистов. Соответственно, вышеуказанные учебные заведения лишены такого мощного инструмента как юридическая клиника, который способствует формированию навыков применения теоретических знаний на практике. Поэтому очевидна необходимость внедрения в учебный процесс средне профессиональных учебных заведений программы по юридической клинике.

Ключевые слова: юридическая клиника, среднее, профессиональное, образовательное, учреждение, Закон, образование, знания, навыки.

tutions of higher professional education. It follows that students are deprived of these provisions in secondary vocational schools where there is legal training. At the same time, it is well known that the provision of educational services in secondary vocational schools in our country is currently at a fairly high level. However, in spite of qualitative students training by professional educational institutions that train specialists of middle level, which is aimed at developing theoretical knowledge, there is no practical training of future specialists in these institutions. Accordingly, the above-mentioned educational institutions are deprived of such a powerful tool as a legal clinic that helps students develop the skills of applying theoretical knowledge in practice. Therefore, the need is obvious to introduce a program of legal clinic into the educational process of secondary vocational schools.

Key words: legal clinic, secondary, professional, educational, institution, law, education, knowledge, skills.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – Закон о бесплатной юридической помощи) устанавливает основные гарантии реализации прав граждан на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации, организационно-правовые основы формирования государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи и организационно-правовые основы деятельности по правовому информированию и правовому просвещению населения [1]. В соответствии с ч. 1 ст. 23 Закона о бесплатной юридической помощи, образовательные организации высшего образования для реализации правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи могут создавать юридические клиники. Необходимо подчеркнуть, что согласно вышеуказанной статье Закона о бесплатной юридической помощи юридические клиники могут создаваться лишь в образовательных учреждениях высшего профессионального образования. Из этого следует, что обучающиеся профессиональных учебных заведений средне профессиональных образований, в которых имеется направление подготовки по специальности юриспруденция, обделены нынешними положениями Федерального закона по созданию юридических клиник.

При этом стоит отметить, что в настоящее время направление подготовки по специальности юриспруденция осуществляется в средне профессиональных образовательных учреждениях. Ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) закрепляет право каждого человека на получение образования [2]. Ст. 2 анализируемого Закона об образовании указывает, что образование это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся

общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства. Обучение является целенаправленным процессом организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни. Закон об образовании устанавливаются следующие уровни профессионального образования в РФ:

1) среднее профессиональное образование;
2) высшее образование – бакалавриат;
3) высшее образование – специалитет, магистратура;
4) высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации.

Оказание образовательных услуг в средне профессиональных учебных заведениях на данный момент находится на достаточно высоком уровне, что связанно с рядом нижеследующих факторов. Приказом Федерального агентства по образованию от 25 мая 2007 г. № 921 «О ходе оптимизации сети подведомственных образовательных учреждений» [4] в целях реализации приоритетного национального проекта «Образование» был определен основной круг проблем профессиональных учебных заведений среднего профессионального образования, а также указаны способы их разрешения. В качестве главных проблем выделялись отсутствие объективной оценки потребностей экономики в трудовых ресурсах, в результате чего подготовка кадров в системе профессионального образования слабо ориентирована на потребности рынка труда; образовательные учреждения располагают устаревшей материально-технической базой; узкопрофильность подготовки в конкретной области.

В соответствии с этим были определены следующие задачи:

- обеспечить эффективное развитие сети образовательных учреждений в соответствии с требованиями современной экономики и социальной сферы, а также потребностями рынка труда;
- создать механизм мониторинга деятельности образовательных учреждений; создать условия для обеспечения образовательной мобильности обучающихся и выпускников;
- обеспечить эффективное воспроизводство и развитие кадрового потенциала системы образования.

Ввиду реализации названных задач осуществлены механизмы интеграции образовательных учреждений как по горизонтали (укрупнение образовательных учреждений одного уровня образования), так и по вертикали (интеграции образовательных учреждений различных уровней профессионального образования). Эти механизмы предусматривают передачу подведомственных образовательных учреждений среднего профессионального образования субъектам Российской Федерации и проведение аттестаций и разработку новых стандартов образования.

До проведения оптимизации в 2005/06 г. в РФ насчитывалось 2905 профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена. После чего наметилось сокращение общего количества учреждений, например в 2008/09 г. 2784 организаций. И наконец, в последние годы показатели вернулись к дореформенным значениям. Таким образом, остались лишь максимально эффективные профессиональные образовательные учреждения, оказывающие образовательные услуги, удовлетворяющие всем стандартам и подготавливающие квалифицированных специалистов.

В соответствии со ст. 68 Закона об образовании среднее профессиональное образование направлено на решение задач интеллектуального, культурного и профессионального развития человека и имеет целью подготовку квалифицированных рабочих или служащих и специалистов среднего звена по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, а также удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования. Ст. 2 Федерального закона «Об образовании» определяет квалификацию как уровень знаний, умений, навыков и компетенции, характеризующей подготовленность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности. Обеспечение подготовки квалифицированных специалистов основана на

ряде факторов, одним из которых выступает практическая деятельность. В соответствии с п.п. 6 и 7 ст. 13 исследуемого Федерального закона, основные профессиональные образовательные программы предусматривают проведение практики обучающихся, и предусматривают возможность приобретения практических навыков непосредственно в организации, осуществляющей образовательную деятельность.

Кроме того, приказами Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 мая 2014 г. № 508 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.01 Право и организация социального обеспечения» [5] и от 12 мая 2014 № 513 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.03 Право и судебное администрирование» предусмотрен перечень обязательных требований к лицу, получившему среднее профессиональное образование. Навыками профессиональной деятельности выпускников в соответствии с вышеупомянутыми Приказами являются организационно-административная деятельность по созданию условий для осуществления правосудия в Российской Федерации, правовое, информационное, организационно-техническое обеспечение судебной деятельности, реализация правовых норм в социальной сфере, выполнение государственных полномочий по пенсионному обеспечению, государственных и муниципальных полномочий по социальной защите населения. По результатам «Юрист (базовой подготовки)» должен обладать следующими профессиональными навыками:

- осуществлять прием граждан по вопросам пенсионного обеспечения и социальной защиты;
- рассматривать пакет документов для назначения пенсий, пособий, компенсаций, других выплат, а также мер социальной поддержки отдельным категориям граждан, нуждающимся в социальной защите;
- консультировать граждан и представителей юридических лиц по вопросам пенсионного обеспечения и социальной защиты;
- осуществлять работу с заявлениями, жалобами и иными обращениями граждан и организаций, вести прием посетителей в суде.

Ст. 23 Закона о бесплатной юридической помощи указывает, что юридические клиники учреждаются в образовательных организациях не только для реализации целей анализируемого Федерального закона, но и для правового формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи. Стоит отметить, что государственная политика РФ в сфере образования направлена в основном на развитие высшего профессионального образования. Так в указе Президента РФ от 26 мая 2009 года № 599 [3] сделан акцент лишь по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2015/2016 учебный год в Российской Федерации количество профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена составляло 2891 единиц. В указанных образовательных организациях количество студентов составляло 2180,2 тысяч, значительная доля которых обучалось по направлению юриспруденция.

Однако, несмотря на качественную подготовку студентов профессиональными образовательными организациями, осуществляющими подготовку специалистов среднего звена, направлена на освоение теоретических знаний, а практическая подготовка будущих специалистов отсутствует. Таким образом, согласно ч. 1 ст. 23 Закона бесплатной юридической помощи юридические клиники могут создаваться лишь в образовательных учреждениях высшего профессионального образования. Из этого следует, что студенты, получающие среднее профессиональное образование по специальности юриспруденция, обделены возможностью применения теоретических навыков на практике в рамках деятельности юридических клиник. В связи с этим необходимо внедрить в систему образования средне профессиональных учреждений программу по юридической клинике.

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 28 ноября 2015 г. № 358-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6725.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 07 марта 2018 г. № 56-ФЗ) // Российская газета. 2012. 31 дек.
3. Указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 года № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 22, ст. 2698.
4. Приказом Федерального агентства по образованию от 25 мая 2007 г. № 921 «О ходе оптимизации сети подведомственных образовательных учреждений» // Официальные документы в образовании. 2007. № 20.
5. Приказами Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 мая 2014 г. № 508 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.01 Право и организация социального обеспечения» // Российская газета (специальный выпуск). 2014. 13 нояб.

References

1. Federal'nyy zakon ot 21 noyabrya 2011 № 324-FZ «O besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi v Rossiyskoy Federatsii» (s posl. izm. i dop. ot 28 noyabrya 2015 g. № 358-FZ) (Federal Law No. 324-FZ of November 21, 2011 “On Free Legal Aid in the Russian Federation” (as amended and supplemented on November 28, 2015, No. 358-FZ)), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2011, No. 48, st. 6725.
2. Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Fe-deratsii» (s posl. izm. i dop. ot 07 marta 2018 g. № 56-FZ) (Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 “On Education in the Russian Federation” (with the last amendments from March 7, 2018 No. 56-FZ)), *Rossiyskaya gazeta*, 2012, 31 dek.
3. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 26 maya 2009 goda № 599 «O merakh po sovershenstvovaniyu vysshego yuridicheskogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii» (Decree of the President of the Russian Federation of May 26, 2009, No. 599 “On measures to improve higher legal education in the Russian Federation”), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2009, No. 22, st. 2698.
4. Prikazom Federal'nogo agentstva po obrazovaniyu ot 25 maya 2007 g. № 921 «O khode optimizatsii seti podvedomstvennykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy» (Order of the Federal Agency for Education of May 25, 2007 No. 921 “On the course of optimization of the network of subordinate educational institutions”), *Ofitsial'nyye dokumenty v obrazovanii*, 2007, No. 20.
5. Prikazami Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 12 maya 2014 g. № 508 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego professional'nogo obrazovaniya po spetsial'nosti 40.02.01 Pravo i organizatsiya sotsial'nogo obespecheniya» (The orders of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of May 12, 2014 No. 508 “On approval of the federal state educational standard of secondary vocational education on specialty 40.02.01 Law and organization of social welfare”), *Rossiyskaya gazeta* (spetsial'nyy vypusk), 2014, 13 noyab.

Дата поступления: 25.05.2018 *Received: 25.05.2018*

УДК 347.9

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ВНЕСЕНИИ ИСПРАВЛЕНИЙ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАПИСИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТРОФИМОВА Марина Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород, Россия.
E-mail: rina23@inbox.ru

Среди категорий дел особого производства одним из самых стабильных и устойчивых к изменениям является производство по делам о внесении исправлений или изменений в запись акта гражданского состояния. Тем не менее, в исследовательском внимании и анализе нуждаются нормы, регулирующие подведомственность, подсудность дел данной категории и субъектный состав, включая процессуальные особенности рассмотрения дел о внесении изменений и исправлений в записи актов гражданского состояния, особенности вынесения и исполнения решений по таким делам. Этим и обусловлены сформулированные автором предложения по модернизации главы 36 ГПК РФ и Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Пристального внимания законодателя требует и проблема конкуренции норм ГПК РФ и Кодекса административного судопроизводства о подведомственности дел с участием органов записи актов гражданского состояния.

Ключевые слова: гражданское дело, особое производство, органы записи актов гражданского состояния, подведомственность, подсудность, судебное решение, срок рассмотрения дела, исполнение решения суда.

WAYS TO IMPROVE PROCEEDINGS ON THE CASES OVER INTRODUCING CORRECTIONS OR CHANGES IN CIVIL REGISTRATION IN THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

TROFIMOVA Marina Sergeyevna
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University", Veliky Novgorod, Russia.
E-mail: rina23@inbox.ru

Among the categories of cases of special proceedings, one of the most stable and resilient to changes is proceedings on the cases over making corrections or changes in civil registration. Nevertheless, researcher's attention, study and analysis is demanded by the norms governing the jurisdiction of these cases and the specifics of the subject composition, including procedural characteristics of considering cases on making changes and corrections in civil registration, specifics of making and executing decisions in such cases. This is the reason for the author's proposals to modernize Chapter 36 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Civil Status Acts". At the same time, the problem of collision of the norms of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Code of Administrative Proceedings on the jurisdiction of cases involving civil registration bodies requires the close attention of the legislator.

Key words: civil case, special proceedings, civil registry bodies, subject matter jurisdiction, court jurisdiction, judgment, length of the period of the examination of the case, execution of judgment.

Особое производство в гражданском процессе традиционно относится к одному из наиболее устойчивых к реформированию институтов гражданского процессуального права. Среди категорий дел особого производства, пожалуй, самым стабильной к изменениям является производство по делам о внесении исправлений или изменений в запись акта граждан-

ского состояния, регулируемое главой 36 ГПК РФ [1]. Более того, в активно обсуждаемой «Концепции Единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» в главе 44 «Рассмотрение дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния» указано, «положения настоящей главы можно оставить без изменения, поскольку они содержат регламентацию порядка рассмотрения дел исключительно судами общей юрисдикции, практика сложилась и нет оснований для изменения» [2], что свидетельствует об отсутствии у современного законодателя намерения, вносить какие бы то ни было изменения в сформировавшиеся судебные правила. Пленум Верховного Суда РФ от 03.10.2017 N 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] вообще не уделяет внимания особому производству и не содержит каких-либо предложений по его совершенствованию.

ГПК РФ в статьях 307-309 лаконично повествует о том, что суды рассматривают подобные заявления, если органы записи актов гражданского состояния (далее – органы ЗАГС) при отсутствии спора о праве отказались внести исправления или изменения в произведенные записи. Заявление о внесении исправлений или изменений в запись акта гражданского состояния подается в суд по месту жительства заявителя. В нем указывается, в чем заключается неправильность записи в акте гражданского состояния, когда и каким органом записи актов гражданского состояния было отказано в исправлении или изменении произведенной записи. Решение суда, которым установлена неправильность записи в акте гражданского состояния, служит основанием для исправления или изменения такой записи органом ЗАГС и выдачи соответствующего свидетельства.

Проанализировав десятки судебных решений можно прийти к выводу об отсутствии явных процессуальных трудностей, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении дел подобной категории. Решения традиционные, можно сказать шаблонные. Работники органов ЗАГС Новгородской области отмечают, что участие их в качестве заинтересованных лиц в таких делах крайне редкое явление и сложности вызывают только казусные случаи (например, когда записи взаимоисключающие и сделаны в нескольких районах). Тем не менее, столь краткие правила вызывают огромное количество вопросов не только в теории гражданского процессуального права, но и среди практических работников, в частности сотрудников органов ЗАГС.

Указанные ниже предложения сформулированы с учетом практики органов ЗАГС Новгородской области по рассмотрению таких заявлений в административном порядке, а также немногочисленной практики районных судов Новгородской области. Следует начать с того, что вид гражданского судопроизводства, в рамках которого рассматриваются и разрешаются дела о внесении исправлений или изменений в записи акта гражданского состояния, долгое время является предметом для дискуссии в научных кругах. Указанная категория рассматривается по правилам особого производства, в рамках которого отсутствует спор о праве. Учитывая, что обязательной предпосылкой для подачи такого заявления в суд является отказ органов ЗАГС во внесении исправлений и изменений в запись (п. 1. Ст. 307 ГПК РФ), создается ложное впечатление о наличии спора между заявителем и государственным органом. Однако практически такой спор не возникает, а суд лишь выполняет восполнительную функцию правосудия, в случае, когда у органа ЗАГС недостаточно полномочий и материалов.

Так, рассматривая частную жалобу заявительницы на определение судьи Новгородского районного суда Новгородской области от 19 мая 2015г., которым отказано в принятии искового заявления к органу ЗАГС Великого Новгорода об изменении даты рождения ребенка и внесении изменений в актовую запись о рождении ребенка, судебная коллегия по гражданским делам Новгородского областного суда отметила: «Из норм ГПК РФ следует, что суд вправе рассматривать и разрешать дела об изменении актовой записи только при наличии следующих условий: отсутствие спора о праве и отказ органов загса внести исправление или изменение в произведенную запись… Отсутствие хотя бы одного из условий, необходимых для решения

вопроса об изменении актовой записи, исключает принятие заявления об изменении актовой записи к производству суда…. Как следует из искового материала, гражданка не обращалась в органы записи актов гражданского состояния с просьбой изменить соответствующую актовую запись, и эти органы не отказывали ей о внесении требуемых изменений в актовую запись о рождении её ребенка. А потому отказ в принятии заявления, не препятствует заявительнице обратиться в орган загса с заявлением об изменении соответствующей актовой записи, а в случае отказа органа загса, реализовать свое право на судебную защиту путем подачи (в порядке гл. 36 ГПК РФ) в суд заявления о внесении изменений в актовую запись [4]». Тем самым суд подчеркнул, что несоблюдение правил условной подведомственности для данной категории гражданских дел является препятствием для реализации права на обращение в суд. Можно констатировать, что судебные органы правильно понимают свои задачи и объем полномочий при рассмотрении дел об изменении выполненных записей гражданского состояния.

Тем не менее, на современном этапе активной модернизации процессуального законодательства возникла острая проблема подведомственности дел данной категории. С учетом вступления в силу Кодекса административного судопроизводства РФ [5], требуется разграничить подведомственность дел о внесении исправлений или изменений в запись акта гражданского состояния органом записи актов гражданского состояния по правилам гл. 36 ГПК РФ от дел об обжаловании незаконных решений, действий (бездействия) органов ЗАГС по правилам гл. 22 КАС РФ. Согласно п. 5. ст. 70 Федерального закона от 15.11.1997 N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [6], отказ руководителя органа записи актов гражданского состояния во внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния может быть обжалован заявителем в суд.

Согласно ст. 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности. Приведенные формулировки ГПК РФ, КАС РФ и Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ требуют уточнения. Не вполне ясно, когда заявитель обращается в порядке особого производства, а когда с административным исковым заявлением.

С учетом сложившейся практики можно сделать вывод о том, что в случае недостаточности или сомнительности документов, представленных в ЗАГС для внесения изменений в акт, заявитель обращается в порядке гражданского судопроизводства, и задача суда в этом случае проверить факты, обстоятельства и доказательства, представленные гражданином.

Предположим, заявитель обращается в суд с просьбой внести изменения в свидетельство о его рождении, изменив фамилию матери по тому основанию, что последней после расторжения брака присвоена добрачная фамилия. Заявителю приходится в качестве доказательства родства вместе со свидетельством о рождении предъявлять свидетельство о заключении брака, свидетельство о перемени имени, свидетельство о расторжении брака и др. И если эти документы в совокупности не позволяют сделать однозначный вывод о возможности внесения изменения, орган ЗАГС отказывает и направляет в суд в порядке ГПК. А если документы логичны, между ними присутствует внутренняя связь, и они дают основания органу ЗАГС внести изменения в запись о рождении, а последний отказывает в этом, можно констатировать, что гражданину созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов. В этом случае есть повод для написания административного искового заявления. Чтобы не возникало вопросов в определении подведомственности в отношении рассматриваемой категории споров, логично внести изменения в п. 5 ст. 72 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», включив в него следующие положения:

1. При невозможности внесения исправления или изменения в запись акта гражданского состояния органом записи актов гражданского состояния в административном порядке в связи со спорностью или сомнительностью изложенных заявителем обстоятельств и пред-

ставленных доказательств рассмотрение дел о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния производится судом по правилам, предусмотренным гражданским процессуальным законодательством.

2. Незаконные решения, действия (бездействие) органа записи актов гражданского состояния в связи с отказом о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния могут быть обжалованы заявителем в суд по правилам, предусмотренным законодательством об административном судопроизводстве.

Несовершенны и иные предписания Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Так, ГПК РФ предусматривает обязательный досудебный порядок по делам исследуемой категории, заключающийся в предварительном обращении в органы ЗАГС для исправления ошибки в актах. П. 1 ст. 69 Федерального закона № 143 от 15 ноября 1997г. и п. 3 ст. 47 Гражданского кодекса РФ предусмотрено, что изменение записей актов гражданского состояния производятся органом записи актов гражданского состояния при наличии достаточных оснований и отсутствии спора между заинтересованными лицами. Согласно п. 1 ст. 72 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» заявление о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния должно быть рассмотрено органом записи актов гражданского состояния в месячный срок со дня поступления заявления.

По данным статистики подавляющее большинство заявлений о внесении исправлений или изменений в запись акта гражданского состояния удовлетворяются в административном порядке. В сложившейся практике районных судов Новгородской области, к примеру, подобные заявления большая редкость, а сотрудники региональных органов ЗАГС настроены на урегулирование разногласий с гражданами именно в административном порядке. Но и процент удовлетворения таких заявлений в судебном порядке также очень велик (более 90% из 20 изученных решений).

Для сокращения числа отказов органов записи актов гражданского состояния (которые, как правило, связаны с несвоевременным поступлением копий документов из органов загс, в которых хранятся) возможно увеличение срока, установленного указанно статьей ФЗ-143 до двух-трех месяцев. Таким образом, можно обеспечить только единичные обращения в суд по указанным делам. Пожалуй, самое неудачное решение ГПК РФ в разрезе исследуемой темы – положение п. 2. ст. 307 ГПК РФ, которым установлена исключительная территориальная подсудность для дел о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния, определяемая местом жительства заявителя. Для обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дел данной категории и реализации принципа процессуальной экономии в гражданском процессе логичнее установить альтернативную подсудность, предоставив заявителю право подать заявление по своему месту жительства или по месту нахождения органа ЗАГС, в котором хранится запись, подлежащая исправлению или изменению. Тем самым можно обеспечить рассмотрение дела по месту нахождения доказательств (собственно, самой записи). Для сравнения, в силу п. 1. ст. 73 Федерального закона № 143 внесение изменения в запись акта гражданского состояния производится органом записи актов гражданского состояния по месту хранения записи, подлежащей изменению, что представляется логичным.

Введением альтернативной подсудности также будет устранен еще один пробел в процессуальном законодательстве: в п. 2. ст. 403, определяющем исключительную подсудность дел особого производства с участием иностранных лиц эта категория вообще не указана. Иностранные граждане, не имеющие места жительства на территории РФ (особенно актуально для граждан бывших союзных республик, родившихся, вступивших в брак на территории СССР и проч.) получат возможность рассмотрения дела в российском суде на территории органа, осуществившего запись много лет назад. Согласно п. 2. ст. 307 ГПК РФ правом на подачу заявления о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния обладает заявитель – лицо, в отношении которого сделана запись (или его наследники). Органы ЗАГС таким правом не обладают.

Учитывая публичность регистрации актов гражданского состояния, их формализованность, важные последствия совершенных записей для огромного количества правоотношений (наследственных, семейных и проч.), заинтересованность государства в достоверности записей, логично предоставить право на обращение в суд и самому органу ЗАГС, в случае, если заинтересованное лицо не исправляет ошибку во внесудебном порядке (при наличии явных противоречий между записью и документами).

Согласно ст. 309 ГПК РФ решение суда по делу служит основанием для исправления или изменения записи органом ЗАГС (если установлена ее неправильность). Таким образом, правовые последствия принятия решения наступят только после того, как сведения о принятом решении поступят в орган ЗАГС. Обязанности заявителя или суда направить решение в орган ЗАГС в тексте ст. 309 ГПК РФ не содержится. Учитывая упомянутую выше важность актов записи гражданского состояния для государственного учета целесообразно дополнить ст. 309 ГПК РФ положением об обязанности суда направить копию решения в течение трех (или, к примеру, пяти) дней со дня вступления решения суда в законную силу в орган записи актов гражданского состояния. Гражданам можно, в свою очередь, предоставить срок для обращения в орган ЗАГС с заявлением о внесении исправлений или изменений в запись на основании решения суда. Полагаем, что такой срок не должен превышать десяти дней, учитывая заинтересованность самого заявителя, да, и важность и публичность самих записей. Если заявитель эту обязанность не выполняет, орган ЗАГС может внести изменение в запись на основании поступившего ранее решения. Наложение штрафа на граждан, не исполнивших обязанность по уведомлению органов ЗАГС о принятом решении, будет дополнительным стимулом для добросовестного поведения.

Таким образом, процессуальные правила даже такой стабильной категории гражданских дел как внесение исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния могут совершенствоваться и оттачиваться с учетом сложившейся административной и судебной практики. Это особенно важно в условиях проводимой в настоящее время кардинальной судебной реформы, поскольку отечественный законодатель, нацеленный на глобальные шаги по модернизации инстанционности судов, введению электронного правосудия и проч., не уделяет внимания «живым», востребованным, доступным населению правилам.

Библиографические ссылки

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 30.04.2018).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 30.04.2018).
4. Апелляционное определение № 33-1328/2015 от 10 июня 2015 г. по делу № 33-1328/2015 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/8sFTpZ3FjLgI/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+307.+Подача+заявления+о+внесении+исправлений+или+изменений+в+запись+акта+гражданского+состояния%28ГПК+РФ%29&regular-doc_type=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=1044&regular-court=&regular-judge=&_=1524083502136 (дата обращения: 30.04.2018).

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
6. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

References

1. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 03.04.2018) (The Civil Procedural Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 03/04/2018), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 2002. No. 46. St. 4532.
2. Kontseptsiya yedinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (odobrena resheniyem Komiteta po grazhdanskomu, ugolovnomu, arbitrazhnomu i protsessual'nomu zakonodatel'stvu GD FS RF ot 08.12.2014 No. 124(1) (The concept of the unified Civil Procedure Code of the Russian Federation), *Konsul'tant-Plyus*. URL: http://www.consultant.ru (accessed date: 30.04.2018).
3. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 03.10.2017 № 30 «O vnesenii v Gosudarstvennuyu Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii proyekta fede-ral'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii, Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii, Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii i otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii» (Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.10.2017 No. 30 “On the introduction of the draft federal law to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation “On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation”), *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru (accessed date: 30.04.2018).
4. Apellyatsionnoye opredeleniye № 33-1328/2015 ot 10 iyunya 2015 g. po delu № 33-1328/2015 (Appeal Definition No. 33-1328 / 2015 of 10 June 2015 in case No. 33-1328 / 2015), *Sudebnyye i normativnyye akty RF*. URL: http://sudact.ru/ regular/doc/8sFTpZ3FjLgI/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Stat'ya+307.
+Podacha+zayavleniya+o+vnesenii+ispravleniy+ili+izmeneniy+v+zapis'+akta+grazhdansko
go+sostoyaniya%28GPK+RF%29&regular-doc_type=&regular-date_from=&regular-date_
to=&regular-workflow_stage=&regular-area=1044&regular-court=&regular-
judge=&_=1524083502136 (accessed date: 30.04.2018).
5. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 28.12.2017) (Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation No. 21-FZ of 08.03.2015 (as amended on December 28, 2017), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 2015. No. 10. St. 1391.
6. Federal'nyy zakon ot 15.11.1997 № 143-FZ «Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya» (red. ot 29.12.2017) (Federal Law of 15.11.1997 No. 143-FZ “On acts of civil status” (as amended on December 29, 2017), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 1997. No. 47. St. 5340.

Дата поступления: 05.06.2018 *Received: 05.06.2018*

УДК 342.4

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ НА ЖИЛИЩЕ

NATIONAL MECHANISM FOR PROTECTING INDIVIDUAL RIGHTS TO HOUSING

ХАЙРЛЬВАРИНА Лилия Ильдаровна
аспирант, главный юрисконсульт юридического отдела Администрации Советского района городского округа город Уфа Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия.
E-mail: Hairlvarina@mail.ru

KHAIRLVARINA Lilia Ildarovna
Postgraduate Student, Chief Lawyer of the Legal Department of the Soviet District Administration of Urban District the Ufa City of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.
E-mail: Hairlvarina@mail.ru

Сегодня право человека на жилище является одним из наиболее уязвимых. Доказательством этого является рост числа незаконных сделок в сфере недвижимости. Эта проблема характерна, прежде всего, для вновь возводимого жилого фонда. Государство разрабатывает многочисленное количество мер, направленных на решение проблемы: это реализация материнского капитала на улучшение жилищных условий, программа предоставления жилья молодой семье и др. В первую очередь, данная проблема касается слабозащищенных категорий населения, – молодых семей, инвалидов, малообеспеченных граждан. Мы детально изучили механизм защиты прав личности на жилище, проблематику данного механизма, а также выработали предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: жилище, неприкосновенность жилища, право на жилище, юрисдикционная форма защиты права на жилище, неюрисдикционная форма защиты права на жилище, признание права на жилище.

Today, the human right to housing is one of the most vulnerable rights for violating. Annual increasing of illegal transactions in the sphere of real estate proves this circumstance. The above-mentioned problem is typical, firstly, for newly constructed residential areas. The state is developing a large number of measures aimed at solving the above-mentioned problem, for example, using maternity fund for improving housing facilities, the housing provision program for a young family, etc. First of all, this problem concerns vulnerable categories of the population, for instance, young families, disabled people, low-income citizens. The author studies in detail the mechanism for protecting individual rights to housing, the problems of this mechanism, and develops proposals for its improvement.

Key words: housing, inviolability of housing, right to housing, jurisdictional form of protecting the right to housing, non-jurisdictional form of protecting the right to housing, recognition of the right to housing.

Правовой статус современного человека предусматривает в своей структуре наличие естественных, т.е. принадлежащих с момента рождения, прав личности, одним из которых является право на жилище. Нормативное правовое регулирование права на жилище осуществляется на двух уровнях – международном и национальном (внутригосударственом). На международном уровне право на жилище регламентируется нормами Всеобщей Декларации прав и свобод человека и гражданина [1], Международным Пактом о гражданских и политических правах [2] и др. На внутригосударственном (национальном) уровне право личности на жилище регламентируется нормами Конституции РФ [4] и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы, регламентирующие правоотношения в жилищной сфере, прежде всего, Жилищным кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ) [5].

Проблемы в жилищной сфере существовали на всем протяжении существования российского государства, но наибольшего апогея они достигли в 90-е гг. XX века с момента признания права на частную собственность. Отсутствие должного нормативного правового регулирования обусловило необходимость выработки механизма защиты прав личности на жи-

лище. В современной юридической литературе механизм защиты прав и свобод личности, в том числе права на жилище, рассматривается в двух аспектах:

1) в узком смысле под механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина следует понимать совокупность гарантий, направленных на защиту нарушенных прав и законных интересов человека и гражданина, в том числе права на жилище;

2) в широком смысле под механизмом защиты прав и свобод личности, в том числе права на жилище следует понимать совокупность следующих элементов:

а) правовых норм, направленных на регламентацию правового статуса человека и гражданина;

б) юридических фактов, выступающих в качестве основания возникновения, изменения или прекращения правоотношений;

в) собственно правоотношений, выступающих в качестве средства конкретизации и индивидуализации модели поведения субъектов права;

г) наличия субъектов, деятельность которых связана с защитой прав и законных интересов человека и гражданина. В качестве таких субъектов выступают органы государственной власти и местного самоуправления, а также их должностные лица, управомоченные на осуществление государственно-властных полномочий, в том числе применение мер государственного принуждения [6, с. 26-37].

Механизм защиты права личности на жилище предусматривает два способа:

1. Неюрисдикционный – данный способ предусматривает действия личности, направленные на защиту права личности на жилище, совершаемые ими без обращения в уполномоченные органы государственной власти и местного самоуправления, то есть самостоятельно.

Следует подчеркнуть, что действующее законодательство не содержит перечень действий, которые могут совершаться человеком и гражданином в рамках защиты принадлежащего ему права на жилище. В законодательстве содержится только указание на то, что такие действия должны носить легальный, то есть законный характер. Так, например А.Б. Галанин различает следующие способы самостоятельной защиты нанимателя жилого помещения по договору социального найма при неисполнении или ненадлежащем исполнении наймодателем обязанностей, предусмотренных договором социального найма и ст. 66 ЖК РФ. К числу таких способов относятся:

а) уменьшение платы за пользование занимаемым жилым помещением и общим имуществом в многоквартирном доме;

б) возмещение расходов, понесенных нанимателем жилого помещения на устранение недостатков как занимаемого жилого помещения, так и имущества в многоквартирном доме;

в) возмещение убытков, понесенных нанимателем вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения наймодателем обязанностей, предусмотренных договором социального найма;

2. Юрисдискционный – данный способ защиты предусматривает обращение человека и гражданина за защитой своего нарушенного права в органы государственной власти, управомоченные на осуществление государственно-властных полномочий (компетентные органы). В рамках данного способа защита права личности на жилище может осуществляться в судебном и административном порядке. Защита права личности на жилище, осуществляемая в судебном порядке, предусматривает обращение человека и гражданина в суд в порядке, предусмотренном ст. 11 ЖК РФ. К числу способов защиты права личности на жилище, подлежащих рассмотрению в судебном порядке относятся:

1) признание права на жилище. Данный способ защиты имеет место быть в случае отрицания или оспаривания кем-либо, например, нанимателем, наймодателем или собственником жилого помещения субъективного права на жилище, принадлежащего конкретному лицу;

2) восстановление положения, существовавшего до момента нарушения принадлежащего человеку и гражданину права на жилище, а также пресечение действий, нарушающих данное право или создающих угрозу его нарушения. Указанный способ имеет место быть в тех случаях, когда в отношении личности, обладающей правом на жилище, совершаются

противоправные действия. Как показывает практика, в большинстве случаев данный способ применяется при рассмотрении дел, связанных с выселением из жилого помещения;

3) неприменение судом нормативного правового акта государственного органа или нормативного правового акта органа местного самоуправления, противоречащих Жилищному кодексу Российской Федерации или принятым в соответствии с ним федеральному закону, иному нормативному правовому акту, имеющим большую, чем указанные нормативный правовой акт государственного органа или нормативный правовой акт органа местного самоуправления, юридическую силу. Данный способ защиты жилищных прав означает, что суд общей юрисдикции, установив при разрешении конкретного жилищного спора, что нормативный правовой акт, регулирующий спорные жилищные правоотношения, не соответствует нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу (ЖК РФ или принятому в соответствии с этим Кодексом федеральному закону или иному нормативному правовому акту), применяет нормы нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу.

4) признание судом полностью или частично не действующими нормативного правового акта государственного органа либо нормативного правового акта органа местного самоуправления, нарушающих жилищные права и противоречащих Жилищному кодексу или принятым в соответствии с ним федеральному закону, иному нормативному правовому акту, имеющим большую, чем указанные нормативный правовой акт государственного органа либо нормативный правовой акт органа местного самоуправления, юридическую силу. Указанный способ защиты жилищных прав означает, что гражданин, считающий, что его жилищные права нарушены принятым нормативным правовым актом государственного органа либо нормативным правовым актом органа местного самоуправления, вправе обратиться в суд с заявлением о признании этого акта противоречащим: а) ЖК РФ; или б) принятому в соответствии с Кодексом федеральному закону; или в) иному нормативному правовому акту, имеющим большую, чем оспариваемый нормативный правовой акт, юридическую силу. Другими словами, речь идет об оспаривании нормативного правового акта, регулирующего те или иные виды жилищных отношений, субъектами жилищных прав;

5) прекращение или изменение жилищного правоотношения. Данный способ защиты жилищных прав допускается лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или договором.

Защита прав личности на жилище может осуществляться также в административном порядке путем обращения в Жилищную инспекцию, решение которой может быть оспорено в судебном порядке [8, с. 54-60]. Основополагающим принципом в области защиты прав личности на жилище является принцип неприкосновенности жилища. При раскрытии нормативного содержания данного принципа принципиально важное значение имеет четкое и правильное понимание термина «неприкосновенность». Буквальное толкование данного термина означает следующее: «нельзя трогать либо защищенный от любых посягательств». Кроме того, неприкосновенность жилища рассматривается в качестве социального блага, сущность которого заключается в уединении личности. Данное социальное благо имеет важнейшее практическое значение, так как способствует уединению личности, что на наш взгляд способствует ее гармоничному существованию. Не менее важным является вопрос о субъекте права на неприкосновенность жилища. В соответствии с Конституцией РФ право на неприкосновенность жилища является всеобщим, т.е. распространяется не только на граждан РФ, но и на иностранных граждан, обладающих правом на жилище наравне с гражданами РФ. Также следует подчеркнуть, что в соответствии с международным законодательством российское государство должно обеспечивать право на жилище и его неприкосновенность в отношении лиц, которые относятся к дипломатическому корпусу. Это касается, прежде всего, ст. 22 Венской Конвенции о дипломатических отношениях 1961 г. [3].

Право личности на жилище реализуется посредством двух форм:

1. Законодательной – посредством норм, регламентирующих правоотношения в жилищной сфере, прежде всего, норм жилищного и гражданского законодательства;

2. Правосубъектной – данная форма представляет собой определенный элемент содержания правоспособности личности, выступающей в качестве предпосылки, то есть условия возникновения, изменения или прекращения жилищных правоотношений.

Право на неприкосновенность жилища очень тесно связано с правом граждан на жилище. А именно, право на жилище и право на его неприкосновенность – это два правомочия, которые являются взаимосвязанными и взаимодополняемыми. Кроме того, данные правомочия являются составляющими необходимых и жизненно важных социальных благ каждого человека. Другими словами, нельзя говорить о неприкосновенности жилища, если право на него не будет признаваться [7, с. 23-28].

Сегодня государство разрабатывает многочисленное количество мер, направленных на решение вышеуказанной проблемы, например, реализация материнского капитала на улучшение жилищных условий, программа предоставления жилья молодой семье и др., но одной из наиболее остро стоящих проблем, является проблема предоставления жилья. В первую очередь, данная проблема касается слабозащищенных с точки зрения социального обеспечения категорий населения, – это молодые семьи, инвалиды, малообеспеченные граждане. Так, например, Акт о бездомных, принятый в 2003 г. в Шотландии, обязывает местные власти предоставлять постоянное жилье людям, у которых имеются приоритетные потребности, а также временно размещать людей без приоритетных потребностей. Приоритетные потребности прекращают свое действие в качестве критерия распределения в 2012 г. Люди могут обращаться с жалобой в суд, если их потребности в жилье не удовлетворяются. Акт о праве на жилье, принятый во Франции в 2007 г., возлагает на государство обязанность по удовлетворению прав на жилье. В акте определяются приоритетные потребности, при этом предусматривается двухуровневая система жалоб. Первый уровень – региональные комиссии по урегулированию споров, а второй – административные суды [9, с. 80-85].

Вышеприведенные примеры государственной политики в области предоставления жилья как одной из мер защиты права личности на жилище являются, на наш взгляд, наиболее подходящими для их применения в России. Однако, анализ ситуации, складывающейся в сфере жилищных правоотношений, свидетельствует о невозможности реализации мероприятий по предоставлению жилья. Это объясняется следующими факторами:

1) плачевным состоянием жилищного фонда многочисленных субъектов РФ;

2) наличием, так называемых, пустующих объектов жилищного фонда. Например, субъект в порядке наследования приобретает право частной собственности на жилое помещение, но при этом в данном жилом помещении не зарегистрирован и не проживает.

Мы полагаем, что не менее остро в жилищной сфере стоит проблема защиты прав личности на жилище, находящееся в долевой собственности. Доказательством данного обстоятельства выступают случаи, когда при отчуждении в результате купли-продажи права собственности у одного сособственника нарушаются права и законные интересы другого сособственника. Например, в данное жилое помещение вселяются люди, чинившие препятствия пользованию другим сособственником мест общего пользования, либо понуждают сособственника к продаже принадлежащей ему доли по заниженной цене.

Проведенное нами исследование национального механизма защиты прав личности на жилище позволяет нам сделать вывод о том, что данный механизм нуждается в совершенствовании, в рамках которого предлагается:

1) выработать и закрепить на законодательном уровне перечень способов самостоятельной защиты права личности на жилище;

2) выработать единую политику судов при рассмотрении споров, связанных с защитой права личности на жилище;

3) выработать механизм защиты права личности на жилище, находящееся в долевой собственности;

4) на законодательном уровне закрепить положение о том, что в случае отсутствия в жилом помещении в течение определенного срока (с указанием срока) зарегистрированных лиц данное жилое помещение переходит в муниципальную собственность.

Библиографические ссылки

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
3. Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Ведомости ВС СССР. 1964 г. № 18. Ст. 221.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ч. 1. Ст. 14.
6. Беляева Г.С., Антонова Ж.Д. К вопросу о структуре механизма защиты прав и свобод граждан // Юридические исследования. 2017. № 6. С. 26-37.
7. Киричек Ю.В. Специфика структуры организационно-правового механизма обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник УЮрГУ. 2013. № 1. Т. 13. С. 23-28.
8. Минникес И.А. Правовая защита: понятие и механизм // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6. С. 54-59.
9. Хаммарберг Томас. Права человека в Европе: не допускать попустительства : точка зрения Комиссара по правам человека Совета Европы. Страсбург : Совет Европы, cop, 2008.

References

1. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata General'noi Assambleei OON 10.12.1948) (The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948), *Rossiiskaya gazeta*, 1995, 5 apr.
2. Mezhdunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh (Prinyat 16.12.1966 Rezolyutsiei 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noi Assamblei OON) (International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly), *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, 1976, No. 17, St. 291.
3. Venskaya konventsiya o diplomaticheskikh snosheniyakh (zaklyuchena v g. Vene 18.04.1961) (Vienna Convention on Diplomatic Relations (concluded in Vienna on April 18, 1961), *Vedomosti VS SSSR*, 1964, No. 18, St. 221.
4. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ) (The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the RF Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, dated 05.02.2014 № 2-FKZ, from July 21, 2014 N 11-FKZ), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2014, No. 31, St. 4398.
5. Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2004 № 188-FZ (red. ot 31.12.2017) (Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ of December 29, 2004 (as amended on December 31, 2017), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2005, No. 1, Ch. 1, St. 14.
6. Belyaeva G.S., Antonova Zh.D. K voprosu o strukture mekhanizma zashchity prav i svobod grazh-dan (On the structure of the mechanism for protecting the rights and freedoms of citizens), *Yuridicheskie issledovaniya*, 2017, No. 6, pp. 26-37.
7. Kirichek Yu.V. Spetsifika struktury organizatsionno-pravovogo mekhanizma obespecheniya prav i zakonnykh interesov cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii (Specificity of the structure of the organizational and legal mechanism for ensuring the rights and legitimate interests of a person and citizen in the Russian Federation), *Vestnik UYurGU*, 2013, No. 1, T. 13, pp. 23-28.
8. Minnikes I.A. Pravovaya zashchita: ponyatie i mekhanizm (Legal protection: the concept and

mechanism), *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 2013, № 6, pp. 54-59.
9. Khammarberg Tomas. Prava cheloveka v Evrope: ne dopuskat' popustitel'stva, tochka zreniya Komissara po pravam cheloveka Soveta Evropy (Human rights in Europe: to prevent connivance: the view of the Commissioner for Human Rights of the Council of Europe). Strasburg, Sovet Evropy, sor, 2008.

Дата поступления: 10.05.2018 *Received: 10.05.2018*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.2/7+343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН И ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ПРИ СЕБЕ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ТРЕХ ЛЕТ

АЛЕКСАНДРОВА Елена Александровна
адъюнкт Академии права и управления ФСИН России, г. Рязань, Россия.
E-mail: kealpapa@mail.ru

В соответствии с международным правом и установками российского законодательства проблема условий отбывания уголовного наказания беременными женщинами и женщинами, имеющими детей в возрасте 3-х лет, приобретает особую актуальность. Исследовательского внимания требуют и вопросы, связанные с дальнейшим воссоединением матери и ребенка, усилением степени прочности связей с родными и близкими, а также повышением уровня оснащенности и профессионализма в оказании помощи в направлениях медицины, гигиены и воспитания матери и ребенка. Имеющиеся статистические данные позволяют дать оценку изменениям характера совершаемых преступлений, а также констатировать факт омоложения возраста женщин, осужденных по отдельным видам преступлений.

Ключевые слова: семейное положение, категории совершаемых преступлений, мотивация, родственные связи, органы опеки и попечительства, поддержка.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CONVICTED PREGNANT WOMEN AND WOMEN WITH CHILDREN UNDER THE AGE OF THREE

ALEKSANDROVA Elena Aleksandrovna
Adjunct of the Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia.
E-mail: kealpapa@mail.ru

In the current context in according with international law and the Russian legislation, the problem of the conditions for serving a criminal penalty by pregnant women and women with children under the age of 3 years old is particularly relevant. Other important issues are related to the prospect of further reunifying of the mother and her child, strengthening the ties with relatives and friends, as well as increasing the level of equipment and professionalism in providing assistance in the areas of medicine, hygiene and education of the mother and her child. The available statistical data allow assessing the changes in the nature of crimes committed, as well as ascertaining age rejuvenation of women convicted of certain types of crimes.

Key words: marital status, categories of committed crimes, motivation, family ties, guardianship authorities, support.

Современный этап развития отечественного законодательства базируется на тех глобальных преобразованиях, которые произошли в социальной, политической, экономической, правовой и духовной жизни нашей страны. Происходящие в российском обществе перемены обусловили необходимость пересмотра соотношения личностных и государственных интересов в пользу конкретного человека, а не государства. Проводимые правовые реформы, предъявляют более высокие требования к работе правоохранительных органов, обеспечивающих защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Чтобы избежать ошибок в правоприменительной деятельности, практические работники настоятельно требуют от уполномоченных органов и должностных лиц как легального, так и научного толкования тех или иных проблем, возникающих в связи с назначением, исполнением и отбыванием уголовных наказаний. Думается, что данная инициатива, является хорошим доказательством того, что сотрудники правоохранительных органов стремятся соблюдать законность и правопорядок, что, в свою очередь, будет способствовать предупреждению и искоренению преступности в стране [2, с. 68-74]. Проведенное исследование позволяет нам говорить о том, что в современной правовой политике государства доминируют гуманистические идеи, которые в силу различных причин и обстоятельств на протяжении длительного периода времени находились в некотором забвении. При этом необходимо отметить, что мы рассматриваем гуманизм с позиций дуализма (от лат. dualis – двойственный), то есть не только с позиции смягчения юридической ответственности, предоставления каких-либо привилегий, льгот, преференций виновной стороне, но и с учетом интересов пострадавшей стороны желающей соразмерного возмездия за причиненный ей вред. Следовательно, ужесточение наказания, лишения определенных прав, свобод, законных интересов, возложение дополнительных обязанностей по заглаживанию и искуплению причиненного вреда применяемых к виновным лицам мы также рассматриваем как гуманизм по отношению к пострадавшим, с помощью которого государство защищает своих граждан и само себя [1, с. 33-34].

В последние годы на страницах юридической печати ведутся активные дискуссии о причинах роста женской преступности, характере совершаемых ими преступлений, а так же необходимости всесторонней коррекции криминологического «портрета женщины-преступницы». Если первый показатель прямо пропорционально связывают с увеличением присутствия женщин во всех сферах общественной деятельности, то два других неразрывно связаны между собой, в части изменения характера преступлений и криминологической колляции преступников. По данным Федеральной службы исполнения наказаний на 1 мая 2018 г., в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, содержалось 47502 женщины, вместе с которыми в 13 домах ребенка проживало 525 детей в возрасте до трех лет.

Анализируя статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний России с 2006 по 2017 гг., можно сделать вывод о том, что количество осужденных женщин, привлекаемым к уголовной ответственности по статьям 105, 107, 108, 109, 111 Уголовного Кодекса Российской Федерации за данный период времени практически не изменилось. По состоянию на 1 мая 2018 г. эта цифра составляла 9307 осужденных женщин. Пик преступности по данным видам общественно опасных деяний приходился на 2010 г., когда их количество возросло до 12739 человек. Что касается статистики по иным видам преступлений, то она также варьируется. Например, если за преступления в сфере полой неприкосновенности в 2006 г. к уголовной ответственности было привлечено 134 женщины, то в 2017 г. всего 42; по ст. 158 Уголовного Кодекса РФ уровень преступности снизился с 10899 до 4871; по ст. 161 Уголовного Кодекса РФ – с 2969 до 1078; по ст. 162 Уголовного Кодекса РФ – с 2399 до 797; по ст. 213 – с 97 до 1; по ст. 163 Уголовного Кодекса РФ – с 144 до 41 женщины [3].

Наряду с этим, необходимо отметить значительный рост женской преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств. Данная ситуация имеет прямо противоположную направленность. Так если в 2006 г. по ст. 228–333 Уголовного Кодекса РФ было осуждено 62249 женщины, то в 2017 г., этот показатель составил 136029 человек. Незначительно увеличился показатель и иных преступлений – с 3133 до 4160 человек. При этом следует обратить внимание на причинно-следственную связь между сокращением числа осужденных женщин за указанный период и применением к данной категории, альтернативных видов наказаний, не

связанных с лишением свободы. Сведения о личностных, криминологических, психологических, пенитенциарных и иных особенностях осужденных женщин способствуют достижению основных целей и решению задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Основными критериями криминологической характеристики осужденных женщин является возраст, семейное положение, образование, трудовая деятельность до ареста и при отбывании наказания. С возрастом связывают развитие, формирование человека, он в большей мере определяет физическое состояние, направленность интересов, потребности человека, его социальную активность, жизненные позиции, трудоспособность.

Известно, что именно семья позитивно влияет на правомерное поведение преступника, исполняет роль сдерживающего фактора, препятствующего противоправному поведению. Женщины, имеющие возможность по отбытии наказания возвратиться к семье, реже совершают правонарушения, чем женщины, чья семья распалась за время отбывания наказания. В рамках проводимого нами исследования, направленного на изучение правовой политики материнства и детства в местах лишения свободы, в исправительные учреждения были направлены анкеты, вопросы которых состояли из трех блоков: информация общего характера – возраст, семейное положение, образование; информация, связанная с жизнедеятельностью мамы и ее ребенка в исправительном учреждении – возраст ребенка, мотивы его появления, дальнейшие планы и перспективы; информация, характеризующая уровень материально-бытовой, санитарно-гигиенической, лечебно-диагностической, социально-правой помощи осужденным женщинам и их детям в исправительных учреждениях. В анкетировании участвовали осужденные беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, отбывающие наказание в 13 субъектах Российской Федерации: Самарская, Ростовская, Нижегородская, Кемеровская, Челябинская, Свердловская, Владимирская, Московская и Саратовская области, а также Красноярский, Краснодарский, Хабаровский края и Республика Мордовия.

Широта географии позволила нам раскрыть реальную картину условий исполнения и отбывания наказаний; удовлетворенность осужденных женщин оказанием им помощи на этапах беременности, родов и воспитания ребенка; мотивацию появления малыша; роль органов опеки и попечительства в дальнейшем устройстве судьбы ребенка; а также социальное положение женщины до осуждения и ее связь с семьей. Для получения достоверных данных по заявленным вопросам, мы проводили сравнительный анализ примерно одинаковых исправительных учреждений: ФКУ «ИК-18» ГУФСИН России по Ростовской области, в котором функционирует «Дом ребенка» с лимитом наполнения 70 детей и ФКУ ИК-12 УФСИН России по Хабаровскому краю, общее количество респондентов составило 50 осужденных.

Следует отметить, что полученные результаты по некоторым позициям существенно отличаются. Так, в «ИК – 18» возраст осужденных составил 18–20 лет – 25%, 20–25 лет – 20%, 25–30 лет – 25 %, 30–40 лет – 15%, в «ИК – 12»: 18–20 лет – 10,7%, 20–25 лет – 14,3%, 25–30 лет – 32,1%, 30–40 лет – 42,9%. Семейное положение на момент отбывания уголовного наказания в двух исправительных учреждениях выглядит так же не одинаково – в «ИК–18» в браке состоят 65% осужденных женщин, в «ИК – 12» не замужем 75 %. Количество детей также отличается, в Ростовской области по одному ребенку имеют – 35%, по два – 35%, три и более – 30%. В Хабаровском крае три и более ребенка имеют – 57,1%, двух – 21,4%, одного – 21,4%, Как известно, образовательный уровень служит существенной характеристикой личности человека, совершившего преступление. По результатам анкетирования в ИК-18 у 30% осужденных женщин образование неоконченное среднее. В то же время в «ИК-12» полное среднее образование имеют 42,9%. По количеству судимостей в обоих исправительных учреждениях доминирующее число составили впервые осужденные порядка 65%, срок осуждения от 1 года до 5 лет – 75%, категория преступлений варьируется в Хабаровском крае от средней тяжести – 42,9 % до 39,3% за особо тяжкие, в Ростовской области 65% осужденных женщин совершили преступления небольшой тяжести. Говоря о трудовой деятельности женщины в исправительном учреждении, как показателе социальных гарантий и дополнительных материальных возможностей, то 70–75% женщин трудоустроены.

При составлении анкет нам было важно узнать истинную мотивацию рождения ребенка, а также отношение к его дальнейшей судьбе. Поэтому данной группе вопросов уделено особое внимание. В Хабаровском крае 64,3% женщин ответили, что ребенок долгожданный, 32,1%, – он рожден в новых отношениях, 3,6% – ребенок незапланированный. Срок окончания отбывания уголовного наказания с достижением ребёнком 3–х летнего возраста совпадает у 35,7% опрашиваемых и у 64,3% женщин не совпадает. На вопрос по поводу дальнейшего воспитания ребенка после освобождения 100% ответили, что заберут. На вопрос: «От кого вы ждете помощь после освобождения» – 57,1% опрошенных ответили – от родных и близких, 42,9% – рассчитывают только на себя, при чем в графе от кого именно из близких вы ждете помощь после освобождения, только 3 женщины написали – от отца.

В Ростовской области по четырем позициям ответы распределились следующим образом: ребенок долгожданный – 35%, ребенок рожден в новых отношениях – 25%, незапланированная беременность – 25%, иное – 15%. Срок окончания отбывания наказания совпадает у 55% осужденных. При этом 45% опрошенных женщин затрудняются ответить на вопрос: «Заберут ли они ребенка после освобождения», 5% – пока не готовы окончательно ответить на этот вопрос, 50% ответили, что заберут. На вопрос: «От кого вы ждете помощь после освобождения» – 35% респондентов ответили, что рассчитывают только на себя, 35% ожидают поддержки от родных и близких, 30% от государства.

Подводя итог, мы полагаем, что криминологическая характеристика осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех, поможет глубже познать ее личность и создаст предпосылки для эффективной работы не только по ее исправлению, но и по предупреждению совершения новых преступлений, как осужденными женщинами, так и иными лицами. Рост женской преступности, характеризующийся не только увеличением объема, но и расширением круга преступлений, совершаемых женщинами, диктует необходимость повышения профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, а также выработки современных, более эффективных форм и методов работы с данной категорией правонарушительниц.

Библиографические ссылки

1. Полищук Н.И. Гуманистическая идея в формировании современной правовой системы России // Культура и цивилизация в глобализующемся мире: актуальные социально-гуманитарные и правовые проблемы : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Коломна, 2013. С. 33–34.
2. Полищук Н.И. Мораторий на смертную казнь и его легитимность // Государство и право. 2015. № 7. С. 68–74.
3. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20 har-ka%20UIS.

References

1. Polishchuk N.I. Gumanisticheskaya ideya v formirovanii sovremennoi pravovoi sistemy Rossii (The humanistic idea in the formation of the modern legal system of Russia), *Kul'tura i tsivilizatsiya v globalizuyushchemsya mire: aktual'nye sotsial'no-gumanitarnye i pravovye problemy*, materialy Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf. Kolomna, 2013, pp. 33–34.
2. Polishchuk N.I. Moratorii na smertnuyu kazn' i ego legitimnost' (Moratorium on the death penalty and its legitimacy), *Gosudarstvo i pravo*. 2015, No. 7, pp. 68–74.
3. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20 har-ka%20UIS.

Дата поступления: 12.05.2018 *Received: 12.05.2018*

УДК 343.2/7

КОНЦЕПЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE CONCEPT OF CRIMINAL LAW POLICY AS A CONDITION OF EFFECTIVE PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND STATE AGAINST CRIMES

АХМАДУЛЛИН Азат Саяфович
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: ahelza@yandex.ru

AKHMADULLIN Azat Sayafovich
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: ahelza@yandex.ru

В настоящее время в России отсутствует единство в понимании, какой должна быть уголовно-правовая политика государства, а также отсутствует официально принятая концепция уголовно-правовой политики. Концепция уголовно-правовой политики, основанная на полной, достоверной и своевременно формируемой уголовно-правовой статистике является важным условием обеспечения государственных интересов по защите прав личности, общества и государства от преступлений. Концепция уголовно-правовой политики должна прекратить порочную практику внесения необоснованных, непоследовательных и противоречивых изменений в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, повысить эффективность деятельности правоохранительных органов, снизить реальную преступность.

Currently, in Russia, there is no uniform understanding what state criminal law policy should be, and there is no officially adopted concept of criminal law policy. Meanwhile, the concept of criminal law policy, based on a comprehensive, accurate and timely formed criminal law statistics is essential to ensure public interests in protecting the rights of the individual, society and state against crimes. In addition to this primary objective, the concept of criminal law policy must desist from the vicious practice of making unsubstantiated, inconsistent and contradictory changes in criminal, criminal procedure and penal legislation, as well as improve the efficiency of activities of law enforcement bodies and reduce the real crime.

Ключевые слова: преступность, уголовно-правовая политика, уголовно-правовая статистика, критерии оценки деятельности правоохранительных органов.

Key words: criminality, criminal law policy, criminal law statistics, criteria of assessment of activities of law enforcement bodies.

Общественно-опасные деяния, являясь порождением человека и общества, возникли задолго до появления государства. С образованием государства они стали называться преступлениями. Каждое преступное деяние – это продукт личных свойств человека с одной стороны и общественных условий, окружавших преступника в момент совершения деяния – с другой, следовательно, продукт одного индивидуального фактора и бесчисленного количества общественных факторов [13, с. 6]. Преступность как феномен присуща любому государству и является его антагонистом. Как некоторые отдельные преступления (например, «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», «Вооруженный мятеж» и другие), так и преступность в целом направлены на разрушение государства, так как посягают на наибо-

лее важные, государствообразующие отношения. Без отношений, обеспечивающих права на жизнь, собственность, общественную безопасность, мирное сосуществование народов и других невозможно существование государства.

Научная концепция сущности государства основана на следующих положениях: государство – это объективно необходимая реальность и представляет собой определенную ценность; народы могут пострадать больше от безгосударственности, безвластия, нежели от государства; государство не благо для народа, но оно объективно необходимое бремя; государство необходимо для обслуживания интересов общества, в этом его сущность и социальное назначение [12, с. 158-159]. Хоть государство и бремя для общества, но образовано оно обществом для признания прав человека, обеспечения их защиты от общественно-опасных деяний и реализации. Соответственно государство противодействует преступности. При этом государство не может ликвидировать преступность полностью, поскольку она является присущим обществу явлением, и, кроме того, вместе с преступностью перестанет существовать и государство, утратится в нем необходимость. С другой стороны, гражданское общество заинтересовано в полной ликвидации преступности и, за последующей ненадобностью, в упразднении государства. Именно гражданское общество, которое, в отличие от общества, основано «на развитых формах его самоорганизации и саморегуляции, на оптимальном сочетании публичных (государственно-общественных) и частных (индивидуально-личностных) интересов при определяющем значении последних и при безусловном признании в качестве высшей ценности такого общества человека, его прав и свобод. Поэтому гражданскому обществу противостоит не просто «не гражданское» общество, т.е. общество, не обладающее качествами гражданского, а общество насилия, подавления личности, … тотального контроля за … личной жизнью его членов» [6, с. 220].

В этой связи государство вынуждено удерживать уровень преступности на социально-терпимом уровне, а свою деятельность – на социально-одобряемом [2, с. 46]. Согласно официальным сведениям в России в 2013 г. зарегистрировано 2206249 преступлений, в 2014 г. – 2190578, в 2015 г. – 2388476, в 2016 г. – 2160063 и в 2017 г. – 2058476 преступлений [9]. По мнению некоторых исследователей, количество реально совершаемых преступлений в России гораздо выше числа регистрируемых вследствие латентной (искусственной и естественной) преступности и составляет не менее 11-12 млн в год [4, с. 19, 5, с. 109], а то и все 26-28 млн [3, с. 10]. Поэтому наблюдаемое в последние годы снижение числа регистрируемой преступности может свидетельствовать о росте латентной преступности.

Следует понимать, что чем выше латентная преступность, тем меньше государством защищены общество и граждане от совершаемых преступлений. Безнаказанность за совершенные преступления порождает недоверие к государству со стороны граждан и способствует совершению новых преступлений. При этом недоверие к правоохранительным органам является одной из условий естественной латентности преступлений: граждане не сообщают о совершенных в их отношении преступлениях. Искусственная латентная преступность возникает по вине правоохранительных органов. Некоторые исследования показывают, что ими укрывается свыше 2 млн преступлений в год [3, с. 10]. Одной из причин укрытия преступлений от учета является зависимость критериев оценок деятельности правоохранительных органов и, прежде всего, органов внутренних дел, от показателей уголовно-правовой статистики. До тех пор, пока оценка деятельности полицейских будет зависить от статистических показателей, которые они сами формируют, искусственная латентная преступность будет иметь место. Генеральный прокурор Российской Федерации, выступая на парламентских слушаниях на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения», в очередной раз остановился на проблемах формирования уголовно-правовой политики применительно к деятельности органов прокуратуры [1].

Вопреки сложившимся нормам международного права, например, содержащимся в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы от 06.10.2000 NR(2000)19 «Комитет министров – государствам-членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» [11], органы прокуратуры в России лишены возможности возбуждать уголовные дела, направ-

лять расследование преступлений и осуществлять за ним надзор в полной мере. Вместе с тем, по данным Совета Европы прокуроры 41 государства из 47 осуществляют полный контроль над расследованием, а 6 остальных – активно участвуют в этом процессе [1].

По мнению Генеральной прокуратуры РФ, отсутствие эффективных надзорных полномочий влечет снижение качества расследования преступлений, рост нарушений законодательства на досудебном производстве по уголовным делам. Так, в 2017 г. по делам следователей на четверть по сравнению с 2016 годом возросло число оправданных судом (+28%, 877). Общее же количество лиц, получивших право на реабилитацию в 2017 г., превысило 13 тыс. (+3,6%). По значительному количеству уголовных дел следствие по-прежнему ведется с превышением двухмесячного срока, установленного законом. В 2017 г. число уголовных дел, по которым производство превысило 12 месяцев, составило 4,5 тыс., а в Следственном комитете РФ более 300 дел расследовались свыше 3 лет. Данные негативные тенденции не первый год развиваются на фоне снижения количества регистрируемых преступлений и уменьшении следственной нагрузки. Кроме того, почти 70% дел в стране рассматривается в особом – упрощенном порядке, который, не предполагает ни длительных расследований, ни тем более реабилитации подсудимых. На законодательном уровне также необходимо принятие дополнительных гарантий объективного расследования преступлений в отношении лиц, заключивших сделку с правосудием. Тем более, когда ограниченный в полномочиях прокурор на досудебной стадии не может убедиться в добровольности признания вины и заключения соглашения обвиняемым и не принимал участия в сборе доказательств по уголовному делу. По нескольку миллионов в год отменяются прокурорами незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Выявляются прокурорами более сотни тысяч преступлений, не получивших своевременного учета. Распространены случаи неправомерного вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии достаточных признаков преступления. Тысячами исчисляются факты отмены прокурорами незаконных решений по одному и тому же заявлению пять и более раз. В результате нарушаются разумные сроки уголовного судопроизводства, а порой виновные лица избегают ответственности из-за истечения сроков давности. Только полноценный прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов следствия и возможность прокурора возбуждать и расследовать уголовные дела, в частности в отношении следователей, может сдержать растущий вал допускаемых нарушений закона [8].

Многочисленные решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные в последние годы не в пользу России, также не могут не свидетельствовать о существующих недостатках национальной правоохранительной и судебной систем в обеспечении прав и свобод граждан. Для снижения реальной преступности и повышения эффективности работы правоохранительных и судебных органов необходима действенная уголовно-правовая политика, основанная на полной, достоверной и своевременно формируемой уголовно-правовой статистике. В настоящее время в органах государственной власти, а также органах местного самоуправления, общественных, религиозных и иных организациях граждан, а также других институтах гражданского общества отсутствует единство в понимании, какой должна быть уголовно-правовая политика государства, т.е. каким должен быть уголовный закон и как он должен применяться. Отсутствует официально принятая концепция уголовно-правовой политики.

Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации представляет собой систему официально принятых в государстве положений, определяющих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, средствами уголовного законодательства [10]. Цель концепции – обеспечение государственных интересов по защите прав личности, общества и государства от преступлений. Для реализации цели деятельность государственных органов направляется на решение таких основных задач, как определение концептуальных основ формирования уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Концепция должна содержать анализ политической, экономической, социальной ситуации в

стране, преступности и деятельности государственных органов, направленной на ее минимизацию, приоритетов государства при проведении уголовно-правовой политики.

За двадцатилетний период действия Уголовного кодекса Российской Федерации принято 198 федеральных законов, вносящих в него изменения. В большинстве из этих изменений находит отражение результат криминализации и декриминализации деяний [7, с. 105]. За прошедшие после принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 16 лет федеральными законами в него внесено 235 изменений. Но даже после этого отдельные положения и части многих норм УПК РФ Конституционным Судом РФ признаны несоответствующими Конституции РФ (26 раз). Кроме того, встречаются противоречия между нормами уголовного и уголовно-процессуального законов. Так, например, ст. 80.1 УК РФ, введенная законом 08.12.2003, предусматривает право суда освободить подсудимого, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. Вместе с тем, из ч.ч. 5, 6 и 8 ст. 302 УПК РФ (в редакции закона от 29.05.2002) следует, что суд выносит обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбытия только, когда издан акт об амнистии, освобождающий от применения наказания, назначенного осужденному; при зачете времени нахождения подсудимого под стражей по данному уголовному делу и поглощении им срока наказания, назначенного подсудимому; при истечении сроков давности уголовного преследования.

Поэтому, помимо достижения своей основной цели, концепция уголовно-правовой политики должна прекратить порочную практику внесения необоснованных, непоследовательных и противоречивых изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. На первом этапе концепция уголовно-правовой политики должна повысить эффективность деятельности правоохранительных органов, стабилизировать и согласовать уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, уменьшить латентную преступность. Имеется зависимость между количеством зарегистрированных преступлений и доверием общества государству: чем оно выше, тем больше вероятность, что потерпевший обратится в правоохранительные органы с заявлением о совершении в его отношении преступления, тем выше будет количество зарегистрированных преступлений и ниже латентная преступность. Доверие к государству повышается с повышением эффективности работы правоохранительных органов, сокращением количества необходимых уголовно-процессуальных процедур и времени участия в них, стабилизацией законодательства. Поэтому возможен рост регистрируемой преступности за счет снижения латентной преступности.

Приоритетами государства при проведении уголовно-правовой политики должны стать соблюдение принципов и оснований уголовной ответственности. Конкретные деяния должны считаться преступлениями с учетом сложившихся и перспективных экономических и политических реалий общества. Вид и размер наказаний за совершение преступлений должны отвечать требованиям справедливости и соразмерности. Должны соблюдаться принципы и порядок расследования преступлений, уголовной ответственности и наказания; процедура восстановления нарушенных прав, возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда. Должен быть комплекс мер, направленных на профилактику преступлений. Поэтому на последующих этапах реализации концепции предвидится снижение реальной преступности. Также концепция должна содержать общий круг полномочий государственных органов в формировании и реализации уголовно-правовой политики, критерии оценок эффективности уголовно-правовой политики в целом и деятельности отдельных правоохранительных органов по противодействию преступности.

Библиографические ссылки

1. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Чайки Ю.Я. на парламентских слушаниях на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения» [Электронный ресурс]. URL: https://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-85492/ (дата обращения: 09.05.2018).

2. Егорышев С.В., Егорышева Н.В. Гражданское общество как основное условие социальной эффективности деятельности органов внутренних дел : монография. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2016.
3. Иншаков С.М. и др. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под. ред. С.М. Иншакова. М. : Юнити‑Дана: Закон и право, 2011.
4. Квашис В.Е., Генрих Н.В. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы методологии и методики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 17-21.
5. Лунеев В.В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России // Государство и право. 2003. № 7. С. 106-111.
6. Маликов М.Ф. Истоки познания. Т. 2. Концепция государственной власти и самоуправления в современной России. 3-е изд, испр. и доп. Уфа : АН РБ, Гилем, 2012.
7. Нечаев А.Д. Основания классификации и виды криминализации и декриминализации // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 105-114.
8. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearences/appearences/1367434/ (дата обращения: 02.05.2018).
9. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 06.05.2018).
10. Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. URL: https://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889 (дата обращения: 15.04.2018).
11. Recommendation Rec(2000)19 of the Committee of Ministers to Member States on the Role of Public Prosecution in the Criminal Justice System. URL: http://www.refworld.org/docid/43f5c8694.html (дата обращения: 09.05.2018).
12. Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права (Юриспруденции) : учебный курс. М. : Право и государство, 2003.
13. Франс фон-Лист. Преступление как социально-патологическое явление. Доклад, читанный в Дрездене. С-Петербург : издание Юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1900.

References

1. Vystuplenie General'nogo prokurora Rossiiskoi Federatsii Chaiki Yu.Ya. na parlamentskikh slushaniyakh na temu «Ugolovnaya politika v Rossiiskoi Federatsii: problemy i resheniya» (Statement by the Prosecutor General of the Russian Federation Chaika Yu.Ya. at parliamentary hearings on “Criminal policy in the Russian Federation: problems and solutions”). URL: https://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-85492/ (accessed date: 09.05.2018).
2. Egoryshev S.V., Egorysheva N.V. Grazhdanskoe obshchestvo kak osnovnoe uslovie sotsi-al'noi effektivnosti deyatel'nosti organov vnutrennikh del (Civil society as the main condition for social effectiveness of activities of law enforcement bodies), monografiya. Ufa, Ufimskii YuI MVD Rossii, 2016.
3. Inshakov S.M. i dr. Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoi prestupnosti (Theoretical bases of research and analysis of latent crime), monografiya, pod. red. S.M. Inshakova. Moscow, Yuniti‑Dana: Zakon i pravo, 2011.
4. Kvashis V.E., Genrikh N.V. Sravnitel'nyi analiz latentnoi prestupnosti v Rossii i zarubezhnykh stranakh: problemy metodologii i metodiki (Comparative analysis of latent crime in Russia and foreign countries: problems of methodology and methodology), *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, No. 2 (36), pp. 17-21.
5. Luneev V.V. Effektivnost' bor'by s prestupnost'yu i ee otdel'nymi vidami v sovremennoi Rossii (Effectiveness of the fight against crime and its separate species in modern Russia), *Gosudarstvo i pravo*, 2003, No. 7, pp. 106-111.
6. Malikov M.F. Istoki poznaniya. T. 2. Kontseptsiya gosudarstvennoi vlasti i samo-upravleniya v sovremennoi Rossii (The sources of knowledge. V. 2. The concept of state power and self-government in modern Russia). 3-e izd, ispr. i dop. Ufa, AN RB, Gilem, 2012.

7. Nechaev A.D. Osnovaniya klassifikatsii i vidy kriminalizatsii i dekriminalizatsii (Grounds for classification and types of criminalization and decriminalization), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, No. 6, pp. 105-114.
8. Ofitsial'nyi sait General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii (Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation). URL: http://genproc.gov.ru/smi/ interview_and_appearences/appearences/1367434/ (accessed date: 02.05.2018).
9. Ofitsial'nyi sait General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii. Portal pravovoi statistiki (Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Legal statistics portal). URL: http://crimestat.ru/offenses_map (accessed date: 06.05.2018).
10. Ofitsial'nyi sait Obshchestvennoi palaty Rossiiskoi Federatsii (Official website of the Public Chamber of the Russian Federation). URL: https://www.oprf.ru/discussions/newsitem /17889 (accessed date: 15.04.2018).
11. Recommendation Rec (2000)19 of the Committee of Ministers to Member States on the Role of Public Prosecution in the Criminal Justice System. URL: http://www.refworld.org/docid/43f5c8694.html (accessed date: 09.05.2018).
12. Rayanov F.M. Problemy teorii gosudarstva i prava (Yurisprudentsii) (Problems of theory of state and law (Jurisprudence), uchebnyi kurs. Moscow, Pravo i gosudarstvo, 2003.
13. Frans fon-List. Prestuplenie kak sotsial'no-patologicheskoe yavlenie. Doklad, chitannyi v Drezdene (Crime as a social and pathological phenomenon. Report made in Dresden). St. Petersburg, izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Martynova, 1900.

Дата поступления: 26.05.2018 *Received: 26.05.2018*

УДК 343.8

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДАЕМЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVING ACTIVITIES OF SERVANTS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA ON ESTABLISHING ADMINISTRATIVE SUPERVISION OVER PERSONS RELEASED FROM PRISONS

ГРИШИН Дмитрий Александрович
кандидат юридических наук, доцент Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Россия.
E-mail: dagr1979@rambler.ru

GRISHIN Dmitrii Aleksandrovich
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia. E-mail: dagr1979@rambler.ru

В условиях развития правового государства в России актуализируются вопросы, связанные с комплексным межотраслевым институтом административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и его практической реализации через организационно-управленческую деятельность сотрудников исправительных учреждений и уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний. Эта ситуация делает необходимым совершенствование ме-

In the context of the further development of the rule-of-law state in modern Russia, many issues become more actual, among them the matters related to the integrated interdisciplinary institution of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty and its practical implementation through organizational and management activities of correctional and intake officers of the Federal Penitentiary Service. In its turn, this situation makes it necessary to improve the

ханизма деятельности должностных лиц уголовно-испол-нительной системы по подготовке и направлению в суд документов, необходимых для установления административного надзора. В особом исследовательском внимании нуждаются проблемы практической реализации требований законодательства об административном надзоре в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Это связано с необходимостью повышения эффективности и результативности деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и становится задачей номер один сегодняшнего дня.

mechanism of activities of officials of the penal correction system for preparing and sending to court documents necessary to establish administrative supervision. At the same time, the problems of practical implementation of the legislative requirements on administrative supervision in facilities and bodies of the penal correction system require special research attention. It is connected with the need to improve the efficiency and effectiveness of this area of activity of facilities and bodies of the penal correction system and is becoming a high-priority task of the present day.

Ключевые слова: меры административного предупреждения, административный надзор, уголовно-исполнительная система, пенитенциарная безопасность.

Key words: measures of administrative prevention, administrative supervision, penal correction system, penitentiary security.

Проблеме административного надзора за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы, посвящено значительное число публикаций [2, 4, 5, 7, 9, 10]. Необходимо отметить, что организацию административного надзора, за лицами, освобожденными из мест лишения свободы можно рассматривать, с одной стороны, как комплексный межотраслевой институт современного российского права, включающий в себя различные по характеру и содержанию нормы административного и уголовно-исполнительного права, с другой, как организационно-управленческую деятельность компетентных государственных органов, направленную на оказание предупредительного административно-регулятивного воздействия на освобожденных из мест лишения свободы граждан в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений. В этой связи комплексное исследование вопросов административного надзора за данной категорией лиц должно стать сегодня для ученых и правоприменителей одной из наиболее перспективных тем научных исследований.

Нормативно-правовая регламентация оснований и порядка установления административного надзора, а также реализации данной административно-предупредительной меры помимо Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ закреплена в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации [8, ст. 173.1], Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации [3, гл. 29] и Приказе МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «Об утверждении Порядка осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [6]. При этом, внутриорганизационная деятельность сотрудников исправительных учреждений по подготовке материалов для установления административного надзора за осужденными, содержащимися в местах лишения свободы на уровне нормативно-правовых актов ФСИН России либо Минюста России не урегулирована, что вызывает необходимость в разработке и определенного универсального правоприменительного механизма для сотрудников различных структурных подразделений исправительного учреждения по реализации законодательных требований в данной сфере. Кроме этого хочется отметить и отсутствие в УИС ведомственной системы учета и отчетности по организации работы, связанной с установлением административного надзора за отдельными категориями осужденных.

Правоотношения по установлению административного надзора в уголовно-исполнительной системе имеют сложный субъектный состав в зависимости от определенной стадии процедуры установления надзора и его реализации. На первоначальном этапе (этапе подготовки материалов для установления административного надзора внутри исправительного учреждения) участниками данных правовых отношений, с одной стороны, является осуж-

денный, в отношении которого возможно установление административного надзора, с другой, начальник исправительного учреждения (уголовно-исполнительной инспекции), утверждающий и обеспечивающий направление материалов для установления административного надзора в суд. Что касается осужденного, то в соответствии с требованиями ст. 173.1. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации административный надзор может быть установлен за двумя категориями осужденных.

Первая – в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого из мест лишения свободы, если это лицо отбывало наказание за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений, либо за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, либо за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного пунктом "л" части второй статьи 105, пунктом "е" части второй статьи 111, пунктом "з" части второй статьи 117, частью четвертой статьи 150 (в случае совершения преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), статьями 205-205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277-279, 282-282.3, 295, 317, 357, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо за совершение в период нахождения под административным надзором преступления, за которое это лицо осуждено к лишению свободы и направлено к месту отбывания наказания, судом устанавливается административный надзор в соответствии с федеральным законом.

Вторая – в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого из мест лишения свободы и отбывавшего наказание за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления при рецидиве преступлений или умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, либо двух и более преступлений, предусмотренных частью первой статьи 228, статьей 228.3, частью первой статьи 231, частью первой статьи 234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Первая из представленных категорий осужденных подлежит административному надзору независимо от их правопослушного либо противоправного поведения в период отбывания наказаний, при установлении административного надзора второй категории осужденных в совокупности должны учитываться два критерия: допенитенциарный (характеризующий совершенное осужденным преступление (преступления)) и пенитенциарный (характеризующий личность осужденного в период отбывания наказания).

Анализ деятельности начальника исправительного учреждения по утверждению и представлению материалов для установления административного надзора в суд на первоначальном этапе характеризуется организационно-управленческой деятельностью, направленной своевременную и качественную подготовки документов, необходимых для установления административного надзора структурными подразделениями учреждения. После установления судом административного надзора начальником исправительного учреждения организуется взаимодействие с органами внутренних дел, связанное с практической реализацией установленных судом запретов и ограничений в отношении освобождаемого из мест лишения свободы осужденного. С учетом не урегулированности на ведомственном уровне данного порядка нами подготовлен и предложен соответствующий организационный механизм данной деятельности, представляющий собой набор компетенций соответствующих структурных подразделений учреждения УИС по осуществлению определенных действий и подготовке соответствующих материалов [1, с. 30-35].

Основными структурными подразделениями исправительного учреждения, реализующими функцию подготовки материалов для установления административного надзора и последующее взаимодействие в органами внутренних дел являются отдел специального учета осужденных, оперативный отдел, отдел безопасности, отдел воспитательной работы с осужденными и юридическая группа. Рассмотрим деятельность данных подразделений.

Отдел специального учета осужденных – за четыре месяца до освобождения составляют списки осужденных, в отношении которых может быть установлен административный

надзор с соответствующими копиями приговоров. Кроме того, осуществляют следующие виды деятельности:

- сверяют соответствие сведений о наличии у осужденных взысканий и поощрений и представляют соответствующими материалами в юридическую группу;
- при освобождении из мест лишения свободы вручает осужденному, в отношении которого установлен административный надзор, предписание о выезде к избранному месту жительства или пребывания с указанием срока прибытия, установленного с учетом необходимого для проезда времени, и предупреждает данное лицо об уголовной ответственности за уклонение от административного надзора и обязанности явиться в территориальный орган МВД России на районном уровне по избранному месту жительства или пребывания (куда в день освобождения высылает копию предписания). В выдаваемой справке об освобождении проставляет отметку «установлен административный надзор»;
- по запросу территориального органа МВД России на районном уровне в течение десяти дней направляет копию приговора суда и характеристику на лицо, освобожденное из мест лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего.

Оперативный отдел – совместно с другими службами исправительного учреждения:

- проводит мероприятия по сбору оперативной информации об освобождаемых лицах;
- направляет необходимые сведения о них в органы внутренних дел (полицию).

Отдел безопасности – готовит материалы, свидетельствующие о злостном нарушении установленного порядка отбывания наказания осужденным для их представления в юридическую группу.

Начальники отрядов отдела воспитательной работы с осужденными – составляют характеристики на подлежащих административному надзору осужденных. Согласовывают характеристики с заместителями начальника исправительного учреждения и утверждают их у начальника учреждения. Данную характеристику направляют в юридическую группу, в случае подготовки материалов для установления административного надзора исправительным учреждением либо в отдел специального учета осужденных, в случае направления материалов для подготовки административно-искового заявления органами внутренних дел.

Юридическая группа исправительного учреждения – готовит административно-исковое заявление об установлении административного надзора со всеми необходимыми дополнительными материалами и представляет их для утверждения начальнику исправительного учреждения. После утверждения всех необходимых материалов осуществляет их направление не позднее двух месяцев до истечения определенного приговором суда срока отбывания осужденным наказания в суд, по месту нахождения исправительного учреждения. Кроме того, обеспечивает представление интересов учреждения в суде при решении вопроса об установлении административного надзора; направляет (в течение семи дней) копию решения суда об установлении административного надзора в орган внутренних дел (полицию); при досрочном освобождении лица, в случае если в отношении него административный надзор не установлен, в течение трех дней с момента его освобождения направляет в территориальный орган МВД России на районном уровне по избранному им месту жительства или пребывания копии приговора суда и документа, послужившего основанием досрочного освобождения, характеристику, справку о поощрениях и взысканиях, заверенную копию постановления начальника учреждения о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания для подготовки территориальным органом МВД России материалов в суд об установлении административного надзора. Начальник исправительного учреждения – в рамках своей компетенции осуществляет в данной сфере деятельности следующие функции:

- руководит отделами и службами своего учреждения по установлению административного надзора за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы;
- выносит постановление о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания;

- утверждает административно-исковое заявление об установлении административного надзора.

Предложенный внутриорганизационный механизм деятельности структурных подразделений исправительного учреждения по подготовке материалов для установления административного надзора и последующего взаимодействия с органами внутренних дел, безусловно, является примерным, он позволяет упорядочить правоприменительную деятельность сотрудников учреждений УИС в данной сфере.

Что касается деятельности уголовно-исполнительных инспекций, то к числу основных функций данных подразделений уголовно-исполнительной системы в сфере реализации законодательства об административном надзоре можно отнести функцию информационного взаимодействия с органами внутренних дел, в том числе:

- направление в территориальный орган МВД России на районном уровне по избранному месту жительства или пребывания сообщений о предстоящем снятии лица в отношении которого установлен административный надзор с контроля и допущенных им в период отбывания наказания нарушениях установленных ограничений, в срок не позднее десяти дней до окончания отбывания наказания в виде ограничения свободы;
- информирование территориального органа МВД России на районном уровне по месту жительства или пребывания осужденного об истечении назначенного ему срока отбывания наказания в виде ограничения свободы, в срок, не позднее, чем за два месяца до истечения срока отбывания ограничения свободы, в случаях, когда осужденный, отбывающий наказание в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного вида наказания или при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы, подлежит административному надзору;
- незамедлительное информирование территориального органа МВД России на районном уровне по месту жительства или пребывания осужденного об изменении срока окончания отбывания наказания, в случае принятия решения о незачете в срок ограничения свободы определенного периода времени осужденному, у которого срок ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного вида наказания или при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы, истекает через два месяца;
- незамедлительное направление информации в территориальный орган МВД России на районном уровне по месту жительства или пребывания состоящего на учете в уголовно-исполнительной инспекции осужденного, в отношении которого установлен административный надзор, в случаях: замены ему наказания, не связанного с изоляцией от общества, лишением свободы; возбуждения уголовного дела за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 314 Уголовного кодекса Российской Федерации; объявления его в розыск;
- направление запросов в территориальный орган МВД России на районном уровне по месту жительства или пребывания осужденного лица, отбывающего наказание в виде ограничения свободы в качестве дополнительного вида наказания либо при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы и освобожденного из мест лишения свободы до 1 июля 2011 г., для получения сведений об установлении административного надзора [6, п. 16].

Подводя итог, хочется сделать ряд выводов и обозначить проблемные моменты в части нормативно-правового регулирования организации и осуществления административно-предупредительной меры в виде административного надзора за осужденными, освобождающимися из мест лишения свободы и уголовно-исполнительной системе:

- должностные лица учреждений уголовно-исполнительной системы не реализуют самостоятельно определяемые судом правоограничения в отношении лиц, подлежащих административному надзору, данная функция в полном объеме возложена на органы внутренних дел;
- устанавливаемый на основании материалов исправительного учреждения административный надзор в отношении отдельных категорий осужденных (так называемый, потенциальный административный надзор) является эффективной мерой профилактического характера, посредством которой в совокупности с мерами режимно-дисциплинарного воздействия на осужденных обеспечивается публичная безопасность объектов УИС.

В подтверждении данной позиции свидетельствуют результаты проведенного нами социологического исследования в форме анкетирования более 600 сотрудников младшего, среднего и старшего начальствующего состава учреждений и органов УИС. Так, на вопрос, какие меры принудительного воздействия на осужденных являются наиболее эффективными для обеспечения режима безопасности исправительного учреждения 63% респондентов обозначили возможность установления после освобождения административного надзора за отдельной категорией осужденных;

- проблемным моментом в области нормативно-правового обеспечения практической реализации законодательства об административном надзоре является отсутствие нормативно-установленного в УИС алгоритма деятельности должностных лиц и структурных подразделений исправительного учреждения по подготовке материалов для установления административного надзора, а также ведомственной системы учета и отчетности по данному направлению деятельности.

Библиографические ссылки

1. Гришин Д.А., Поникаров В.А., Карасев М.В. Административный надзор за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы : учеб.- практ. пособие. Рязань : Академия ФСИН России, 2012.
2. Гришин Д.А. Правовое регулирование административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в зарубежном законодательстве: сравнительно-правовой анализ // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 107-111.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». Гл. 29.
4. Монин Ю.А. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. М., 1979.
5. Никитин А.Д. Административный надзор в системе индивидуальных средств профилактики рецидива // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития : сборник материалов круглого стола, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая 2013 года). М. : Юриспруденция, 2014. С. 261-269.
6. Об утверждении Порядка осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 (ред. от 29.03.2017) // Российская газета. 2011. 26 авг.
7. Орехова О.С. Административный надзор за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы, как способ предупреждения рецидива преступлений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Сорокина (22 марта 2012 г.). В 2 ч. Ч. 2. С.-Пб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2012. С. 94-99.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 16.10.2017) // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». Ст. 173.1.
9. Фильченко А.П. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: правовая природа и перспективы законодательного регулирования // Административное право и процесс. М. : Юрист, 2012. № 2. С. 54-57.
10. Чистотина О.Н. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы как отдельное направление предупреждения рецидива преступлений органами внутренних дел // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : материалы Межвузовской научно-практической конференции, г. Рязань, 18 апреля 2014 г. Рязань, 2014. С. 170-175.

References

1. Grishin D.A., Ponikarov V.A., Karasev M.V. Administrativnyi nadzor za litsami, osvobozhdaemymi iz mest lisheniya svobody (Administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty), ucheb.- prakt. posobie. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2012.
2. Grishin D.A. Pravovoe regulirovanie administrativnogo nadzora za litsami, osvo-bozhdennymi iz mest lisheniya svobody, v zarubezhnom zakonodatel'stve: sravnitel'no-pravovoi analiz (Legal regulation of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty in foreign legislation: comparative legal analysis), *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2012, No. 1, pp. 107-111.
3. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 05.12.2017) (The Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation of 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 05.12.2017), *Ofitsial'nyi sait kompanii «Konsul'tant Plyus»*. Gl. 29.
4. Monin Yu.A. Administrativnyi nadzor za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody (Administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty). Moscow, 1979.
5. Nikitin A.D. Administrativnyi nadzor v sisteme individual'nykh sredstv profilaktiki retsidiva (Administrative supervision in the system of individual means of preventing repetition offences), *Ugolovno-ispolnitel'naya politika, zakonodatel'stvo i pravo: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*, sbornik materialov kruglogo stola, posvyashchennogo pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo yurista Rossiiskoi Federatsii Olega Vadimovicha Filimonova (g. Moskva, yuridicheskii fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 31 maya 2013 goda). Moscow, Yurisprudentsiya, 2014. pp. 261-269.
6. Ob utverzhdenii Poryadka osushchestvleniya administrativnogo nadzora za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody: Prikaz MVD Rossii ot 8 iyulya 2011 g. № 818 (red. ot 29.03.2017) (On approval of the Procedure for the exercise of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty: Order No. 818 of the Ministry of Internal Affairs of Russia of July 8, 2011 (as amended on March 29, 2017), *Rossiiskaya gazeta*. 2011. 26 avg.
7. Orekhova O.S. Administrativnyi nadzor za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody, kak sposob preduprezhdeniya retsidiva prestuplenii (Administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty as a means of preventing repetition offences), *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava*, materialy ezhegodnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati d.yu.n., professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF V.D. Sorokina (22 marta 2012 g.). V 2 ch. Ch. 2. St. Petersburg, Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2012, pp. 94-99.
8. Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 16.10.2017) (The Penal Enforcement Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on October 16, 2017), *Ofitsial'nyi sait kompanii «Konsul'tant Plyus»*. St. 173.1.
9. Fil'chenko A.P. Administrativnyi nadzor za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody: pravovaya priroda i perspektivy zakonodatel'nogo regulirovaniya (Administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty: legal nature and prospects for legislative regulation), *Administrativnoe pravo i protsess*. Moscow, Yurist, 2012, No. 2, pp. 54-57.
10. Chistotina O.N. Administrativnyi nadzor za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody kak otdel'noe napravlenie preduprezhdeniya retsidiva prestuplenii organami vnutrennikh del (Administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty as a separate area for preventing repetition offences by the bodies of internal affairs), *Aktual'nye problemy ugolovno-ispolnitel'nogo prava i ispolneniya nakazanii*, materialy Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Ryazan', 18 aprelya 2014 g. Ryazan', 2014, pp. 170-175.

Дата поступления: 15.06.2018 *Received: 15.06.2018*

УДК 343.352.4

ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ)

КУЗНЕЦОВА Александра Николаевна
научный консультант Автономной некоммерческой организации «Ярославский Центр экономического и налогового просвещения», г. Ярославль, Россия.
E-mail: kuznetsovaal@inbox.ru

Проблемы, связанные с конструированием, толкованием и применением нормы об ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) в сегодняшних условиях становятся актуальными. Законодатель при регламентации ответственности за взяточничество в УК 1996 г. изначально отказался от нормы, предусматривающей ответственность за посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе, полагая, что деяния посредника следует квалифицировать как соучастие в получении или даче взятки (коммерческом подкупе). В настоящее время законодателем установлена ответственность за посредничество во взяточничестве, которая значительно усиливает противодействие незаконной деятельности лиц, способствующих даче или получению взятки. Такое посредничество является уже не соучастием в виде пособничества, организации или подстрекательства, а самостоятельным посягательством. Законодатель значительно ужесточил ответственность за посредничество во взяточничестве, благодаря чему момент окончания преступления переносится на более раннюю стадию преступного поведения. При анализе ст. 291.1 УК РФ дана уголовно-правовая характеристика объективных признаков основного состава посредничества во взяточничестве, рассмотрен ряд дискуссионных формулировок в диспозициях норм, содержащихся в данной статье, выявлены теоретические и практические проблемы квалификации исследуемого деяния, сформулированы предложения по их разрешению.

THE CHARACTERISTIC AND FEATURES OF INTERPRETING SIGNS OF ACTUS REUS OF BRIBERY MEDIATION (p.1 of art. 291.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

KUZNETSOVA Aleksandra Nikolaevna
Scientific Adviser of the Autonomous Nonprofit Organization "Yaroslavl Center of Economic and Tax Education", Yaroslavl, Russia. E-mail: kuznetsovaal@inbox.ru

The problems associated with framing, interpreting and applying the norm on liability for bribery mediation (Article 291.1 of the Criminal Code) become particularly relevant today. The national legislator when regulating responsibility for bribery in the Criminal Code of 1996 initially opted out of the norm, providing responsibility for bribery mediation and commercial bribery, believing that the intermediary' acts should be qualified as complicity in bribe taking or bribe giving (commercial bribery). Now the legislator has established responsibility for bribery mediation, which considerably strengthens normative countering illegal activity of the persons promoting bribery. Therefore, such mediation is not a type of complicity in the form of aiding, organizing or abetting, but it is an independent encroachment. The legislator has considerably expanded the legal framework of responsibility for bribery mediation thereby the end of the crime is postponed to earlier stage of criminal behavior. While analyzing Art. 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author gives the criminal and legal characteristic of actus reus of the main element of bribery mediation, pays attention to a number of debatable formulations in dispositions of the norms contained in this article, reveals some theoretical and practical problems of qualification of the studied act, formulates proposals to solve them.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, коррупция, государственная власть, служба, взяточничество, посредничество, пособничество, организованная группа.

Key words: criminal law, crime, corruption, state power, service, bribery, mediation, complicity, organized group.

Объективная сторона основного состава посредничества во взяточничестве, как указано в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ предусматривает: а) непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя (так называемое «физическое посредничество»); б) иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки (в этой ситуации можно говорить, прежде всего, об «интеллектуальном посредничестве», но мыслимы и различные формы «физического посредничества»). При этом, указанные деяния должны быть совершены в значительном размере (то есть на сумму, превышающую 25 тыс. руб.).

Рассматривая физическое посредничество с точки зрения действий субъекта преступления, мы сталкиваемся с проблемой отграничения его действий от действий взяткодателя. Ведь и тот, и другой принимают непосредственное участие в процессе вручения (передачи) взятки должностному лицу (взяткополучателю) с разницей лишь в том, что взяткодатель дает, а посредник передает незаконное вознаграждение. Более того взяткодатель, как и посредник, может не преследовать и не желать собственной пользы от тех действий (бездействия), которые должно совершить должностное лицо за взятку, а передавать последнюю в интересах других лиц. В последнем случае речь идет о весьма непростом вопросе – отличии физического посредничества, при котором лицо действует по поручению взяткодателя, от дачи взятки, когда лицо действует в пользу представляемых им лиц.

Анализируя данную проблему, Б.В. Волженкин положил в основу отграничения физического посредника от взяткодателя критерий инициативности. В это связи он указывал: «В отличие от взяткодателя – лица, заинтересованного в соответствующих действиях взяткополучателя, – посредник, передающий взятку по его поручению, не добивается за счет этого материального вознаграждения совершения или не совершения должностным лицом каких-либо действий по службе в своих интересах. Посредник представляет чужие интересы, выступает не от своего имени и ни в коем случае не может быть инициатором дачи взятки. Решение о даче взятки принимает взяткодатель; посредник лишь осуществляет его волю» [1, с. 247].

В свою очередь, вопреки приведенной точки зрения О. Капинус отмечает, что при разграничении посредника и взяткодателя, передающего взятку за совершение действий (бездействие) в пользу представляемых им лиц, критерий инициативы в получении взятки применять нельзя, так как посредник может выступить и инициатором – подстрекателем, организатором – получения либо дачи взятки. Главным же критерием отграничения действий физического посредника от взяткодателя выступает принадлежность передаваемого имущества, организатора услуг и т.д. Так если лицо передает чиновнику за действия (бездействие) в пользу третьего лица свои денежные средства, то передающее лицо – взяткодатель. Но если это средства самого третьего лица, то передающее лицо – посредник [2, с. 25].

Таким образом, в теории уголовного права сформировалось 2 позиции относительно критерия отграничения физического посредника от взяткодателя, условно их можно определить как «принадлежность взятки» и «принадлежность интереса». Что касается принадлежности имущества, то тут может возникнуть ситуация, когда у взяткодателя отсутствует предмет взятки и тогда он обращается к третьему лицу, которое дает в долг денежные средства или иное имущество взяткодателю для использования их последним в качестве взятки в своих интересах или интересах представляемых им лиц. В данном случае, на наш взгляд, проблем в квалификации возникать не должно, так как фактически собственник имущества сменился в результате гражданско-правовой сделки (дарение, займ и т.д.) и в данном случае собственником будет выступать взяткодатель, однако действия кредитора (лица, которое одолжило денежные средства для дачи взятки) необходимо квалифицировать как интеллектуальное посредничество, так как он оказал содействие в реализации соглашения о даче – получении взятки. Добавим также, что в существующем уголовном и ином законодательстве не со-

держится правоположений, в которых бы отмечалось, что передаваемый должностному лицу (либо его согласованным представителям) посредником предмет взятки должен обязательно принадлежать взяткодателю. Принадлежность предмета взятки не «привязывается» к взяткодателю и в антикоррупционной практике зарубежных государств. Другое дело, что при определенных условиях лицо, которое предает свое имущество взяткодателю для дальнейшей передачи должностному лицу может быть соучастником взяточничества, по большей части, пособником. Понятно, что лишь только в том случае, если осознает будущее назначение передаваемого имущества. Допустимы ситуации, когда посредник в качестве передаваемого предмета взятки (по договоренности с взяткодателем) использует свое имущество. В этом случае его действия оцениваются как действия исполнителя, без ссылки на ст. 33 УК РФ.

На практике и в теории достаточно дискуссионно решается вопрос квалификации действий лица оказавшего бесплатно услуги чиновнику за совершение действий по службе в пользу третьего лица. Если такие услуги данное третье лицо также не оплачивает, то такое оказание услуг образует не посредничество, а дачу взятки за действия (бездействие) в пользу представляемого лица. Исполнитель бесплатно оказываемой должностному лицу услуги является взяткодателем на том основании, что он несет имущественные затраты вместо взяткополучателя, освобождая таким образом от них последнего. Действия представляемого лица, если он склонил исполнителя имущественной услуги к безвозмездному ее оказанию должностному лицу в своих интересах, следует квалифицировать как подстрекательство к даче взятки [5, с. 14]. Однако если представляемое исполнителем услуги лицо лично понесет расходы за оказание этой услуги (возместит ее оказание исполнителю), то это лицо становится взяткодателем, а осведомленный об обстоятельствах дела исполнитель услуги – физическим посредником во взяточничестве. Поэтому закономерно встает вопрос о том, как квалифицировать действия исполнителя услуги, если лицо, в чьих интересах чиновник совершил действий по службе, лишь частично оплатило расходы на оказание услуг? В данном случае специалисты предлагают следующий выход: Содеянное лицом, выполняющим услуги для чиновника, должно квалифицироваться как посредничество в даче взятки в сумме, соответствующей оплаченной части услуги, а в другой, не оплаченной взяткодателем части, – как дача взятки группой лиц по предварительному сговору. В этом случае исполнителями дачи взятки группой лиц по предварительному сговору являются: лицо, частично оплатившее услуги, оказанные чиновнику, и лицо, непосредственно оказавшее услуги – в той части, за которую оплату оно у первого взяткодателя не получило [3, с. 117].

Такое предложение нам представляется достаточно сомнительным, поскольку признавать в этом случае действия виновных, совершенными группой лиц по предварительному сговору будет неверным. В такой группе субъекты должны быть соисполнителями одного и того же преступления, в нашем же случае налицо совокупность двух разных составов дачи взятки. На наш взгляд, прав П. Яни в том случае, когда отмечает, что в аналогичной ситуации когда лицо, в чьих интересах чиновник должен совершить действия по службе, передает другому лицу часть денежной суммы одновременно с просьбой увеличить за его счет размер передаваемого незаконного вознаграждения, действия первого лица (в чьих интересах действует должностное лицо) необходимо квалифицировать как дачу взятки в сумме, которую он передал посреднику, а действия второго (который увеличил размер передаваемой суммы) образуют состав двух преступлений, во-первых, посредничество во взяточничестве в сумме, которую ему передал взяткодатель, а во-вторых, дача взятки в пользу представляемого лица в сумме, на которую он увеличил размер вознаграждения.

Таким образом, физическим посредником может признаваться лицо, которое передает взятку по поручению взяткодателя, при этом передаваемый предмет взятки не принадлежит ему на праве собственности, и которое не преследует личной пользы в виде возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей от тех действий (бездействия) должностного лица, которые обусловлены передаваемой им взяткой. При отсутствии хотя бы одного из указанных признаков лицо, передавшее взятку взяткополучателю или его посреднику, должно признаваться не посредником, а взяткодателем [4, с. 76].

Состав преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ является формальным, поскольку согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступления» посредничество во взяточничестве (физическое) в виде непосредственной передачи взятки считаются оконченными с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей. При этом не имеет значения, получило ли указанное лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными ему ценностями по своему усмотрению. В том случае, когда должностное лицо отказалось принять взятку, либо передача ему взятки не состоялась по иным независящим от посредника обстоятельствам, то действия посредника следует квалифицировать как покушение на посредничество во взяточничестве. Помимо непосредственной передачи взятки по поручению, возможно посредничество в виде иного способствования взяткодателю или взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки (интеллектуальное посредничество). Данная разновидность посредничества охватывает достаточно широкий круг действий. Например, предоставление в долг денежных средств или иного имущества, заведомо предназначающегося для передачи в качестве взятки, организация и участие в переговорах должностного лица и владельца ценностей или представляемых им лиц о передаче взятки, склонение лица к получению либо передаче взятки, заранее данное обещание принять на временное хранение предмет взятки, совершить действия, направленные на сокрытие совершенного преступления, и прочее. В указанных случаях моментом окончания преступления будет считаться момент совершения действий, непосредственно направленных на достижение либо реализацию соглашения между должностным лицом и лицом, собирающимся передать взятку, о получении и даче взятки независимо от того, была ли взятка фактически передана [6, с. 24].

Также, рассматривая вопрос о моменте окончания посредничества во взяточничестве, Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 в одноименном постановлении от 09.07.2013 № 24 разъяснил, что в случае, когда предметом взяточничества является незаконное оказание услуг имущественного характера, преступление считается оконченным с начала выполнения с согласия должностного лица действий, непосредственно направленных на приобретение им имущественных выгод. В качестве примера указываются временные точки в различных противоправных ситуациях: а) момент уничтожения или возврата долговой расписки; б) передача другому лицу имущества в счет исполнения обязательств взяткополучателя; в) время заключения кредитного договора с заведомо заниженной процентной ставкой за пользование им; г) начало проведения ремонтных работ по заведомо заниженной стоимости и т.д.

Таким образом, состав преступления в части объективных признаков, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ достаточно противоречив и вызывает множество вопросов квалификации. Однако, учитывая, что опыт правоприменения ст. 291.1 УК РФ только начинает формироваться, обсуждаемые проблемы в настоящее время носят преимущественно теоретический характер. Но, несмотря на это, анализ проблем квалификации способствует формированию правильной основанной на смысле уголовного закона квалифицированной практики по данной категории уголовных дел.

Библиографические ссылки

1. Волженкин Б.В. Служебные преступления : монография. М. : Юристь, 2000.
2. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 21-26.
3. Кочина М.С. Посредничество во взяточничестве: история законодательства и практики противодействия // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 117-123.
4. Шарапов Р., Моисеенко М. Отличие физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки // Уголовное право. 2013. № 1. С. 71-77.
5. Яни П.С. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 12-18.
6. Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2. С. 24-29.

References

1. Volzhenkin B.V. Slujebnie prestupleniya (Office crimes), monograph. Moscow, Yurist, 2000.
2. Kapinus O. Izmeneniya v zakonodatelstve o doljnostnih prestupleniyah: voprosi kvalifikacii i osvobojdeniya vzyatkodatelya ot otvetstvennosti (Changes in the legislation on malfeasances: questions of qualification and release of the briber from responsibility), *Ugolovnoe parvo*, 2011, No. 2, pp. 21-26.
3. Kochina M.S. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: istoriya zakonodatelstva i praktiki protivodeistviya (Mediation in bribery: history of the legislation and practice of counteraction), *Aktualnie problemi rossiiskogo prava*, 2017, No. 4, pp. 117-123.
4. Sharapov R., Moiseenko M. Otlichie fizicheskogo posrednichestva vo vzyatochnichestve ot dachi vzyatki (Difference of physical mediation in bribery from bribery), *Ugolovnoe pravo*, 2013, No. 1, pp. 71-77.
5. Yani P. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve (Mediation in bribery), *Zakonnost*, 2011, No. 9, pp. 12-18.
6. Yani P. S. Problemi kvalifikacii posrednichestva vo vzyatochnichestve (Problems of qualification of mediation in bribery), *Zakonnost*, 2013, No. 2, pp. 24-29.

Дата поступления: 13.05.2018 *Received: 13.05.2018*

УДК 343.8

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭВОЛЮЦИИ МОРАЛИ И НРАВСТВЕННОСТИ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

ХОРОШКО Ирина Вячеславовна
преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань, Россия.
E-mail: horoshko88@mail.ru

Мораль и нравственность с самого своего зарождения играют роль основных ценностей человеческого общения и взаимодействия. Они выступают в качестве основных морально-нравственных составляющих и в уголовно-исполнительных отношениях. Морально-нравственные ценности формируются в процессе взаимного общения людей и являются отображением социально-экономических, культурно-исторических, индивидуально-коллек-тивных, духовно-нравственных и иных ценностей. Они нуждаются в добровольном всеобщем признании, поскольку складываются на основе общественного мнения, утверждаются силой массовых привычек и велений, воспитывают в индивиде внутреннюю доброту, вырабатывают убеждения и побуждения, задают этические границы поведения человека в отношениях с

THE HISTORICAL ASPECT OF THE EVOLUTION OF MORALITY AND ETHICS AS THE CONTENT OF THE NORMS OF PENAL LAW

KHOROSHKO Irina Vyacheslavovna
Instructor of the Department of Civil Law and Procedure of the FGEI HE "Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia", Ryazan, Russia.
E-mail: horohko88@mail.ru

Certainly, morality and ethics since their origin play the role of the basic values of human communication and interaction. These values act as the main moral components in penal relations. It is common knowledge that moral values are formed in the process of mutual communication of people and are a reflection of socio-economic, cultural-historical, individually-collective, spiritual, moral and other values of society. They need voluntary universal recognition, because they are formed on the basis of public opinion, are asserted by the force of mass habits and decrees, educate in the individual inner kindness, develop beliefs and motives, set ethical boundaries of human behavior in his relationships with other people. Penal relations as well as other spheres of human com-

другими людьми. Уголовно-исполнительные отношения совершенствуются и крепнут в процессе государственно-правового развития общества. Морально-нравственная составляющая уголовно-испол-нительных отношений призвана оказывать позитивное влияние на формирование и развитие правового сознания и правовой культуры осужденных, их поведение, самооценку, убеждения, мотивы и т.д.

munication are improved and strengthened in the process of state law development of society. Moral component of penal relationships is designed to have a positive impact on the formation and development of legal consciousness and legal culture of convicts, their behavior, self-esteem, beliefs, motives, etc.

Ключевые слова: мораль, нравственность, осужденный, субкультура, псевдомораль, уголовно-исполнительное право, духовно-нравственный, морально-нравственный.

Key words: morality, ethics, convict, subculture, pseudo-morality, penal law, spiritually-moral, moral.

Франц де Вааль в книге «Истоки морали. В поисках человеческого у приматов» высказал мнение, что «мораль возникла раньше религии и что наблюдения за нашими собратьями-приматами могут многое рассказать о ее происхождении. Вопреки распространенному взгляду на природу как на пространство звериной жестокости и арену кровавых пиршеств, исследователи утверждают, что животные не лишены качеств, достойных нашего морального одобрения; лично меня это наталкивает на мысль о том, что мораль – вовсе не изобретение человечества, как нам нравится думать [1]. Эти доводы подкреплены данными, полученными в ходе эксперимента, который проводился путем наблюдения «за нашими собратьями-приматами», объектом наблюдения было поведение животных. Следует отметить, что исследователь рассказывает о результатах, касающихся альтруизма у животных. «К примеру, приматы добровольно открывают дверь, обеспечивающую собратьям доступ к пище, хотя сами лишаются при этом части запасов. Обезьяны-капуцины готовы добиваться благ для других; в этом несложно убедиться, если посадить двух обезьян рядом и устроить с одной из них обмен разноцветными фишками. Фишки одного цвета приносят вознаграждение только обезьяне – участнице «торгов», фишки другого цвета – обеим обезьянам. Очень скоро обезьяны начинают выказывать явное предпочтение «общественным» фишкам, дарующим поощрение обеим. И причина такого поведения – не страх, поскольку именно доминантные обезьяны (которым опасаться нечего), как правило, проявляют наибольшую щедрость». Подобный эксперимент позволяет утверждать, что мораль зародилась с появлением первых приматов, в начале кайнозойской эры, то есть 67 млн лет назад. Однако принято полагать, что из всех живых существ только человеку свойственны нравственные чувства. В этом случае возникает вопрос: если мораль не дана нам свыше, то кто или что порождает ее?

Морально-нравственные ценности формируются в процессе взаимного общения людей и являются отображением социально-экономических, культурно-исторических, индивидуально-коллективных, духовно-нравственных и иных ценностей общества. Они нуждаются в добровольном всеобщем признании, поскольку складываются на основе общественного мнения, утверждаются силой массовых привычек и велений, воспитывают в индивиде внутреннюю доброту, вырабатывают убеждения и побуждения, задают этические границы поведения человека в его отношениях с другими людьми. Таким образом, мораль и нравственность – социально-исторические явления, которые, с одной стороны, способствует эффективному развитию общества, а с другой, динамически развиваются вместе с общественными отношениями в ходе прогресса человечества. Уголовно-исполнительные отношения, также как и иные сферы человеческого общения, совершенствуются и крепнут в процессе своего преобразования. Их морально-нравственная составляющая призвана оказывать существенное влияние на формирование и развитие правового сознания и правовой культуры осужденных, их поведение, самооценку, убеждения, мотивы и т.д.

Раскрывая тему данной статьи можно сказать, что эволюция морали и нравственности в качестве основания содержания норм уголовно-исполнительного права происходила в процессе корреляции их объективного и субъективного составляющего, подверженного историческому воздействию представлений о плохом и хорошем, должном и рекомендуемом поведении. По мере развития человеческого общества в рамках определенной эпохи проистекал процесс качественной реформации правоотношений, динамика которых предполагает постоянное движение вперед, на более высокую морально-нравственную ступень государства и общества. Историко-правовой анализ свидетельствует о том, что морально-нравственные ценности всегда выступали в качестве основания содержания норм уголовно-исполнительного права и закреплялись в их структурно-содержательном компоненте. На протяжении длительного периода времени они фиксировали требования к осужденным относительно необходимости вежливого обращения с персоналом исправительного учреждения и другими осужденными, соблюдения установленной формы одежды, посещения культурно-воспитательных и духовно-нравственных мероприятий. Запрещали различные игры с целью получения материальной выгоды, употребление жаргонных слов, присваивание кличек, нанесение татуировок.

Отвечая на вопрос «Кто или что порождает мораль и нравственность?» мы приходим к логическому выводу, что появление этих феноменов возможно лишь при условии постоянного взаимодействия субъектов между собой. Так, например, в Правилах внутреннего распорядка [2] (далее Правила) особо оговорено право осужденных на вежливое обращение со стороны персонала учреждений. В целях обеспечения нормальных взаимоотношений между осужденными и персоналом в законе установлена обязанность осужденных, вежливо относиться к персоналу, иным лицам, посещающим учреждения и органы, исполняющие наказания, а также к иным осужденным. В области взаимоотношений с персоналом ИУ нормы морали воплощаются в следующем: осужденные обязаны здороваться при встрече с работниками ИУ и другими лицами, вставая, обращаться к ним на «Вы». Уместно отметить, что и работники учреждений также должны обращаться к осужденным на «Вы». Эти элементарные морально-нравственные нормы-требования о вежливом обращении к персоналу в основном соблюдаются, что нельзя сказать об отношениях внутри коллектива осужденных. Ведь зачастую в отношениях между собой они осознанно пренебрегают подобными нормами-требованиями. На этой почве больше всего допускается нарушений режима и преступлений. Поведение осужденных складывается из общепринятых правил поведения в общественных местах, из запрета и обязанностей, вытекающих из режима исправительного учреждения.

Так, осужденные должны соблюдать распорядок дня, установленный в учреждениях, быть добросовестным в труде и учебе. Обязательным требованием является выполнение законных требований персонала, вежливость в обращении с ним, другими осужденными и иными лицами, соблюдение санитарных правил и правил гигиены. Помимо этого осужденные должны соблюдать моральные нормы, воплощающиеся в Правилах. Так, осужденные не вправе наносить себе и другим лицам татуировки, употреблять жаргонные слова, давать и присваивать клички, играть в карты, другие игры с целью получения материальной выгоды или «под интерес». Последнее отступление от моральных ценностей заслуживает отдельного внимания, поскольку азартные игры в местах лишения свободы – специфический феномен отечественной и зарубежной пенитенциарной теории и практики.

Под влиянием криминальной субкультуры, манипуляционного воздействия лиц, придерживающихся воровских традиций, азартные игры неизбежно приобретают утрированные формы проявления. Желание подчинить себе должника, использовать его в своих интересах, добиться неукоснительного подчинения является скрытым мотивом организаторов азартных игр. Проигравшие, втянутые в азартную игру, обязаны платить. Возвращение долга зачастую приобретает форму противоправных действий в пользу преступного сообщества. Расплатой может служить сообщение нужной компрометирующей информации, доставка запрещенных продуктов, деньги, наркотические вещества и т.п. Согласно субкультурных традиций лицо, не уплатившее долг, несет ответственность. Так, может следовать еще одно отступление от нравственных норм – нанесение определенной татуировки на лицо должника. Нередко совершается

насилие над личностью, ее моральное и физическое унижение. Организаторы азартных игр в местах лишения свободы настойчиво формируют культ этих игр, ссылаясь на «святой долг», «честь», «арестантскую заповедь». Особенно отметим, что наличие карточного долга и как следствие несоблюдение правил субкультуры нередко приводит к смертельному исходу.

Морально-нравственная основа содержания норм уголовно-исполнительного права является выражением целостной системы убеждений на надлежащую общественную жизнь, следовательно, морально-нравственная норма выступает в форме долженствования, которому осужденный как субъект уголовно-исполнительных правоотношений вынужден следовать при реализации своих многообразных целей. Однако в рамках этого долженствования мы можем наблюдать искажение представлений о ценностях «преступного мира», основным сегментом которых является псевдомораль, выраженная в воровских (тюремных): «понятиях», «традициях», «обычаях», «законах», «правилах» и т.д. Таковой нам видится дуалистическая сущность морально-нравственной составляющей уголовно-исполнительный правоотношений, проявляющейся в том, что осужденные совершенно противоположно оценивают одни и те же поступки или действия иных лиц [3, с. 112]. Полярность таких оценок возникает в результате наличия различных пониманий и представлений о «хорошем» и «плохом», «добре» и «зле», «чести» и «позоре», а так же других человеческих ценностях. Неоднородность сущности морали и нравственности наиболее полно нашла свое отражение в пенитенциарной сфере, которая в силу своей специфики отображает самые острые недуги общества. Ярким подтверждением этого является мораль преступного мира, где общепризнанные человеческие ценности преподносятся как зло, а отвергаемые, наоборот, приобретают оттенок добра. Псевдомораль преступного мира, выраженная в воровских (тюремных): «понятиях», «традициях», «обычаях», «законах», «правилах» формируется в рамках жестких императивных правил, суровых непререкаемых санкций сопряженных с физическим и психологическим насилием. Не имея четких локальных границ, псевдомораль искажает истинные человеческие ценности, заражает неблагонадежные (маргинальные) слои общества, находя своих сторонников как внутри исправительных учреждений, так и за их пределами, распространяясь тем самым на все большее количество людей.

В контексте изложенного, для анализа роли морали и нравственности в реализации общественных и, в частности, уголовно-исполнительных правоотношений, необходимо уяснения исторического аспекта данных феноменов

Библиографические ссылки

1. Вааль де Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов / пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2014.
2. Приказ Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/1354625/#ixzz3LOWNHc98 (дата обращения: 10.05.2018).
3. Хорошко И.В. К вопросу о неоднозначности сущности морали // Юридическая мысль. 2014. № 6 (86). С. 111-114.

References

1. Vaal' de F. Istoki morali: V poiskakh chelovecheskogo u primatov (The origins of morality: In search of human in primates), per. s angl. M. : Al'pina non-fikshn, 2014.
2. Prikaz Minyusta RF ot 3 noyabrya 2005 g. № 205 «Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego raspor-yadka ispravitel'nykh uchrezhdeniy» (Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of November 3, 2005, No. 205 “On the Approval of the Rules of Internal Order of Correctional Institutions”). URL: http://base.garant.ru/1354625/#ixzz3LOWNHc98 (accessed date: 10.05.2018).
3. Khoroshko I.V. K voprosu o neodnoznachnosti sushchnosti morali (On the issue of the ambiguity of the essence of morality), *Yuridicheskaya mysl'*, 2014, No. 6 (86), pp. 111-114.

Дата поступления: 20.05.2018 *Received: 20.05.2018*

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98+349.6+340.6

«ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КРИМИНАЛИСТИКА» КАК ПРИКЛАДНОЙ ПРОЕКТ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

ПОЛСТОВАЛОВ Олег Владимирович
доктор юридических наук, доцент, начальник правового управления администрации городского округа Красногорск Московской области, г. Красногорск, Россия.
E-mail: Polstovalov74@mail.ru

Сегодня становится очевидной необходимость широкого криминалистического обеспечения как следственной деятельности, так и различных других сфер правоприменительной практики. Этим и обусловлена проблема формирования межотраслевого прикладного направления исследований в области криминалистической профилактики экологических преступлений. При этом обостряется необходимость реализации криминалистического потенциала в сфере выявления экологических правонарушений. Целесообразно формирование отечественного варианта «экологической криминалистики», как междисциплинарного образования, справочного материала, не претендующего на вторжение в систематику материнской науки, но полезного в практике выявления и предупреждения противоправного воздействия на окружающую среду. Зарубежный опыт криминалистического обеспечения предупреждения экологических правонарушений обладает спецификой, небезынтересной для отечественной юридической науки. Поэтому необходимо расширение криминалистического обеспечения различных сфер правоприменения, а не только уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: экологическая криминалистика, система криминалистики, междисциплинарные исследования, криминалистика в правоприменении, криминалистическая профилактика.

“ENVIRONMENTAL FORENSICS” AS AN APPLIED PROJECT IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND IN DIFFERENT SPHERES OF LAW ENFORCEMENT

POLSTOVALOV Oleg Vladimirovich
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Legal Department of the Administration of the Urban District of Krasnogorsk of the Moscow Region, Krasnogorsk, Russia.
E-mail: Polstovalov74@mail.ru

In modern conditions, it is evident that both investigative activities in all forms of existing practice and various other areas of law enforcement practice are in need of broader forensic support. This determines the problem of forming an interdisciplinary applied direction of researches in the field of predominantly forensic prevention of environmental crimes. At the same time, the need to implement forensic potential in the sphere of detecting and preventing various kinds of environmental offenses is aggravated. It is also advisable to form a national version of “environmental forensics” as a kind of interdisciplinary education, reference material, which does not pretend to invade the systematics of maternal science, but which is useful in the practice of identifying and preventing the current negative illegal environmental impact. The available foreign experience of forensic support for defecting and preventing environmental offenses has its own specifics, which is of interest to the national legal science. All this justifies the need to expand forensic support for various spheres of law enforcement, and not only criminal proceedings.

Key words: environmental forensics, system of forensics, interdisciplinary researches, forensics in law enforcement, forensic prevention.

Современная криминалистика в традиционалистском представлении ее предметной области преимущественно ориентирована на обеспечение своими рекомендациями, приемами и средствами уголовного судопроизводства в его пусть и сквозной, отличающейся в стадийном выражении процесса, но все-таки типизируемой проблеме доказывания. Имеющиеся определения криминалистики прямое свидетельство этому. Понимание Р.С. Белкиным криминалистики в качестве науки «о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [1, с. 65] является едва ли не общепризнанным и в той или иной мере повторяющимся как в теории, так и в практическом приложении научного потенциала. Расхождение с Р.С. Белкиным в понимании объекта науки Н.П. Яблоковым широко известно, но в главном, в трактовке предмета криминалистики, угадывается общее: «Криминалистика – наука, исследующая закономерности преступной деятельности, механизм ее отражения в источниках информации, особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и разрабатывающая на этой основе и данных иных наук средства и методы указанной деятельности с целью обеспечения в ее ходе надлежащего применения процессуальных и материальных правовых норм» [2, с. 14-15]. Вместе с тем, в определении Н.П. Яблокова все-таки появляется надежда на прорыв в вопросах не только криминалистического обеспечения доказательственного права, но и всей деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, которая куда как более многогранна, чем собирание, проверка и оценка доказательств. Тем не менее, в криминалистике мы так и не увидели сколько-нибудь заметного продвижения в область разработки рекомендаций, к примеру, по оптимизации деятельности по избранию связанных с задействованием ряда участников уголовного судопроизводства мер пресечения, тактических основ создания оптимальных условий для доказывания посредством реализации мер безопасности для участников уголовного судопроизводства и пр.

Работа автора в профессиональной аудитории и опрос сотрудников правоохранительных органов показали, что в деятельности по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу не меньше тактики, чем при подготовке и производстве немалой части следственных действий. Относительное, но заметное большинство респондентов отметили, что сложная система отношений сторон и суда в процессе избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога создает самое широкое тактическое поле (58% опрошенных). А одержание верха следователем в возникающих подобных конфликтных ситуациях напрямую увязали с появлением более определенной перспективы успеха уголовного преследования 63% опрошенных. По крайней мере, 92% опрошенных заявили, что противодействие избранию меры пресечения в виде заключения под стражу со стороны действующего по договору защитника и его подзащитного в подавляющем большинстве случаев оказывается с наибольшей интенсивностью. Никто не отрицает тактического эффекта от перспективы заключения под стражу. Кроме того, имеются разделяемые всеми криминалистами суждения и об особенностях производства следственных действий с участием арестованного подозреваемого, обвиняемого. Однако сам процесс избрания меры пресечения в виде заключения под стражу до сих пор не предполагает необходимости криминалистического обеспечения, научной обоснованной и ориентированной на практику рационализации. А это, как минимум, труднообъяснимо даже в контексте доминирующей теоретико-доказательственной концепции предмета криминалистики.

Одна из ключевых причин происходящего отрыва криминалистического обеспечения от нужд практики видится в сказанном В.Я. Колдиным и А.И. Усовым. По их мнению, существенный недостаток системного подхода к анализу предмета и объекта криминалистики «состоит в том, что они рассматривались изолированно, в то время как они составляют элементы целостной системы. Как сущность криминалистической деятельности не может быть понята в отрыве от деятельности преступной, так и предмет криминалистики не может быть понят в отрыве от взаимодействия этих видов деятельности» [3, с. 16]. Соотношение и взаимодей-

ствие рассматриваемых систем авторы видят в последовательной системе более высокого уровня информационных каналов, когда «система расследуемого события изоморфно отражается в следовой картине. Система криминалистической деятельности непосредственно отражает следовую картину и опосредованно – систему расследуемого события» [3, с. 17-18]. Внутренняя стройность этой системы должна быть дополнена как основа для реализации криминалистической профилактики теми имманентно связанными с криминальным поведением областями человеческой деятельности, которые уже сами по себе создают криминогенно опасную ситуацию. Этот подход «на опережение», при чем вне привязки исключительно к уголовному судопроизводству, принят за основу в странах англо-саксонской правовой семьи на уровне развития неаутентичной отечественному пониманию криминалистики по смысловому наполнению научной и прикладной отрасли знаний «forensic», а применительно к заявленной теме – «Environmental forensic» (англ. – экологическая криминалистика). Термин «forensic» много ближе российскому варианту экспертной деятельности, чем к криминалистике в собственном смысле слова. Однако именно «Environmental forensic» в США и Великобритании, преимущественно с 2000 г., упорно пробивает себе путь через составление полезного для правоприменителя справочного материала к предметно отдельному направлению научных изысканий. Один из основоположников зарубежной экологической криминалистики Стивен М. Мадж пишет: «Экологическая криминалистика – это настоящий мультидисциплинарный предмет, в котором химические, физические и биологические методы объединяются в рамках решения задач определения происхождения и степени загрязнения окружающей среды» [4, p. 2]. При этом ни слова не говорится о том, какой конкретно отрасли правоприменения присуща интеграция специальных знаний для решения одной из острейших задач обеспечения безопасности и здоровья от экологических угроз, порой перерастающих в тяжелейшие антропогенные катастрофы, а всего лишь подчеркивается мультидисциплинарный характер предмета приложения усилий в этом направлении. Более того, именно такой подход предполагает работу на опережение, на снижение рисков, иными словами на предупреждение тяжких последствий, которые, как правило, не оказываются без виновных в происходящем преступном развитии событий.

В приведенных выше определениях криминалистики речь идет о предотвращении (Р.С. Белкин) или предупреждении (Н.П. Яблоков) преступлений, т.е. о так называемой криминалистической профилактике. В современных условиях сложнопереплетенных правоотношений, где даже не всегда отчетливо угадываются границы публично-правового и частноправового регулирования, а императивный метод нередко перемежается с диспозитивным, принципиально важным представляется вопрос о готовности криминалистики обратиться не просто к реализации своего прикладного потенциала, но именно к формату профильных исследований к материи много более сложной, чем уголовное судопроизводство в его традиционных рамках. Существующая внутри определенного опыта реальность современного правоприменения как некая имманентность интегрирует различные отрасли судопроизводства, административных процедур, ведомственных расследований, аудиторских проверок, договорно-правовых отношений по оказанию услуг по выявлению злоупотреблений в хозяйствующем субъекте «без выхода» на уровень публичного уголовного преследования (ст. 23 УПК РФ) и в этом смысле не имеет принципиальных различий в приложении криминалистического потенциала. Но мы в силу ограниченности предмета криминалистики его теоретико-доказательственной концепцией всякий раз прибегаем к внешними формам по типу «криминалистика в различных системах правоприменения». Однако, оказавшись внутри традиционно понимаемой предметной области материнской науки, криминалисты вряд ли готовы к тому, что трансформация административных правонарушений, должностных проступков в преступления, а общественноопасной ситуации в реальную картину уже, к сожалению, произошедшего криминального события будет исследована на должном уровне. «Экологическая криминалистика» при всей условности заявленного термина и непривычности его звучания как раз и может стать тем самым маркером зрелости нашей науки в вопросах не декларативного, а реального участия в предупреждении преступлений. В настоящее же время кримина-

листика по большей части развивается по остаточному принципу от фактов уже совершенных преступлений, которые, к тому же, удалось выявить, которые нашли свое отражение в судебно-следственной практике.

Разумеется, нельзя не учитывать существенных различий: англо-саксонская «Environmental forensic» преимущественно сложилась на основе имеющихся экспертных практик в установлении причин, характера и масштаба загрязнения окружающей среды в результате антропогенного воздействия для возмещения причиненного вреда людям, восстановления экосистем, устранения вредных последствий в рамках административных и судебных процедур, в то время как отечественный вариант видится в формировании на данном этапе полезного для правприменителя междисциплинарного справочного материала без претензий на изменение системы науки и расширение возможностей профилактического свойства в рамках теории криминалистического предупреждения преступлений. К тому же, нельзя забывать, что американские «экологические эксперты» участвуют в уголовном преследовании компаний (!) по экологическим преступлениям с куда как большей степенью инициативы и автономии, чем лица, привлекаемые для участия в деле в связи с необходимостью использования их специальных знаний, в отечественном уголовном судопроизводстве. Помимо прочего, в соответствии с российским законодательством, как всем известно, юридические лица к уголовной ответственности не привлекаются. В связи с этим последним обстоятельством основные выгодоприобретатели от экономии на экологической безопасности остаются в стороне, а под дамоклов меч правосудия попадают зависимые от политики компании в этой сфере менеджеры.

По свидетельству Стивена М. Маджа, американская экологическая криминалистика развивается быстрыми темпами на основе новых юридических документов и нормативных актов, направленных на стимулирование расследования. Появляются новые инструменты, которые обеспечивают все более точные методы определения химических веществ или изменений в биологических объектах. Ключом к успеху экспертной практики, связанной с окружающей средой, являются достоверные научно обоснованные данные на основе широкого спектра подходов, которые указывают на один и тот же результат. Эти сведения нередко представляют для того, чтобы убедить членов жюри или судейской коллегии, поэтому четкие, сжатые показатели обычно лучше всего. Однако, если нет возможности защитить собственные выводы с научной точки зрения, то это никому не выгодно[5, p. 14]. В российской действительности такой масштаб реализации «экологической криминалистики» даже на уровне предупредительных административных мер и приложения соответствующих специальных знаний вряд ли возможен, пока экономия на экологической безопасности приносит больше выгоды, чем убытков в связи репутационными и имущественными рисками крупных хозяйствующих субъектов и в первую очередь их собственников.

Самовольное снятие или перемещение плодородного слоя почвы (ч. 1 ст. 8.6 КоАП РФ), уничтожение плодородного слоя почвы, а равно порча земель в результате нарушения правил обращения с пестицидами и агрохимикатами или иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами и отходами производства и потребления (ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ) как составы административного правонарушения – порчи земли – деликты могут стать начальным звеном в цепи крайне неблагоприятного развития событий и повлечь причинение вреда здоровью человека или окружающей среде, уже охватываемых материальным составом преступления с аналогичным (!) названием (ст. 254 УК РФ). Так стоит ли криминалистам всякий раз дожидаться наступления вредных последствий или все-таки приложение усилий на уровне накопившихся специальных знаний в области выявления причин, масштаба и характера загрязнения имеет смысл на более ранних стадиях с тем, чтобы о профилактике в этом направлении мы уже не говорили как о некой эфемерной идее?

В УК РФ около девяноста диспозиций норм особенной части содержат отсылку к различного рода правилам, являя собой пример бланкетной конструкции составов преступлений, нередко корреспондирующих в варианте «до наступления вредных последствий» к административным правонарушениям родственной природы. И приведенный пример не является единичным, когда реагирование на криминогенно опасную ситуацию со стороны правопри-

менителя, вооруженного соответствующими криминалистическими рекомендациями, тем эффективнее, чем раньше и оперативнее наиболее рациональные усилия по недопущению развития общественно опасных последствий. Подчеркивая значение норм уголовного права для криминалистики, отмечая доминирование бланкетных диспозиций в УК РФ, О.С. Кучин пишет: «Бланкетная диспозиция не содержит конкретных признаков преступления, а отсылает к нормам других отраслей права – гражданского, административного, трудового и т.д.» [6, с. 20]. Так почему криминалисты в смежных областях правоприменения на самых ранних стадиях возможности трансформации административного или какого-либо другого деликта как первоосновы предстоящих тяжких последствий в рамках уже содеянного преступления не видят сферы своего предмета исследования? В свою очередь, на частном примере И.В. Александров и А.А. Асочаков отмечают, что в расследовании налоговых преступлений основу доказательственной базы составляют материалы документальной проверки, проводимой налоговыми органами, службами оперативных документальных проверок и ревизий, которые имеют стрежневое значение, но при этом качество их порой оставляет желать лучшего: «Нередкими являются случаи, когда уголовные дела возбуждаются на основе недоброкачественных материалов налоговых проверок, что вызывает необходимость назначения и проведения в ходе следствия дополнительных документальных проверок, а затем судебно-экономических экспертиз. В результате, наряду с другими неинтенсивно проводимыми следственными действиями, это влечет неоправданную длительность и, зачастую, бесперспективность расследования таких уголовных дел» [7, с. 86]. И вновь возникает вопрос о целесообразности криминалистического обеспечения работы налоговых органов и применения специальных знаний по налоговым правонарушениям. Может быть в сложившей ситуации отчасти повинны сами криминалисты, которые привыкли работать по остаточному принципу от уже совершенного преступления в чрезмерно строгой привязке к уголовному судопроизводству.

Абстрагируясь от широкого понимания предупреждения преступлений Р.С. Белкиным, обратим внимание на его характеристику данной категории в более узком, специальном контексте. Под предупреждением преступлений корифей криминалистики понимал систему специальных мер правоохранительных органов по недопущению или пресечению преступных посягательств, осуществляемых законными средствами в отношении отдельных лиц, групп и сформировавшихся преступных сообществ [8, с. 170]. Приложение усилий по реализации криминалистического потенциала предупредительной направленности, как видно из сказанного, направлено в отношении отдельных лиц, групп и сформировавшихся преступных сообществ, но не к самой криминогенно опасной ситуации, которая при невмешательстве может повлечь наступление общественно опасных последствий. Полагаем к конкретно виновным в сложившихся опасных ситуациях «на пороге», к примеру, экологических техногенных катастроф следует применять меры профилактической направленности лишь по мере установления причин, обстоятельств, степени и характера допущенного или потенциально возможного загрязнения окружающей среды. Согласно определению А.А. Топоркова, криминалистическая профилактика представляет собой систему «мер следователя, оперативного работника, специалиста (эксперта) и других работников правоохранительных органов по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, и по разработке рекомендаций по предупреждению (превенции) преступной деятельности» [9]. При этом все задачи криминалистического предупреждения преступлений в трактовке А.А. Топоркова вращаются преимущественно вокруг предотвращения умышленных посягательств, например, в свете такого направления деятельности, как «своевременное применение неотложных мер по предупреждению подготавливаемых преступлений и пресечению попыток их совершения». Отчасти к криминалистическому предупреждению неосторожных преступлений при весьма высокой степени допущения мы можем отнести сформулированную автором задачу по выявлению наиболее уязвимых в криминалистическом плане объектов и подготовке специальных технико-криминалистических мероприятий профилактической направленности [9]. К сказанному неполному пониманию всего спектра возможностей криминалистической профилактики преступлений стоит добавить справедливое сетование Н.П. Яблокова на то, что в подав-

ляющем большинстве учебников вопросам криминалистической профилактики преступлений не уделяется никакого внимания, а изыскания в этой области ведут лишь несколько исследователей. Вместе с тем, по мнению Н.П. Яблокова, «эти вопросы требуют серьезного научного внимания со стороны широкого круга ученых и исследования и разработки ими методических рекомендаций для успешного проведения профилактической деятельности следователями в ходе самого расследования преступлений и по его результатам» [10, с. 24-25]. Думается, что криминалистическая профилактика по мере заимствования конструктивного для отечественной действительности зарубежного опыта и с учетом современных реалий пограничных зон правоприменения – «административные деликты – преступления» – может себе позволить реализовать потенциал куда как на более ранних этапах, и «экологическая криминалистика» на уровне не отдельного подсистемного элемента, а всего лишь некоего пилотного междисциплинарного проекта способна стать такой площадкой для испытания практикой.

Библиографические ссылки

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.
2. Яблоков Н.П. Криминалистика : учебник. М. : Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2011.
3. Колдин В.Я., Усов А.И. Методологические функции системного подхода в криминалистике // Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: Конф., 4–5 декабря 2006 г., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова : сб. тезисов. М. : МАКС Пресс, 2006. С. 15-20.
4. Mudge S. M. Approaching environmental forensics // Methods in environmental forensics / editor, Stephen M. Mudge. Boca Raton, London, New York: CRC Press Taylor & Francis Group, 2009. P. 1-13.
5. Mudge S. M. Environmental forensics and the importance of source identification // Issues in Environmental Science and Technology. Environmental Forensics / Edited by R.E. Hester and R.M. Harrison Royal Society of Chemistry. 2008. No. 26. P. 1-16.
6. Кучин О.С. Основополагающее значение уголовно-правовой нормы в разработке криминалистической методики расследования преступлений // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. Краснодар : Изд-во Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. С. 18-22.
7. Александров И.В., Асочаков А.А. Особенности расследования уклонения от уплаты налогов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2012. № 8 (127). Вып. 20. С. 85-93.
8. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е издание дополненное. М. : Мегатрон XXI, 2000.
9. Топорков А.А. Криминалистика. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2012 // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru.
10. Яблоков Н.П. Некоторые проблемы отечественной криминалистики в свете сегодняшнего времени // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / ред.-сост. М.А. Лушечкина. М. : МАКС Пресс, 2015. С. 20–25.

References

1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki (Course of Forensic Science), ucheb. posobiye dlya vuzov. 3-ye izd., dop. Moscow, YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2001.
2. Yablokov N.P. Kriminalistika (Forensic science), uchebnik. Moscow, Izd-vo Yurayt; ID Yurayt, 2011.

3. Koldin V.YA., Usov A.I. Metodologicheskiye funktsii sistemnogo podkhoda v kriminalistike (Methodological functions of the system approach in forensics), *Problemy sistemnykh issledovaniy v kriminalistike i sudebnoy ekspertize*, Konf., 4–5 dekabrya 2006 g., Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova, sb. tezisov. Moscow, MAKS Press, 2006, pp. 15-20.
4. Mudge S. M. Approaching environmental forensics. *Methods in environmental forensics*, editor, Stephen M. Mudge. Boca Raton, London, New York: CRC Press Taylor & Francis Group, 2009, pp. 1-13.
5. Mudge S. M. Environmental forensics and the importance of source identification. *Issues in Environmental Science and Technology. Environmental Forensics*, Edited by R.E. Hester and R.M. Harrison Royal Society of Chemistry, 2008, No. 26, pp. 1-16.
6. Kuchin O.S. Osnovopolagayushcheye znacheniye ugolovno-pravovoy normy v razrabotke kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy (The fundamental importance of the criminal law norm in the development of criminal methods of investigating crimes), *Kriminalistika i sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v usloviyakh sovremennosti*, Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodarskiy universitet MVD Rossii. Krasnodar, Izd-vo Federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii», 2016, pp. 18-22.
7. Aleksandrov I.V., Asochakov A.A. Osobennosti rassledovaniya ukloneniya ot uplaty nalogov (Features of the investigation of evasion from payment of taxes), *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo», 2012, No. 8 (127), Vyp. 20, pp. 85-93.
8. Belkin R.S. Kriminalisticheskaya entsiklopediya (Forensic encyclopedia), 2-ye izdaniye dopolnennoye. Moscow, Megatron XXI, 2000.
9. Toporkov A.A. Kriminalistika (Forensic science). Moscow, Yuridicheskaya firma «KONTRAKT»: INFRA-M, 2012. *Spravochno-pravovaya sistema «Garant»*. URL: http://www.garant.ru.
10. Yablokov N.P. Nekotoryye problemy otechestvennoy kriminalistiki v svete segodnyashnego vremeni (Some problems of national in the light of this day), *Sovremennaya kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy*, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, Zasluzhennogo yurista RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora Nikolaya Pavlovicha Yablokova. Moskva, 22 dekabrya 2015 g., red.-sost. M.A. Lushechkina. Moscow, MAKS Press, 2015, pp. 20–25.

Дата поступления: 22.06.2018 *Received: 22.06.2018*

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 347.73+347.4/5

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН И ЦИФРОВЫХ ТОКЕНОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И СБОРОВ

НАГАЙЦЕВ Константин Дмитриевич
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия.
E-mail: kostyane398@mail.ru

Налоговые преступления наносят вред экономике страны. В последние годы количество выявленных преступлений в сфере уплаты налогов снижается. Мы не можем объективно судить о причинах подобной динамики, но точно знаем, что налоговые преступления обладают латентностью, а применение современных технологий значительно осложняет их выявление. Наиболее опасной являются системы, работающие по технологии блокчейн. Использование цифровых токенов позволяет не только проводить крупные суммы через подобные системы, но и делать это практически незаметно для контролирующих финансовую сферу органов. Особо опасно несколько противоправных деяний в сфере оборота цифровой валюты, которые можно отнести к налоговым преступлениям.

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюты, финансовая преступность, уголовное право, уголовное наказание, налоговые преступления, финансовые преступления.

USE OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AND DIGITAL TOKENS IN COMMITTING CRIMES RELATED TO FISCAL EVASION

NAGAITSEV Konstantin Dmitriyevich
Adjunct of the Faculty of Academic and Teaching Staff Training of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: kostyane398@mail.ru

Tax crimes cause significant damage to the economy of the country. In the past few years, the number of detected crimes in the field of tax payments has been constantly decreasing. We cannot objectively judge the reasons for such dynamics, but we know for sure that tax crimes have high latency, and using modern technologies makes their detection much more difficult. Systems that work on blockchain technologies are the most dangerous for the tax sphere. The use of digital tokens allows not only to spend arbitrarily large sums through such systems, but also to do it almost unnoticed for any bodies that control the financial sphere. In terms of this article, the author will analyze several illegal acts in the sphere of digital currency turnover, which can be attributed to tax crimes.

Ключевые слова: blockchain, cryptocurrencies, financial crime, criminal law, criminal punishment, tax crimes, financial crimes.

Современная уголовно-правовая политика государства, как и политика вообще, характеризуется научно обоснованной, системно-последовательной деятельностью органов государственной власти по формированию эффективного механизма юридического регулирования общественных отношений. Накопившиеся проблемы и кризисные явления в развитии российского общества предопределили приоритетные направления ее совершенствования, поскольку по своей сущности она не может формироваться в отрыве от экономических, социальных, культурных, образовательных, духовных и иных факторов, реально существующих в государстве. В последние годы на страницах юридической печати ведутся активные дискуссии о необходимости более эффективного использования функциональной ценности принципа правовой определенности. В них на общетеоретическом и отраслевом уровнях анализируются глубинные процессы его бытия, обосновывается юридическая и социальная значимость, высказываются различные мнения о степени научного познания, практике реального применения и т.д. Данный подход

вполне оправдан, так как на основе принципа правовой определенности реализуются остальные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы. По своей сущности это базисный принцип, который диалектически дополняет и развивает иные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы, обосновывает функциональную необходимость их существования, определяет пределы действия, формирует ценностно-правовые ориентиры и в конечном итоге способствует торжеству разума во всех сферах общественных отношений [2, с. 115-116].

При анализе статистики по выявленным преступлениям, связанным с уклонением от уплаты налогов и сборов, явно прослеживается тенденция к их снижению. За январь-декабрь 2016 г. – 9283 преступления, за январь-декабрь 2017 г. – 8654 преступления [1]. В то же время многие ученые признают, что налоговые преступления обладают высокой степенью латентности. Так С.А. Потапов указывает, что доля налоговых преступлений, попадающая в официальные сводки, составляет от 3 до 10%, подчеркивая, что примерно 60% лиц, совершивших налоговые преступления, уходят от ответственности [3, с. 144]. Большая часть налоговых преступлений совершается либо благодаря различным финансовым махинациям в рамках легальных гражданско-правовых отношений (деньги легализуются с помощью различных схем, которые на первый взгляд выглядят вполне законными), либо производится в сфере “теневого рынка” и никак не учитываются, проходя мимо какого-либо государственного контроля. Использование криптовалют и технологии блокчейн стало настоящим трендом 2017 г. в теневой экономике. Действительно, использование практически анонимных средств расчета (а в некоторых случаях и полностью анонимных, например – криптовалюта Monero) значительно развязало руки огромному количеству игроков теневого сектора экономики. Купить-продать можно абсолютно все, что угодно (в том числе запрещенные к гражданскому обороту предметы), а расчеты производятся анонимными и неподконтрольными цифровыми деньгами.

Многие ошибочно полагают, что тот же Bitcoin – абсолютно анонимная система, позволяющая проводить платежи. На самом деле все не совсем так. Сама валюта Bitcoin достаточно прозрачна, “путь” финансовых средств можно достаточно легко отследить. Имея адрес хотя бы одного из кошельков, можно в публичном доступе найти данные о транзакциях, проведенных по нему: номер транзакции, сумму и адреса отправления. Система хранит в себе абсолютно все данные, поэтому об анонимности здесь можно говорить весьма косвенно. Другой вопрос – отсутствие возможности быстрой идентификации личности держателя кошелька. Самый простой вариант деанонимизации возможен в том случае, если человек где-либо в открытом доступе оставлял номер своего кошелька, либо какие-либо данные о транзакции с привязкой к личности. Например, искал со своего личного аккаунта на профильном форуме в интернете почему не проходит транзакция и указал ее номер. В таком случае найти обладателя кошелька не составит особого труда. А вот по-настоящему анонимными операции делают специальные программные ухищрения. Одно из таких ухищрений – Bitcoin-миксер, который делит одну транзакцию на много маленьких, проводя их через некоторое количество кошельков. Свести все воедино и доказать конкретный перевод, осуществленный за покупку чего-либо в данном случае становится довольно сложно. Есть и полностью анонимные криптовалюты, которые не показывают “путь” транзакции – Monero и Zcash. Вычислить финансовые операции, совершенные лицом с использованием данных средств напрямую практически невозможно. Можно выявить лишь косвенные признаки проведения финансовых операций – перечисление на счет в банке или на электронный кошелек суммы, эквивалентной той, что была получена в форме криптовалюты.

Тем не менее, можно построить достаточно явную концепцию: человек систематически совершает какие-либо сделки, покупая или продавая определенные предметы за криптовалюту, тем самым уходя от какого-либо налогового регулирования. И если это редкие сделки с предметами, имеющими небольшую стоимость в традиционной фиатной валюте, то ущерб, наносимый финансовой системе действиями такого лица будет ничтожно мал. Другое дело – регулярное и масштабное ведение хозяйственной деятельности, направленное на систематическое получение прибыли за счет купли-продажи каких-либо предметов, либо редкая купля-продажа имущества, имеющего высокую ценность в традиционной фиатной валюте. Технически на данный момент нет совершенно никаких препятствий к тому, чтобы реализовывать сделки по

продаже недвижимости за криптовалюту, маскируя данную процедуру под безвозмездную передачу имущественных прав от одного лица другому лицу через договор дарения. Действительно, совершенно внезапно владелец коммерческого помещения решил подарить его практически незнакомому человеку, оформив договор дарения… Фактически же никакие контролирующие органы не смогут доказать фиктивность данной сделки, ведь факта передачи крупной суммы наличными от одного лица другому не было, крупных банковских переводов тоже. Сделка полностью законна (отношения по поводу дарения урегулированы гл. 32 Гражданского кодекса РФ), а фактическая передача денежных средств прошла не только вне правового поля, но и за пределами компетенций любых контролирующих органов.

Пожалуй, единственная реальная возможность выявить подобные правонарушения – быстрый вывод лицом большой суммы в криптовалюте, полученной в результате подобных сделок, в фиатные деньги на банковский счет, либо на электронный кошелек. Вот только стоит понимать, что подобные ошибки вряд ли будут совершать опытные участники теневого рынка. Как указывалось выше, у них есть достаточно обширный арсенал разнообразных технических средств для того, чтобы финансовые операции прошли практически анонимно: от анонимных площадок-конвертеров криптовалют до зашифрованных мессенджеров (и мессенджер Telegram – это лишь самая верхушка айсберга из тех средств, которые позволяют обеспечивать анонимность подобных операций). Частные противозаконные сделки подобного формата конечно же наносят ущерб финансовой системе, но его вряд ли можно будет назвать значительным. Другое дело – возникновение специальной платформы, где любой желающий сможет приобрести, либо продать товар/услугу за криптовалюту с помощью внутренней платежной системы. Технически получится определенный гибрид площадки с объявлениями (по типу интернет-площадки Avito, где можно найти практически любые товары и услуги, оказываемые как частными лицами, так и компаниями) и криптовалютной биржи, позволяющей проводить фактически финансовые операции в криптовалюте внутри системы. И если при оказании целого спектра услуг сохранить анонимность просто невозможно, то финансовые транзакции в криптовалюте вполне можно скрыть.

Рассмотрим пример работы большинства крупных криптовалютных бирж – они не дают возможности конвертировать фиатные деньги в криптовалюту в собственной системе. Баланс биржи пополняется извне, с других криптовалютных кошельков, а внутри биржи вы можете проводить любые обменные операции с криптовалютами, но только с ними. Многие участники данного рынка умудряются зарабатывать на этом: пользуются услугами анонимных площадок-конвертеров, переводя фиатные деньги в криптовалюту и пополняя ей баланс аккаунта на бирже, затем проводят ряд обменных операций, получая прибыль от скачков курсов криптовалют, а по окончании просто выводят всю криптовалюту в фиатные деньги через ту же обменную площадку. Получается, что реальных финансовых отношений между биржей и ее участниками как бы и нет. Однако прибыль получена. И налогом она облагаться не будет. По факту этот доход вообще находится вне правового поля и норм, которые в данный момент регулируют гражданско-правовые отношения. Возвращаясь к рассматриваемой проблеме и платформе, позволяющей продавать товары и услуги, можно выстроить концепцию ее работы. Рассмотрим ее на конкретном примере:

1. Заказчик приходит на платформу с конкретной целью – найти подрядчика на реализацию работ по постройке и отделке коттеджа;

2. Заказчик выбирает исполнителя работ, переводит на свой аккаунт определенную сумму в криптовалюте;

3. Исполнитель выполняет оговоренные условия работы, на его аккаунт поступают средства с аккаунта заказчика;

4. Исполнитель выводит криптовалюту с аккаунта биржи и распоряжается ей по собственному усмотрению, либо оставляет баланс аккаунта нетронутым для дальнейших операций по купле-продаже каких-либо товаров и услуг на той же платформе.

Конечно же, изложенная схема достаточно примитивна, но она отражает саму суть проблемы – расширение теневого сектора экономики на услуги и товары, не изъятые из

гражданского оборота, в котором основным платежным средством станут криптовалюты. И если появление и реализация подобных схем станет носить достаточно массовый характер, то ущерб, наносимый государственной финансовой системе, со временем можно будет назвать колоссальным. В данный момент есть несколько существенных сдерживающих факторов, которые играют против распространения подобных теневых финансовых схем:

1. Подавляющее большинство населения России имеет о криптовалютах очень поверхностное представление. Люди не понимают, как они работают, что вызывает скепсис и ставит под сомнение перспективу их использования как платежного средства;

2. Абсолютно все криптовалюты на данный момент обладают огромной волатильностью, что затрудняет ценообразование в рамках рассматриваемой проблемы и их оборот в качестве полноценного платежного средства.

Особого внимания заслуживает тот факт, что на данный момент у криптовалют нет никакого правового статуса. И знаковым прецедентом был факт признания криптовалюты имуществом, подлежащим реализации в рамках конкурсного производства при банкротстве физического лица. Данное решение 7 мая 2018 г. вынес Девятый арбитражный апелляционный суд [5]. Есть мнение, что радикально спектр подобных проблем решит запрет на оборот криптовалют в России. Запретить оборот криптовалют – значит отдалиться от технического прогресса, а ведь даже президент РФ – В.В. Путин в ходе встречи с представителями СМИ и главами информационных агентств 11 января 2018 г. высказывался по поводу необходимости развития цифровой экономики [4].

Запрет оборота криптовалют в качестве варианта решения рассматриваемой проблемы мы считаем категорически неприемлемым. А вот деаномизация оборота криптовалют, помещение сделок с ними в рамки правового поля, придание им конкретного законодательно закрепленного статуса, как и нормативное регулирование данной отрасли в целом, позволит избежать появления рассматриваемой проблемы на самой ранней стадии. И сделать это необходимо до того момента, как использование криптовалют в качестве платежных средств в России получит достаточно распространение.

Библиографические ссылки

1. Главный информационно-аналитический центр МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports /item/9338947/.
2. Полищук Н.И. Функциональная ценность принципа правовой определенности в нормотворческой политике государства // Правовое государство: теория и практика. № 4 (50). 2017. С. 115-121.
3. Потапов С.А. Проблемы выявления и раскрытия экономических и налоговых преступлений // Вестник ТГУ. № 4. 2015. С. 144.
4. URL: ttps://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201801112119-6sgu.htm.
5. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/05/07/768780-sud-priznal-kriptovalyutu.

References

1. Glavnyy informatsionno-analiticheskiy tsentr MVD RF (The main information and analytical center of the Ministry of Internal Affairs of Russia). URL: https://mvd.rf/reports /item/9338947/.
2. Polishchuk N.I. Funktsional'naya tsennost' printsipa pravovoy opredelennosti v nor-motvorcheskoy politike gosudarstva (Functional value of the principle of legal certainty in the normative-public policy of the state), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, No. 4 (50), 2017, pp. 115-121.
3. Potapov S.A. Problemy vyyavleniya i raskrytiya ekonomicheskikh i nalogovykh pre-stupleniy (Problems of detection and disclosure of economic and tax crimes), *Vestnik TGU*, No. 4, 2015, pp. 144.
4. URL: ttps://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201801112119-6sgu.htm.
5. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/05/07/768780-sud-priznal-kriptovalyutu.

Дата поступления: 28.05.2018 *Received: 28.05.2018*

УДК 346.51

«ОСОБЫЕ ЗОНЫ» КАК МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ

“SPECIAL ZONES” AS MECHANISMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

УСМАНОВА Резида Миняровна
доктор юридических наук, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала БашГУ, г. Стерлитамак, Россия.
E-mail: rezidausmanova@yandex.ru

USMANOVA Rezida Miniyrovna
Doctor of Law, Dean of the Law Faculty of the Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russia.
E-mail: rezidausmanova@yandex.ru

На территории субъектов РФ могут быть созданы «особые зоны». Цель создания этих зон – ускорение социально-экономического развития субъектов РФ путем установления особого режима предпринимательской деятельности. Имеются такие зоны, как: особая экономическая зона; зоны территориального развития; территория опережающего социально-экономического развития; территория свободного порта Владивосток. Отмечено, что принятию федеральных законов, регулирующих ту или иную «особую зону» предшествовали различные стратегии, концепции и прогнозы социально-экономического развития Российской Федерации. В работе рассмотрена практика функционирования некоторых «особых зон», и проанализирована правоприменительная деятельность органов прокуратуры, по выявлению существенных нарушений в данной области. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что глобальная цель всех зон едина – привлечение инвестиций в регион, поддержка социально-экономического развития субъектов РФ. В результате все это повлечет экономический рост, необходимый для обеспечения достойного уровня жизни населения.

Ключевые слова: субъекты РФ, закон, особая экономическая зона, зоны территориального развития, территория опережающего социально-экономического развития, экономическое развитие.

The article reveals the types of “special zones” that can be created within the territories of the Russian Federation. According to the law, the purpose of creating “special zones” is acceleration of socio-economic development of the constituent entity of the Russian Federation through establishing a special mode of business activity. The author reveals in detail such zones: a special economic zone; zones of territorial development; a priority social and economic development area; the free port of Vladivostok. It is noted that the adoption of Federal laws regulating a particular “special zone” was preceded by various strategies, concepts and forecasts of socio-economic development of the Russian Federation. The paper considers the practice of functioning of some “special zones”, and analyzes law enforcement activities of the Prosecutor's office to identify significant violations in this area. The analysis of the current legislation leads to the conclusion that the global goal of all zones is the same – to attract investments to the region, support socio-economic development of the Russian Federation. As a result, all this will entail the economic growth necessary to ensure a decent living standard for the population.

Key words: subjects of the Russian Federation, law, special economic zone, zones of territorial development, priority social and economic development area, economic development.

В России государственная политика направлена на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни. Это подтверждается принятием и разработкой различных документов, таких как: законов, концепций, стратегий, прогнозов, методических рекомендаций и т.д. Так, например,

в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, перечислены направления по экономическому росту как РФ в целом, так и отдельных регионов. В Концепции долгосрочного социально- экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., сформулированы: основные направления долгосрочного социально-экономического развития страны с учетом вызовов предстоящего периода; стратегия достижения поставленных целей, включая способы, направления и этапы; формы и механизмы стратегического партнерства государства, бизнеса и общества; цели, целевые индикаторы, приоритеты и основные задачи долгосрочной государственной политики в социальной сфере, в сфере науки и технологий, а также структурных преобразований в экономике; цели и приоритеты внешнеэкономической политики; параметры пространственного развития российской экономики, цели и задачи территориального развития.

Прогноз социально-экономического развития РФ до 2030 г. (от 03.2013), подготовленный Министерством экономического развития РФ, устанавливает, что в рамках модели полицентрического развития будут формироваться стратегически важные территории страны – макрорегионы, характеризуемые общностью как исходных природно-климатических и социально-экономических условий входящих в них субъектов Российской Федерации, так и перспектив экономического развития, направлений интеграции в мировую экономику.

В Федеральном законе от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определены документы по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития, субъектов Российской Федерации [1]. Субъекты РФ в рамках данного нормативного акта должны разрабатывать стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, государственные программы субъекта Российской Федерации. Так, например, в соответствии с требованиями законодательства о стратегическом планировании в Республике Башкортостан разработана Стратегия социально- экономического развития региона на период до 2030 г. Проект документа одобрен 13 декабря 2017 г. в рамках заседания Правительства Республики Башкортостан. Постановлением Правительства Ленинградской области от 18 сентября 2015 г. № 360 утвержден Прогноз социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2030 г., в котором предоставлены, к примеру, данные по инвестициям в основной капитал.

Примечательно, что во многих документах в качестве одного из направлений социально-экономического развития субъектов РФ выступают любые взаимовыгодные формы взаимодействия государства и бизнеса. Общими характеристиками такого взаимодействия являются: привлечение частных инвестиций; объединение материальных ресурсов государства и бизнеса; эффективное управление проектом; удовлетворение потребностей общества в качественных товарах и услугах; координация со стороны государства; долгосрочная основа взаимоотношений путем заключения соглашения или иного правоустанавливающего документа. И среди таких форм выделяются те, которые связаны с «особыми зонами», в них осуществляется особый режим предпринимательской деятельности. Например, государственная программа Иркутской области «Экономическое развитие и инновационная экономика» в качестве задач устанавливает создание благоприятного предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса, несмотря на то, что на территории региона уже расположена особая экономическая зона туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ) «Ворота Байкала» [2].

Мы в своих работах уже писали об особенностях тех или иных «особых зон» [3; 4]. В этой же работе хотелось бы остановиться на их роли в развитии социально-экономического положения в субъектах РФ. В литературе было отмечено о том, что особая экономическая зона выступает определенным механизмом, который позволяет развиваться в первую очередь регионам. Особая экономическая зона создается на территории субъекта Российской Федерации или территориях субъектов Российской Федерации. Так, Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [5] (далее ОЭЗ) под особой экономической зоной понимается часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый ре-

жим осуществления предпринимательской деятельности. В этой зоне действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции. Безусловно, идея создания ОЭЗ на территории субъекта РФ очень привлекательна. Так, Российская Федерация берет обязательства по финансированию создания объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иных инфраструктур особой экономической зоны. В свою очередь в субъекте РФ идет социально-экономическое развитие путем привлечения инвестиций, создание и развитие производств, основанных на новых технологиях, развитие транспортной инфраструктуры, туризма и санаторно-курортной сферы. Сокращается и безработица в регионе.

Например, решением Правительства России на Байкале – в Республике Бурятия и Иркутской области создана особая экономическая зона туристско-рекреационного типа, и в результате в регионе планомерно идет борьба с безработицей, удовлетворяется население в высококачественных услугах. Как пишет, Т.Ю. Бубаева создание ОЭЗ на Байкале позволяет местному населению иметь стабильную работу, а материальная обеспеченность позволяет достойно жить и само реализовываться [6]. Например, «за время существования ОЭЗ по состоянию на конец 2014 г. на территориях всех ОЭЗ создано 13 608 рабочих мест» [7]. В результате создания ОЭЗ получает свое развитие определенная отрасль в регионе, так инвестируется конкретная отрасль. Развитие отрасли приведет к развитию и самого субъекта. Верно, отмечено Н.А. Илющенко: «в течение первых 3-5 лет заметных бюджетных эффектов от особой экономической зоны на региональном уровне не возникает. Однако сразу же появляются другие позитивные результаты: улучшается имидж региона, появляются новые рабочие места, увеличиваются инвестиции» [8]. Однако, несмотря на положительные и привлекательные в экономическом плане стороны, тем не менее, на практике имеются и отрицательные моменты. Так, Генеральная прокуратура РФ в ходе проверки соблюдения законности в особых экономических зонах (ОЭЗ) выявила многочисленные факты нарушений. В частности, не всегда своевременно проводятся мероприятия по возведению в особых экономических зонах объектов инженерной, транспортной, инновационной и иной инфраструктуры. В ряде случаев не создаются все необходимые условия для привлечения в образованные зоны финансовых инвестиций предпринимателей. Так, за два года деятельности особой экономической зоны технического назначения, расположенной на территории Москвы, зарегистрировано всего 11 предпринимателей, инвестировавших средства в ее развитие. При этом свою деятельность непосредственно на территории самой особой экономической зоны осуществляет только один из них. Остальные предприниматели ведут экономическую деятельность вне ОЭЗ. Аналогичная ситуация наблюдается и в особой экономической зоне технического назначения, созданной на территории Томска [9].

Особо следует обратить внимание в плане развития субъектов РФ и зонам территориального развития. Федеральный закон от 03 декабря 2011г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] (далее ЗТР) устанавливает, что ЗТР создается в целях ускорения социально-экономического развития субъекта Российской Федерации путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику, и где резидентам зоны территориального развития предоставляются меры государственной поддержки. В самом законе уже определена цель создания таких зон – осуществление государственной поддержки субъектам, путем привлечения инвестиций в субъект. При этом устанавливаются следующие меры такой государственной поддержки, о которых пишет и О.А. Попова: 1) предоставление бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации для реализации в зоне территориального развития инвестиционных проектов с участием резидентов; 2) создание объектов капитального строительства в области энергетики, транспорта, находящихся в государственной собственности Российской Федерации и необходимых для осуществления резидентами предпринимательской и иной экономической деятельности; 3) предоставление резидентам в аренду земельных участков из состава земель,

которые находятся в государственной или муниципальной собственности либо государственная собственность на которые не разграничена, в границах зоны территориального развития; 4) предоставление налоговых льгот и инвестиционного налогового кредита резидентам в соответствии с законодательством о налогах и сборах [11]. Также помимо этого могут предоставляться государственные гарантии Российской Федерации по кредитам, привлекаемым юридическими лицами, в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации, и предоставляться из федерального бюджета субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации в целях поддержки предпринимательской и иной экономической деятельности, осуществляемой юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

Ввиду особой значимости для РФ, Постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2016 г. № 1415 «Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития» утвержден перечень субъектов, где четко определено, что ЗТР создается в целях ускорения социально-экономического развития субъекта РФ. При этом утверждается стратегия социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочную перспективу, в котором определяются цели, приоритеты социально-экономической политики и задачи социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочную перспективу. Немаловажный интерес представляет собой и территория опережающего социально-экономического развития. В соответствии с Федеральным законом от 29 января 2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [12] территория опережающего социально-экономического развития (далее по тексту ТОСЭР) создается в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения. Анализ нормативного материала показывает, что ТОСЭР создается с целью развития предпринимательства, создания новых рабочих мест, комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения. ТОСЭР может создаваться и как мера государственной поддержки монопрофильным муниципальным образованиям, в целях содействия развитию моногородов, созданию новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих организаций, формированию условий для достижения моногородами стабильной социально-экономической ситуации.

При этом развитие муниципального образования повлечет за собой и благоприятный климат во всем регионе. Так, например, В Республике Башкортостан Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1550 создана территория опережающего социально-экономического развития «Кумертау», где уже ведется работа по привлечению резидентов ТОСЭР. Первый резидент ТОСЭР «Кумертау» – ООО «Элеватор» (строительство маслоэкстракционного завода) 18 апреля 2017 г. включен в реестр резидентов ТОСЭР, формируемый Минэкономразвития России. А 1 июня 2017 г. в него были включены сведения еще о двух резидентах ТОСЭР «Кумертау» ООО «ОЙЛТИММАШ» (создание производства нефтепромыслового оборудования) и ООО «Башинком 1» (организация производства минеральных удобрений). Реализация этих проектов позволит привлечь порядка 2 млрд руб. инвестиций и создать около 1,5 тыс. новых рабочих мест. Тем не менее, анализ функционирования ТОСЭР показывает и определенные нарушения в отношении резидентов территорий опережающего социально-экономического развития. Так, прокуратурой Приморского края выявлены нарушения закона в деятельности органов контроля (надзора), связанные с проведением проверок в отношении резидентов без согласования с Министерством РФ по развитию Дальнего Востока, и с превышением допустимых сроков таких проверок [13]. В Амурской области выявлен факт проведения Государственной инспекцией труда проверок также с нарушением закона [14]. В некоторых случаях нарушения связаны со сроками проведения конкурсных процедур и заключения государственных контрактов на строительство объектов дорожной и коммунальной инфраструктуры территорий опережающего социально-экономического развития.

Помимо этого, имеются и другие зоны, цель создания которых развитие тех или иных территорий. Так, например, в Федеральном законе от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [15], четко прописано, что одной из целью данного закона является

ускорение социально-экономического развития территории свободного порта Владивосток и повышение уровня жизни населения, проживающего на территории Дальнего Востока. В гл. 4 закона перечислены меры государственной поддержки предпринимательской деятельности на территории свободного порта Владивосток. Но, несмотря на закрепление в данной главе этих мер, имеются определенные нарушения, факты принятия решений об отказе в предоставлении резидентам испрашиваемых земельных участков в отсутствие предусмотренных законом оснований, несвоевременного рассмотрения заявлений резидентов о предоставлении земельных участков в аренду [13]. Как видим, глобальная цель всех зон едина – привлечение инвестиций в регион, поддержка социально-экономического развития субъектов РФ. В результате все это повлечет экономический рост, необходимый для обеспечения достойного уровня жизни населения.

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014 г. № 26 (часть I). Ст. 3378.
2. Постановление Правительства Иркутской области от 23.10.2014 № 518-пп «Об утверждении государственной программы Иркутской области «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2015–2020 годы» // Областная. 2014. 7 нояб.
3. Усманова Р.М. Создание территорий опережающего социально-экономического развития как мера государственной поддержки муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 54-57.
4. Усманова Р.М., Усманов А.К. Создание «особых зон» как мера по улучшению уровня жизни населения муниципального образования // Право и практика. 2017. № 3. С. 13-20.
5. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127
6. Бубаева Т.Ю. Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа в Байкальском регионе: проблемы становления и эффективность функционирования // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 4 (24). С 176.
7. Емец М.И., Пургин А.С. Сравнительный анализ инструментов региональной политики РФ: особые экономические зоны, зоны территориального развития и территории опережающего социально-экономического развития // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2015. № 4.
8. Илющенко Н.А. Проблемы и перспективы особых экономических зон как формы государственно-частного партнерства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5. Экономика. № 5.
9. Генпрокуратура выявила многочисленные нарушения в ОЭЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.ufa.kp.ru/daily/24163/376650/ (дата обращения: 06.02.2018).
10. Федеральный закон от 03 декабря 2011г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.2011.№ 49 (ч. 5). Ст. 7070.
11. Попова О.А. Территории опережающего развития как фактор роста // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 8 (111). С. 116-120.
12. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 26.
13. Прокуратурой края проанализированы результаты плановой проверки соблюдения законодательства о территориях опережающего социально-экономического развития и о свободном порте Владивосток [Электронный ресурс]. URL: http://prosecutor.ru/news/2017-07-12-prokuraturoy-kraya.htm (дата обращения: 06.02.2018).
14. Прокуратура Амурской области информирует о результатах проверки соблюдения прав резидентов территорий опережающего социально-экономического развития при осуществлении государственного контроля (надзора) [Электронный ресурс]. URL: https://procrf.ru/news/547411-prokuratura-amurskoy-oblasti-informiruet.html (дата обращения: 06.02.2018).
15. Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4338.

References

1. Federal'nyi zakon ot 28 iyunya 2014 g. «O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii» (Federal Law of June 28, 2014 “On Strategic Planning in the Russian Federation”), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2014, No. 26 (chast' I), St. 3378.
2. Postanovlenie Pravitel'stva Irkutskoi oblasti ot 23.10.2014 No. 518-pp «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Irkutskoi oblasti «Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika» na 2015–2020 gody» (Decree of the Government of the Irkutsk Region dated 23.10.2014 No. 518-pp “On the Approval of the State Program of the Irkutsk Region “Economic Development and Innovative Economy” for 2015-2020”), *Oblastnaya*, 2014, 7 noyab.
3. Usmanova R.M. Sozdanie territorii operezhayushchego sotsial'noekonomicheskogo razvitiya kak mera gosudarstvennoi podderzhki munitsipal'nykh obrazovanii (Creation of Priority Socio-Economic Development Areas as a Measure of State Support for Municipalities), *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, No. 6, pp. 54-57.
4. Usmanova R.M., Usmanov A.K. Sozdanie «osobykh zon» kak mera po uluchsheniyu urovnya zhizni naseleniya munitsipal'nogo obrazovaniya (Creation of “Special Zones” As a Measure to Improve the Standard of Living of the Population of the Municipality), *Pravo i praktika*, 2017, No. 3, pp. 13-20.
5. Federal'nyi zakon ot 22 iyulya 2005 g. No. 116-FZ «Ob osobykh ekonomicheskikh zonakh v Rossiiskoi Federatsii» (Federal Law of July 22, 2005 No. 116-FZ “On Special Economic Zones in the Russian Federation”), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2005, No. 30 (ch. II), St. 3127
6. Bubaeva T.Yu. Osobye ekonomicheskie zony turistsko-rekreatsionnogo tipa v Baikal'skom regione: problemy stanovleniya i effektivnost' funktsionirovaniya (Special Economic Zones of Tourist-Recreational Type in the Baikal Region: Problems of Formation and Efficiency of Functioning), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2013, No. 4 (24), pp. 176.
7. Emets M.I., Purgin A.S. Sravnitel'nyi analiz instrumentov regional'noi politiki RF: osobye ekonomicheskie zony, zony territorial'nogo razvitiya i territorii operezhayu-shchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (Comparative Analysis of Instruments of Regional Policy of the Russian Federation: Special Economic Zones, Zones of Territorial Development and Priority Social and Economic Development Areas), *EGO: Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo*, 2015, No. 4.
8. Ilyushchenko N.A. Problemy i perspektivy osobykh ekonomicheskikh zon kak formy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva (Problems and Prospects of Special Economic Zones as Forms of Public-Private Partnership), *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya 5, Ekonomika, No. 5.
9. Genprokuratura vyyavila mnogochislennye narusheniya v OEZ (The Prosecutor General's Office Revealed Numerous Violations in the SEZ). URL: https://www.ufa.kp.ru/daily/24163/376650/ (accessed date: 06.02.2018).
10. Federal'nyi zakon ot 03 dekabrya 2011g. No. 392-FZ «O zonakh territorial'nogo razvitiya v Rossiiskoi Federatsii i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» (Federal Law of December 03, 2011. No. 392-FZ “On Territorial Development Zones in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation”), *Sobranie zakonodatel'stva RF*.2011, No. 49 (ch. 5), St. 7070.
11. Popova O.A. Territorii operezhayushchego razvitiya kak faktor rosta (Areas of Priority Development as a Growth Factor), *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 8 (111), pp. 116-120.
12. Federal'nyi zakon ot 29.12.2014 No. 473-FZ «O territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiiskoi Federatsii» (Federal Law No. 473-FZ of December 29, 2014 “On the Priority Social and Economic Development Areas in the Russian Federation”), *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2015. No. 1 (chast' I). St. 26.
13. Prokuraturoi kraya proanalizirovany rezul'taty planovoi proverki soblyudeniya zako-nodatel'stva o territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i o svobod-nom porte Vladivostok (The Prosecutor's Office of the Krai has Analyzed the Results of a Planned Audit of Compliance with the Legislation on the Priority Social and Economic Development Areas and on the Free Port of Vladivostok). URL: http://prosecutor.ru/news/2017-07-12-prokuraturoy-kraya.htm (accessed date: 06.02.2018).

14. Prokuratura Amurskoi oblasti informiruet o rezul'tatakh proverki soblyudeniya prav rezidentov territorii operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) (The Prosecutor's Office of the Amur Region Informs about the Results of the Verification of Securing the Rights of Residents of the Priority Social and Economic Development Areas while Exercising State Control (Supervision). URL: https://procrf.ru/news/547411-prokuratura-amurskoy-oblasti-informiruet.html (accessed date: 06.02.2018).
15. Federal'nyi zakon ot 13.07.2015 No. 212-FZ «O svobodnom porte Vladivostok» (Federal Law No. 212-FZ of July 13, 2015 "On the Free Port of Vladivostok"), *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2015. No. 29 (chast' I). St. 4338.

Дата поступления: 22.05.2018 *Received: 22.05.2018*

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 349.6

О КОНСТРУКЦИЯХ САНКЦИЙ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ON THE FRAMEWORKS OF ENVIRONMENTAL LAW RESPONSIBILITY SANCTIONS

ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич
доктор юридических наук, профессор, профессор департамента магистратуры Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, Россия.
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

LIPINSKY Dmitry Anatolyevich
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Togliatti State University Tolyatti, Russia. E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Санкции эколого-правовой ответственности являются одним из средств предупреждения экологических правонарушений и стимулирования правомерного поведения в сфере экологических отношений. Для назначения наказания и применения мер поощрения необходимы совершенные с точки зрения юридической техники санкции. Речь идет о санкции комплексного института эколого-правовой ответственности. Определение ответственности, исходя из широких позиций, включающих позитивный и негативный аспекты реализации, позволяет выделить не только санкции наказательного, но и поощрительного характера. Анализ альтернативных и иных санкций эколого-правовой ответственности позволяет выявить типичные недостатки, вызванные «увлеченностью» законодателя альтернативностью, позволяет разработать оптимальную структуру альтернативной санкции. Все это способствует совершенствованию законодательства.

Sanctions of environmental law responsibility are one of the means to prevent environmental violations and to encourage legitimate behavior in the sphere of environmental relations. For just sentencing and for applying incentive measures, legal sanctions committed in terms of legal technology are required. The author analyzes the sanctions of the complex institute of environmental law responsibility. The author's definition of responsibility on the basis of broad positions, including positive and negative aspects of implementation, calls for not only punitive but also encouraging sanctions. The paper analyzes alternative and other sanctions of environmental law responsibility, notes typical shortcomings, which include excessive "enthusiasm" of the legislator's alternatives, and develops the optimal structure for alternative sanctions. The article contains recommendations aimed at improving the current legislation.

Ключевые слова: эколого-правовая ответственность; альтернативные санкции; виды санкций; экологическое правонарушение; поощрительные санкции; наказательные санкции.

Key words: environmental law responsibility; alternative sanctions; types of sanctions; environmental offense; incentive sanctions; punitive sanctions.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект № 17-03-00022 ОГН «Альтернативные санкции в механизме реализации дифференциации и индивидуализации юридической ответственности»

Эколого-правовые санкции являются одним из структурных элементов эколого-правовой ответственности, выступая средством обеспечения ее предписаний, а также выполняющие функции восстановления, предупреждения, регулирования, кары и воспитания. Поэтому прежде чем перейти к особенностям конструкций санкций эколого-правовой ответственности необходимо остановиться на понятии «эколого-правовая ответственность». Мы употребляем термин именно «эколого-правовая ответственность», а не «экологическая ответственность», так как последнюю рассматривают в литературе не как вид юридической ответственности, а как особую разновидность моральной ответственности [1].

Анализ нормативной основы эколого-правовой ответственности показывает, что в экологическом законодательстве нет санкций, предусматривающих меры наказаний для лиц, совершивших экологические правонарушения. Такие юридико-технические конструкции обусловлены тем, что нормы экологического права охраняются от нарушений при помощи норм, содержащихся в Кодексе об административных правонарушениях РФ и в Уголовном кодексе РФ. Кроме того, возмещение материального вреда помимо существующих такс возможно и на основе норм Гражданского кодекса РФ. В системе юридической ответственности существуют не только отраслевые институты, но и межотраслевые, которые носят комплексный характер. К межотраслевой разновидности относится и институт эколого-правовой ответственности [2]. Нормативные правовые акты, регулирующие экологические отношения содержат отсылочные нормы к Уголовному кодексу, Кодексу об административных правонарушениях. Так в ч. 1 ст. 68 Водного кодекса указано: «лица виновные в нарушении водного законодательства, несут административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». Из части второй указанной статьи вытекает, что они могут быть привлечены и к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения причиненного вреда. Аналогичная формулировка содержится в ст. 55 ФЗ РФ от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» [3]. В Федеральном законе РФ от 21.02.1992 г. № 2395 ФЗ «О недрах» закреплено: «Лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации о недрах, несут административную, уголовную ответственность, в порядке, установленном законодательстве Российской Федерации» [4]. Можно и дальше приводить аналогичные примеры из экологического законодательства, но все они содержат однотипные формулировки и бланкетные нормы, отсылающие к уголовному, административному и гражданскому законодательству. В период с 1990 по 2001 гг. в системе права начал формироваться вполне самостоятельный институт эколого-правовой ответственности, так как федеральные законы, составляющие экологическое законодательство содержали самостоятельные нормы об ответственности за экологические правонарушения, включающие все три элемента (гипотезу, диспозицию и санкцию). Однако Федеральным законом от 26 декабря 2001 г. № 256-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [5] они были признаны утратившими силу (ст. 2 названного закона), так как законодатель систематизировал их в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Таким образом, отраслевой институт эколого-правовой ответственности трансформировался в межотраслевой институт права.

Для целей исследования необходимо проанализировать санкции за совершения экологических правонарушений, которые предусмотрены КоАП РФ. В КоАП РФ восьмая глава посвящена экологическим правонарушения (административные правонарушения в области

охраны окружающей среды и природопользования). Она включает 52 статьи, большая часть которых обладает квалифицированными и особо квалифицированными признаками и соответственно, содержит самостоятельные санкции. Анализ санкций за экологические правонарушения показывает, что только три санкции содержат альтернативу штрафу в виде предупреждения; в девяти санкциях в качестве альтернативы штрафу предусмотрено административное приостановление деятельности для специальных субъектов (индивидуальных предпринимателей и юридических лиц); в десяти санкциях закреплено дополнительное альтернативное наказание в виде конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения; за два состава правонарушения в качестве дополнительного альтернативного наказания, усиливающего штраф, предусмотрено лишение специального права. Таким образом, преобладающим административным наказанием выступает штраф, а другие меры административного наказания законодатель в данной главе практически не использует.

В этой связи можно указать на некоторую увлеченность законодателем наказанием в виде штрафа, тогда как за ряд административных правонарушений, совершаемых как гражданами, так и специальными субъектами в качестве альтернативного наказания можно было бы закрепить и предупреждение. Административное наказание направлено на достижение целей кары, предупреждения, восстановления и воспитания. Санкции, предусматривающие штрафы необходимы в той мере, в которой они обеспечивают интересы государства и общества. Отсутствие в большинстве санкций альтернатив штрафу приводит нас к выводу, что законодатель использует данный инструмент как одно из средств пополнения бюджета. Тем более что привлечение виновного лица к административной или уголовной ответственности не освобождает его от обязанности загладить причиненный вред на основе существующих таксовых расценок, установленных многочисленными Постановлениями Правительства Российской Федерации. Например, ущерб лесному хозяйству возмещается в соответствии с постановлением Правительства РФ от 8 мая 2007 г. № 273 «Об исчислении размера вреда, причинённого лесам вследствие нарушения лесного законодательства» [6]. Таксы есть, ни что иное как денежные суммы, которые правонарушитель обязан уплатить, возмещая вред, причинённый различным предметам природного мира. Они не носят альтернативного характера, что вытекает из самих особенностей имущественной ответственности.

Наличие системы такс, направленных на возмещение вреда, причиненных объектам природного мира позволила некоторым ученым считать «таксовую ответственность» самостоятельным видом юридической ответственности [7; 8]. По нашему мнению, то, что называют «таксовой ответственностью» является разновидностью гражданско-правовой ответственности, в которой часть норм представляет собой публичный срез гражданско-правового регулирования общественных отношений. Косвенно признают это и сами авторы отнесения «таксовой ответственности» к самостоятельному виду юридической ответственности. Так, В.К. Быковский, определившись с тем, что «таксовая ответственность» является самостоятельным видом юридической ответственности, буквально через несколько страниц пишет, что «таксовая ответственность» возникает на основе норм гражданского законодательства, но обладает значительной спецификой» [8, с. 490].

Мы уже отмечали, что часть норм уголовного права входит в структуру комплексного института уголовно-правовой ответственности, они сформулированы в гл. 26 (экологические преступления), которая насчитывает восемнадцать статей. Только пять статей состоят из одной части, а остальные предусматривают квалифицированные виды преступлений. Анализ санкций за основные составы преступлений показывает, что шесть видов альтернативных наказаний предусмотрено в одной санкции, пять видов наказаний в девяти санкциях, четыре вида наказания в семи санкциях и три вида наказания в одной санкции. При этом многие санкции еще усложнены альтернативой в виде дополнительного наказания, когда правоприменителю необходимо принять решение назначать или отказаться от назначения дополнительного наказания. Складывается впечатление, что законодатель решил чрезмерно усложнить деятельность правоприменителя и непреднамеренно создал условия, которые могут способствовать различным проявлениям коррупции. В альтернативных санкциях, которые предусматривают наказания за

экологические преступления, законодатель перечисляет штраф, исправительные работы, обязательные работы, принудительные работы, ограничение свободы, лишение свободы, В ряде случаев в качестве альтернативы лишению свободы предусматривает арест, который в настоящее время не применяется. Кроме того, в качестве дополнительной альтернативы указывает на лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью. Санкции за совершение экологических преступлений сложны по своей конструкции. Следует указать и на особенность формулирования штрафа, когда в рамках одного вида наказания предлагается выбрать альтернативу его исчисления, в определённой сумме (в рамках относительно-определенного размера) или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за относительно-определенный период. Если сравнивать конструкции альтернативных санкций за экологические преступления, предусмотренные УК РФ с конструкциями, которые предусмотрены за совершение экологический правонарушений, которые закреплены в КоАП РФ, то можно обнаружить две своеобразные крайности, когда в КоАП РФ законодатель практически не использует альтернативные санкции, считая штраф чуть ли не единственным видом административного наказания, а в УК РФ наблюдается чрезмерная альтернативность. Между тем ученые справедливо указывают, что наиболее оптимальной является конструкция альтернативной санкции, когда в ней указано не более трех видов наказаний, а в исключительных случаях не более четырех [9, с. 82; 10, с. 124; 11, с. 134].

Проведенный анализ уголовного законодательства ряда зарубежных стран с низким уровнем коррупции показывает, что альтернативные санкции в нем либо вообще не используются, либо количество наказаний, сформулированных в альтернативной санкции, не превышает трех [12; 13; 14; 15; 16]. Мы не считаем необходимым отказаться в целом от альтернативных санкций в уголовном законодательстве, но и использовать более трех видов наказаний в ее конструкции не считаем целесообразным, а также верным точки зрения юридической техники. Некоторые ученые придерживаются противоположной позиции, полагая, что таким образом происходит усиление ответственности, а диапазон наказаний в одной санкции от штрафа до лишения свободы обусловлен необходимостью «усиления» ответственности за совершение экологических правонарушений. Так, В.И. Баршинов отмечает, что необходимо «ужесточить наказания за предусмотренные УК РФ и КоАП РФ экологические преступления и проступки, что обеспечит большее мотивационной воздействие норм, содержащихся в указанных источниках права» [17, с. 12]. Известно, что жесткие наказания не являются панацеей в достижении целей юридической ответственности в целом и целей санкций в частности. Помимо санкций наказательного характера должны быть предусмотрены и поощрительные санкции.

Мы не случайно назвали научную статью: «О конструкциях санкций эколого-правовой ответственности», а не «О конструкции санкций за совершение экологических правонарушений», так как санкции позитивного (поощрительного) характера предусмотрены и за совершение правомерного и заслуженного поведения, которое является одной из форм реализации позитивной юридической ответственности. В своих работах мы неоднократно обосновывали юридический характер позитивной ответственности и наличие поощрительных санкций, поэтому в настоящей работе не акцентируем на этом внимание, а обратимся к анализу конструкций поощрительных санкций эколого-правовой ответственности.

В ст. 16.3 Федерального закона РФ от 10 января 2017 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [18] определяется порядок исчисления платы за негативное воздействие на окружающую среду при этом коэффициент оплаты может быть от 0 до 100 в зависимости от внедрения наилучших доступных технологий, снижающих негативное влияние на окружающую природную среду. Как следует из ч. 5 указанной статьи сделано это «в целях стимулирования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих хозяйственную и (или) иную деятельность, к проведению мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду и внедрению наилучших доступных технологий». В ст. 16.3 сформулирована классическая альтернативная поощрительная санкция, наилучшая альтернативность которой зависит от действий самого хозяйствующего субъекта. В данном случае наблюдается прямая зависимость: чем позитивнее будут действия субъекта, тем больший

объем благоприятного воздействия будет к нему осуществлен. Обращает на себя внимание и ст. 17 указанного закона, посвященная государственной поддержке хозяйственной или иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды. Статья содержит рамочные альтернативные санкции:

- содействие в осуществлении инвестиционной деятельности, направленной на внедрение наилучших доступных технологий и реализацию иных мер по снижению негативного воздействия на окружающую среду;
- содействие в осуществлении образовательной деятельности в области охраны окружающей среды и оказании информационной поддержки мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду;
- содействие в осуществлении использования возобновляемых источников энергии, вторичных ресурсов, разработке новых методов контроля за загрязнением окружающей среды и реализацией иных эффективных мер по охране окружающей среды в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В ч. 3 ст. 17 указываются формы государственной поддержки:

- предоставления налоговых льгот в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах;
- предоставления льгот в отношении платы за негативное воздействие на окружающую среду, в порядке, установленном настоящим Федеральным законом и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами Российской Федерации;
- выделения средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации.

Формы государственной поддержки изложены как альтернативные и сформулированы по типу бланкетных, так как для уяснения конкретного размера благоприятных последствий необходимо обращаться к иным нормативным правовым актам, что еще раз подчеркивает комплексный и межотраслевой характер эколого-правовой ответственности.

Федеральных закон РФ «Об охране окружающей среды» сложно назвать совершенным, несмотря на наличие в нем поощрительных альтернативных санкций, которые позволяют индивидуализировать позитивную эколого-правовую ответственность. Наша позиция основана на том, что рамочный закон должен ориентировать и на закрепление поощрительных санкций, применяемых к обычным гражданам. Анализ же данного нормативного правового акта показывает, что он стимулирует только правомерное поведение юридических лиц и предпринимателей (без образования юридического лица). Поэтому «согласно правилам законодательной техники и сложившимся правовым традициям меры поощрения в нормативном правовом акте всегда формулируют после глав, разделов или статей, посвященных ответственности за правонарушение. Указанный выше федеральный закон не содержит главы, определяющей поощрения за правомерную деятельность граждан и юридических лиц. В нем есть только глава XIV, которая посвящена ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды и разрешению споров в области охраны окружающей среды. Думается, что данный закон необходимо дополнить главой XIV[1], в которой бы закреплялись меры поощрения за охрану окружающей среды. Ввиду того, что сам закон носит рамочный характер положения о поощрениях необходимо развивать в иных федеральных законах, посвященных охране природных комплексов и отдельных природных объектов. Причем поощрительные санкции следует устанавливать дифференцированно, чтобы правоприменителю можно было проводить индивидуализацию позитивной эколого-правовой ответственности субъекта. Поэтому перечень поощрительных санкций должен быть альтернативным, а также необходимо определить сами основания применения той или иной поощрительной санкции, чтобы минимизировать долю усмотрения правоприменителя и индивидуализировать позитивную эколого-правовую ответственность» [2, с. 85].

Как уже указывалось, ФЗ РФ ««Об охране окружающей среды» носит рамочный характер, а многочисленными законами устанавливаются особенности охраны самых разнообразных объектов и предметов окружающего нас мира. В Федеральном законе РФ от 24 апреля 1995 г.

№ 52-ФЗ «О животном мире» [19] устанавливаются правила экономического стимулирования охраны, воспроизводства и устойчивого использования объектов животного мира, которое включает установление налоговых и иных льгот; предоставление льготных кредитов на выполнение работ по охране и воспроизводству объектов животного мира; премирование должностных лиц и граждан, осуществляющих охрану животного мира за выявленные нарушения законодательства Российской Федерации об охране использования животного мира (ст. 54).

Законодатель перечисляет альтернативные санкции, которые могут быть применены к субъектам, но сама конструкция поощрительной санкции усложнена тем, что для ее уяснения необходимо обращаться к иным отраслям законодательства. Так, в последней части ст. 54 указывается, что «действие системы экономического стимулирования обеспечивается специальным законодательством Российской Федерации. При этом не раскрывается, что же необходимо понимать под «специальным законодательством Российской Федерации», когда речь идет о налоговых льготах, то логично предположить, что к специальному законодательству в данном случае относится Налоговый кодекс РФ. В остальных случаев налицо наличие правовой неопределённости, на недопустимость которых в текстах нормативных правовых актов неоднократно указывалось в юридической литературе. Складывается впечатление, что законодатель при конструировании альтернативных поощрительных санкций допускает типичные конструктивные ошибки, что и в законодательных формулировках, указывающих на негативную ответственность. Например, в нормативных правовых актах часто можно встретить следующее: «влечет ответственность в соответствии с законодательством» или «за нарушение... наступает ответственность в соответствии с законодательством», вот только каким законодательством остается не ясным, а часто не только для простого гражданина, но и для субъекта обладающего специальными знаниями.

Итак, в завершении статьи считаем необходимым сделать ряд выводов.

1. Сравнительно-правовой анализ санкций за экологические правонарушения, предусмотренные КоАП РФ и экологические преступления, закрепленные в УК РФ, показывает две противоположные конструкции санкций. В КоАП практически не используются альтернативные санкции, а преобладающим видом наказания является штраф. В главе УК РФ, посвященной экологическим преступлениям, наблюдается чрезмерная альтернативность, которая в итоге затрудняет выбор наиболее целесообразного наказания, а также может выступать одним из факторов, который будет способствовать различным проявлениям коррупции.

2. В Федеральном законе РФ «Об охране окружающей среды» необходимо предусмотреть нормы, стимулирующие позитивное эколого-правовое поведение граждан, так как в нем закреплены только поощрительные нормы, направленные на стимулирование правомерного поведения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Библиографические ссылки

1. Цветкова И.В., Иванова Т.Н. Социальные критерии экологической ответственности молодежи // Интеграция образования. 2017. Т. 21. С. 14-32.
2. Липинский Д.А. О правовой политике в сфере дифференциации и индивидуализации эколого-правовой ответственности // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4. С. 42-48.
3. Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст.1462.
4. Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823.
5. Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 2.
6. Собрание законодательства РФ. 2007. № 20. Ст. 2437.
7. Нарышева Н.Г. Понятие и сущность таксовой ответственности за нарушение законодательства о природных ресурсах // Государство и право. 1997. № 10. С. 43-47.
8. Быковский В.К. Таксовая ответственность за нарушение лесного законодательства // Lex Russica. 2011. № 3. С. 489-490.

9. Кокунов А.И. Технико-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1. С. 80-85.
10. Тихонова С.С., Кисилева И.В., Фроловичев Я.В. Длина альтернативной санкции статьи особенной части Уголовного кодекса: теория и законотворческая практика // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 4 (36). С. 124-128.
11. Тихонова С.С., Кисилева И.А., Фроловичев Я.В. Модель санкции за преступления определенной категории: теория и законодательная практика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 131-134.
12. Уголовный кодекс Франции. Спб. : Юридический центр Пресс, 2002.
13. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. Спб. : Юридический центр Пресс, 2003.
14. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. Спб. : Юридический центр Пресс, 2003.
15. Уголовный кодекс Бельгии. Спб. : Юридический центр Пресс, 2003.
16. Уголовное законодательство Норвегии. Спб. : Юридический центр Пресс, 2003.
17. Баршинов В.И. Правовое регулирование стимулирования охраны окружающей среды : автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2009.
18. Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
19. Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

References

1. Tsvetkova I.V., Ivanova T.N. Sotsial'nyye kriterii ekologicheskoy otvetstvennosti molodezhi (Social criteria of environmental responsibility of youth), *Integratsiya obrazovaniya*, 2017, T. 21, pp. 14-32.
2. Lipinskiy D.A. O pravovoy politike v sfere differentsiatsii i individualizatsii ekologo-pravovoy otvetstvennosti (On the legal policy in the sphere of differentiation and individualization of environmental and legal responsibility), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, No. 4, pp. 42-48.
3. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of legislation of the Russian Federation). 1995. No. 17. St.1462.
4. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of legislation of the Russian Federation). 1995. No. 10. St. 823.
5. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of legislation of the Russian Federation). 2002. No. 1. St. 2.
6. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of legislation of the Russian Federation). 2007. No. 20. St. 2437.
7. Narysheva N.G. Ponyatiye i sushchnost' taksovoy otvetstvennosti za narusheniye zakonodatel'stva o prirodnykh resursakh (The concept and essence of tax liability for the violation of legislation on natural resources), *Gosudarstvo i pravo*, 1997, No. 10, pp. 43-47.
8. Bykovskiy V.K. Taksovaya otvetstvennost' za narusheniye lesnogo zakonodatel'stva (Tax liability for violation of forest legislation), *Lex Russica*, 2011, No. 3, pp. 489-490.
9. Kokunov A.I. Tekhniko-yuridicheskoye konstruirovaniye yedinichnykh i al'ternativnykh sanktsiy v kodifitsirovannom ugolovnom zakone: postanovka problemy (Technical and legal design of single and alternative sanctions in the codified criminal law: statement of the problem), *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2016, No. 1, pp. 80-85.
10. Tikhonova S.S., Kisileva I.V., Frolovichev YA.V. Dlina al'ternativnoy sanktsii stat'i osobennoy chasti Ugolovnogo kodeksa: teoriya i zakonotvorcheskaya praktika (The length of the alternative sanction of the article of a special part of the Criminal Code: theory and lawmaking practice), *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, 2014, No. 4 (36), pp.. 124-128.
11. Tikhonova S.S., Kisileva I.A., Frolovichev Ya.V. Model' sanktsii za prestupleniya opredelennoy kategorii: teoriya i zakonodatel'naya praktika (The model of sanction for crimes of a certain category: theory and legislative practice), *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Yuridicheskiye nauki, 2014, No. 2 (17), pp. 131-134.
12. Ugolovnyy kodeks Frantsii (The Criminal Code of France). St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2002.

13. Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya (The Criminal Code of the Federal Republic of Germany). St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2003.
14. Ugolovnyy kodeks Respubliki San-Marino (The Criminal Code of the Republic of San Marino). St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2003.
15. 1Ugolovnyy kodeks Bel'gii (The Criminal Code of Belgium). St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2003.
16. Ugolovnoye zakonodatel'stvo Norvegii (The criminal legislation of Norway). St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2003.
17. Barshinov V.I. Pravovoye regulirovaniye stimulirovaniya okhrany okruzhayushchey sredy (Legal regulation of the stimulation of environmental protection), avtoref. dis. …kand. yurid. nauk. Moscow, 2009.
18. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of legislation of the Russian Federation). 2002. No. 2. St. 133.
19. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of legislation of the Russian Federation). 1995. No.17. St. 1462.

Дата поступления: 20.06.2018 *Received: 20.06.2018*

УДК 341+349.6

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В СИСТЕМУ РОССИЙСКОГО ПРАВА

МУСТАФИН Ильмир Ралифович
ассистент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: ilm67228749@yandex.ru

Развитие России по пути формирования правового и демократического государства невозможно без изучения государственного строительства за рубежом, а также специфики национальных правовых систем. Сегодня правовые системы различных государств тесное взаимодействуют и одним из средств такого взаимодействия выступает категория «имплементация». 2017 г. в России в соответствии с Указом Президента РФ объявлен Годом экологии. Проблемы экологии и охраны окружающей среды носят глобальный характер, так как природная среда является основой жизни на Земле. В связи с данным обстоятельством, вопрос имплементации международных норм охраны окружающей среды в российской правовой системе становится актуальным. Раскрываются отдельные аспекты механизма имплементации международных норм в российскую правовую систему, а так-

IMPLEMENTATION OF THE NORMS OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW

MUSTAFIN Ilmir Ralifovich
Teaching Assistant of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: ilm67228749@yandex.ru

The development of the Russian Federation towards forming the rule-of-law, democratic and social state is impossible without the study of state construction in foreign countries, as well as the functioning of national legal systems. Currently there is a close interaction of legal systems of different states, one of the means of such interaction is the category "implementation". 2017 in the Russian Federation in accordance with the Decree of the President of Russia is declared the Year of Ecology. The problems of ecology and environmental protection are of a global nature, since the environment is the basis of life on Earth. In connection with this circumstance, the issue of the implementation of international environmental standards in the Russian legal system becomes topical. Some aspects of the mechanism of the implementation of international norms in the Russian legal system are revealed, and some

же предлагаются пути дальнейшего развития законодательства Российской Федерации в области обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды.

ways of further development of the legislation of the Russian Federation in the field of ensuring environmental safety and environmental protection are suggested.

Ключевые слова: юриспруденция, правовая система Российской Федерации, рецепция права, национальная правовая система, имплементация международных норм, охрана окружающей среды, экологическая безопасность.

Key words: jurisprudence, legal system of the Russian Federation, legal reception, national legal system, implementation of international norms, environmental protection, environmental safety.

Российская Федерация Конституцией Российской Федерации провозглашена демократическим федеративным и правовым государством с республиканской формой правления, в котором делается акцент на права и свободы человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых признается основной обязанностью государства. Охрана окружающей среды является одним из важнейших составляющих элементов пути развития Российской Федерации к демократическому и правовому государству, немаловажным является отношение государства, общества и отдельно взятого индивида к проблемам охраны окружающей среды. Окружающая среда и проблемы, связанные с охраной окружающей среды, являются актуальными и начинают приобретать значительное влияние на реализацию функций государства. Это можно увидеть в ст. 42 Конституции Российской Федерации где, указывается, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, на достоверную информацию о ее состоянии, а также на возмещение вреда причиненного, как здоровью, так и имуществу, в результате совершения экологического правонарушения [1]. Право человека на благоприятную окружающую среду, закрепленное в Конституции Российской Федерации, отнесено к естественным правам человека. Как отмечает М.М. Бринчук, «Право на благоприятную окружающую среду вытекает из статуса человека, являющегося одновременно существом природным и социальным» [2, с. 5].

Для всего мира существенная угроза и опасность кроется в природных и экологических катаклизмах, а также в постоянном причинении вреда окружающей среде. Данная опасность связана, прежде всего, с активной деятельностью человека по использованию природных ресурсов. Вопросы экологии, обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды носят глобальный характер, так как отношения, которые регулируются экологическим правом, чаще всего, отражают взаимосвязь государства, общества, человека, природы и окружающей среды, для которых не важны правовые системы различных государств, формы правления, формы политических режимов и другие факторы. Глобальный характер управления вопросами охраны окружающей среды предполагает планирование, прогнозирование, мониторинг и контроль протекающих процессов в состоянии окружающей среды.

Правовое регулирование охраны окружающей среды на международном уровне и в Российской Федерации осуществляется с помощью механизмов, закрепленных в многочисленных нормативных правовых актах. Международные нормативные правовые акты по вопросам охраны окружающей среды оказывают определенное воздействие на национальную правовую систему. Однако на правовую систему России влияние может быть оказано не только в рамках принятия определенного нормативного правового акта по охране окружающей среды, но они могут носить рекомендательный характер и служить неким ориентиром для модернизации существующего механизма правового регулирования охраны окружающей среды. В этой связи особый интерес приобретает вопрос имплементации международных норм охраны окружающей среды в российской правовой системе. Российская Федерация является федеративным государством, и поэтому, «современная правовая система Российской Федерации представляет собой сложное образование, состоящее из взаимосвязанных, но автономных правовых систем субъектов Федерации» [3, с. 7]. Согласно пп. «д» п. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы природопользования, охраны окружающей среды и

обеспечения экологической безопасности относятся к предмету совместного ведения субъектов Российской Федерации и Российской Федерации. Таким образом, вопросы правового регулирования охраны окружающей среды относятся к предмету совместного ведения федерации и ее субъектов, в которых в роли связующего звена выступает федеральное законодательство. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» определяет правовые основы государственной экологической политики, которая обеспечивает сбалансированное решение социально-экономических задач, а также сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правового порядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности [4]. Данный федеральный закон распространяет свое действие на отношения в сфере взаимодействия общества и природы, которые возникают при осуществлении хозяйственной или иной деятельности, связанные с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле.

Проблемы охраны окружающей среды являются прерогативой международных и межгосударственных отношений на уровне крупнейших международных организаций. Методы управления по проблемам охраны окружающей среды включают в себя принятие международных нормативных правовых актов по вопросам охраны окружающей среды, реализацию определенных международных экологических программ и доктрин, и др. «Влияние, которое оказывает международное право на развитие национальной правовой системы, обнаруживается в основном на уровне имплементации норм международного права в действующее законодательство» [5, с. 39]. Такая имплементация норм международного права не связана с необходимостью изменения правосознания и правовой практики. Механизм имплементации международно-правовых норм, предполагает «определенную систему правовых и организационных средств, создаваемых государствами совместными усилиями, а также используемых ими индивидуально для полного и своевременного выполнения обязательств, принятых в соответствии с международным правом» [6, с. 89].

Механизм имплементации международного права охраны окружающей среды в правовые системы зарубежных государств несомненно представляет определенный интерес для российской правовой системы в части использования данной практики в целях исполнения международно-правовых обязательств в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности Российской Федерации. Интересным представляется тот момент, когда Российская Федерация в том или ином случае, хоть и не является страной-участницей соглашения или конвенции, воспринимает постулаты и положения международного нормативного правового акта. Как отмечает О.Л. Дубовик «Наглядным примером служит Орхусская конвенция, к которой Россия не присоединилась, но, тем не менее, ввела подавляющее большинство ее положений в федеральное законодательство и в законодательство субъектов Российской Федерации» [7, с. 26].

Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами. Как отмечалось выше, Российская Федерация есть демократическое и правовое государство, которое должно обеспечить достойный уровень жизни своих граждан. С.А. Боголюбов отмечает, «Такие государства, не могут не заботиться о включении экологических прав и принципов – общечеловеческих ценностей, в свое законодательство, и в определенный механизм реализации экологических прав и принципов» [8, с. 22]. Международные договоры в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности применяются на территории Российской Федерации непосредственно, в том случае, если для этого не требуется издание внутригосударственных нормативных правовых актов.

Как пример имплементации международных норм в области охраны окружающей среды, Рио-де-Жанейрскую декларацию по окружающей среде и развитию, а именно принцип 3, которой гласит, что данное право на развитие должно соблюдаться так, чтобы адекватно удо-

влетворить потребности нынешнего и будущих поколений в областях развития и охраны окружающей среды [9]. В преамбуле Федерального закона «Об охране окружающей среды» указывается, что все решения для сохранения благоприятной окружающей среды, природных ресурсов и др., принимаются в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений. Российская Федерация уделяет особое внимание вопросам сотрудничества с другими государствами и международными организациями с целью решения трансграничных проблем охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, а также рационального использования природных ресурсов. Для достижения целей по охране окружающей среды и обеспечения экологической безопасности отдельно взятым государствам и международному сообществу в целом необходимо координировать проводимую политику в данной области.

Таким образом, законодательство Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности достаточно развито, однако его необходимо постоянно и непрерывно совершенствовать. Необходимо также оперативно реагировать на изменение состояния окружающей среды и приводить законодательство в соответствие с международными договорами, принципами и нормами международного права, действующими в данной сфере. Таким средством как раз может выступать имплементация – как правовой и организационный инструмент.

Библиографические ссылки

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Бринчук М.М. Право на благоприятную окружающую среду как фактор национальной безопасности // Астраханский вестник экологического образования. 2014. № 1 (27). С. 4-16.
3. Азнагулова Г.М. Диалектика взаимосвязи правовой системы и государства // Юриспруденция. 2010. № 3. С. 5-14.
4. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с посл. изм. и доп. от 29 июля 2017 г. № 280-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
5. Малахов В.П., Лановая Г.М. Роль международного права в модернизации отечественной правовой системы // Международное публичное и частное право. 2017. № 2. С. 37-40.
6. Азнагулова Г.М. Взаимодействие международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // Lex russica. 2015. № 8. С. 84-95.
7. Дубовик О.Л. Механизм имплементации экологического права Европейского союза в национальное законодательство об охране окружающей среды стран-участниц // Экологическое право. 2014. № 4. С. 25-31.
8. Боголюбов С.А. Роль права и государства в реализации экологической политики // Социально-экологические технологии. 2012. № 1. С. 19-27.
9. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро 14 июня 1992 г. // Организация объединенных наций : сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (дата обращения: 07.11.2017).

References

1. Konstitutsiya RF. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popra-vok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30 dekabrya 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 g. № 7-FKZ, ot 5 fevralya 2014 g. № 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 g. № 11-FKZ) (The Constitution of the Russian Federation. Adopted by Popular Vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the RF Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated Febru-

ary 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ), *Rossiiskaya gazeta*, 1993, 25 dekabrya.
2. Brinchuk M.M. Pravo na blagopriyatnuyu okruzhayushchuyu sredu kak faktor natsional'noi bezopasnosti (The Right to a Favorable Environment as a Factor of National Security), *Astrakhanskii vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*, 2014, No. 1 (27), pp. 4-16.
3. Aznagulova G.M. Dialektika vzaimosvyazi pravovoi sistemy i gosudarstva (Dialectics of The Relationship between the Legal System and the State), *Yurisprudentsiya*, 2010, No. 3, pp. 5-14.
4. Federal'nyi zakon ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ «Ob okhrane okruzhayushchei sredy» (s posl. izm. i dop. ot 29 iyulya 2017 g. № 280-FZ) (The Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ "On Environmental Protection" (last amended and supplemented from July 29, 2017, No. 280-FZ), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2002, No. 2, st. 133.
5. Malakhov V.P., Lanovaya G.M. Rol' mezhdunarodnogo prava v modernizatsii otechestvennoi pravovoi sistemy (The Role of International Law in Modernizing the National Legal System), *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2017, No. 2, pp. 37-40.
6. Aznagulova G.M. Vzaimodeistvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava i Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (Interaction of International and National Law and the Constitution of the Russian Federation), *Lex russica*, 2015, No. 8, pp. 84-95.
7. Dubovik O.L. Mekhanizm implementatsii ekologicheskogo prava Evropeiskogo soyuza v natsional'noe zakonodatel'stvo ob okhrane okruzhayushchei sredy stran-uchastnits (The Mechanism for the Implementation of The European Union's Environmental Law in the National Environmental Legislation of Participating Countries), *Ekologicheskoe pravo*, 2014, No. 4, pp. 25-31.
8. Bogolyubov S.A. Rol' prava i gosudarstva v realizatsii ekologicheskoi politiki (The Role of Law and State in the Implementation of Environmental Policy), *Sotsial'no-ekologicheskie tekhnologii*, 2012, No. 1, pp. 19-27.
9. Deklaratsiya Rio-de-Zhaneiro po okruzhayushchei srede i razvitiyu. Prinyata Konferentsiei OON po okruzhayushchei srede i razvitiyu v g. Rio-de-Zhaneiro 14 iyunya 1992 g. (The Rio Declaration on Environment and Development. Adopted by the United Nations Conference on Environment and Development in Rio de Janeiro on June 14, 1992), *Organizatsiya ob"edinennykh natsii, sait*. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (reference date: 07.11.2017).

Дата поступления: 12.02.2018 *Received: 12.02.2018*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 341.1/8

ПРЕДЕЛЫ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНОВ ПО ОХРАНЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

АЛИЕВА Гюнай Видади кызы
аспирант кафедры международного права юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия.
E-mail: gunayg17@hotmail.com

В условиях отсутствия в международных договорах специальных положений об охране нематериального культурного наследия возникает вопрос о возможности охраны таких элементов культурного наследия, как культурные права человека, права коренных народов и меньшинств и иных категорий прав и свобод человека. Международные органы накопили большой опыт в деле охраны культурного наследия путём защиты прав и свобод человека, составляющих основу данного наследия. Сравнительно-правовой метод исследования позволяет подробно изучать особенности деятельности договорных органов по правам человека системы ООН и региональных судебных органов по обеспечению культурных прав человека, права собраний и ассоциаций, неприкосновенность жилища, свободы убеждений, религии и др. Региональные и универсальные судебные и квазисудебные органы по правам человека в целом не обладают достаточными полномочиями для эффективной охраны нематериального культурного наследия. В то же время имеется прецедентная практика по защите прав человека на неприкосновенность частной и семейной жизни, на равенство и недискриминацию и др.

Ключевые слова: нематериальное, культурное, всемирное, наследие, международная система, международно-правовой, защита прав.

LIMITS OF AUTHORITIES OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS BODIES FOR THE PROTECTION OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

ALIYEVA Gunay Vidadi gizi
Postgraduate Student of the Department of International Law of the Law Institute of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia", Moscow, Russia.
E-mail: gunayg17@hotmail.com

Under no special provisions on the protection of the intangible cultural heritage in international human rights treaties, the question arises of the possibility of protecting such key elements of cultural heritage as cultural human rights, the rights of indigenous peoples and minorities and other categories of human rights and freedoms. International human rights bodies have accumulated vast experience in protecting cultural heritage by protecting human rights and freedoms that form the basis of this heritage. The comparative law method of research makes it possible to study in detail specific features of the activities of the human rights treaty bodies of the United Nations system and regional judicial bodies for ensuring cultural human rights, the right to assembly and association, inviolability of home, freedom of opinion, religion and expression. Regional and universal judicial and quasi-judicial human rights bodies generally do not have sufficient authority to effectively safeguard the intangible cultural heritage. At the same time, there is an extensive case law on the protection of human rights to the inviolability of private and family life, to equality and non-discrimination and others.

Key words: cultural, world, intangible, heritage, international legal, international system, protection, human rights.

Международные договоры по правам человека универсального и регионального характера [4], на основе которых действуют договорные органы по правам человека системы ООН [2] и региональные суды по правам человека [6], не содержат специальных положений об охране нематериального культурного наследия, под которым, согласно специальной Конвенции ЮНЕСКО, понимаются «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» (п. 1 ст. 2 Конвенции) [3]. Специалисты допускают различные ограничения внешнего и внутреннего характера, свойственные международной системе защиты прав человека в случае её применения для охраны нематериального культурного наследия (НКН) в качестве правозащитного объекта [34].

Настоящее исследование полностью посвящено анализу внутренних ограничений прав человека, допускаемых международной системой защиты прав человека при охране НКН. В п. 1 ст. 2 Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. специально оговорено о том, что охране подлежит «только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека» [3]. Существующих международно-правовых актов по правам человека, о которых говорит Конвенция ЮНЕСКО 2003 г., больше по численности, чем тех, на основе которых созданы и функционируют международные правозащитные органы, полномочия которых могут быть распространены на охрану НКН, а точнее отдельных его элементов в качестве правозащитного объекта.

Изучение практики международных правозащитных органов позволяет определить возможные пределы международной системы защиты прав человека в целом для охраны НКН. В качестве нормативной основы деятельности международных правозащитных органов универсального и регионального уровня выступают положения, закреплённые во Всеобщей декларации прав человека (ст. 12: запрет произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь, запрет произвольного посягательства на жилище, тайну корреспонденции или честь и репутацию; ст. 18: право на свободу мысли совести и религии; ст. 19: право на свободу убеждений и на свободное выражение их; ст. 20: право на свободу мирных собраний и ассоциаций); в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 17–19 и 21–22, которые повторяют положения Всеобщей декларации прав человека, и ст. 27: права меньшинств); в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 8–11); в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. (ст. 11–13 и 15–16).

Анализ следует начинать с деятельности Комитета по правам человека (КПЧ), осуществляющего международный контроль за выполнением государствами – участниками обязательств по Международному пакту о гражданских и политических правах и рассматривающего индивидуальные сообщения (жалобы) на основе ст. 41 Пакта и Факультативного протокола к данному Пакту 1966 г. Позиция КПЧ по тем или иным положениям Пакта находит отражение в заключительных замечаниях по докладам государств – участников Пакта, в мнениях, принимаемых им в результате рассмотрения индивидуальных сообщений (жалоб), и в замечаниях общего порядка. Позиции, высказываемые КПЧ в этих актах, нередко повторяются для обоснования тех или иных позиций по новым таким актам. В деятельности КПЧ по принятию и рассмотрению индивидуальных сообщений (жалоб) выделяются дела, связанные с утверждениями о нарушении государствами-участниками прав, закреплённых в ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (права меньшинств). Число дел по этой статье Пакта выросло бы в разы, если бы КПЧ не приходилось признавать поступившие жалобы неприемлемыми на основании того, что государства, против которых поступали жалобы, не сделали оговорки по ней, заявляя о том, что на их территориях нет меньшинств, а есть граждане, и все они равны (например, Франция) [31].

В связи с этим следует отметить, что в 1994 г. КПЧ принял Замечание общего порядка № 23 [24] применительно к ст. 27 Пакта, где Комитетом уточняется сфера применения ст. 27 Пакта: она охватывает культуру и поддержание определённого образа жизни. Подчеркнём, что в основу этого утверждения легла практика КПЧ.

Первое дело КПЧ о нарушении ст. 27 – *«Сандра Лавлейс против Канады»* [18, par. 1]. Данное дело достаточно хорошо изучено в отечественной доктрине международного права [1, с. 152–154]. В данном деле Сандра Лавлейс, представительница коренного народа Канады, живущая в резервации, вышла замуж не за представителя её племени, а за белого человека. Согласно действовавшему на тот момент канадскому законодательству, если женщина из коренного народа выходит замуж за белого человека, она теряет свой статус представителя коренного народа. Однако это положение не было применимо в случае, если мужчина из коренного народа женится на белой женщине. Как отметил КПЧ, ограничение прав, защищаемых статьёй 27, требует разумного и объективного обоснования. И поскольку мера, применённая к Сандре Лавлейс, не была разумной или необходимой для сохранения самобытности племени, она не соответствовала ст. 27 Пакта. В решении по другому делу (*«Иван Киток против Швеции»*) КПЧ добавил, что ограничения, налагаемые на отдельного члена меньшинства, «должны иметь объективные обоснования и быть необходимыми для сохранения, в целом, жизнеспособности и благосостояния меньшинства» [16]. В этом последнем деле КПЧ допустил применение критерия пропорциональности в случае нарушения ст. 27 Пакта. Касаясь самого дела, отметим, что Иван Киток был саамским оленеводом, который не занимался оленеводством в течение более трёх лет и, как следствие, согласно шведскому законодательству, был лишён права возобновить эту деятельность. КПЧ не усмотрел в содержащемся в шведском законодательстве ограничении на оленеводство нарушения ст. 27 Пакта на том основании, что, по его мнению, *ratio legis* в отношении ограничения было направлено на улучшение условий жизни саами и сохранение оленеводства в будущем.

В этом контексте заслуживают внимания три взаимосвязанные жалобы, рассмотренные КПЧ последовательно против Финляндии по поводу вредного воздействия на образ жизни и ресурсы оленеводов и системы выдачи лицензий на лесозаготовки. В первом деле КПЧ заявил, что критерий для определения того, была ли нарушена ст. 27 Пакта, зависит от воздействия, вызванного вмешательством в образ жизни отдельных членов меньшинства. Иными словами, КПЧ применил критерий «определения воздействия». Основываясь на этом критерии, КПЧ заключил, что «ограниченное воздействие» на образ жизни не является нарушением. Вслед за этой жалобой КПЧ пришлось рассмотреть новую жалобу по первому делу на том основании, что условия жизни оленеводов ухудшились, и, следовательно, теперь оказывается достаточное негативное воздействие на жизнь людей, принадлежащих к саамскому меньшинству, и это является нарушением ст. 27. По этому новому делу КПЧ отметил, что национальные суды имеют более эффективную возможность анализировать жалобы по ст. 27, а сам КПЧ лишь воспользуется своими полномочиями, дабы проследить в неверное истолкование и применение ст. 27 [33, p. 163-172]. По третьей жалобе по данному делу КПЧ уточнил свой подход «о воздействии», высказанный по первой жалобе, следующим образом: то, что КПЧ должен рассматривать по ст. 27 Пакта, является «общим следствием» вмешательства государства в течение продолжительного времени в данный географический район [20, par. 9]. Как мы видим, КПЧ по трём жалобам по аналогичному делу против Финляндии не нашёл нарушения ст. 27 Пакта.

В деле *«Джордж Говард против Канады»* также не было обнаружено КПЧ нарушение ст. 27 Пакта, однако им был привнесён новый элемент по определению воздействия. В данном деле КПЧ проверил то, являлся ли обвинительный приговор, вынесенный в отношении члена «Первой нации» по поводу осуществление им рыбного промысла вне разрешённого периода, нарушением его прав в соответствии со ст. 27, поскольку рыбный промысел является неотъемлемой частью его традиционного образа жизни. КПЧ отметил, что основные элементы образа жизни могут регулироваться, пока такое регулирование не приводит *de facto* к отрицанию традиционного образа жизни. Поскольку национальным судам проще осуществить любую подобную проверку, однако этого не было сделано, КПЧ не в состоянии обнаружить какое-либо нарушение ст. 27 Пакта [22, par. 2].

Рассмотренные дела КПЧ, с одной стороны, показывают, что ст. 27 Пакта на деле применяется основанием для рассмотрения индивидуальных жалоб в соответствии с Факультативным протоколом к МПГПП, однако, с другой стороны, подтверждают, что по примене-

нию ст. 27 Пакта большая свобода усмотрения остаётся у самих государств – участников Пакта. Что важно отметить как результат деятельности КПЧ применительно к ст. 27 Пакта, это то, что экономическая деятельность может быть защищена в качестве «традиционного» образа жизни коренных народов и меньшинств. Деятельность КПЧ ещё больше обнажила проблему, связанную с соблюдением баланса при обеспечении индивидуальных и коллективных аспектов прав меньшинств по ст. 27 Пакта в условиях, когда правозащитный орган в лице КПЧ полностью нацелен на защиту индивидуальных прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Вместе с тем, обеспечение охраны НКН предполагает максимальный учёт его индивидуальных и коллективных составляющих элементов.

Межамериканский суд по правам человека (МСПЧ) в условиях отсутствия положения о правах меньшинств в Американской конвенции о правах человека 1969 г. следует иному подходу – обращается к общему положению американской конвенции о правах человека 1969 г. о «недискриминации» (ст. 1.1) [8]. Обязанность государств-участников о недискриминации, содержащаяся в этой статье, по мнению МСПЧ, является формирующейся нормой *jus cogens* и обладает чертами *erga omnes* [30, par. 110]. Анализируя в деле *«Сообщества Якие-акса против Парагвая»* общий объём обязательств по ст. 1.1 Американской конвенции, налагаемых на государство-участника применительно к праву коренных народов на землю их традиционного проживания, МСПЧ отметил, что соответствующее государство обязано принимать меры для учёта культурных различий [29, par. 2, 51].

Кстати, и в практике КПЧ имелся аналогичный случай – в деле *«Оленеводческие районы Риаст/Хуллинг против Норвегии»* оспаривалось вероятное нарушение ст. 27 в сочетании со ст. 2 Пакта о недискриминации. Поскольку дело было объявлено неприемлемым на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты, невозможно предугадать, каким образом применил бы КПЧ ст. 2 в контексте ст. 27 Пакта [23, par. 3.8, 9]. Несмотря на это, в целом можно с уверенностью утверждать следующее: исходя из того, что недискриминация является одним из основополагающих положений современной международной системы защиты прав человека, использование общих положений о недискриминации, закреплённых в международных актах по правам человека, представляется эффективным средством по охране НКН. Это представляется довольно хорошим решением в условиях, когда международная правозащитная система не рассчитана на охрану культуры и образа жизни, являющимися ключевыми элементами культурного наследия. Поддерживая использование международными правозащитными органами положений о недискриминации в деле охраны НКН, не следует при этом игнорировать один немаловажный факт: действующие универсальные и региональные международно-правовые акты по правам человека по-разному закрепляют и нередко не одинаково трактуют соответствующие положения о недискрминации. Следовательно, и международная судебная практика отличается в этом деле. Учитывая данное обстоятельство, а также важность обеспечения недискриминации для пользования всеми правами, закреплёнными в соответствующем международно-правовом акте, нередко этот вопрос становится предметом рассмотрения самих международных правозащитных органов. Например, КПЧ проанализировал то, какое значение имеет недискриминация в тексте МПГПП в нескольких делах. Например, в деле *«Ширин Аюмирудди-Чифра и другие против Маврикия»* [19] КПЧ столкнулся с дискриминацией, вызванной двумя миграционными законами, которые изменили резидентский статус иностранцев, вступивших в браки с гражданками Маврикия, но оставив неизменным статус иностранок, выходящих замуж за граждан Маврикия. Изменения в законах имели дискриминационные последствия по отношению к двум категориям граждан: одиноким женщинам-мавританкам, которые больше не могли вступать в брак с иностранцами из-за потери гражданства Маврикия, и гражданок Маврикия, уже вступивших в брак с иностранцами. Именно этим объясняется тот факт, что дело было возбуждено 17 незамужними и тремя замужними женщинами. Почему-то КПЧ отклонил жалобу первых и сосредоточился на правах замужних женщин. Он подтвердил дискриминационный характер законов, произвол которых основывался на дискриминации по признаку пола. КПЧ не стал рассматривать причины дискриминации и обратил внимание на чинимый ею произвол. КПЧ

объединил ст. 26 и ст. 2 Пакта. Однако из мнений КПЧ неясно, имела ли статья 26 Пакта какое-либо самостоятельное значение. В другом деле, *«Ф.Г. Зваан-де Вриес против Нидерландов»* [14], КПЧ был более чётким. Согласно делу, подданному (женщине) было отказано в получении пособия по безработице по причине её вступления в брак. КПЧ заявил о том, что положения ст. 26 Пакта существенно отличаются от положений ст. 2. Ст. 26 предусматривает равенство в применении внутреннего законодательства государства. Таким образом, КПЧ признал факт дискриминации по признаку пола, значительно расширив сферу защиты права на равенство в соответствии с МПГПП. Такое толкование положения МПГПП о равенстве, которое предусматривает равное обращение государства во всех принимаемых законах, а не только касающихся прав человека, защищённых Пактом, были подтверждены и при рассмотрении КПЧ других дел [15].

Как видим, толкование закона страны само по себе достаточно для охраны культуры и других элементов культурной самобытности, если только праву на равенство не придаётся самостоятельного значения, как это имеет место в практике КПЧ. В случае рассмотрения права на равенство в узком смысле, можно учесть подход Межамериканского суда по правам человека, который применяется для восстановления других прав. В этом случае толкование равенства становится вспомогательным средством, при этом другое право человека должно быть задействовано. Такой подход выгоден, поскольку открывает возможность подгонять защиту образа жизни во все элементы права на жизнь, а не обязательно лишь в чём-то одном, как например, право на уважение семейной жизни. Этот подход Межамериканский суд по правам человека применил при рассмотрении многих дел. Среди этих дел следует выделить дело *«Лопес Альварес против Гондураса»* [26, paras. 49-54], согласно которому лидер гарифов (афро-карибское сообщество), заключённый в тюрьму в Гватемале, был ограничен в своих правах. Суд рассмотрел данное дело в контексте запрета, налагаемого на лидера гарифунов, на использование языка гарифов в тюрьме для общения с сокамерником. Суд, прежде всего, подтвердил, что право на пользование культурой чётко подразумевается в статье 1.1 Американской конвенции 1969 г. Рассматривая данный запрет в свете права на свободу выражения мнения (ст. 13), общего положения о равенстве (ст. 1.1) и специального положения о недискриминации (ст. 24), закреплённых в Американской конвенции о правах человека 1969 г., Суд пришёл к выводу о том, что требования о равенстве налагают на государство обязательство допускать выражение своего мнения на родном языке заключённого. Тем самым Суд подтвердил то, что меры, препятствующие человеку пользоваться родным языком, представляют собой нарушение права на свободу выражения мнения согласно общему положению ст. 1.1. В этом контексте заметим, что по Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. язык является элементом нематериального культурного наследия, а Редакционный комитет Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. специально подчеркнул, что Конвенцией ЮНЕСКО 2003 г. защищаются те языки, которые имеют особое значение для НКН, а не все существующие языки [10, p. 37]. КПЧ также рассмотрел, однако в предварительном порядке, ряд жалоб в сочетании нарушений ст. 27 и ст. 19 МПГПП (закрепляющей право на свободное выражение своего мнения) в отношении использования бретонского языка во Франции по причине признания их неприемлемыми. Многие из этих жалоб касались попыток языковых меньшинств осуществлять производство в местных судах на языках меньшинств, а не на французском языке. Хотя сам по себе отказ в праве подачи иска в местный суд не на французском языке является нарушением прав, закреплённого в Пакте, тот факт, что во всех случаях заявители свободно владели французским языком, решающим образом ослабил их позиции. Исход по указанным жалобам является худшим примером охраны нематериального культурного наследия посредством механизмов защиты прав человека, поскольку КПЧ не учёл культурной значимости языка, просто проигнорировал языки меньшинств, проживающих на территории Франции [17].

Некоторые права человека, закреплённые в международных актах по правам человека, можно рассматривать в широком плане в правозащитной деятельности. Например, право на уважение частной жизни можно применить не только для охраны культурной самобытности, но и для охраны окружающей среды. Данное право некоторыми специалистами именуется и

как право о «культурной неприкосновенности» [11, p. 27-42]. Право на уважение частной жизни можно рассматривать и в расширенном значении в рамках «семейной жизни», т.е. добавляя групповой компонент к индивидуальному праву. Этой позиции придерживался КПЧ в деле *«Френсис Хопу и Тепоаиту Бессер против Франции»*. Данное дело было связано с угрозой, создаваемой проектом строительства гостиницы для традиционных земель, включая места традиционного захоронения, полинезийского племени. КПЧ согласился с утверждением заявителей о том, что Комитет должен толковать термин «семья» в соответствии с их традициями, согласно которым «семья» означает всё население племени. В конечном итоге КПЧ определил, что запланированное строительство гостиничного комплекса будет нарушать неприкосновенность частной и семейной жизни заявителей [21, par. 2, 10].

ЕСПЧ в толковании Европейской конвенции 1950 г. придерживался аналогичного подхода в делах, касающихся рома и элементов их культуры, прежде всего в деле *«Ли против Соединённого Королевства»* [13]. Томас Ли подал жалобу против Соединённого Королевства, в которой утверждалось, что некоторые меры по охране окружающей среды не позволили разместиться ему и его табору в выбранном им месте.

ЕСПЧ пришёл к выводу о том, что проблемы, связанные с данным делом, подпадают под действие ст. 8 Европейской конвенции, полагая, что выбор Томаса Ли жить в таборе «…является неотъемлемой частью его этнической принадлежности как рома … и что меры, которые влияют на размещение табора заявителя…воздействует на его способность поддерживать свою самобытность как цыгана и вести свою личную и семейную жизнь в соответствии с этой традицией» [13].

После принятия решения о том, что дело подпадает под охват ст. 8, ЕСПЧ продолжил исследовать вопрос о том, произошло ли на самом деле вмешательство в права в соответствии с положением статьи, и, в случае подтверждения, было ли такое вмешательство оправданным. После подтверждения факта вмешательства и того, что оно осуществлялось во исполнение одного из законов об охране окружающей среды (городское планирование), ЕСПЧ указал на то, что государства пользуются широкой свободой усмотрения в решении экологических вопросов и, следовательно, обладают достаточной свободой действия при достижении баланса между потребностями населения в целом (которые защищаются природоохранным законодательством) и потребностями меньшинств (которые претендуют на исключение, основанное на культуре, для того, чтобы также подпадать под охват общих мер). Отвечая на довод, связанный с защитой меньшинств, ЕСПЧ согласился с утверждением о том, что Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств 1995 г. [5] представляет собой результат достигнутого консенсуса в отношении защиты прав меньшинств. Однако, по мнению Суда, данный консенсус не был способен сократить пределы свободы усмотрения, предоставленной государствам в отношении ограничения прав по ст. 8, в виду того, что положения Конвенции в этом отношении допускают разночтения. В последствии довод заявителя был отклонён, а вмешательство в неприкосновенность его семейной жизни было признано относящимся к юрисдикции государства, в отношении которого ЕСПЧ занимает «строго надзорную роль».

Таким образом получается, что ЕСПЧ признал то, что элементы образа жизни определённой культуры попадают под определение частой жизни людей, принадлежащих к данной культуре. Следовательно, позиция ЕСПЧ существенным образом отличается от позиции КПЧ по аналогичному вопросу: ЕСПЧ не расширил институт «семьи»; вместо этого, он просто констатировал, что образ жизни является неотъемлемой частью частной жизни.

Свобода религии предоставляет важный аспект охраны НКН, так как многие из проблем в отношении нематериального наследия связаны с неуважением того, что священно для сообществ, обладающих духовным наследием, а также с ущербом, который причиняется неуважением к религиозным верованиям. В связи с этим напомним, что религия является одной из определяющих характеристик меньшинства по ст. 27 МПГПП, и что существует групповой компонент, свойственный понятию свободы вероисповедания, который способствует сглаживанию возможных осложнений в деле учёта интересов группы и интересов индивидов

в этой группе. Если учесть, что свобода религии уже защищена как индивидуальное право, несмотря на то, что исповедование религии чаще всего является коллективным делом, представляется, что легче преодолеть сопротивление использованию индивидуальных прав человека для защиты групповых интересов, связанных с культурным наследием.

Актуальность изучения международной правозащитной практики в области свободы религии измеряется двояко: с концептуальной точки зрения современный подход международной защиты прав человека позволяет исключения для социальных обычаев, которые в противном случае приводили бы к публичному отправлению религиозных ритуалов. В этом смысле обеспечение свободы религии означает создание средств защиты сокровенности определенных религиозных обычаев, которые составляют часть нематериального наследия. С точки зрения практики уже созданы на национальном уровне исключительные режимы защиты религиозных обычаев, особенно в семейных и наследственных делах [35, p. 491–511].

Одним из примеров сказанного является дело «*Еврейское литургическое объединение Ча`аре Шалом ве Цедек против Франции»*, рассмотренное ЕСПЧ [12]. Данное дело, однако, должно быть истолковано в свете другого дела *«Эрроусмит против Соединённого Королевства»* [9], которое было рассмотрено тогда ещё действовавшей Европейской комиссией по правам человека. Суть дела: Пэт Эрроусмит, пацифистка, была признана виновной в распространении листовок, призывающих британских солдат не подчиниться призыву нести службу в Северной Ирландии. Она была привлечена к уголовной ответственности, в соответствии с Законом о подстрекательстве к недовольствам, и приговорена к 18 месяцам тюремного заключения. В своей жалобе она утверждала о нарушении своих прав в соответствии со ст. 9 Европейской конвенции (свобода мысли, совести и религии).

По итогам рассмотрения данного дела был введён так называемый «тест Эрроусмит», согласно которому убеждение человека может подпадать под защиту ст. 9 Европейской конвенции при наличии определённых действий данного лица. В данном случае необходимо было предоставить доказательство того, что пацифизм требовал распространения листовок, вне зависимости от собственного отношения Пэт Эрроусмит.

Решение в деле *«Эрроусмит»* имело последствие для судебной практики по ст.9: норма о религии была включена в охват ст. 9. Доказательством сказанному является дело *«Еврейское литургическое объединение Ча`аре Шалом ве Цедек против Франции»* [12]. ЕСПЧ столкнулся с проблемой ритуального умерщвления животных. Подобная практика в целом запрещена во Франции, за исключением определённых обстоятельств. Животные должны быть убиты гуманно, что требует приведение их в бессознательное состояние перед убийством. Ритуальное умерщвление же, наоборот, требует противоположного (по сути дела, нарушающего французское законодательство).

Очевидно, что ст. 3 Европейской конвенции требует от государств-участников при регулировании применять к религиозным сообществам несколько иное отношение, нежели ко всему обществу. В данном случае Франция должна не только исключать, но и консультироваться с сообществом, которое также имеет право на исключение из общего правила. На этом фоне имеется веский аргумент в пользу того, что ст. 9 Европейской конвенции требует дифференцированного подхода по применению запретов и исключений из них. Действующий национальный закон, защищающий свободу вероисповедания, должен открывать пространство для формирования системы исключений из общего применимого правила, что позволяет устанавливать специальные подходы для удовлетворения конкретных потребностей сообществ, обладающих культурным наследием. При этом очевидно, что не все обычаи, составляющие нематериальное культурное наследие, имеют религиозный элемент. Однако следует констатировать, что значительная часть наиболее проблемных вопросов в отношении НКН действительно затрагивает ущерб, причиняемый религиозным чувствам. Поэтому возможность защиты посредством свободы религии представляет собой мощный инструмент, который следует иметь в виду.

Система норм по правам человека в целом предоставляет множество возможностей для охраны различных аспектов НКН. К числу таких относится право на справедливое судеб-

ное разбирательство, которое должно быть подкреплено реальными гарантиями на национальном уровне. К сожалению, и судебные разбирательства по жалобам в отношении нарушения НКН на национальном уровне нередко характеризуются бюрократической волокитой в виде затяжных процессов в правосудии и неравенства между сообществами, обладающими культурным наследием, и третьими лицами. Вместе с тем, право на справедливое судебное разбирательство особенно важно, к примеру, для использования родного языка во время судебного разбирательства. Важное место в охране НКН занимает право на свободу ассоциаций, с помощью которого можно обеспечить возможность отдельных лиц формировать группы для защиты сообщества в целом. К этой категории прав относится также право на неприкосновенность личности. По делу *«Сообщества Моивана против Суринама»*, Межамериканский суд по правам человека признал, что неспособность государства гарантировать членам сообщества право собственности на традиционно занимаемые ими земли препятствовала проведению их погребальных ритуалов, тем самым нарушая право на неприкосновенность личности по смыслу ст. 5 Американской конвенции 1969 г. В последствии правительство Суринама демаркировало район и предоставило Моивана право собственности на указанную землю [28, par. 103].

В других делах, рассмотренных МСПЧ в отношении коренных народов, Суд применил право собственности для гарантирования прав на землю для коренных народов [27]. Из анализа этих дел видно, что в той степени, в какой земля представляет собой значительный элемент существования нескольких из этих культур (Конвенция ЮНЕСКО 2003 г. говорит о «культурном пространстве»), защита права коренных народов на землю может выступить эффективным средством охраны культурного наследия коренных народов.

Наконец, защита культурных прав, закреплённых в ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (МПЭСКП) [7], способствует сохранению культуры и культурной самобытности. Нет сомнений в том, что Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, который уже принимает и рассматривает индивидуальные сообщения на основе Факультативного протокола к МПЭСКП, в перспективе рассмотрит жалобу по ст. 15 МПЭСКП и выскажет свою позицию. И Африканская региональная правозащитная система, охватывающая защиту экономических, социальных и культурных прав и имеющая правозащитные механизмы в лице Африканской комиссии по правам человека и народов и Африканского суда по правам человека и народов [32], также может стать эффективной правозащитной системой в деле охраны НКН.

В широком смысле экономические, социальные и культурные права могут быть прямо использованы для защиты культуры и культурной самобытности, а также могут косвенно предоставить охрану нематериального культурного наследия. Однако, как было отмечено в начале данного исследования, существует несколько внутренних ограничений на использование прав человека. Первым таким общим ограничением является требование соблюдения соразмерности в случаях, связанных с осуществлением прав на свободу выражения мнения, свободу религии, неприкосновенность частной и семейной жизни, свободу собраний. Другим таким общим ограничением выступает свобода усмотрения, предоставленная государствам в обеспечении всех этих прав: от признания или непризнания и понимания ими во многом зависит осуществление этих прав в полном объёме.

Анализ показал также определённые ограничения, связанные с общим пониманием в международных договорах и практике международных правозащитных органов положения о равенстве и недискриминации. В частности, если положение о равенстве не является достаточно самостоятельным, то вероятность его применения для охраны НКН значительно уменьшается. Ограничения в отношении применения совокупности прав на справедливое судебное разбирательство существуют в том смысле, что они никоим образом не направлены на защиту нарушенных материальных прав. Требования о справедливом судебном разбирательстве представляют собой совершенно отдельный правовой вопрос, отделённый от совокупности фактов, рассматриваемых национальным судом. Это неоднократно подтверждалось МСПЧ [25]. Доказательством сказанного является то, что, вероятно, любая «косвенная» защита, предоставляемая

при требованиях о признании культурной самобытности посредством применения права на справедливое судебное разбирательство, не является фактической защитой, и, как последствие, в деле не будет учитываться вопрос самобытности как части культурного наследия.

Что касается права собственности, основным препятствием, которое необходимо преодолеть, является уверенность в том, что связь с землёй является основным требованием. Поскольку эта связь с землёй и не присутствует во всех проявлениях НКН и в основном ограничивается наследием коренных народов, допустимо использование права собственности исключительно в интересах наследия коренных народов, а не для защиты сообществ, также обладающих наследием, но не являющихся коренными народами. А для обращения к праву на физическую неприкосновенность (как это было сделано МСПЧ в деле *«Моивана»*) требуются довольно высокие требования для доказательств нарушения.

В ходе рассмотрения вопроса взаимосвязи между правами человека и нематериальным наследием основное внимание уделяется тому, как пределы системы защиты прав человека охватывают элементы наследия. Следует подчеркнуть, что определение нематериального культурного наследия в Конвенции ЮНЕСКО 2003 года устанавливает права человека как ограничение того, что под ним понимается, и только определённое НКН подпадает под охрану Конвенции. К сказанному следует добавить, что существует определённое противоречие между некоторыми универсальными нормами прав человека и некоторыми проявлениями нематериального культурного наследия. Один из часто приводимых в этой связи примеров касается женского обрезания, практику которого сохраняют в некоторых обществах из-за культурных соображений. Этот обычай, по мнению международных правозащитных органов, нарушает права человека и, как таковой, не заслуживает защиты. В целом, возражение в отношении нематериального наследия, затрагивающее права человека, связано с идеей о том, что культурные права и культурная самобытность будут защищены, если они не будут нарушать другие права человека. В качестве обоснования для применения прав человека для охраны культурной самобытности и права человека на культурное самосознание представляется логичным использование международных правозащитных органов. Однако региональные и универсальные судебные и квазисудебные органы по правам человека в целом не обладают по учредительным актам достаточными полномочиями по эффективной охране НКН, в связи с чем ими была разработана обширная прецедентная практика, сконцентрированная на задействовании других прав человека, таких как, право на неприкосновенность частной и семейной жизни, право на равенство и недискриминацию, свободу религии и др.

Защита наследия посредством защиты самобытности во многом представляет собой, образно говоря, «обходной путь», но его можно также рассматривать как попытку «убрать посредника», т.е. предоставлять самобытность напрямую, без необходимости защищать проявления этой самобытности. Наследие защищается в виду того, что оно оказывает влияние на самобытность, непосредственно защищает самобытность, а затем использует наследие как подтверждение самобытности. «Право на наследие» справедливо определяется как ответвление права на культурную самобытность, а также важную и составную его часть. Оно обычно понимается как индивидуальное право, однако, при этом не учитывается существенный групповой компонент культурного наследия в целом и нематериального наследия в частности. В этом смысле значительна поддержка международной правозащитной практики, которая при этом не является в полной мере достаточным средством для всесторонней охраны НКН.

Библиографические ссылки. References

1. Абашидзе А.Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву : монография. М. : Права человека, 1996.
Abashidze A.Kh. Zaschita prav men'shinstv po mezhdunarodnomu i vnutrigosudarstvennomu pravu: monografiya (Protection of minority rights in international and national law: monograph). Moscow, Prava cheloveka, 1996.

2. Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Договорные органы по правам человека : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РУДН, 2015.
Abashidze A.Kh., Koneva A.E. Dogovornye organy po pravam cheloveka (Human Rights Treaty Bodies), uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, RUDN, 2015.
3. Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_ conv.shtml (дата обращения: 15.06.2018).
Konvencija ob ohrane nematerial'nogo kul'turnogo nasledija 2003 g. (Convention for the Protection of the Intangible Cultural Heritage 2003). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (accessed date: June 15, 2018).
4. Права и свободы человека. Основополагающие международные акты : сборник / сост. А.Х. Абашидзе, Н.Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018.
Abashidze A.Kh., Eriashvili N.D. Prava i svobody cheloveka. Osnovopolagayuschie mezhdunarodnye akty (Human Rights and Freedoms. Fundamental International Acts), sbornik. Moscow, YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2018.
5. Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 11, ст. 1256.
Ramochnaja konvencija Soveta Evropy o zashhite nacional'nyh men'shinstv 1995 g. (The Council of Europe's Framework Convention for the Protection of National Minorities 1995), *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1999. No. 11. St. 1256.
6. Региональные системы защиты прав человека : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.Х. Абашидзе. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2017.
Abashidze A.Kh. (ed.) Regional'nye sistemy zaschity prav cheloveka (Regional systems for the protection of human rights), uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Izdatel'stvo YUrayt, 2017.
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2200 (XXI) «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. // Документ ООН A/RES/2200(XXI).
Rezoljucija General'noj Assamblei OON 2200 (XXI) «Mezhdunarodnyj pakt ob jeko-nomicheskih, social'nyh i kul'turnyh pravah, Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskih pravah i Fakul'tativnyj protokol k Mezhdunarodnomu paktu o grazhdanskih i politicheskih pravah» ot 16 dekabrja 1966 g. (UN General Assembly Resolution 2200 (XXI) "International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, International Covenant on Civil and Political Rights and the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights" of 16 December 1966), Dokument OON A/RES/2200(XXI).
8. American Convention on Human Rights “Pact of San Jose, Costa Rica”. Adopted on 22 November 1969. Available at: https://www.cidh.oas.org/basicos/english/basic3.american% 20convention.htm (accessed date: June 15, 2018).
9. Arrowsmith v United Kingdom (Application No 7050/75), Comm Rep 1978, 19 DR 5.
10. Blake J. *Commentary on the UNESCO 2003 Convention on the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage*. Leicester, Institute for Art and Law, 2006.
11. Brown M.F. *Who Owns Native Culture?* Cambridge, Harvard University Press, 2004. Case of Cha'Are Shalom ve Tsedek v France (Application No 27417/95), judgment 27 June 2000.
12. Case of Lee v United Kingdom (Application No 25289/1994), judgment of 18 January 2001.
13. Human Rights Committee, Communication No 182/1984, FH Zwaan-De Vries v The Netherlands, UN Doc CCPR/C/29/D/182/1984, 9 April 1987.
14. Human Rights Committee, Communication No 191/1985, Carl Henrik Blom v Sweden, UN Doc CCPR/C/32/D/191/1985, 4 April 1988.
15. Human Rights Committee, Communication No 197/1985, Ivan Kitok v Sweden, UN Doc CCPR/C/35/D/197/1985, 10 August 1988.

16. Human Rights Committee, Communication No 220/1987, TK v France, UN Doc CCPR/C/37/D/220/1987, 8 December 1989.
17. Human Rights Committee, Communication No 24/1977, Sandra Lovelace v Canada, UN Doc CCPR/C/13/D/24/1977, 30 July 1981.
18. Human Rights Committee, Communication No 35/1978, Shirin Aumeeruddy-Cziffra et al v Mauritius, UN Doc CCPR/C/12/D/35/1978, 9 April 1981.
19. Human Rights Committee, Communication No 511/1992, Ilmari Lansman et al. v Finland, UN Doc. CCPR/C/52/D/511/1992, 8 November 1994.
20. Human Rights Committee, Communication No. 549/1993, Francis Hopu and Tepoaitu Bessert v France, UN Doc CCPR/C/60/D/549/1993/Rev/l, 29 December 1997.
21. Human Rights Committee, Communication No 879/1999, George Howard v Canada, UN Doc. CCPR/C/84/D/879/1999, 4 August 2005.
22. Human Rights Committee, Communication No. 942/2000, Jarle Jonassen v Norway, UN Doc CCPR/C/76/D/942/2000, 12 November 2002.
23. Human Rights Committee, General Comment 23, Article 27 (Fiftieth session, 1994), Compilation of General Comments and General Recommendations Adopted by Human Rights Treaty Bodies, UN Doc. HRI/GEN/1/Rev.1 at 38 (1994).
24. I/A Court HR, Case of Fermin Ramirez v Guatemala. Merits, Reparations, and Costs. Judgment of 20 June 2005. Series C No. 126.
25. I/A Court HR, Case of Lopez-Alvarez v Honduras. Merits, Reparations, and Costs. Judgment of 1 February 2006. Series C No. 141.
26. I/A Court HR, Case of the Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v Nicaragua. Merits, Reparations, and Costs. Judgment of 31 August 2001. Series C No. 79.
27. I/A Court HR, Case of the Moiwana Community v Suriname. Preliminary Objections, Merits, Reparations, and Costs. Judgment of 15 June 2005. Series C No. 124.
28. I/A Court HR, Case of the Yakye-Axa Indigenous Community v Paraguay. Merits, Reparations, and Costs. Judgment of 17 June 2005. Series C No. 125.
29. I/A Court HR, Juridical Condition and Rights of the Undocumented Migrants. Advisory Opinion OC-18 of September 17, 2003. Series A No. 18.
30. Office of the United Nations High Commission for Human Rights, Declarations and Reservations to the International Covenant on Civil and Political Rights. Available at: http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TRMTY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&lang=en (accessed date: June 15, 2018).
31. Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights, Adopted in July 1998, entry into force January 2004. Available at: http://www.achpr.org/instruments/court-establishment/ (accessed date: date: June 15, 2018).
32. Scheinin M. The Right to Enjoy a Distinct Culture: Indigenous and Competing Uses of Land. In: Orlin T.S., Rosas A., Scheinin M. The Jurisprudence of Human Rights Law: A Comparative Interpretive Approach. Turku, Institute for Human Rights, 2000.
33. Silverman H., Fairchild Ruggles D. Cultural Heritage and Human Rights. London, Springer, 2007.
34. Steiner H.J., Alston P. International Human Rights in Context – Law, Politics, Morals. New York, Oxford University Press, 2001.

Дата поступления: 14.05.2018 *Received: 14.05.2018*

УДК 342.4

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ И.К. БЛЮНЧЛИ

LIFE AND WORKS OF J.K. BLUNTSCHLI

МАЗИТОВ Артур Ильдусович
аспирант, кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: Isador1999@yandex.ru

MAZITOV Artur Ildusovich
Postgraduate Student of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: Isador1999@yandex.ru

В 1808 г. родился И.К. Блюнчли – выдающийся швейцарский ученый-правовед, один из основателей Института Международного права. Он написал множество трудов по теории государства и права, международному праву, генезису и типологии государства, был избран членом Королевской Нидерландской Академией Наук и Искусств, членом Московского Университета и множества других научных сообществ. И.К. Блюнчли вел весьма приватную жизнь и многие факты и истории, материалы для его биографии в настоящий момент безвозвратно утрачены под тенью времен. Одной из самых ярки книг, посвященных И.К. Блюнчли, можно назвать работу Л. Камаровского «Памяти Блюнчли», знавшего его лично.

In 1808 J.K. Bluntschli was born. J.K. Bluntschli is an outstanding Swiss scholar of jurisprudence, one of the founders of the Institute of International Law. He wrote many works on theory of state and law, international law, genesis and typology of states; he was elected a foreign member of the Royal Netherlands Academy of Sciences and Arts, a member of the Moscow University and many other scientific communities. Professor of Law J.K. Bluntschli led a very private life and many facts and stories, materials for his biography are now irretrievably lost in the course of time. One of the brightest books dedicated to J.K. Bluntschli is "In Memoriam of Bluntschli", by L. Kamarovsky who knew him personally.

Ключевые слова: Блюнчли, швейцарское право, теория права, политические учения, политология, международное, естественное право, историческая, естественная, органическая теория.

Key words: Bluntschli, Swiss law, theory of law, political doctrines, political science, international law, natural law, historical theory, natural theory, organic theory.

К 210-летию со дня рождения И.К. Блюнчли (1808-2018)

Выдающегося швейцарский юрист и политический деятель И.К. Блюнчли родился 7 марта 1808 года в Цюрихе. Он был одним из основателей международного права, видным представителем органической теории, Блюнчли изучал вопросы международной политики, военного права и прав военнопленных, историю законов (История Швейцарского федерального закона, 1852), историю Цюриха, общего государственного права и политики, основы американского федерального законодательства. Стоит отметить, что современная биографическая и библиографическая литература, посвященная жизни и творчеству И.К. Блюнчли на русском языке более чем скудна. Не столь многочисленны также биографические источники на немецком, английском и французском языках. Профессор права И.К. Блюнчли вел весьма приватную жизнь и многие факты и истории, материалы для его биографии в настоящий момент безвозвратно утрачены под тенью времен. Одной из самых ярки книг, посвященных И.К. Блюнчли можно назвать проникновенную работу Л. Камаровского. Он лично знал И.К. Блюнчли и «…имел счастие испытать на себе, с какою приветливостью и добротою относился он к молодым силам, искавшим у него совета и наставления» [1, с. 14].

У Иоганна-Каспера Блюнчли проходили обучение многие видные представители юридической элиты Российской империи – А.С. Алексеев, который слушал лекции И.К. Блюнчли и К. Фишера в Гейдельберге [2, с. 321]. В 1858 г. Б.Н. Чичерин получил приглашение занять кафедру государственного права на юридическом факультете Московского университета, и в 1858-1861 годах Чичерин находился в Европе, где обучался у ведущих ученых того времени – Р. Молем, П.И. Шафариком, И.К. Блюнчли, Ф. Гизо. Позже, Б.Н. Чичерин с восторгом вспоминал, что за время поездки по Европе, увидел многие достижения человечества в науке и искусстве, государственной и общественной жизни [3, с. 9]. Под влиянием труда И.К. Блюнчли «История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время», М.Б. Чичерин начал работу над сочинением «История политических учений» [4, с. 3]. Ниже мы рассмотрим биографию и идеи И.К. Блюнчли, его труды и взгляды.

В свои ранние годы в Цюрихе И.К. Блюнчли «был отдан по классу богословия. Его родители дали полную свободу развиться научным наклонностям мальчика, и так как в то время в Цюрихе все заботились об изучении богословия, то Блюнчли первоначально и предался этому Предмету. Но религиозные сомнения молодого человека, пробудившееся в нем расположение к государственной деятельности заставили его обратиться к законоведению» [5, с. 3]. После окончания школы получил образование в Цюрихском политическом институте, затем И.К. Блюнчли под началом Фридриха фон Савиньи занимался в Берлинском университете. Ф.К. Савиньи был одним из ярчайших представителей исторической школы права, основателем которой был его старший современник Густав Гуго. Идеи Г. Гуго и Ф.К. Савиньи оказали значительное влияние на мировоззрение молодого И.К. Блюнчли. После обучения у Ф.К. Савиньи, И.К. Блюнчли под руководством Гассе и Нибура получает степень доктора. Историческая школа права имела в то время лучших представителей в берлинских учебных заведениях. Особенное влияние на Блюнчли оказывает Нибур, который был привязан к гражданской свободе народа, но критиковал естественную теорию права. Одновременно с обучением в ведущих европейских университетах, И.К. Блюнчли совмещает деятельность практикующего юриста. Как пишет Л. Камаровский, «… еще будучи молодым человеком он сделался членом большого совета в своем родном городе Цюрихе и даже федерального правительства, когда Цюрих возвышен до Vorort; в это же время ему было предложено доверием обоих партий, участие в составлении гражданского кодекса для Цюриха» [1, с. 2].

Зимой 1829 г. Блюнчли обучается в Париже и, получив в 1830 г. место в канцелярии Цюрихского окружного суда, он выступил в качестве приват-доцента преподавателем римского права в Цюрихском политическом институте. Возвратившись в Цюрих в 1830 г., он окунается в политическую борьбу, которая в то время тревожила все кантоны Конфедерации. В Цюрихе И.К. Блюнчли пишет работу «О Конституции города Цюриха». Он выступает как противник растущего радикализма среди политических сил Швейцарии. 1833 г. был ознаменован открытием в Цюрихе кафедры публичного права, куда и был приглашен Блюнчли. К этому времени он уже опубликовал свой наиболее значимый труд, относящийся к политико-правовой и географической истории города Цюриха. В 1837 г. И.К. Блюнчли становится членом Великого Совета, будучи членом умеренной либеральной партии. Н.И. Ламанский в очерке жизни и творчества И. Блюнчли так описывает политическую ситуацию в Цюрихе того времени: «Между тем, в самом городе, молодые люди, окончившие курс наук в немецких университетах, соединились с общим стремлением, они поставили своею задачею открыть тайное зло дурного управления и ввести коренные преобразования в духе передового развития. Тем временем, ученая партия преобразователей достигла, наконец, некоторых успехов, она добилась свободы печати, увеличила значение Большого Совета и улучшила отправление правосудия. К этой партии присоединился и Блюнчли» [5, с. 5].

Как отмечает, Ф.П. Шиллер, И.К. Блюнчли наряду с братьями Ромер противостоял радикализму и революционным течениям в Швейцарии и Германии. Им противостоят радикально настроенные братья Фребель, Шульц и Гервег во главе издания «Швейцарского республиканца» и газеты «Немецкого вестника из Швейцарии». Братья Ромер и Блюнчли противостояли радикализму и издавали совместно газету «Наблюдатель» [6, с. 31]. Ф.П. Шиллер

отмечает, что Ромер и Блюнчли были «либерал-консерваторы», которые враждовали с «радикал-либералами», коммунистами, социалистами, приверженцами анархизма. Вследствие войны Зондербунда и поражения консервативной партии, Блюнчли переселяется в 1848 г. в Мюнхен, где занимает кафедру немецкого гражданского права и публичного вообще [1, с. 4]. Вот что пишет о поражении консервативных либералов М. Бакунин в «Исповеди»: «Блюнчли и его приятели, братья Ромер, один называвший себя мессиею, а другой – пророком, были осуждены и осрамлены вместе с сими дамами. Демократы торжествовали, хотя впрочем и сами вышли из постыдного дела не без стыда; а Блюнчли, для того чтобы отомстить им, а вероятно также повинуясь требованию прусского правительства, изгнал совершенно невинного Гервега из Цюрихского кантона» [7, с. 134]. Учитывая неприязненный характер отношений радикального анархиста Михаила Бакунина и его привязанности к Гервегу, он, тем не менее, отмечает, что Блюнчли, сохраняет известную политическую силу, для изгнания Гервега из Цюриха. Стоит здесь отметить также, что деятельность Гервега «безвинной» названа М. Бакуниным отнюдь не объективно. Гервег активно участвует в революционном движении и занимается подготовкой вооруженного восстания.

В Мюнхене он пишет свои наиболее известные и капитальные труды, навсегда занесшие И.К. Блюнчли в разряд величайших правоведов своего времени. Мюнхенский период его работы – наиболее плодотворный. Здесь он издает в 1852 г. «Общее государственное право», которое было переведено на русский язык в 1865 г. (пер. Ф. Дмитриева), «Немецкое частное (гражданское) право», в 1853 г. «Гражданский (частноправовой) кодекс для кантона Цюрих с пояснениями автора» в 4 томах, издает журналы, публикует многочисленные статьи. По мнению Л.А. Камаровского, труд И.К. Блюнчли, изданный в этот период можно назвать «трудом его жизни» [1, с. 6]. Он работал над ним на напряжении всей жизни, и если в 1852 г. первое издание вышло в одном томе, то последнее издание 1875 г. состояло уже из трех томов. В пятидесятых годах с участием Блюнчли выходит одиннадцати томный словарь государствоведения. И.К. Блюнчли подготовил для этого словаря не менее ста статей по различным правовым вопросам в области государствоведения, теории права и политологии. В 1861 г. И.К. Блюнчли возвращается в Гейдельберг на кафедру знаменитого профессора Роберта Моля. В Гейдельберге он полностью раскрывает свой талант выдающегося лектора. Как пишет Л.А. Камаровский, в гейдельбергскую обитель знаний, на лекции И.К. Блючли, со всей Европы «стекались слушатели в его переполненную аудиторию» [1, с. 4]. В 1870-х годах И.К. Блюнчли издает последнее свое сочинение в области государствоведения – учебник «Германское государственное право для образованного класса». В нем он рассматривает германское государство на протяжении всего периода исторического развития, в конце книги автор производит сравнительно-правовой анализ германского и других европейских государств.

В разгар войны Пруссии и Австрии в 1866 году, И.К. Блюнчли пишет работу «Современное право войны цивилизованных государств». И.К. Блюнчли пытается кодифицировать все ранее созданные источники военного права в единый кодекс. Он осуждает варварские обычаи войны, бесправие и беззаконие, которые несут в себе военные конфликты. Блюнчли отдельно отрицает варварский обычай, так называемое, «право» на добычу, по существу являющееся обыкновенным грабежом гражданского населения в военное время. Об этом он пишет в книге «О праве добычи в войне и о морской добыче в особенности». Вскоре после написания книги «Современное право войны цивилизованных государств», И.К. Блюнчли издает наиболее известный свой труд «Современное международное право, изложенное в виде кодекса», который был переведен на все европейские языки и пережил множество переизданий. Несколько изданий на русском языке выходило в XIX. В XX веке «Современное право войны цивилизованных государств» не издавалась ни в рамках правовых, ни в рамках исторических серий или отдельных изданий. И.К. Блюнчли в этой своей книге мастерски описывал историю взаимодействия между государствами и народами, описывал современные успехи международного права в XIX веке, необходимость кодификации и унификации законов, объединения Европы и предотвращения войн. Книга «Современное право войны цивилизованных государств» достигает большой известности, на нее начинают ссылаться ученые из

Швейцарии, Европы, США, Азии и России, государственные органы исполнительной власти. Суды выносят свои решения, подкрепляя их цитатами из его книг. И.К. Блюнчли жил и творил в непростое для Швейцарии и всей Европы время. На посту государственного служащего работу Блюнчли многие современники-консерваторы оценивали как «чрезмерно мягкую и уступчивую», а представители радикальной партии как «реакционную». Как указывает Н.И. Ламанский «крайние обоих сторон заходили еще дальше, одни принимали его за скрытого революционера, другие за опасного реакционера» [5, с. 8].

В начале XIX века в Швейцарии сложилась относительно благоприятная политико-правовая ситуация. Развивались демократические институты, местное самоуправление, гражданское правосознание конфедерации, университеты, научные направления, в том числе, в юриспруденции. Однако уже в 30-е года XIX века, революционное движение существенно ослабило власть правительства. Эта обстановка в значительной степени усугублялась тем, что Швейцарское правительство откладывало коренные преобразования до тех, пор, пока не становилось слишком поздно. Существенная дифференциация взглядов – от сторонников государства-левиафана до радикальных анархистов и социалистов-революционеров, с одной стороны, способствовало бурному развитию политики, отстаиванию гражданских путем митингов и демонстраций, с другой стороны, разобщало общество и обостряло социальные и политические конфликты, способствовало росту революционных настроений.

И.К. Блюнчли оказал значительное влияние на развитие международного законодательства, теорию права, политологию и теорию государства. Помимо крупных своих работ, он написал также множество монографий, среди которых особенно известны «Древнеазиатские представления о Боге и мире» и «Характер и дух политических партий». Он написал множество статей в различных периодических изданиях, которые представляют значительную ценность: «Размышления о франко-германской войне» [8], «Мнение о выдаче политических преступников от 25 июля 1880 года». Блюнчли был членом-корреспондентом многочисленных ученых обществ, почетным доктором Венского, Московского, Оксфордского университетов. В Дрездене и Гейдельберге он был избран президентом съездов германских юристов [1, с. 2]. По мнению Л.А. Камаровского, «Сочинения Блюнчли относятся к лучшим произведениям ученой политической литературы XIX века» [1, с. 12]. И.К. Блюнчли всю жизнь трудился над работами по теории государства, долгие годы – над кодификацией международного права. Под конец жизни он пришел к осознанию возможности создания особой организации для международного союза. Блюнчли не верил в возможность вечного мира, однако его идеи послужили укреплению мира, предотвращению войн, созданию международных конвенций, деклараций и международных союзов.

Библиографические ссылки

1. Камаровский Л.К. Памяти Блюнчли. М. : Типография А.И. Мамонтова, 1882.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. 2 / сост. С.А. Венгеров. Спб. : Брокгауз-Ефрон, 1890.
3. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1898.
4. Блюнчли И.К. История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время. СПб. : Издательство О.И. Бакста, 1874.
5. Блюнчли И.К. Антропологические очерки учений о праве и государстве. СПб., 1867.
6. Шиллер Ф.П., Лифшиц М.А. Маркс и Энгельс об искусстве. М. : Совлит, 1933.
7. Классики революционной мысли домарксистского периода. В 4 т. Т. 4. М., 1935.
8. Völkerrechtliche Betrachtungen über den deutsch-franzosischen Krieg. Heidelberg : Holtzondorff's Labrbuch, 1871.

References

1. Kamarovskiy L.K. Pamyati Blyunchli (In memoriam of Blyntschli). Moscow, Tipografiya A.I. Mamontova, 1882.
2. Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona (Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron). V 86 t. T. 2, sost. S.A. Vengerov. St. Petersburg, Brokgauz-Yefron, 1890.

3. Chicherin B.N. Filosofiya prava (Philosophy of law). St. Petersburg, 1898.
4. Blyunchli I.K. Istoriya obshchego gosudarstvennogo prava i politiki ot XVI veka po nastoyashcheye vremya (The history of general state law and politics from the 16th century to the present). St. Petersburg, Izdatel'stvo O.I. Baksta, 1874.
5. Blyunchli I.K. Antropologicheskiye ocherki ucheniy o prave i gosudarstvo (Anthropological sketches of the teachings on law and the state). St. Petersburg, 1867.
6. Shiller F.P., Lifshits M.A. Marks i Engel's ob iskusstve (Marx and Engels about art). Moscow, Sovlit, 1933.
7. Klassiki revolyutsionnoy mysli domarksistskogo perioda (Classics of revolutionary thought of the pre-Marxist period). V 4 t. T. 4. Moscow, 1935.
8. Völkerrechtliche Betrachtungen über den deutsch-franzosischen Krieg. Heidelberg, Holtzondorff's Labrbuch, 1871.

Дата поступления: 20.05.2018 *Received: 20.05.2018*

УДК 341

ПРЕСТУПНОСТЬ В ИТАЛИИ: ОСОБЕННОСТИ, ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

ЯМАЛЕТДИНОВА Наталья Владимировна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории государства права Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия.
E-mail: fnv80-80@mail.ru

Италия считается одной из самых привлекательных стран мира. Она по официальному признанию ЮНЕСКО содержит 60% богатств мирового искусства. Тем больше удивления вызывает тот факт, что эта страна не может похвастаться тем, что она преодолела такое негативное явление, как преступность. В Италии можно наблюдать специфические особенности организованной противоправной деятельности, например, ее территориальную «привязку» к тому или иному региону, существование крупных преступных группировок. Тем не менее, в борьбе с преступностью в Италии за последнее время были достигнуты значительные успехи. Правоохранительные структуры этого государства успешно координируют усилия по поиску и поимке опасных преступников. В Италии действует программа по защите свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, позволяющая обеспечить их безопасность. Все это говорит о необходимости изучения опыта деятельности зарубежных правоохранительных органов.

CRIME IN ITALY: FEATURES, FORMS OF MANIFESTATION

YAMALETDINOVA Natalia Vladimirovna
Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Department of History and Theory of State of Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia. E-mail: fnv80-80@mail.ru

Italy is considered one of the most attractive countries in the world. Attractive for tourists, it is officially recognized by UNESCO as containing 60% of the world's art treasures. The more surprising is the fact that this country cannot state that it has overcome such a negative social phenomenon as crime. Moreover, in Italy it is possible to observe very specific features of organized illegal activities, for example, its territorial “linkage” to a particular region, the existence of various large criminal groups. Nevertheless, recently in Italy significant progress has been made in combating crime. The law enforcement structures of this state quite clearly coordinate efforts to find and catch the most dangerous criminals. In this country, for many years now, there has been a program to protect witnesses and other participants in criminal proceedings, which makes it possible to ensure their full security. All this indicates the need to carefully study the experience of the activities of foreign law enforcement agencies, including Italy.

Ключевые слова: сицилийская мафия, неаполитанские «бизнесмены», Коза Ностра, правоохранительные органы, полиция, карабинеры.

Key words: Sicilian mafia, Neapolitan "businessmen", Cosa Nostra, law enforcement agencies, police, carabineers.

Одной из задач государства является создание безопасных условий для жизнедеятельности личности и общества. Исторические традиции в России фиксируют определенный расклад сил в борьбе с организованной и общеуголовной преступностью. Вот уже три столетия основной объем работы в этом направлении возлагается на плечи сотрудников полиции (милиции). Недавно в России торжественно отметили 300-летие создания полиции в нашей стране. Это служит основанием для сотрудников органов внутренних дел не только проанализировать пройденный путь, но и наметить перспективы своей деятельности. А это невозможно сделать без анализа состояния преступности и деятельности правоохранительных органов в других странах. Стало притчей во языцех при упоминании об организованной преступности произносить слово «мафия». В плане рассмотрения заявленной проблематики статьи представляет большой интерес страна, давшая миру этот термин.

Характерной особенностью развития преступности в Италии является существование различных крупных группировок в этой стране. Одним из таких сообществ является Каморра, центром которой является Неаполь. Эта организация фактически перехватила эстафету у сицилийской мафии в деле организации преступного бизнеса. Данному явлению в значительной степени способствовало само итальянское государство в лице его правоохранительных органов, которые с середины 90-х гг. прошлого столетия активно стали наступать на позиции Коза Ностры. Каморра с самого начала взяла курс на поставку и реализацию наркотических средств, в особенности кокаина. Сегодня эта организация является крупнейшим в Европе наркодилером. Как свидетельствуют материалы прессы, в северо-восточной части Неаполя, Секондильяно, существует самый крупный в Европе рынок по продаже наркотиков [1, p. 59]. Подобный синдикат создан как типичная модель крупной корпорации, для которой характерно организация уровня полномочий по нисходящей. Высшее звено представляют старшие менеджеры, которые определяют стратегию и распределяют ресурсы. На втором уровне менеджеры отвечают за покупку и производство продукции. На третьем – лица, отвечающие за координацию усилий по распределению опасной продукции. В самом низу находятся те, кто непосредственно доставляет наркотики покупателям. Таким образом, применяются типичные методы менеджмента по организации цепочки по поставке продукции. Необходимо отметить, что лидеры Каморры заняты поиском наркотического сырья по всему миру (кокаин – из Латинской Америки, героин – из Афганистана, гашиш – из северной Африки). В случае возникновения каких-либо заминок данная группа лиц находит альтернативные источники поставки продукции [1, p. 59].

Исследователи указывают на высокую степень производственной организации в данном сообществе. Члены указанной организации могут сформировать целые группы по производству, в считанные мгновения переменить профиль своей деятельности. Также отмечается способность схватывать на лету идеи и привлекать талантливых людей. В случае если консервативно настроенный менеджер возражает против перехода на новые рынки, как это было характерно для 80-х гг. XX в., когда старые руководители Каморры воспротивились занятию наркобизнесом, то подобный консерватор немедленно заменяется представителем молодого поколения. По приблизительным подсчетам в Каморру входит 115 группировок, каждая из которых включает около 500 человек и многочисленных помощников [1, p. 60]. Паоло ди Лауро, бывший глава одного из самых мощных кланов, представлял собой одного из самых инновационных предпринимателей Италии последних лет. С 2005 г. он содержится в одиночной камере в тюрьме. В этой камере имеются все новейшие средства защиты. Именно ди Лауро организовал наркоторговлю с колумбийскими синдикатами, он также предложил для преступного сообщества своеобразную систему франшизы, при которой дистрибьюторы продукции (франшизы), отвечают за свою территорию и дело больше, чем, как просто наемные ра-

ботники. Это придает им максимум инициативы по привлечению дополнительных сотрудников и, в конечном счете, поставлять больше продукции.

Каморра применяет новые приемы при использовании стандартной технологии менеджмента. В частности они стали изощренными специалистами в области создания командного духа у членов сообщества. Все принимаемые в организацию проходят своеобразную религиозную церемонию. Организация проявляет внимание к родственникам своих бывших сотрудников, «погибших на производстве». Члены группировок по пятницам снабжают деньгами и продуктами семьи, потерявших своих кормильцев. Так возникает корпоративная социальная ответственность. Реальности итальянской действительности таковы, что подобная ответственность приносит, с точки зрения властей, свои негативные результаты.

Так, например, местные жители встают на сторону преступных групп во время полицейских облав, создавая при этом баррикады из живых людей. Представители закона забрасываются мусором, их служебные автомобили поджигаются. На поверхности выходит, что подобная корпоративная социальная ответственность пропитана кровью. Роберто Савиано, автор нашумевшей книги о неаполитанской мафии, приводит подсчеты, согласно которым с 1979 по 2006 гг. преступные группировки повинны за гибель 3600 человек. Они также несут ответственность за экономический ущерб, нанесенный городу, стране. Речь идет о том, что торговля наркотиками, приносящая прибыль преступниками, прежде всего, прерывает человеческие жизни. К тому же, Неаполь, один из красивейших городов Италии, мог бы получать огромный доход за счет туризма, если бы при этом он славился своей дурной репутацией из-за столь высокого уровня преступности [1, p. 60]. С другой стороны сами преступники платят высокую цену за свою деятельность. «Солдаты улиц» довольствуются малым, многие погибают, другие получают тяжелые ранения, либо оказываются за тюремной решеткой. Как показывает практика, жизнь подавляющего большинства из них, заканчивается к 40-50 годам.

Те, кто находится на вершине социальной лестницы, постоянно вынуждены находиться под охраной из-за опасения быть ограбленным со стороны соперников или подвергнуться полицейскому аресту. Многие из них постоянно вынуждены скрываться, проживать в буквальном смысле под крышами домов или в своеобразных бункерах. Уже упоминавшийся ди Лауро, чей бизнес приносил ежегодный доход в 250 млн. долл., не мог позволить себе жить «на широкую ногу». Он практически был затворником, прятался в доме с металлическими жалюзи и запертыми на несколько засовов дверьми. Несколько лет он провел «в бегах». Несмотря на эти обстоятельства, синдикат процветает. Это объясняется тем, что ставки слишком велики, и к тому же для молодых людей ограничен круг выбора возможностей в плане трудоустройства. Только по официальным данным итальянская экономика находится в стадии стагнации более десяти лет. Согласно таблице Всемирного Банка «Возможность заняться бизнесом» Италия занимает 45 – е место, а южная часть страны традиционно считается «особо враждебным регионом» для законного предпринимательства [1, p. 60]. Повседневная жизнь города – одной из жемчужин Италии – нашла свое отражение и на телевизионных экранах. Если раньше за ужином присутствовавшие за столом обсуждали содержание недавно просмотренных серий «Во все тяжкие», «Клан Сопрано», то теперь появился новый предмет для разговоров. В сериале «Гоморра», вышедшем на экраны в 2014 г., показана судьба одного из крупнейших преступных сообществ.

Телевизионный сериал был продан в 50 стран, а первая серия была показана по всему миру, в том числе и в США. Этот сериал выглядит более мрачным по своей сюжетной линии, чем схожие по сюжету фильмы о жизни мафии, идущие во многих странах. По признанию зрителей гангстеры в «Гоморре» выглядят настоящими монстрами, а не столь привлекательными типами вроде Тони Сопрано. Все признают, что картина носит более реалистичный характер. Сценарий большинства серий был написан на основе книги Роберто Савиано, который скрывается после того, как Каморра вынесла ему в 2006 г. смертный приговор. Следует отметить, что съемки сериала в песчаных кварталах Неаполя часто срывались из сцен насилия, которые демонстрировали местные жители.

22 августа 2016 г. руководители трех крупнейших государств еврозоны, Ангела Меркель (Германия), Франсуа Олланд (Франция) и Маттео Ренци (Италия) встретились на острове возле побережья Неаполя, чтобы обсудить проблемы перезапуска европейского экономического проекта. Для достижения подобной цели необходимо облегчить возможности развития для легального бизнеса. В этом смысле совсем не помешало бы талант организации менеджмента, проявленный Каморрой, направить именно в сторону созидания. После смерти в тюремном госпитале «босса всех боссов» итальянской мафии, главаря сицилийской Козы Ностры Тото Рины встал вопрос о том, кто заменит его на этом посту? Ответ на вопрос вряд ли найдется. Знаменитый сицилианский картель является лишь частью преступного сообщества Италии. К тому же, после ареста Рины в 1993 г. позиции итальянской мафии существенно ослабли. Стратегия насилия Рины в свое время привела к убийству двух судей, непримиримых противников организованной преступности, – Джовани Фальконе и Паоло Борселлино. Подобное прямое нападение на государство не могло не привести к тому, что сицилианскому картелю была фактически объявлена война [3]. Картель вынужден был идти на попятную. Он отказал от воинственной стратегии Рино. Его преемник, Матео Мессина Денаро, пребывает в постоянных бегах. Он обвиняется в 4 убийствах, при этом большинство лиц, его знавших, утверждают о том, что он фактически исчез в возрасте 31 года.

В 2016 г. итальянский журнал «L`Espresso» писал: «Сегодня преступные группировки стреляют меньше, чем в 90-е гг. прошлого столетия, но они набирают жизненные силы и, что обращает на себя внимание, занимаются бизнесом больше, чем когда-либо. Человек, проживающий в Ломбардии, также опасается Ндрангеты и Каморры, как и южанин мафии в целом». Таким образом, по признанию итальянских журналистов Ндрангета также представляет собой опасное для общества явление [2]. Это объединение, действующее в соседней с Сицилией Калабрии, постепенно с начала 2000-х годов набирает обороты, и сегодня уверенно заявляет о своей независимости от сицилианской мафии. Ее глобальный оборот составляет ежегодно 53 млрд евро, получаемый в основном за счет наркотраффика. Количество членов организации составляет приблизительно 6000 человек. Отдельные источники приводят цифру в 60 тыс. членов организации. Упоминается также тот факт, что 400 вооруженных группировок этой организации действуют в 30 странах мира. Прибыль этой организации равна доходам компании «McDonald’s» или Deutsche Bank, составляя при этом 3,5% валового национального продукта Италии [3]. В столице страны особо чувствовалось соперничество различных группировок и представителей крайне правых политических сил. При этом преступные сообщества старались непременно оставить свой след в Вечном городе. Относительно недавно средства массовой информации сообщили о том, что властями была приостановлена деятельность несколько десятков ресторанов и кафе в районе Колизея на основании предъявленного обвинения в том, что они фактически занимались отмыванием средств боссов Каморры. На последних выборах местных органов власти в Остии, пригороде Рима, расположенном на морском побережье, победу одержало популистское Движение Пяти Звезд. Успех этого движения во многом был обеспечен благодаря тому обстоятельству, что местные жители устали от засилья криминальных структур, представители которых практически решали все вопросы местного самоуправления. Масла в огонь добавил поступок брата лидера преступной группировки, фактически управлявшей Остией. Во время интервью последний в ответ на один из вопросов журналиста набросился на представителя прессы и сломал ему нос. Эпизод был заснят на видеокамеру и попал во все новостные передачи. Это вызвало повсеместную реакцию возмущения в стране [3].

В провинции Пуглия местная мафия известна под названием Sacra Corona Unita. Это самый молодой синдикат основан в 1981 г. Состоит примерно из 50 кланов, охватывающих приблизительно 2 тыс. членов. Они занимаются контрабандой сигарет, оружия, наркотиков, незаконным ввозом людей. В августе 2017 г. они привлекли к себе внимание всей Италии, устроив кровавое побоище, когда один из боевиков убил местного босса, его свояка и двух невинных свидетелей, случайно оказавшихся на месте преступления. Подобный шаг даже в преступной среде вызвал однозначное осуждение. В провинции Фоггия также наблюдается

оживление деятельности преступных группировок. По этому поводу Национальный Директорат по борьбе с Мафией отмечал в своем ежегодном отчете за 2016 г.: «составляющие поддержки и в какой-то мере солидарности с подобными организациями и невозможность проникнуть в их структуры проистекают из общей гражданского контекста данного региона. Данный контекст характеризуется культурной отсталостью, массовым молчанием и распространенным повсеместно беззаконием. Кажется, что в современных условиях невозможно, чтобы преступления мафии, действующей в целом с учетом времени и понимания реалий, проистекали из подобного контекста. Результатом такого смертельного союза между пониманием современности и дальнозоркостью при рассмотрении целей, при наличии архаических ценностей, является повсеместный контроль над территорией, полученный и консолидированный в результате кровавой традиции. Население не проявляет готовности сотрудничать с властями, и отсутствуют люди, готовые сотрудничать с правосудием» [3]. Гораздо в меньшей степени в Италии известен синдикат, действующий в провинции Гарнаго. Эта группировка имеет широкие международные связи, она опирается на молчаливую поддержку некоторых групп населения. Она также сочетает жестокость и архаические традиции со способностью активно внедряться в современную экономику. Группировка в известном смысле также эксплуатирует тот фактор, что о ней мало знают власти, правоохранительные органы.

В борьбе с преступностью за последнее время были достигнуты значительные успехи. Как уже отмечалось, нанесен существенный удар по позициям Козы Ностры. Правоохранительные структуры достаточно четко координируют усилия по поиску и поимке наиболее опасных преступников. Действует много лет программа по защите свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, позволяющей обеспечить их полную безопасность. Следует отметить, что высокую степень эффективности деятельность итальянских «защитников правопорядка» отметили даже представители страны, которая традиционно с долей высокомерия относилась к достижениям жителей страны на Апеннинах. Речь идет об американцах. Так в своем ежегодном отчете посольство США отметило высокую степень организации, эффективность действий и слаженность действий полиции и жандармерии [4]. В тексте отчета приводятся характеристика наиболее типичных правонарушений преступников, при первом прочтении о которых складывается впечатление, что это происходило не на улицах Рима и других итальянских городов, а в нашей стране. Это обстоятельство неизбежно приводит к признанию очевидного факта: в условиях, когда для преступности в большинстве случаев характерно совершение однотипных деяний, следует внимательно изучать опыт деятельности зарубежных правоохранительных органов, в том числе и Италии.

Библиографические ссылки. References

1. Schumpeter. Mafia management**.** The crime families of Naples are remarkably good at business. The Economist, Aug 27th, 2016.
2. URL: htpp: //espresso.republica.it/plus/articoli/2016/05/05/news/cosi-le-mafia-si-mangiano-il-nord-1.263991 (дата обращения: 20.08.2018) (accessed date: 20.08.2018).
3. Euronews / Italy/ Mapping the mafia: Italy's web of criminal gangs explained/ By Lillo Montalto Monella/last updated: 22/11/2017 (дата обращения: 17.08.2018) (accessed date: 17.08.2018).
4. URL: http://italy.usembassy.gov/ Italy 2017 Crime & Safety Report: Rome 2/15/2017 (дата обращения: 16.08.2018) (accessed date: 16.08.2018).

Дата поступления: 20.05.2018 *Received: 20.05.2018*

К АВТОРАМ

Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом «ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА «Правовое государство: теория и практика» ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

▪ Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niippg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5” в формате *.rtf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.

▪ Объем публикации – до 0.5 п.л. (20 000 знаков, включая пробелы). В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.

▪ Шрифт основного текста работы – 11, шрифт Times New Roman через 1,0 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).

▪ На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках) не должен превышать 0,5 п.л. (около 20 000 знаков с пробелами). Рукопись подписывается автором на последней странице.

▪ Внутритекстовые текстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [3, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.

▪ Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.

▪ Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

▪ Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.

▪ В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.

▪ К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.

▪ Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.

▪ Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г. «Роскомнадзор»
Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niippg@mail.ru;
сайт: http://pravgos.ru

Адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, 131, каб. 319.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы»
(Роспечать): 81192

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2018

Подписан в печать 13.09.2018 г. Вышел в свет 20.09.2018 г.
Бумага писчая. Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 20.69 Уч. изд. л. 22.45. Тираж 500. Заказ 31.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.